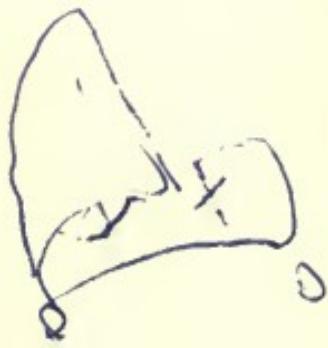
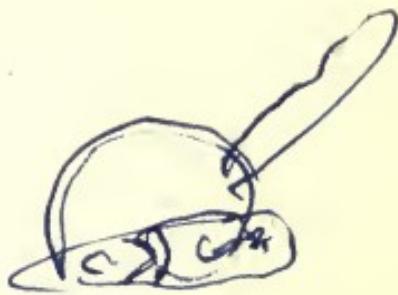
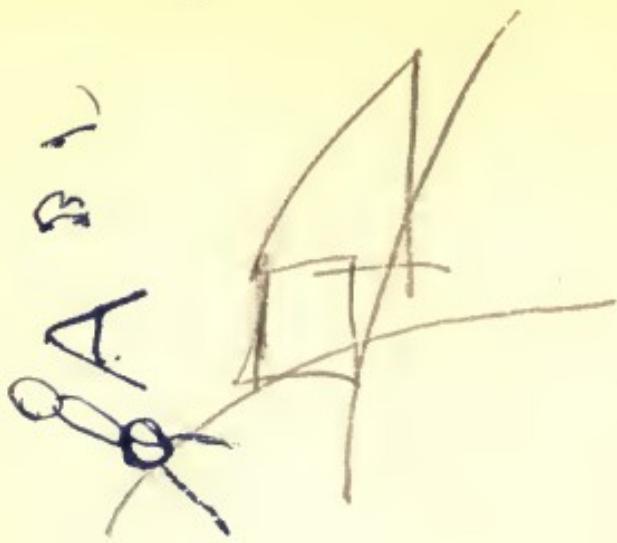
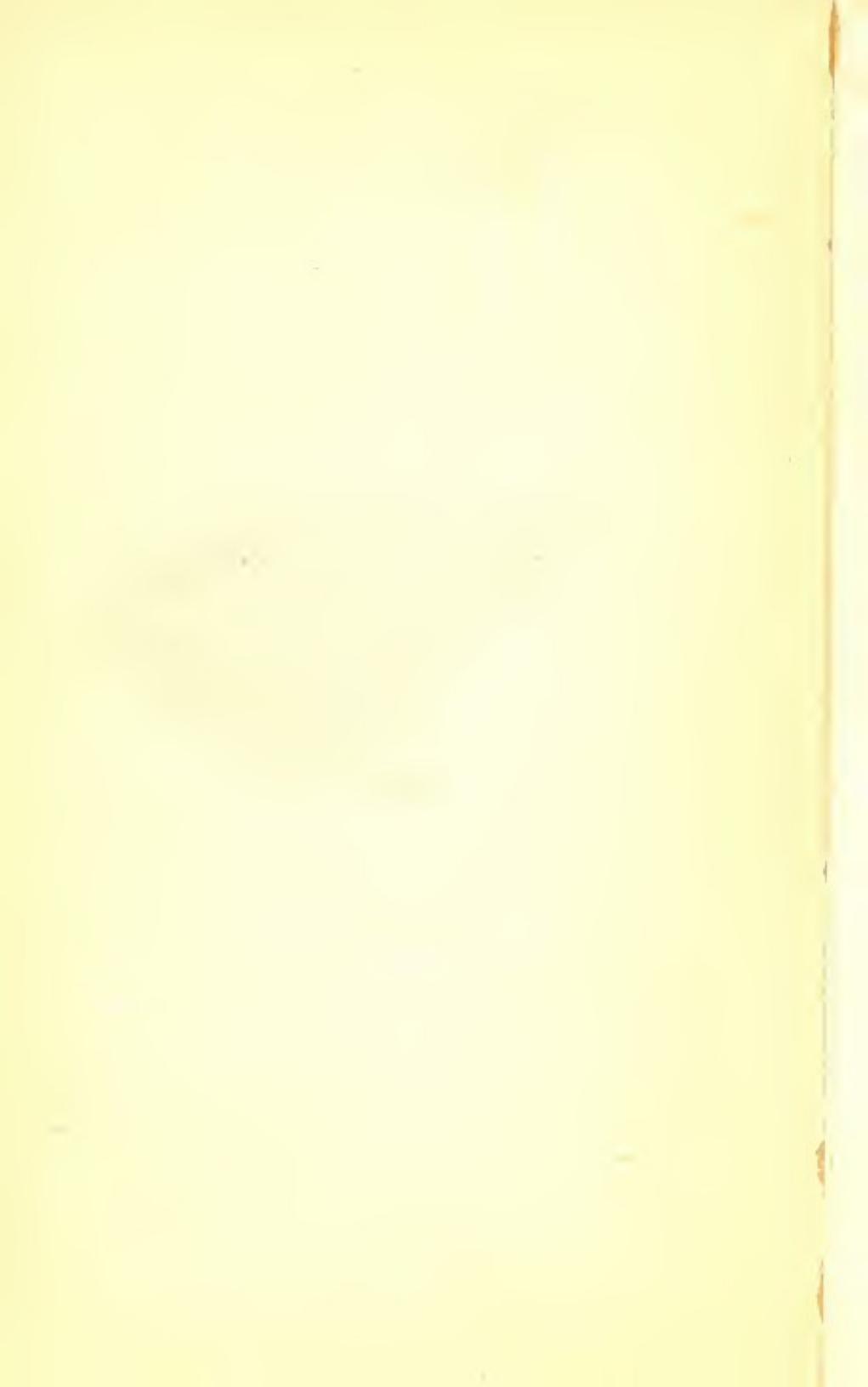

Конан Дойль

FC

Артур Конан Дойль

Собрание
сочинений
в восьми
томах

Том 3

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА 1966

Собрание сочинений выходит
под общей редакцией
М. Урикова.

ГЛАВА I

МИСТЕР ШЕРЛОК ХОЛМС

Мистер Шерлок Холмс сидел за столом и завтракал. Обычно он вставал довольно поздно, если не считать тех нередких случаев, когда ему вовсе не приходилось ложиться. Я стоял на коврике у камина и вертел в руках палку, забытую нашим вчерашним посетителем, хорошую толстую палку с набалдашником — из тех, что имеюются «веским доказательством». Чуть ниже набалдашника была прибита серебряная пластиника шириной около дюйма. На пластинке было начертано: «Джеймсу Мортимеру, Ч. К. Х. О., от его друзей по ЧКЛ» и дата: «1884». В прежние времена с такими палками — солидными, увесистыми, надежными — ходили почтенные домашние врачи.

— Ну-с, Уотсон, какого вы мнения о ией?

Холмс сидел спиной ко мне, и я думал, что мои манипуляции остаются для него незамеченными.

— Откуда вы знаете, чем я занят? Можно подумать, что у вас глаза на затылке!

— Чего нет, того нет, зато передо мной стоит начищенный до блеска серебряный кофейник,— ответил он.— А в самом деле, Уотсон, что вы скажете о палке нашего посетителя? Мы с вами прозевали его и не знаем, зачем он приходил. И раз уж нам так не повезло, придется обратить особое внимание на этот случайный сувенир. Обследуйте палку и попробуйте воссоздать по ней ее владельца, а я вас послушаю.

— По-моему,— начал я, стараясь по мере сил следовать методу моего приятеля,— этот доктор Мортимер — преуспевающий медик средних лет, к тому же всеми уважаемый, поскольку друзья наделяют его такими знаками внимания.

— Хорошо! — сказал Холмс.— Превосходно!

— Кроме того, я склонен думать, что он сельский врач, а следовательно, ему приходится делать большие концы пешком.

— А это почему?

— Потому что его палка, в прошлом весьма недурная, так сбита, что я не представляю себе ее в руках городского врача. Толстый железный наконечник совсем стерся — видимо, доктор Мортимер исходил с ней немало миль.

— Весьма здравое рассуждение,— сказал Холмс.

— Опять же надпись: «От друзей по ЧКЛ». Я полагаю, что буквы «КЛ» означают «клуб», вернее всего, охотничий, членам которого он оказывал медицинскую помощь, за что ему и преподнесли этот небольшой подарок.

— Уотсон, вы превзошли самого себя! — сказал Холмс, откидываясь на спинку стула и закуривая сигарету.— Я не могу не отметить, что, опиная со свойственной вам любезностью мои скромные заслуги, вы обычно преуменьшаете свои собственные возможности. Если от вас самого не исходит яркое сияние, то вы, во всяком случае, являетесь проводником света. Мало ли таких людей, которые, не блестя талантом, все же обладают неожиданной способностью зажигать его в других! Я у вас в неоплатном долгу, друг мой.

Я впервые услышал от Холмса такое признание, и должен сказать, что его слова доставили мне огромное удовольствие, ибо равнодушие этого человека к моему восхищению им и ко всем моим попыткам предать гласности метод его работы не раз ущемляло мое самолюбие. Кроме того, я был горд тем, что мне удалось не только овладеть методом Холмса, но и применить его на деле и заслужить этим похвалу моего друга.

Холмс взял палку у меня из рук и несколько минут разглядывал ее невооруженным глазом. Потом, явно заинтересовавшись чем-то, отложил сигарету в сторону, по-

дошел к окну и снова стал осматривать палку, но уже через увеличительное стекло.

— Не бог весть что, но все же любопытно,— сказал он, возвращаясь на свое излюбленное место в углу дивана.— Кое-какие данные здесь, безусловно, есть, и они послужат нам основой для некоторых умозаключений.

— Неужели от меня что-нибудь ускользнуло? — спросил я не без чувства самодовольства.— Надеюсь, я ничего серьезного не упустил?

— Увы, дорогой мой Уотсон, большая часть ваших выводов ошибочна. Когда я сказал, что вы служите для меня хорошим стимулом, это, откровенно говоря, следовало понимать так: ваши промахи иногда помогают мне выйти на правильный путь. Но сейчас вы не так уж заблуждаетесь. Этот человек, безусловно, практикует не в городе, и ему приходится совершать большие концы пешком.

— Значит, я был прав.

— В этом отношении — да.

— Но ведь это все?

— Нет, нет, дорогой мой Уотсон, не все, далеко не все. Так, например, я бы сказал, что подобное подиошение врача скорее всего может получить от какой-нибудь лечебницы, а не от охотничьего клуба, а когда перед лечебницей стоят буквы «ЧК», название «Чаринг-Кросская» напрашивается само собой.

— Возможно, что вы правы.

— Все наводит на такое толкование. И если мы примем мою догадку за рабочую гипотезу, то у нас будут дополнительные данные для воссоздания личности нашего ненавистного посетителя.

— Хорошо. Предположим, что буквы «ЧКЛ» означают «Чаринг-Кросская лечебница». Какие же дальнейшие заключения можно отсюда вывести?

— А вам ничего не приходит в голову? Вы же знакомы с моим методом. Попробуйте применить его.

— Вывод очевиден: прежде чем уехать в деревню, этот человек практиковал в Лондоне.

— А что, если мы пойдем немного дальше? Посмотрите на это вот под каким углом зрения: почему ему был сделан подарок? Когда его друзья сочли нужным преподнести ему сообща эту палку в знак своего расположения?

ження? Очевидно, в то время, когда доктор Мортимер ушел из лечебницы, решив заняться частной практикой. Ему поднесли подарок, это нам известно. Предполагается, что работу в лечебнице он сменил на сельскую практику. Будут ли наши выводы слишком смелыми, если мы скажем, что подарок был сделан именно в связи с его уходом?

— Это весьма вероятно.

— Теперь отметьте, что он не мог состоять в штате консультантов лечебницы, ибо это доступно только врачу с солидной лондонской практикой, а такой врач вряд ли уехал бы из города. Тогда кем же он был? Если он работал там, не будучи штатным консультантом, значит, ему отводилась скромная роль куратора, живущего при лечебнице, то есть немногим большая, чем роль практиканта. И он ушел оттуда пять лет назад — смотрите дату на палке. Таким образом, дорогой мой Уотсон, ваш солидный пожилой домашний врач испарился, а вместо него перед нами вырос весьма симпатичный человек лет тридцати, нечестолюбивый, рассеянный и нежно любящий свою собаку, которая, как я приблизительно прикидываю, больше терьера, но меньше мастифа.

Я недоверчиво рассмеялся, а Шерлок Холмс откинулся на спинку дивана и пустил в потолок маленькие, плавно колеблющиеся в воздухе кольца дыма.

— Что касается последнего пункта, то тут вас никак не проверишь, — сказал я, — но кое-какие сведения о возрасте этого человека и его карьере мы сейчас отыщем.

Я снял со своей маленькой книжной полки медицинский справочник и нашел нужную фамилию. Там оказалось несколько Мортимеров, но я сразу же отыскал нашего посетителя и прочел вслух все, что к нему относилось:

— «Мортимер Джеймс, с 1882 года член Королевского хирургического общества. Гримпен, Дартмур, графство Девоншир. С 1882 по 1884 год — куратор Чаринг-Кроссской лечебницы. Удостоен премии Джексона по разделу сравнительной патологии за работу «Не следует ли считать болезни явлением атавистического порядка?». Член-корреспондент Шведского патологического общества. Автор статей «Аномальные явления атавизма»

(«Ланцет», 1882), «Прогрессируем ли мы?» («Вестник психологии», март, 1883). Сельский врач приходов Гринпен, Торсли и Хай-Бэрроу».

— Ни слова об охотниччьем клубе, Уотсон,— с лукавой улыбкой сказал Холмс,— зато действительно сельский врач, как вы тонко подметили. Моя умозаключения правильны. Что же касается прилагательных, то, если не ошибаюсь, я употребил следующие: симпатичный, нечестолюбивый и рассеянный. Уж это я знаю по опыту: только симпатичные люди получают прощальные подарки, только самые нечестолюбивые меняют лондонскую практику на сельскую и только рассеянные способны оставить свою палку вместо визитной карточки, простояв больше часа в вашей гостиной.

— А собака?

— Была приучена носить поясок за хозяином. Эта палка не из легких, собака брала ее посередине и крепко сжимала зубами, следы которых видны совершенно четко. Судя по расстоянию между отметинами, для терьера такие челюсти слишком широки, а для мастифа узки. Возможно, что... боже мой! Ну, конечно, кокер-спаниель!

Говоря это, Холмс сначала расхаживал по комнате, потом остановился у оконной ниши. В его последних словах прозвучало такое твердое убеждение, что я недоумением взглянул на него.

— Послушайте, друг мой, почему вы в этом уверены?

— По той простой причине, что я вижу собаку у наших дверей, а вот и звонок ее хозяина. Не уходите, Уотсон, прошу вас. Вы же с ним коллеги, и ваше присутствие поможет мне. Вот она, роковая минута, Уотсон! Вы слышите шаги на лестнице, эти шаги врываются в вашу жизнь, но что они несут с собой — добро или зло, — неизвестно. Что понадобилось человеку науки, доктору Джеймсу Мортимеру, от сыщика Шерлока Холмса?.. Войдите.

Наружность нашего гостя удивила меня, ибо я рассчитывал увидеть типичного сельского врача. Доктор Мортимер оказался очень высоким, худым человеком с длинным носом, торчащим, словно клюв, между серыми, близко посаженными глазами, которые ярко поблескивали за золотой оправой очков. Одет он был, как и подоба-

ет человеку его профессии, но несколько неряшливо: сильно поиошений пиджак, обтрепанные брюки. Он уже сутулился, несмотря на молодые годы, и странно вытягивал шею, благожелательно приглядываясь к нам. Войдя в комнату, наш гость тотчас же увидел палку в руках Холмса и с радостным возгласом потянулся за ней.

— Какое счастье! А я никак не мог вспомнить, где я ее оставил, здесь или в пароходной компании. Потерять такую вещь! Это было бы просто ужасно!

— Подарок? — спросил Холмс.

— Да, сэр.

— От Чаринг-Кроссской лечебницы?

— Да, от тамоших друзей ко дню моей свадьбы.

— Ай-ай, как это скверно! — сказал Холмс, покачивая головой.

Доктор Мортимер изумлению заморгал глазами.

— А что же тут скверного?

— Только то, что вы нарушили ход наших умозаключений. Значит, подарок был свадебный.

— Да, сэр. Я женился и оставил лечебницу, а вместе с ней и все надежды на должность консультанта. Надо было обзаводиться собственным домом.

— Ну, вот видите, мы не так уж сильно ошиблись, — сказал Холмс. — А теперь, доктор Джеймс Мортимер...

— Что вы, что вы! У меня нет докторской степени, я всего лишь скромный член Королевского хирургического общества.

— И, по-видимому, человек научного склада ума?

— Я имею только некоторое отношение к науке, мистер Холмс; так сказать, собираю раковины на берегу необъятного океана познания. Если не ошибаюсь, я имею честь говорить с мистером Шерлоком Холмсом, а не с...

— Нет, доктор Уотсон вот, перед вами.

— Очень рад познакомиться, сэр. Ваше имя часто упоминается рядом с именем вашего друга. Вы меня чрезвычайно интересуете, мистер Холмс. Я никак не ожидал, что у вас такой удлиненный череп и так сильно развиты надбровные дуги. Разрешите мне прощупать ваш темениной шов. Слепок с вашего черепа, сэр, мог бы служить украшением любого антропологического музея

до тех пор, пока не удастся получить самый оригинал.
Не считите это за лесть, но я просто завидую такому
черепу.

Шерлок Холмс усадил нашего странного гостя в
кресло.

— Мы с вами, по-видимому, оба энтузиасты своего
дела, сэр,— сказал он.— Судя по вашему указательно-
му пальцу, вы предпочитаете крученые папиросы. Не
стесняйтесь, закуривайте.

Доктор Мортимер вынул из кармана табак и бумагу и с поразительной ловкостью свернул папирису. Его
длинные, чуть дрожащие пальцы двигались проворно и
беспокойно, как щупальца у насекомого.

Холмс сидел молча, но быстрые, мимолетные взгля-
ды, которые он бросал на нашего занятного собеседника,
ясно говорили о том, что этот человек сильно интересует
его.

— Я полагаю, сэр,— начал он наконец,— что вы ока-
зали мне честь своим вчерашним и сегодняшним посеще-
нием не только ради обследования моего черепа?

— Нет, сэр, конечно, нет! Правда, я счастлив, что
мне представилась такая возможность, но меня привело к
вам совсем не это, мистер Холмс. Я человек отнюдь не
практической складки, а между тем передо мной внезап-
но всталася одна чрезвычайно серьезная и чрезвычайно
странныя задача. Считая вас вторым по величине европ-
ейским экспертом...

— Вот как, сэр! Разрешите полюбопытствовать, кто
имеет честь быть первым? — довольно резким тоном
спросил Холмс.

— Господин Бертильон пользуется большим автори-
тетом у людей с научным складом мышления.

— Тогда почему бы вам не обратиться к нему?

— Я говорил, сэр, о «научном складе мышления»,
но как практик вы не знаете себе равных — это признано
всеми. Надеюсь, сэр, что я не позволил себе излишней...

— Так, самую малость,— ответил Холмс.— Однако,
доктор Мортимер, я думаю, что вы поступите совершен-
но правильно, если сейчас же, без дальнейших отступле-
ний, расскажете мне, в чем состоит дело, для разреше-
ния которого вам требуется моя помощь.

ГЛАВА II

ПРОКЛЯТИЕ РОДА БАСКЕРВИЛЕЙ

— У меня в кармане лежит одна рукопись,— сказал доктор Джеймс Мортимер.

— Я заметил это, как только вы вошли,— сказал Холмс.

— Рукопись очень древияя.

— Начало восемнадцатого века, если только не подделка.

— Откуда вам это известно, сэр?

— Разговаривая со мной, вы все время показываете мне краешек этой рукописи дюйма в два шириной. Плох же тот эксперт, который не сможет установить дату документа с точностью до одного-двух десятилетий. Вам, может быть, приходилось читать мой небольшой труд по этому вопросу? Я датирую вашу рукопись тысяча семьсот тридцатым годом.

— Точная дата — тысяча семьсот сорок второй.— Доктор Мортимер вынул рукопись из бокового кармана пиджака.— Эта фамильная реликвия была отдана мне на сохранение сэром Чарльзом Баскервилем, внезапная и трагическая смерть которого так взволновала весь Девоншир три месяца назад. Я считал себя не только врачом сэра Чарльза, но и его личным другом. Это был человек влиятельный, умный, весьма практический и отнюдь не фантазер, как ваш покорный слуга. И все же он относился к этому документу очень серьезно и был подготовлен к тому концу, который и уготовила ему судьба.

Холмс протянул руку, взял рукопись и расправил ее на коленях.

— Уотсон, присмотритесь к написанию буквы «д». Это одна из тех особенностей, которые помогли мне установить дату документа.

Я взглянул через его плечо на пожелтевшие листы с полуустертыми строками. Вверху страницы было написано: «Баскервиль-холл», а ниже стояли крупные, размашистые цифры: «1742».

— Это, по-видимому, какая-то запись.

— Да, запись одного предания, которое живет в роду Баскервилей.

— Но, насколько я понял, вы пришли посоветоваться со мной по вопросу более практическому и более близкому к нам по времени.

— Да, животрепещуще близкому! Он не терпит отлагательств, его надо решить в течение суток. Рукопись совсем короткая, и она имеет непосредственное отношение к делу. С вашего позволения, я прочту ее вам.

Откинувшись на спинку кресла, Холмс сомкнул кончики пальцев и с видом полной покорности судьбе закрыл глаза. Доктор Мортимер повернулся к свету и высоким скрипучим голосом начал читать нам следующую любопытную повесть древних времен:

— «Много есть свидетельств о собаке Баскервилей, но, будучи прямым потомком Хьюго Баскервиля и будучи наслышан о сей собаке от отца своего, а он — от моего деда, я положил себе записать сию историю, ие сомневаясь в подлинности ее. И я хочу, дети мои, чтобы вы уверовали, что высший судия, наказующий нас за прегрешения наши, волеи и отпустить их нам с присущим ему милосердием, и что нет столь тяжкого проклятия, коего нельзя было бы искупить молитвой и покаянием. Так предайте же забвению страшные плоды прошлого, ио остегайтесь грешить в будущем, дабы снова всем нам на погибель не даровать свободу темным страстям, причинившим столько зла всему нашему роду.

Знайте же, что во времена Великого Восстания (историю его, написанную лордом Кларендоном, мужем большой учености, я всячески советую вам прочесть) владетелем поместья Баскервиль был Хьюго, того же рода, и этого Хьюго можно со всей справедливостью назвать человеком необузданым, нечестивым и безбожным. Соседи простили бы ему все его прегрешения, ибо святые никогда не водились в наших местах, ио в натуре Хьюго была наклонность к безрассудным и жестоким шуткам, что и сделало имя его притчей во языцах во всем Девоне. Случилось так, что этот Хьюго полюбил (если только можно назвать его темную страсть столь чистым нименем) дочь одного фермера, земли коего лежали поблизости от поместья Баскервилей. Но юная девица, известная своей скромностью и добродетелью, страшилась одиго его имени и всячески его избегала. И вот однажды, а было это в Михайлов день, Хьюго Баскервиль

отобрал из своих товарищей шестерых самых отчаянных и беспутных, прокрался к Ферме и, зная, что отец и братья девицы находятся в отлучке, увез ее. Вернувшись в Баскервиль-холл, он спрятал свою пленницу в одном из верхних покоев, а сам, по своему обычаю, стал пирить с товарищами. Несчастная чуть ли не лишилась ума, слыша пение, крики и страшную брань, доносившиеся снизу, ибо, по свидетельству тех, кто знал Хьюго Баскервиля, он был столь несдержан на язык во хмелью, что, казалось, подобные богохульные слова могут испепелить человека, осквернившего ими уста свои. Под конец страх довел девицу до того, что она отважилась на поступок, от коего отказался бы и самый ловкий и смелый мужчина, а именно: выбралась на карниз, спустилась на землю по плющу, что оплетал (и по сию пору оплетает) южную стену замка, и побежала через болото в отчий дом, отстоявший от баскервильского поместья на три мили.

По прошествии некоторого времени Хьюго оставил гостей с намерением отнести своей пленнице еду и питье, а может статься, в мыслях у него было и нечто худшее, но увидел, что клетка опустела и птичка вылетела на волю. И тогда его обуял дьявол, ибо, сбежав вниз по лестнице в пиршественный зал, он вскочил на стол, разметал фляги и блюда и поклялся во всеуслышание отдать тело свое и душу силам зла, лишь бы настигнуть беглянку. И пока сотрапезники его стояли, пораженные бушевавшей в нем яростью, один из них, самый бессердечный или самый хмельной, крикнул, что надо пустить собак по следу. Услышав такие слова, Хьюго выбежал из замка, приказал конюхам оседлать его вороную колыбу и спустить собак и, дав им понюхать косынку, оброненную девицей, поскакал следом за громко лающей своей по залитому лунным светом болоту.

Сотрапезники его некоторое время стояли молча, не уразумев сразу, из-за чего поднялась такая суматоха. Но вот до их отуманенного винными парами рассудка дошло, какое черное дело будет содеяно на просторах торфяных болот. Тут все закричали: кто требовал коня, кто пистолет, кто флягу вина. Потом, несколько одумавшись, они всей оравой, числом в тринадцать человек, вскочили на коней и присоединились к погоне. Луна сияла ярко,

преследователи скакали все в ряд по тому пути, каким, по их расчетам, должна была бежать девица, если она имела намерение добраться до отчего дома.

Проехав милю или две, они повстречали пастуха со стадом и спросили его, не видал ли он погоню. А тот, как рассказывают, сначала не мог вымолвить ни слова от страха, но потом все же признался, что видел несчастную девицу и что по следам ее искались собаки. «Но я видел и нечто другое,— присовокупил он.— Хьюго Баскервиль проскакал мимо меня на своей вороной кобыле, а за ним молча гналась собака, и не дай мне боже увидеть когда-нибудь такое исчадие ада у себя за спиной!»

Пьяные сквайры обругали пастуха и поскакали дальше. Но вскоре мороз пробежал у них по коже, ибо они услышали топот копыт, и вслед за тем вороная кобыла, вся в пне, пронеслась мимо них без всадника и с брошенными поводьями. Беспутные гуляки сбились в кучу, обуянные страхом, потом двинулись дальше, хотя каждый из них, будь он здесь один, без товарищей, с радостью повернулся бы своего коня вспять. Они медленно продвигались вперед и наконец увидели собак. Вся свора, издавна славившаяся чистотой породы и свирепостью, жалобно визжала, теснясь у спуска в глубокий овраг, некоторые собаки, крадучись, отбегали в сторону, а другие, ощетинившись и сверкая глазами, порывались пролезть в узкую расселину, что открывалась перед ними.

Всадники остановились, как можно догадаться, гораздо более трезвые, чем они были, пускаясь в путь. Большинство из них не решалось сделать вперед ни шагу, но трое самых смелых или же самых хмельных направили коней в глубь оврага. И там взорам их открылась широкая лужайка, а на ней — два больших каменных столба, поставленных здесь еще с незапамятных времен. Такие столбы попадаются на болотах и по сию пору. Луна ярко освещала лужайку, посреди которой лежала несчастная девица, склонившаяся от страха и потери сил. Но не при виде ее бездыханного тела и не при виде лежащего рядом тела Хьюго Баскервеля почувствовали трое бесшабашных гуляк, как волосы зашевелились у них на голове. Нет! Над Хьюго стояло мерзкое чудовище — огромный, черной масти зверь, сходный видом с собакой, но выше и крупнее всех собак, каких когда-либо приходи-

лось видеть смертному. И это чудовище у них на глазах перервало глотку Хьюго Баскервилю и, повернув к ним свою окровавленную морду, сверкнуло горящими глазами. Тогда они вскрикнули, обуянные страхом, и, не переставая кричать, помчались во весь опор по болотам. Один из них, как говорят, умер в ту же ночь, не перенеся того, чему пришлось быть свидетелем, а двое других до конца дней своих не могли оправиться от столь тяжкого потрясения.

Таково, деть мон, предание о собаке, причинившей с тех самых пор столько бед нашему роду. И если я решил записать его, то лишь в надежде на то, что знаемое меньше терзает нас ужасом, чем недомолвки и домыслы.

Есть ли нужда отрицать, что многие в нашем роду умирали смертью внезапной, страшной и загадочной? Так пусть же не оставит нас пророчество своей нензреченной милостью, ибо оно не станет поражать невинных, рожденных после третьего и четвертого колена, кому грозит отмщение, как сказано в библии. И сему пророчеству препоручаю я вас, дети мон, и заклинаю: остерегайтесь выходить на болото в ночное время, когда силы зла властвуют безраздельно.

(Написано рукой Хьюго Баскервиля для сыновей Роджера и Джона, и приказываю им держать все сие втайне от сестры их, Элизабет)».

Прочитав это странное повествование, доктор Мортимер сдвинул очки на лоб и уставился на мистера Шерлока Холмса. Тот зевнул и бросил окурок в камни.

— Ну и что же? — сказал он.

— По-вашему, это ненинтересно?

— Интересно — для любителей сказок.

Доктор Мортимер вынул из кармана сложенную вчетверо газету.

— Хорошо, мистер Холмс. Теперь мы познакомим вас с более современным материалом. Вот номер «Девонширской хроники» от четырнадцатого июня этого года. В нем помещен короткий отчет о фактах, установленных в связи со смертью сэра Чарльза Баскервиля, постигшей его за несколько дней до этой даты.

Мой друг чуть подался вперед, и взгляд у него стал сразу внимательный. Поправив очки, доктор Мортимер начал:

— «Скоропостижная смерть сэра Чарльза Баскервилля, возможного кандидата от партии либералов на предстоящих выборах, произвела очень тяжелое впечатление на весь Средний Девоншир. Хотя сэр Чарльз сравнительно недавно обосновался в Баскервиль-холле, своим радушным и щедростью он успел снискать себе любовь и уважение всех, кому приходилось иметь с ним дело. В наши дни владычества нуворишей приятно зиать, что потомок древнего рода, знававшего лучшие времена, смог собственными руками нажить себе состояние и обратить его на восстановление былого величия своего имени. Как известно, сэр Чарльз совершил весьма прибыльные операции в Южной Африке. В противоположность многим другим людям, которые не остаиваются до тех пор, пока колесо фортуны не повернется против них, он, со свойственной ему трезвостью ума, реализовал свои доходы и вернулся в Англию с солидным капиталом. В Баскервиль-холле сэр Чарльз поселился всего лишь два года назад, но слухи о различных усовершенствованиях и планах перестройки поместья, прерванных его смертью, успели распространиться повсюду. Будучи бездетным, он не раз выражал намерение еще при жизни облагодетельствовать своих земляков, и у многих из здешних жителей есть личный повод оплакивать его безвременную кончину. О щедрых пожертвованиях сэра Чарльза на нужды благотворительности как в местном масштабе, так и в масштабе всего графства неоднократно упоминалось на страницах нашей газеты.

Нельзя сказать, чтобы дознанию удалось полностью выяснить обстоятельства смерти сэра Чарльза Баскервилля, хотя оно все же положило конец слухам, рожденным местными суеверными умами. У нас нет никаких оснований подозревать, что смерть последовала не от естественных причин. Сэр Чарльз был вдовец и, если можно так выразиться, человек со страностями. Несмотря на свое большое состояние, он жил очень скромно, и весь штат домашней прислуги в Баскервиль-холле состоял из супружеской четы Бэрриморов. Муж исполнял обязанности лакея, жена — экономки. В своих показа-

ниях, совпадающих с показаниями близких друзей покойного, Бэрриморы отмечают, что здоровье сэра Чарльза за последнее время заметно ухудшилось. По их словам, он страдал болезнью сердца, о чём свидетельствовали то и дело появляющаяся у него одышка, бледность и подавленное состояние духа. Доктор Джеймс Мортимер, близкий друг и домашний врач покойного, подтвердил это в своих показаниях.

С фактической стороны все обстояло весьма просто. Сэр Чарльз Баскервиль имел обыкновение гулять перед сном по знаменитой тисовой аллее Баскервиль-холла. Чета Бэрриморов показывает, что он никогда не изменял этой привычке. Четвертого июня сэр Чарльз объявил о своем намерении уехать на следующий день в Лондон и приказал Бэрримору приготовить ему вещи к отъезду, а вечером, как обычно, отправился на прогулку, во время которой он всегда выкуривал сигару. Домой сэр Чарльз больше не вернулся. В полночь, увидев, что парадная дверь все еще открыта, Бэрримор встревожился, зажег фонарь и отправился на поиски своего хозяина. В тот день было сыро, и следы сэра Чарльза ясно виднелись в аллее. Посередине этой аллеи есть калитка, которая ведет на торфяные болота. Судя по некоторым данным, сэр Чарльз стоял около нее несколько минут, потом пошел дальше... и в самом конце аллеи был обнаружен его труп.

Тут остается невыясненным одно обстоятельство. Бэрримор показывает, что как только сэр Чарльз отошел от калитки, характер его следов изменился — по-видимому, дальше он ступал на цыпочках. В то время по болоту, недалеко от аллеи, проходил цыган-барышник, некий Мерфи. Он слышал крики, но не мог определить, в какой стороне они раздавались, так как, по собственному признанию, был сильно пьян. Никаких следов насилья на теле сэра Чарльза не обнаружено. Правда, медицинская экспертиза отмечает изменившееся до неузнаваемости лицо покойного — доктор Мортимер даже отказался сначала верить, что перед ним лежит его друг и пациент, но подобное явление нередко сопровождает смерть от удушья и упадка сердечной деятельности. Это подтвердилось в результате вскрытия, которое дало полную картину застарелого органического порока сердца. Основы-

ваясь на данных медицинской экспертизы, присяжные на дознании вынесли вердикт — скоропостижная смерть, что значительно облегчает положение дел, так как желательно, чтобы наследник сэра Чарльза поселился в Баскервиль-холле и продолжал прекрасные начинания своего предшественника, прерванные таким трагическим концом. Если б прозаически точные выводы присяжных не положили конец романтическим домыслам в связи со смертью сэра Чарльза, которые передавались по всему графству из уст в уста, то Баскервиль-холлу трудно было бы найти хозяина. Как говорят, ближайшим родственником сэра Чарльза является мистер Генри Баскервиль (если он жив), сын среднего брата покойного. По последним имеющимся у нас сведениям, этот молодой человек находится в Америке. Сейчас приняты меры к тому, чтобы разыскать его и сообщить о полученном им большом наследстве».

Доктор Мортимер сложил газету и сунул ее в карман.

— Вот все, что сообщалось о смерти сэра Чарльза Баскервеля, мистер Холмс.

— Вы ознакомили меня с делом, которое, безусловно, не лишено некоторого интереса, и я вам очень признателен за это,— сказал Шерлок Холмс.— В свое время мне приходилось читать о нем в газетах, но тогда я был так занят историей с ватиканскими камеями и так старался усердить папе, что прозевал несколько любопытных дел в Англии. Значит, это все, что сообщалось о смерти сэра Чарльза?

— Да.

— Тогда ознакомьте меня с теми фактами, которые не попали в печать.— Он откинулся на спинку кресла, сомкнув кончики пальцев, и принял вид строгого и беспристрастного судьи.

— Мне еще ни с кем не приходилось говорить об этом,— начал доктор Мортимер, явно волнуясь.— Я о многом умолчал во время дознания по той простой причине, что человеку науки неудобно поддерживать слухи, рожденные суеверием. И я считаю, что газета права: усугублять и без того мрачную репутацию Баскервиль-холла — значит обрекать его на прозябание без хозяина. Руководствуясь этими соображениями, я предпочел кое

о чём умолчать, потому что излишняя откровенность все равно не принесла бы пользы. Но с вами я могу говорить напрямик.

Торфяные болота — место довольно безлюдное, поэтому более или менее близкие соседи стараются почаще встречаться друг с другом. Что касается меня, то я проводил довольно много времени в обществе сэра Чарльза Баскервилля. Если не считать мистера Френкленда из Лефтер-холла да еще натуралиста мистера Стэплтона, в иных местах на протяжении многих миль не встретишь ни одного образованного человека. Сэр Чарльз любил уединение, но его болезнь сблизила нас, а общие интересы еще больше укрепили эту близость. Он привез весьма ценные материалы из Южной Африки, и мы с ним провели много приятных вечеров, обсуждая сравнительную анатомию бушменов и готтентотов.

Последнее время мне с каждым месяцем становилось все яснее, что первы сэра Чарльза напряжены до предела. Он верил в легенду, которую я вам прочитал, и, гуляя по своим владениям, не решался выходить на болота ночью. Вам это покажется нелепостью, мистер Холмс, но сэр Чарльз был твердо убежден, что над его родом тяготеет страшное проклятие, и, действительно, примеры, которые он приводил из прошлого своей семьи, были неутешительны. Ему не давала покоя навязчивая идея о каком-то призрачном существе, и он то и дело спрашивал меня, не видал ли я чего-либо странного, когда ходил с визитами по больным, и не слышал ли собачьего лая. Последний вопрос сэр Чарльз задавал мне особенно часто, и его голос дрожал при этом от волнения.

Помню, как сейчас, недели за три до трагического события я подъехал вечером к Баскервиль-холлу. Сэр Чарльз стоял в дверях дома. Я вылез из шарабана и, подойдя к нему, вдруг заметил, что он смотрит куда-то через мое плечо с выражением предельного ужаса в глазах. Я круто обернулся и успел только мельком увидеть в самом конце аллеи какое-то животное вроде большого черного теленка. Сэр Чарльз был в таком волнении и страхе, что мне пришлось пойти туда, где оно промелькнуло, и посмотреть, куда оно делось. Но там ничего не было.

Это происшествие произвело очень тяжелое впечатление на моего друга. Я провел с ним весь тот вечер, и вот

тогда-то, решив объяснить мне причину своей тревоги, он и попросил меня взять на сохранение эту рукопись, с которой я счел нужным ознакомить вас прежде всего. Я упомянул об этом маловажном случае только потому, что он приобрел некоторое значение в последующей трагедии, но в то время все это показалось мне чистейшим вадором, никак не оправдывающим волнение моего друга.

Сэр Чарльз, по моему совету, собирался в Лондон. Сердце у него было не в порядке, а страх, не дававший ему ни минуты покоя, явно сказывался на его здоровье, хотя причины этого страха были, на мой взгляд, просто вымысленные. Я рассчитывал, что несколько месяцев городской жизни подействуют на сэра Чарльза освежающие и он вернется назад новым человеком. Того же мнения был мистер Стаплтон, который проявлял всегда большую заботу о здоровье нашего общего друга. И вот в самую последнюю минуту разразилось это страшное несчастье.

Лакей Бэрримор, нашедший ночью тело сэра Чарльза, немедленно послал ко мне верхом конюха Перкинса. Я поздно заснулся за работой и поэтому поспел в Баскервиль-холл быстро, самое большое через час. Все факты, о которых упоминалось во время дознания, были мною проверены и сопоставлены один с другим. Я прошел по следам сэра Чарльза всю тысовую аллею, осмотрел то место у калитки, где он, по-видимому, остановился, обратил внимание на изменившийся характер его следов, убедился, что, кроме них, на мягком гравии видны только следы Бэрримора, и, наконец, тщательно обследовал тело, к которому до моего приезда никто не прикасался. Сэр Чарльз лежал ничком, раскинув руки, вцепившись пальцами в землю, и судорога так исказила его лицо, что я не сразу мог опознать труп. Физических повреждений на нем не оказалось. Но Бэрримор дал ошибочные показания. По его словам, на земле около тела не было видно никаких следов. Он просто не заметил их, а я заметил. На небольшом расстоянии от сэра Чарльза виднелись совершенно свежие и четкие...

— Следы?
— Следы.

— Мужские или женские?

Доктор Мортимер как-то странно посмотрел на нас и ответил почти шепотом:

— Мистер Холмс, это были отпечатки лап огромной собаки!

ГЛАВА III

ЗАДАЧА

Признаюсь, что при этих словах мороз пробежал у меня по коже. Судя по тому, как дрожал голос у доктора, он сам был глубоко взволнован своим рассказом. Холмс подался всем телом вперед, и в глазах у него вспыхнули сухие, колючие искорки — верный признак проснувшегося интереса.

— Вы сами их видели?

— Точно так же, как вижу вас.

— И ничего об этом не сказали!

— А зачем?

— Неужели, кроме вас, их никто не видел?

— Они были шагах в тридцати от тела, и на них, вероятно, просто не обратили внимания. Я бы сам ничего не заметил, если б не вспомнил легенду.

— На болотах, должно быть, много овчарок?

— Разумеется. Но это была не овчарка.

— Вы говорите, что следы очень большие?

— Огромные.

— Но к телу сэра Чарльза они не приближались?

— Нет.

— Какая тогда стояла погода?

— Сырая, холодная.

— Но дождя не было?

— Нет.

— А что представляет собой эта аллея?

— По бокам высокая живая изгородь из тесно сросшихся старых тисов. Посередине — дорожка футов восемнадцати в ширину.

— А между кустарником и дорожкой есть что-нибудь?

— Да, по обе стороны идет полоска дерна около шести футов в ширину.

— Если я правильно вас понял, в аллее есть калитка?

— Да, и эта калитка ведет на болота.

— А других выходов туда нет?

— Нет.

— Следовательно, в тисовую аллею можно попасть или прямо из дома, или через калитку, которая ведет на болота?

— Есть еще один выход — через беседку в дальнем конце.

— Сэр Чарльз дошел туда?

— Нет, он лежал шагах в пятидесяти от нее.

— Теперь, доктор Мортимер, будьте добры ответить мне на один очень важный вопрос: замеченные вами следы были не на траве, а на дорожке?

— На траве следов обычно не видно.

— Они были на той же стороне дорожки, где калитка?

— Да, на самом краю, ближе к калитке.

— Чрезвычайно интересно! Еще один вопрос: калитка была закрыта?

— Не только закрыта, но и заперта на висячий замок.

— Какой она вышины?

— Фута четыре.

— Значит, через нее можно перелезть?

— Да.

— А около самой калитки было что-нибудь обнаружено?

— Нет, ничего особенного.

— Боже мой! Неужели там не посмотрели?

— Нет, я сам смотрел.

— И ничего не нашли?

— Там трудно было что-нибудь разобрать. Сэр Чарльз, по-видимому,остоял у калитки минут пятьдесят.

— Почему вы так думаете?

— Потому что пепел дважды упал с его сигары.

— Превосходно! Вот такой помощник нам и нужен! Правда, Уотсон? Ну, а следы?

— Гравий был испещрен его следами. Других я не заметил.

Шерлок Холмс нетерпеливо ударил себя ладонью по колену.

— Ах, если бы я сам там был! — воскликнул он. — Это, по-видимому, чрезвычайно интересное дело. Какие богатые возможности для серьезного научного расследования! Гравий — это такая странница, на которой я мог бы столько всего прочесть! А теперь она размыта дождем, затоптана башмаками любопытных фермеров... Ах, доктор Мортимер, доктор Мортимер! Почему же вы меня сразу не позвали? Какой грех на вашей совести!

— Я не мог обратиться к вам, мистер Холмс: ведь тогда мне пришлось бы предать гласности все эти факты, а я уже объяснил, что меня удерживало от такого шага. Кроме того, кроме того...

— Что же вы колеблетесь?

— Есть некая область, где бессилен самый проницательный и самый опытный сыщик.

— Вы намекаете, что мы имеем дело со сверхъестественностью силой?

— Я этого не говорю.

— Не «говорю», но «думаю»?

— С тех пор как произошло это несчастье, мистер Холмс, мне рассказали несколько случаев, которые трудно связать с естественным ходом вещей.

— Например?

— Я выяснил, что кое-кто из местных жителей еще до трагической смерти сэра Чарльза видел на болотах некое странное существо, в точности соответствующее описаниям баскервильского демона и не похожее ни на какое другое животное, известное науке. Все видевшие его утверждали в один голос: это страшный светящийся призрак непомерной величины. Я опросил этих людей. Их было трое: наш сосед, человек весьма трезвых взглядов на вещи, здешний кузнец и одни фермер. Все они рассказывают о чудовищном привидении, почти слово в слово повторяя описание того пса, о котором говорится в легенде. Верьте мне, мистер Холмс, во всей нашей округе царит ужас, выходить на болото ночью никто не рта вождяется, разве только самые отчаянные смельчаки.

— И вы, человек науки, верите, что это явление сверхъестественное?

— Я сам не знаю, чему верить.

Холмс пожал плечами.

— До сих пор моя сыскная деятельность протекала в пределах этого мира,— сказал он.— Я борюсь со злом по мере своих скромных сил и возможностей, но восстать против самого прародителя зла будет, пожалуй, чересчур самонадеянно с моей стороны. Однако вы не станете отрицать, что следы на гравии — вещь весьма реальная?

— Собаке, о которой говорится в предании, нельзя отказать в реальности, если она смогла загрызть человека. И все же в ней было что-то демоническое.

— Я вижу, вы окончательно перешли на сторону мистиков, доктор Мортимер. Тогда скажите мне вот что. Если вы стали на такую точку зрения, зачем вам понадобился я? Вы говорите мне, что расследовать обстоятельства смерти сэра Чарльза бесполезно, и в то же время просите меня взяться за это.

— Я ни о чем таком вас не просил.

— Тогда чем же я могу помочь вам?

— Советом. Скажите мне, как я должен поступить с сэром Генри Баскервилем, который приедет на вокзал Ватерлоо,— доктор Мортимер посмотрел на часы,— ровно через час с четвертью.

— Это и есть наследник?

— Да. После смерти сэра Чарльза мы навели о нем справки и выяснили, что он ведет хозяйство у себя на ферме, в Канаде. Судя по отзывам, это прекрасный, достойнейший молодой человек. Я сейчас говорю не как врач, а как доверенное лицо и душеприказчик сэра Чарльза.

— Других претендентов на наследство нет?

— Нет. Единственный другой родственник, о котором нам удалось кое-что узнать,— это Роджер Баскервиль, младший брат несчастного сэра Чарльза. Всех братьев было трое. Средний, умерший в молодых годах,— отец этого Генри. Младший, Роджер, считался в семье паршивой овцой. Он унаследовал баскервилевскую despoticность и был как две капли воды похож на фамильный портрет того самого Хьюго Баскервеля. В Англии Роджер не ужился и был вынужден скрыться в Центральную Америку, где и умер в 1876 году от желтой лихорадки. Генри — последний отпрыск рода Баскервилей.

Через час пять минут я должен буду встретить его на вокзале Ватерлоо. Он известил меня телеграммой, что сегодня утром приезжает в Саутгемптона. Так вот, мистер Холмс, посоветуйте, как мне с ним быть?

— А почему бы ему не уехать сразу в свое родовое поместье?

— Да, такое решение напрашивается само собой. Но вспомните, что все Баскервили, которые жили там, кончали трагически. Я уверен, будь у сэра Чарльза возможность поговорить со мной перед смертью, он запретил бы мне привозить последнего отпрыска древнего рода в это страшное место. И в то же время нельзя отрицать, что благоденствие всей нашей унылой, нищей округи зависит от того, согласится сэр Генри жить в своем поместье или нет. Если Баскервиль-холл будет пустовать, все начинания сэра Чарльза пойдут прахом. Я боюсь, как бы моя личная заинтересованность в наших местных делах не взяла надо мной верх, и поэтому обращаюсь за советом к вам.

Холмс задумался.

— В двух словах дело обстоит так,— сказал он наконец.— Вы считаете, что некая злая сила делает Дартмур небезопасным для Баскервилей. Правильно я вас понял?

— Во всяком случае, некоторые данные для таких опасений имеются.

— Так. Но если ваша теория о сверхъестественных силах правильна, то они могут погубить этого молодого человека не только в Девоншире, но и в Лондоне. Трудно представить себе дьявола с такой узко местной властью. Ведь это не какой-нибудь член приходского управления.

— Если бы вам пришлось столкнуться со всем этим самому, мистер Холмс, вы бы не стали так шутить. Знаете, по-вашему, молодому человеку безразлично, где быть — в Лондоне или Девоншире? Он приезжает через пятьдесят минут. Посоветуйте, что мне делать?

— Советую вам, сэр, позвать кэб, взять с собой своего спаниеля, который скребется у входной двери, и ехать на вокзал встречать сэра Генри Баскервилля.

— А потом?

— Потом вы будете ждать, пока я обдумаю дальнейший план действий, а до тех пор ничего ему не говорите.

— Сколько вам потребуется времени на это?

— Одни сутки. Я буду весьма вам обязан, доктор Мортимер, если вы явитесь сюда завтра в десять часов утра и приведете с собой сэра Генри Баскервиля. Мне нужно познакомиться с ним.

— Хорошо, мистер Холмс.

Он записал дату и час свидания на манжете и, так же рассеянно озираясь по сторонам, быстро вышел из комнаты.

Холмс окликнул его с площадки:

— Еще один вопрос, доктор Мортимер. Вы говорите, что привидение являлось на болотах и раньше?

— Да, об этом рассказывают трое.

— А после смерти сэра Чарльза ничего такого не было?

— Не знаю. Не слышал.

— Благодарю вас. Всего хорошего.

Холмс сел на свое место в углу дивана и улыбнулся той спокойной, удовлетворенной улыбкой, которая всегда появлялась у него на лице, когда перед ним вставала достойная его задача.

— Уходите, Уотсон?

— Да, если я ничем не могу вам помочь.

— Нет, друг мой. Я обращаюсь к вам за помощью, когда надо приступить к действию. Но какое великолепное дело! Во многих отношениях просто из ряда вои выходящее. Когда будете проходить мимо Бредли, заверните к нему и попросите прислать мне фунт самого крепкого табака. Благодарю заранее. Постарайтесь не возвращаться до вечера. А тогда я с радостью обменяюсь с вами впечатлениями по поводу чрезвычайно интересной задачи, которую нам задали сегодня утром.

Уединение и покой были необходимы моему другу в часы напряженной умственной работы, когда он взвешивал все мельчайшие подробности дела, строил одну за другой несколько гипотез, сравнивал их между собой и решал, какие сведения существенны и какими можно преиебречь. Поэтому я провел весь день в клубе и вернулся на Бейкер-стрит только к вечеру, около девятнадцати часов.

Я отворил дверь в гостиную и перепугался — уж не пожар ли у нас? — ибо в комнате стоял такой дым, что

сквозь него еле брезжил огонь лампы. Но мон опасения были напрасны: мне ударило в нос едким запахом крепчайшего дешевого табака, отчего у меня немедленно за-першило в горле. Сквозь дымовую завесу я еле разглядел Холмса, удобно устроившегося в кресле. Он был в халате и держал в зубах свою темную глиняную трубку. Вокруг него лежали какие-то бумажные рулоны.

— Простудились, Уотсон? — спросил он.

— Нет, просто дух захватило от этих ядовитых фи- мнамов.

— Да, вы, кажется, правы: здесь немного накурено.

— Какое там «немного»! Дышать нечем!!

— Тогда отворите окно. Я вижу, вы просидели весь день в клубе?

— Холмс, дорогой мой!

— Правильно?

— Разумеется, правильно, но как вы...

Он засмеялся, глядя на мою растерянную физиономию.

— Ваше простодушие, Уотсон, понстине восхитительно! Если б вы знали, как мне приятно проверять на вас свои скромные силы! Джентльмен уходит из дома в мерзкую, дождливую погоду. Вечером он возвращается чистенький, без единого пятнышка. Цилиндр и ботинки на нем сверкают по-прежнему. Следовательно, он где-то сидел сиднем весь день. Близких друзей у него нет. Где же он был? Разве это не очевидно?

— Да, совершенно очевидно.

— Мир полон таких очевидностей, но их никто не замечает. Как вы думаете, где был я?

— Тоже весь день просидели сиднем?

— Вот и нет, я успел побывать в Девоншире.

— Мысленно?

— Совершенно верно. Мое тело оставалось здесь, в кресле, и, как это ни грустно, успело выпить за день два больших кофейника и выкурить невероятное количество табака. Как только вы ушли, я послал к Стэнфорду за картой дартмурских болот, и мой дух блуждал по ним весь день. Льшу себя надеждой, что теперь я освоился с этими местами как следует.

— Карта крупного масштаба?

— Да, очень крупного.— Он развернул одни сектор

этой карты и положил его на колени.— Вот тот самый участок, который нас интересует. В середине стоит Баскервиль-холл.

— Окруженный лесом?

— Совершенно верно. Тисовая аллея здесь не обозначена, но я полагаю, что она идет справа, параллельно болотам. Вот эта маленькая группа строений — та самая деревушка Гримпей, где находится штаб-квартира нашего друга, доктора Мортимера. Как видите, на пять миль в окружности жилье встречается очень редко. Вот это Лефтер-холл, о котором упоминал доктор. Здесь, по-видимому, стоит дом натуралиста Стэплтона, если я правильно запомнил его фамилию. Вот это — две фермы: «Каменные столбы» и «Гнилое болото». В четырнадцати милях от них — приистауская каторжная тюрьма. А между этими отдельными точками и вокруг них расстилаются унылые, лишенные признаков жизни болота. Вот вам сцена, на которой разыгралась эта трагедия, и, может быть, разыграется еще раз с нашей помощью.

— Да, места дикие.

— Сцена обставлена как нельзя лучше. Если дьявол действительно захотел вмешаться в людские дела...

— Значит, вы тоже склонны видеть во всем этом нечто сверхъестественное?

— А разве пособники дьявола не могут быть облечены в плоть и кровь? Для начала нам придется решить два вопроса. Первый: было ли здесь совершено преступление? Второй: в чем заключается это преступление и как оно было совершено? Разумеется, если доктор Мортимер прав в своих догадках и мы имеем здесь дело с силями, которые находятся вне законов природы, тогда нам придется сложить оружие. Но прежде чем успокаиваться на этом, надо проверить до конца все другие гипотезы. Давайте-ка закроем окно, если вы не возражаете. Как это ни странно, но, по-моему, концепция табачного дыма способствует концепции мысли. Я еще не дошел до того, чтобы забираться в ящик во время своих размышлений, но логический вывод из моей теории имено таков. Ну как, вы успели подумать над этим делом?

— Оно не выходило у меня из головы весь день.

— И к чему вы пришли?

— Запутанная история.

— Да, история весьма своеобразная. Особенно в некоторых деталях. Например, изменившийся характер следов. Как вы это объясняете?

— Мортимер говорил, будто бы сэр Чарльз прошел эту часть аллеи на цыпочках.

— Он только повторил слова какого-то идиота, сказанные во время дознания. Зачем этому человеку может понадобиться идти по аллее на цыпочках!

— Тогда в чем же тут дело?

— Он бежал, Уотсон. Спасался, бежал со всех ног. Так бежал, что сердце у него не выдержало и он на всем бегу упал мертвым.

— Спасался? Но от кого?

— В том-то вся и загвоздка. Судя по некоторым данным, Чарльз Баскервиль потерял голову от страха, прежде чем обратиться в бегство.

— Почему вы так думаете?

— То, что его напугало, двигалось к нему с болот. Если я не ошибаюсь — а, по-видимому, все так и было, как я предполагаю, — то бежать не к дому, а от дома мог только обезумевший человек. Цыган показал на дознании, что сэр Чарльз призывал на помощь, но бежал он в том направлении, где меньше всего можно было на нее рассчитывать. Потом еще одна загадка: кого он поджидал в тот вечер и почему свидание должно было состояться в тисовой аллее, а не в доме?

— Вы думаете, что он ждал кого-то?

— Посудите сами: больной пожилой человек отправился вечером на прогулку — ничего удивительного в этом нет. Но ведь в тот день было сыро, холодно. Зачем же ему понадобилось попусту стоять у калитки пять, а то и десять минут, как утверждает доктор Мортимер, обративший внимание на сигарный пепел? Между прочим, как это ни странно, но ему нельзя отказать в наблюдательности.

— Сэр Чарльз совершал такие прогулки каждый вечер.

— И каждый вечер останавливался у калитки? Вряд ли. Наоборот, есть сведения, что сэр Чарльз старался держаться подальше от болот. А в ту ночь он кого-то ждал там. И это было накануне его предполагаемого отъезда в Лондон. Видите, Уотсон, как все скла-

дывается — звено к звену! А теперь будьте любезны дать мне скрипку, и мы отложим всякое попечение об этом деле в надежде на то, что завтрашний визит доктора Мортимера и сэра Генри Баскервиля даст нам новую пищу для размышлений.

ГЛАВА IV

СЭР ГЕНРИ БАСКЕРВИЛЬ

Мы позавтракали рано, и Холмс, облаченный в халат, приготовился к приему посетителей. Наши клиенты не опоздали ни на секунду — как только часы пробили десять, доктор Мортимер вошел в кабинет в сопровождении молодого баронета. Последнему было лет тридцать. Небольшого роста, коренастый, крепкий, он производил впечатление очень живого, здорового человека. Выражение его лица показалось мне упрямым; карие глаза смело смотрели на нас из-под густых темных бровей. Коричневый костюм спортивного покроя и смуглая обветренная кожа свидетельствовали о том, что этот человек отнюдь не домосед и не белоручка, и в то же время спокойная, уверенная осанка выдавала в нем истого джентльмена.

— Сэр Генри Баскервиль,— представил его нам доктор Мортимер.

— Да, он самый,— сказал баронет.— И любопытнее всего то, мистер Холмс, что если б мой друг не предложил мне посетить вас, я пришел бы к вам по собственному почину. Вы, говорят, умеете отгадывать разные ребусы, а я как раз сегодня утром столкнулся с таким, который мне не по силам.

— Присаживайтесь, сэр Генри. Если я правильно вас понял, то по прензде в Лондон с вами произошло нечто не совсем обычное?

— Я не придаю этому особого значения, мистер Холмс. По-видимому, надо мной кто-то подшутнил. Но сегодня утром я получила вот это письмо, если только оно заслуживает подобного наименования.

Он положил на стол конверт, и мы стали разглядывать его. Конверт оказался самым обыкновенным, из серой бумаги. Адрес — «Отель «Нортумберленд», сэру

Геири Баскервилю» — был написан крупными печатными буквами; на почтовом штемпеле стояло: «Чаринг-Кросс» — и время отправления — вечер предыдущего дня.

— Кто-нибудь знал, что вы остановитесь в отеле «Нортумберленд»? — спросил Холмс, бросив пытливый взгляд на нашего гостя.

— Никто не знал. Я решил, где остановиться, только после встречи с доктором Мортимером.

— Но доктор Мортимер, очевидно, сам там остановился?

— Нет, я живу у знакомых, — сказал доктор. — Никто не мог знать, что мы поедем именно в этот отель.

— Гм! Значит, вашими передвижениями кто-то очень интересуется.

Холмс вынул из конверта сложенный вчетверо лист бумаги, развернул его и положил на стол. Посередине страницы стояла одна-единственная фраза, составленная из под克莱енных одно к другому печатных слов. Она гласила следующее: «Если рассудок и жизнь дороги вам, держитесь подальше от торфяных болот». Слова «торфяных болот» были написаны от руки, чернилами.

— Так вот, мистер Холмс, — сказал сэр Геири Баскервиль, — может быть, вы разъясните мне, что все это значит и кто проявляет такой интерес к моим делам?

— А что скажете вы, доктор Мортимер? На сей раз тут как будто нет ничего сверхъестественного?

— Да, сэр, но, может быть, письмо послано человеком, который убежден в том, что вся эта история совершило сверхъестественное.

— Какая история? — резко спросил сэр Геири. — Вы, джентльмены, по-видимому, осведомлены о моих делах гораздо лучше, чем я сам?

— Мы посвятим вас во все, сэр Геири. Без этого вы не уйдете отсюда, поверьте моему слову, — сказал Шерлок Холмс. — А сейчас давайте займемся этим весьма любопытным документом, который был составлен и опущен в почтовый ящик вчера вечером. Уотсон, есть у нас вчерашний «Таймс»?

— Вон там, в углу.

— Могу я вас побеспокоить? Дайте, пожалуйста, ту страницу, где передовая статья. — Он быстро пробежал ее глазами. — «Свобода торговли»... Прекрасная передо-

вица! Разрешите мне прочитать вслух один абзац: «Если кто-нибудь будет стараться винить вас, что та отрасль промышленности, в которой вы лично заинтересованы, находится под защитой протекционных тарифов, держитесь подальше от таких людей, ибо рассудок должен вам подсказать, что подобная система в конце концов подорвет наш импорт и нарушит нормальную жизнь нашего острова, интересы которого дороги всем нам». Что вы об этом скажете, Уотсон? — воскликнул Холмс, радостно потирая руки.— Блестящая мысль, не правда ли?

Доктор Мортимер посмотрел на Холмса, как смотрят в заботливые врачи на тяжелобольных пациентов, а сэр Генри Баскервиль обратил ко мне недоумевающий взгляд своих карих глаз.

— Я не очень-то разбираюсь в таких вопросах, как тарифная политика,— сказал он,— но мне кажется, что мы несколько отклонились от нашей темы.

— Напротив! Мы идем по горячим следам, сэр Генри. Уотсон знаком с моим методом лучше вас, но боюсь, что смысл прочитанного отрывка ускользнул даже от него.

— Да, признаюсь, я не вижу никакой связи между ним и письмом.

— А связь, дорогой мой Уотсон, настолько тесная, что, по сути дела, одно состряпано из другого. «Если», «вам», «держитесь подальше от», «рассудок», «жизнь», «дороги». Неужели вы не догадываетесь, откуда взяты эти слова?

— Ах, черт возьми! Конечно, вы правы. Какая блестящая догадка! — воскликнул сэр Генри.

— Если вы все еще сомневаетесь, то взгляните на слова «держитесь подальше от» — они вырезаны подряд.

— Ну-ка... Да, действительно!

— Знаете, мистер Холмс, я даже не представлял себе, что такие вещи возможны! — сказал доктор Мортимер, с изумлением глядя на моего друга.— Догадаться, что слова вырезаны из газетного текста, это еще туда-сюда. Но безошибочно назвать газету, и мало того — указать статью, из которой они взяты, это превосходит всякое воображение! Как вы догадались?

— Я полагаю, доктор, что вы можете отличить череп негра от черепа эскимоса?

— Разумеется, могу.

— Каким образом?

— Но ведь это мой конек! Разница между тем и другим совершенно очевидна. Надбровные дуги, лицевой угол, строение челюсти...

— А у меня тоже есть свой конек. На мой взгляд, разница между боргесом на шпонах, которым набираются передовицы «Таймса», и слепым шрифтом дешевеньких вечерних листков не менее очевидна, чем разница между вашими неграми и эскимосами. Знание шрифтов — одно из самых элементарных требований к сыщику, хотя должен признаться, что в дни своей юности я однажды спутал «Линского Меркурия» с «Утренними известиями». Но передовицу «Таймса» ни с чем не спутаешь, и эти слова могли быть вырезаны только оттуда. А поскольку письмо было отправлено вчера, все говорило за то, что нам следовало прежде всего заглянуть во вчерашний номер.

— Значит, мистер Холмс,— сказал сэр Генри Баскервиль,— кто-то составил это письмо, вырезав ножницами...

— Маниакальным ножницами,— перебил его Холмс.— Вы обратили внимание, какие у них короткие концы? Для того, чтобы вырезать слова «держитесь по дальше от», пришлось сделать два надреза.

— Совершенно верно. Кто-то вырезал эти слова ножницами с короткими концами и наклеил их...

— Гуммиарабиком,— подсказал Холмс.

— ...и наклеил их гуммиарабиком на бумагу. Но почему же тогда слова «торфяных болот» написаны от руки?

— Потому что автор письма не нашел их в газете. Все остальные слова довольно обычные, их можно встретить в любом тексте, а эти попадаются сравнительно редко.

— Весьма правдоподобное объяснение. А что еще вам удалось здесь вычитать, мистер Холмс?

— Кое-что удалось, хотя автор прилагал все старания к тому, чтобы уничтожить малейшую уликну. Как

вы сами можете убедиться, адрес написан крупными печатными буквами. Но такая газета, как «Таймс», редко попадает в руки простых людей. Следовательно, отсюда можно заключить, что письмо было составлено образованным человеком, который старался выдать себя за необразованного и нарочно изменил почерк, по-видимому, опасаясь, как бы вы не узнали его, если не сейчас, то потом. Кроме того, обратите внимание, что слова наклеены неровно, некоторые из них выступают над строчкой. Например, слово «жизнь» сидит совсем не на месте. Это указывает на небрежность автора письма, а может быть, и на волнение или спешку. Я, пожалуй, склонен думать, что всему виной именно волнение и спешка, ибо вряд ли этот человек проявила бы небрежность в таком, по-видимому, серьезном деле. Если же он действительно торопился, то интересно знать, почему. Ведь письмо, опущенное вчера, так или иначе должно было застать сэра Генри в отеле. Может быть, автор его боялся какой-то помехи? Но с чьей стороны?

— Мы, кажется, вступили в область догадок, — заметил доктор Мортимер.

— Скажите лучше, в область, где взвешиваются все возможности, с тем чтобы выбрать из них наиболее правдоподобную. Таково научное использование силы воображения, которое всегда работает у специалистов на твердой материальной основе. Вы, разумеется, назовете это чистой догадкой, но я почти уверен, что адрес писался в какой-то гостинице.

— Почему вы так думаете?

— Осмотрите конверт повнимательнее, и вы увидите, что писавшему не повезло с письменными принадлежностями. Перо дважды запнулось на одном слове, и его пришлось трижды обмакнуть в чернильницу, чтобы написать такой короткий адрес. Значит, чернил было мало, на самом деле. Собственное перо и чернильницу редко доводят до такого состояния; а чтобы и то и другое отказывалось служить — это уж исключительный случай. Но, как вы знаете, в гостиницах других перьев и других чернильниц почти не бывает. Да, я, почти не колеблясь, скажу, что если б нам удалось обследовать все корзинки для бумаг во всех гостиницах поблизости от Чаринг-Кросса и обнаружить там остатки изрезанной передо-

вицы «Таймса», мы сразу нашли бы автора этого странного послания... Стойте! Стойте! Что это?

Он стал внимательно вглядываться в страницу, на которой были наклеены слова, держа ее на расстоянии одного-двух дюймов от глаз.

— Ну что?

— Нет, ничего,— сказал Холмс и положил письмо на стол.— Бумага совершенно гладкая, даже без водяных знаков. Нет, мы выжали из этого любопытного письма все, что было можно. А теперь, сэр Геири, расскажите, не случилось ли с вами чего-либо из ряда воин выходящего с тех пор, как вы приехали в Лондон.

— Да нет, мистер Холмс, как будто ничего такого не случилось.

— Никто вас не подкарауливал, не выслеживал?

— Я, кажется, угодил в какой-то детективный роман,— сказал наш гость.— Кому может взбрести в голову устанавливать за мной слежку?

— Дайте срок, мы поговорим и об этом. А пока подумайте: неужели вам не о чем рассказать нам?

— Смотря по тому, что вы считаете достойным вашего внимания.

— Все, что так или иначе выходит за рамки обычного уклада жизни.

Сэр Геири улыбнулся.

— Почти все мое детство и юность прошли в Соединенных Штатах и в Канаде, поэтому английский уклад жизни мне еще в новинку. Но вряд ли у вас считается в порядке вещей, когда у человека вдруг пропадает один башмак.

— Вы потеряли один башмак?

— Друг мой,— воскликнул доктор Мортимер,— да ваш башмак просто куда-нибудь засунули! Он найдется. Стоит ли беспокоить мистера Холмса из-за таких пустяков!

— Но ведь он спрашивает, не случилось ли со мной чего-нибудь необычного.

— Совершенно верно,— сказал Холмс.— Меня интересует каждая мелочь, как бы она ни была нелепа. Знаете, у вас пропал башмак?

— Да, но, может быть, его действительно куда-нибудь засунули. Вчера вечером я выставил башмаки

за дверь, а утром там оказался только один. От коридорного мие так и не удалось добиться вразумительного ответа. Обиднее всего, что я купил эту пару всего лишь накануне, на Стрэнде, и даже не успел обновить ее.

— Вы отдали чистить новые башмаки? Зачем же это?

— Они были светло-коричневые. Поэтому я велел починить их темной ваксой.

— Значит, по приезде в Лондон вы сразу же отправились покупать башмаки?

— Я вообще ходил по магазинам. Доктор Мортимер составил мне компанию. Дело в том, что если уж человеку суждено стать владельцем большого поместья, так и одеваться надо соответственно, а я несколько пренебрегал своим туалетом, живя на Западе. В числе других вещей были куплены и эти башмаки — ценой в шесть долларов! — а вот надеть-то их так и не пришлось.

— Если это кража, то довольно бессмысленная, — сказал Шерлок Холмс. — Я, признаюсь, согласен с доктором Мортимером: ваш башмак скоро найдется.

— А теперь, джентльмены, — решительно заговорил баронет, — довольно мие рассуждать о том, чего я до сих пор толком не знаю. Пора вам сдержать свое слово и объяснить мие, к чему клонятся все эти разговоры.

— Законное требование, — согласился Холмс. — Доктор Мортимер, по-моему, вы должны сами все рассказать сэру Генри, как рассказывали нам.

Ободренный этой просьбой, наш ученый друг вынул из кармана рукопись и газету и повторил слово в слово свой вчерашний рассказ. Сэр Генри слушал с глубоким вниманием, время от времени прерывая доктора удивленными возгласами.

— Ну-да, хорошее мие досталось наследство! — сказал он, когда длинное повествование было закончено. — О собаке я, конечно, слышал еще с детских лет. Эту легенду любили рассказывать в нашей семье, хотя до сих пор я не придавал ей никакого значения. А что касается смерти дяди, то у меня так все перепуталось в голове, что я еще ничего не могу понять. Да, по-моему, вы сами не знаете, к кому тут надо обращаться — к священнику или к полисмену.

— Совершенно верно.

— А теперь еще это письмо, которое я получил. Оно, по-видимому, как-то связано с общим ходом событий.

— Да, судя по нему, кто-то знает гораздо лучше нас о том, что происходит на торфяных болотах,— сказал доктор Мортимер.

— И этот «кто-то», по-видимому, расположен к вам,— сказал Холмс,— если он предупреждает вас об опасности.

— А может быть, наоборот — кому-то выгодно отпугнуть меня от Баскервиль-холла?

— Это тоже не исключено... Я вам очень признателен, доктор Мортимер, что вы предложили мне такую интересную, сложную задачу. Но теперь, сэр Генри, надо решать по существу: можно ли вам ехать в Баскервиль-холл или нельзя?

— А почему бы мне туда не поехать?

— По-видимому, это небезопасно.

— Откуда же эта опасность исходит — от нашего семейного пугала или от людей?

— Вот это мы и должны выяснить.

— Как бы там ни было, но ответ мой будет таков: ни адские силы, ни людские козни не удержат меня здесь. Я поеду в дом своих предков. Это решение окончательно.— Его темные брови сошлись в одну линию, по смуглому лицу разлилась краска. Баскервилевская непрекратимость явно давала себя знать и в этом последнем отпрыске их рода.— Я еще не успел обдумать то, что мне пришлось услышать от вас. Не так-то легко сразу все усвоить и сразу решить, как быть дальше. Мне бы хотелось побывать часок одному и поразмыслить обо всем на досуге. Знаете что, мистер Холмс? Сейчас половина двенадцатого, и я отправляюсь прямо к себе в гостиницу. Что, если вы и ваш друг, доктор Уотсон, приедете к нам позавтракать часа в два? К тому времени я все-таки что-нибудь надумаю.

— Вас это устраивает, Уотсон?

— Вполне.

— Тогда мы приедем. Позвать вам кэб?

— Нет, я лучше прогуляюсь, приду немного в себя после нашего разговора.

— Я с удовольствием присоединюсь к вам,— сказал его спутник.

— Значит, в два часа мы увидимся. До скорой встречи, всего хорошего.

Мы слышали, как наши посетители спустились вниз по ступенькам и захлопнули за собой входную дверь. Холмс мгновенно преобразился — от его томности не осталось и следа, он снова стал человеком действия.

— Одевайтесь, Уотсон, скорей! Нельзя терять ни секунды.

Снимая на ходу халат, он быстро ушел к себе и через две-три минуты вернулся уже в сюртуке.

Мы сбежали вниз по лестнице на улицу. Доктор Мортимер и Баскервиль еще виднелись впереди, шагах в двухстах от нас. Они шли по направлению к Оксфорд-стрит.

— Догнать их?

— Ни в коем случае, друг мой! Если вы со мной не соскучитесь, то я с вами и подавно. Наши друзья правы: прогуляться в такое утро — одно удовольствие.

Он прибавил шагу, и расстояние между нами и нашими недавними посетителями мало-помалу сократилось наполовину. Продолжая сохранять эту дистанцию, мы свернули за ними на Оксфорд-стрит, потом на Риджент-стрит. Около одного из магазинов сэр Генри и доктор Мортимер остановились, разглядывая витрину, и Холмс остановился тоже. Секунду спустя он вдруг удовлетворенно хмыкнул, и, проследив направление его внимательного взгляда, я увидел, что стоявший по ту сторону улицы кэб, в окне которого виднелся седок, медленно двинулся вперед.

— Вот его-то нам и надо, Уотсон! Пойдемте. Постараемся хотя бы разглядеть этого человека.

В ту же минуту передо мной в боковом окне кэба мелькнула густая черная борода, и чьи-то глаза смерили нас произительным взглядом. Сейчас же вслед за этим приоткрылось верхнее окошечко, седок что-то крикинул кэбмену, и кэб стремительно понесся по Риджент-стрит. Холмс оглянулся, ища свободный экипаж, но тщетно — свободных не было. Тогда он кинулся в самую гущу уличного движения за кэбом, который быстро исчезал у нас из виду.

— Ах, черт! — бледный от досады, еле выговорил он, вынырнув из уличного потока.— Вот не повезло! Да

я сам во всем виноват, Уотсон! Уотсон! Если в вас есть хоть капля порядочности, вы занесете в свои анналы эту мою оплошность наравне с моими успехами.

— Что это за человек?

— Понятия не имею.

— Соглядатай?

— Да, очевидно, за Баскервилем кто-то следит с самого его прнезда в Лондон. Иначе откуда стало известно, что он остановился в отеле «Нортумберленд»? Я рассудил так: если его выслеживали в первый день, то будут выслеживать и в дальнейшем. Вы, наверно, обратили внимание, что я дважды подходил к окну, пока доктор Мортимер читал свою легенду?

— Да, помню.

— Мне было интересно, не слоняется ли кто-нибудь около дома, но никаких подозрительных личностей я не заметил. Мы имеем дело с умным человеком, Уотсон. Это все очень серьезно, и хотя мне до сих пор еще не ясно, какие здесь действуют силы — добрые или злые, — я тем не менее непрестанно ощущаю чье-то постороннее вмешательство, чей-то точный расчет. Когда наши новые друзья ушли, я тотчас же кинулся за ними вдогонку, надеясь, что вот тут-то мне и попадется их неуловимая тень. А этот хитрец не решился идти пешком и взял кэб, чтобы по мере надобности тянуться сзади или же обгонять их, оставаясь при этом незамеченным. Его методы имеют еще ту выгоду, что если бы они тоже сели в кэб, он бы не потерял их из виду. Но все же одно уязвимое место в этом методе есть.

— Кэмпен?

— Вот именно.

— Какая жалость, что мы не заметили его номера!

— Дорогой мой Уотсон! Мне, правда, нечем похвастаться на сей раз, но неужели вы допускаете хоть на одну минуту, что я не заметил номера? Пожалуйста: две тысячи семьсот четыре. Впрочем, сейчас это нам ни к чему.

— Не вижу, что вы могли еще сделать.

— Увидев его, я должен был немедленно повернуть в противоположную сторону, не спеша взять кэб и на почтительном расстоянии следовать за первым. А еще лучше было бы поехать прямо к отелю и ждать дальней-

ших событий там. Этот таинственный незнакомец проводил бы Баскервилля до дверей, и мы с помощью его же собственного метода могли бы проследить, куда он потом денется. А теперь наш противник поразительно ловко воспользовался моей неуместной поспешностью, которая выдала нас с головой и сбила меня со следа.

Во время этого разговора мы медленно шли по Риджент-стрит, уже не видя перед собой доктора Мортимера и его спутника.

— Теперь не имеет никакого смысла наблюдать за ними,— сказал Холмс.— Их тень исчезла и больше не появится. Надо посмотреть, какие козыри у нас в руках, и смело бить ими. Вы хорошо разглядели лицо этого человека в кэбе?

— Лицо нет, а бороду разглядел.

— Я тоже... а отсюда следует, что борода была, по всей вероятности, фальшивая. Когда умный человек пускается в такое рискованное, требующее особой осторожности предприятие, ему нужна борода для маскировки. Зайдемте сюда, Уотсон.

Холмс завернул в одну из рассыльных контор этого района, начальник которой встретил его с распростертыми объятиями.

— Ага, Уилсон, я вижу, вы не забыли, как мне посчастливилось помочь вам в том маленьком дельце!

— Что вы, сэр, разве это забудешь? Я вам обязан своим честным именем, а может, и жизнью.

— Вы преувеличиваете, друг мой! Кстати, Уилсон, мне помнится, у вас был один мальчуган по имени Картрайт, который проявил большую сообразительность во время расследования вашего дела.

— Да, сэр, он и сейчас у меня работает.

— Нельзя ли его вызвать? Благодарю вас. И еще будьте любезны разменять мне вот эти пять фунтов.

На зов начальника явился четырнадцатилетний подросток с живым, умным лицом. Он стал перед нами, с благоговением глядя на знаменитого сыщика.

— Дайте мне «Путеводитель по гостиницам»,— сказал Холмс.— Благодарю вас. Смотрите, Картрайт, вот это названия двадцати трех гостиниц в районе Чаринг-Кросса. Видите?

— Да, сэр.

- Вы обойдете их все по очереди.
- Слушаю, сэр.
- И для начала будете давать швейцарам по шиллингу. Вот вам двадцать три шиллинга.
- Слушаю, сэр.
- Вы скажете, что вам нужно посмотреть мусор, выброшенный вчера из корзин. Объясните это так: одну очень важную телеграмму ошибочно доставили не по тому адресу и вам велено ее разыскать. Понятно?
- Да, сэр.
- Но на самом деле вы будете искать страницу газеты «Таймс», изрезанную в нескольких местах ножницами. Вот номер «Таймса», а страница нужна вот эта. Вы сможете отличить ее от других?
- Да, сэр.
- Швейцары будут, конечно, отсыпать вас к коридорным, вы и им дадите по шиллингу. Вот вам еще двадцать три шиллинга. В двадцати случаях из двадцати трех, вероятно, окажется, что мусор из корзин выкинут или сожжен. Но в трех остальных гостиницах вам покажут груду бумаг, среди которых вы и поищете эту страницу. Шансов на удачу очень мало. На всякий случай даю вам еще десять шиллингов. К вечеру телеграфируйте мне, на Бейкер-стрит, как у вас обстоят дела... А теперь, Уотсон, нам с вами осталось только запросить по телеграфу о кабмине номер две тысячи семьсот четыре, после чего мы заглянем в какую-нибудь картинную галерею на Бонд-стрит и проведем там время, оставшееся до завтрака.

ГЛАВА V

ТРИ ОБОРВАННЫЕ НИТИ

Шерлок Холмс обладал удивительной способностью отрешаться от мыслей о делах. Он весь ушел в созерцание полотен современных бельгийских художников и за два часа, по-видимому, ни разу не вспомнил о странной истории, в которую силой обстоятельств вовлекло и нас. Всю дорогу от картинной галереи до отеля «Нортумберленд» он говорил только о живописи, несмотря на то,

что понятия его в этой области отличались крайней примитивностью.

— Сэр Геири Баскервиль ожидает вас наверху,— сказал нам дежуриный по вестибюлю.— Он просил сразу же провести к нему гостей.

— Вы не разрешите мне посмотреть списки ваших постоянных гостей? — спросил Холмс.

— Пожалуйста, сэр.

После фамилии «Баскервиль» в книге были еще две записи: «Теофилиус Джонсон с семьей, из Ньюкасла» и «Миссис Олдмор с горничной, из Элтона».

— Не тот ли это Джонсон, которого я когда-то знал? — сказал Холмс дежуриному.— Он адвокат, седой и немногого прихрамывает?

— Нет, сэр. Мистер Джонсон — владелец угольных копей, еще не старый джентльмен, ваших лет.

— Вы уверены, что он не адвокат?

— Уверен, сэр. Мистер Джонсон — наш частный гость, мы его знаем не первый год.

— Да? Ну, не спорю. Миссис Олдмор... Я где-то слышал эту фамилию. Простите меня за любопытство, но иной раз бывает так, что ищешь одного знакомого, а находишь другого.

— Миссис Олдмор — женщина слабого здоровья, сэр. Ее муж был когда-то мэром Глостера. Она остаивается только у нас, когда приезжает в город.

— Благодарю вас. Вероятно, я спутал ее с другой леди... Эти вопросы помогли нам установить один очень важный факт, Уотсон,— продолжал Холмс вполголоса, пока мы поднимались по лестнице.— Теперь нам ясно, что люди, которые так интересуются нашим другом, остались здесь. Значит, старательно наблюдая за каждым его шагом, в чем мы уже убедились, они также старательно избегают попадаться ему на глаза. А это говорит о многом.

— Например, о чем?

— Ну, хотя бы о том... Стойте! Друг мой, что случилось?

Дойдя до верхней площадки, мы столкнулись там с сэром Геири Баскервилем. Он выбежал из лестницы весь красный от гнева, держа в руках старый, пыльный башмак. У него даже язык заплетался от ярости, и когда

он иаконец обрел дар речи, то сразу сбылся на явный американский акцент, чего мы утром за ним не замечали.

— За кого меня принимают в этой гостинице—за дурочка, что ли? — закричал сэр Генри.— Не позволю с собой шутить! Если этот болван не найдет моего башмака, я устрою скандал! У меня тоже есть чувство юмора, мистер Холмс, но на сей раз здешние шутники малость переселили.

— Все еще разыскиваете свою пропажу?

— Да, разыскиваю и не успокоюсь, пока не найду.

— Но, по-моему, вы говорили о новом светло-коричневом башмаке?

— Да, сэр. А теперь та же история с черным.

— Как! Неужели вы хватились и...

— Вот имению! У меня всего-навсего три пары обуви — новая светло-коричневая, старая черная и лакированные туфли, которые сейчас на мне. Вчера вечером пропал один коричневый башмак, а сегодня стащили и черный. Ну, нашли? Отвечайте же! Что вы на меня так уставились?

На площадке появился взволнованный коридорный, немец:

— Нет, сэр. Я у всех спрашивал, никто ничего не знает.

— Так вот, слушайте: или вы отыщете к вечеру мой башмак, или я пойду к управляющему и заявлю ему, что немедленно выезжаю отсюда.

— Башмак найдется, сэр... Обещаю вам, что найдется... Минутку терпения, сэр.

— Имейте в виду, это в последний раз. Я больше не допущу, чтобы меня обкрадывали в вашем воровском притоне!.. Мистер Холмс, простите, пожалуйста, что я беспокою вас такими пустяками...

— А эти пустяки заслуживают, чтобы из-за них беспокоились.

— Вы уж очень серьезно к ним относитесь!

— Как же вы сами это объясняете?

— Я даже не пытаюсь объяснить. Со мной еще никогда в жизни не случалось ничего более нелепого и более странного.

— Более странного?.. Да, это, пожалуй, так,— задумчиво проговорил Холмс.

— А что вы сами об этом скажете?

— Я, собственно, еще ничего не понимаю. История очень запутанная, сэр Генри. Если ее связать со смертью вашего дяди, то из тех пятисот серьезнейших дел, которые мне приходилось распутывать, это будет, пожалуй, самое сложное. Но у меня в руках есть кое-какие нити, и одна из них непременно должна привести нас к разгадке. Мы можем потратить лишнее время, ухватившись не за ту нить, за которую следует, но рано или поздно найдем и нужную.

Мы очень приятно провели время за завтраком, лишь всколыхнувшись тех вопросов, что свели нас четырех вместе. И Холмс только тогда осведомился о дальнейших планах Баскервилля, когда вся наша компания перешла к нему в номер.

— Я поеду в Баскервиль-холл.

— Когда?

— В конце недели.

— Я считаю ваше решение правильным,— сказал Холмс.— Теперь у меня уже нет никаких сомнений в том, что в Лондоне за вами установлена слежка. Но в таком большом городе трудно выяснить, что это за люди и что им от вас нужно. Если они действуют с дурными намерениями, вам угрожает опасность, которую мы не в силах предотвратить. Доктор Мортимер, вы знаете, что сегодня утром, когда вы от меня вышли, за вами следили?

Доктор Мортимер так и подскочил на месте.

— Следили? Кто?

— Вот этого я, к сожалению, не могу сказать. Среди ваших соседей или знакомых в Дартмуре есть кто-нибудь с окладистой черной бородой?

— Нет... впрочем, постойте... Ну конечно... У лакея сэра Чарльза, Бэрримора, окладистая черная борода.

— Гм! А где он сейчас?

— В Баскервиль-холле. Дом оставлен на его попечение.

— Надо проверить, действительно ли он там, а не в Лондоне.

— Как же это сделать?

— Дайте мне телеграфный бланк. «Готовы ли принадлу сэра Генри». Адресуем так: «Баскервиль-холл, ми-

стеру Бэрримору». Где у вас там ближайший телеграф? В Гримпене? Прекрасно! Вторую телеграмму пошлем в Гримпен на имя начальника конторы: «Телеграмму адресованную Бэрримору просьба передать собственные руки. Случае отсутствия направьте обратно отель Нортумберленд сэру Генри Баскервиллю». Вот так. К вечеру мы будем знать, находится ли Бэрримор на своем посту в Девоншире или нет.

— Прекрасно,— сказал Баскервиль.— Кстати, доктор Мортимер, что собой представляет этот Бэрримор?

— Он сын покойного управляющего поместьем. Это уже четвертое поколение Бэрриморов, которое живет в Баскервиль-холле. Насколько я знаю, он и его жена вполне почтенные люди.

— Тем не менее,— сказал сэр Генри,— мне совершенно ясно, что пока Баскервиль-холл остается без хозяина, эти люди живут там припеваючи, без забот, без хлопот.

— Да, правильно.

— Бэрримор получил что-нибудь по завещанию сэра Чарльза? — спросил Холмс.

— И ему и его жене было завещано по пятисот фунтов.

— Гм! А они знали об этом раньше?

— Да. Сэр Чарльз любил говорить о своих распоряжениях на случай смерти.

— Интересный факт.

— Я надеюсь,— сказал доктор Мортимер,— что вы не станете подозревать всех, кто получил по завещанию сэра Чарльза? Мне он тоже оставил тысячу фунтов.

— Вот как? А еще кому?

— В завещании было указано много мелких сумм разным лицам и крупные пожертвования на благотворительные цели. Наследство же все отшло сэру Генри.

— А в какой сумме оно выражается?

— Семьсот сорок тысяч фунтов.

Холмс удивлению поднял брови.

— Я и не подозревал, что речь идет о таком огромном состоянни,— сказал он.

— Сэр Чарльз слыл богатым человеком, но истинные размеры его состояния выяснились только после того, как мы ознакомились с ценностями бумагами. Общая сумма наследства подходит к миллиону.

— Боже мой! Действительно, ради такого огромного куша можно начать рискованную игру. Еще один вопрос, доктор Мортимер. Предположим, что с нашим юным другом что-нибудь случится... гипотеза не из приятных, но вы уж меня простите. Кто тогда наследует поместье?

— Поскольку младший брат сэра Чарльза, сэр Роджер, умер холостяком, Баскервиль-холл перейдет к отдаленным родственникам — к Десмондам. Джеймс Десмонд уже немолодой человек, он священник и живет в Вестморленде.

— Благодарю вас. Все эти подробности чрезвычайно любопытны. А вам приходилось встречаться с мистером Джеймсом Десмондом?

— Да, он как-то приезжал к сэру Чарльзу. Это человек очень почтенного вида и безупречного образа жизни. Я помню, что сэр Чарльз хотел обеспечить его, но он отказался от этого наотрез, несмотря на все уговоры.

— И такой скромный человек мог бы унаследовать все состояние сэра Чарльза?

— К нему перешло бы только поместье, так как оно считается родовым, а деньги он получил бы лишь в том случае, если бы теперешний их владелец не распорядился ими как-нибудь по-другому, что вполне возможно, ибо сэр Генри волен поступать с наследством по своему личному усмотрению.

— А вы уже составили завещание, сэр Генри?

— Нет, мистер Холмс, мне было не до этого: ведь я только вчера узнал, как обстоят дела. Тем не менее я считаю, что отторгать деньги от поместья и титула нельзя. Точно таких же взглядов придерживался и мой несчастный дядя. Разве хозяин Баскервиль-холла сможет восстановить былую славу своего рода, если у него не будет средств на это? Нет, где дом и земля, там должны быть и деньги.

— Совершенно правильно. Итак, сэр Генри, я тоже считаю, что вам надо без всяких отлагательств ехать в Девоншир, но с одной оговоркой: вас ни в коем случае нельзя отпускать туда одного.

— Доктор Мортимер возвращается вместе со мной.

— Но у доктора Мортимера много времени отнимает практика, да и жить он будет в нескольких милях от Баскервиль-холла. Нет, доктор при всем желании не смо-

жет вам помочь. Вы должны взять с собой верного человека, сэр Генри, такого, который все время будет при вас.

— Министер Холмс, неужели вы согласитесь поехать сами?

— Если дело дойдет до кризиса, я как-нибудь вырвусь к вам, но, вы сами понимаете, моя обширная практика и постоянные запросы, которые сыплются на меня со всех сторон, не позволяют мне уезжать из Лондона на неопределенное время. Сейчас, например, одно из самых уважаемых лиц в Англии находится во власти шантажистов, и отвратить грядущую катастрофу могу только я. Нет, мне никак нельзя уезжать в Дартмур.

— Кого же вы посоветуете вместо себя?

Холмс положил руку мне на плечо:

— Если за это возьмется мой друг, то вот вам человек, на которого можно положиться в трудную минуту, в чем я убедился на собственном опыте.

Это предложение свалилось на меня, как снег на голову, но Баскервиль, не дождаясь моего ответа, уже горячо тряс мне руку.

— Доктор Уотсон, как это любезно с вашей стороны! — воскликнул он. — Вы же видите, в каком я положении, а обстоятельства дела известны вам не хуже, чем мне. Если вы поедете в Баскервиль-холл и поживете там со мной, я этого никогда не забуду!

Приключения всегда таят в себе какую-то особую прелест для меня, а слова Холмса и живость, с которой баронет откликнулся на его предложение, чрезвычайно мне польстили.

— Я с удовольствием поеду в Баскервиль-холл, — ответил я, — и не пожалею потраченного времени.

— Вы будете присыпывать мне подробные отчеты, — сказал Холмс. — В самый критический момент — а он неминуемо наступит — я буду руководить вашими действиями. Думаю, что отъезд можно назначить на субботу.

— Вас это устраивает, доктор Уотсон?

— Вполне.

— Значит, если отмены не будет, мы выезжаем в субботу поездом десять тридцать с Паддингтонского вокзала.

Мы встали, собираясь откланяться, как вдруг Баскервиль вскрикнул и с торжествующим видом вытащил

из-под стоявшего в углу шкафа светло-коричневый башмак.

— Вот она, моя пропажа!

— Пусть и остальные загадки разрешатся так же просто! — сказал Шерлок Холмс.

— Но все-таки это очень странно,— заметил доктор Мортимер.— Я еще перед завтраком обыскал всю комнату.

— И я тоже,— сказал Баскервиль.— Обшарил все уголки. Башмака нигде не было.

— Значит, корндорный положил его туда, пока мы завтракали.

Послали за немцем, но он ничего не мог сказать, и дальнейшие расспросы ни к чему не привели. Таким образом, к серни этих быстро сменяющих одна другую и явно нелепых загадок прибавилась еще одна. Уж не говоря о трагической смерти сэра Чарльза, перед нами протянулась цепь необъяснимых событий, совершившихся всего лишь за два дня: письмо, составленное из газетных вырезок, бородатый незнакомец в каббе, пропажа сначала нового коричневого башмака, потом старого черного и теперь появление коричневого.

По дороге на Бейкер-стрит Холмс сидел в каббе молча и, судя по его нахмуренным бровям и напряженному взгляду, так же, как и я, пытался привести в единый систему все эти странные и, казалось бы, не связанные один с другим факты. Весь остальной день и вечер он провел у себя в кабинете, погруженный в густые клубы табачного дыма и в размышления.

Перед самым обедом нам подали две телеграммы. В первой было написано:

«Только что сообщили Бэрримор дома. Баскервиль».

Во второй:

«Обошел двадцать три гостиницы сожалению изрезанной страницы «Таймса» не нашел. Картрайт».

— Вот и оборвались сразу две нити, Уотсон. Нет ничего лучше таких дел, где все словно говорилось против тебя. Тогда-то и начинаешь входить в азарт. Ну что ж, пойдем по другому следу.

— У вас еще есть в запасе кабмен, который вез этого незнакомца.

— Совершенно верно. Я запросил его фамилию и ад-

рес в Регистрационной конторе и не удивлюсь, если сейчас мы получим ответ на мой вопрос.

Задребезжавший звонок возвестил о том, что даже превзошло все ожидания Холмса, ибо в дверях кабинета появился рослый детина — по-видимому, не кто иной, как сам кэбмен.

— Мне сказали в конторе, что вот по этому адресу спряталась о номере две тысячи семьсот четыре, — начал он. — Я седьмой год езжу и никогда никаких жалоб не слыхал. Дай, думаю, сам найду, пусть мне в глаза скажут, в чем таком я провинился.

— Вы ни в чем не провинились, любезнейший, — сказал Холмс. — Наоборот, я заплачу вам полсоверена, только ответьте мне прямо на мой вопрос.

— Вот не знаешь, где найдешь, где потеряешь! — ухмыльнулся кэбмен. — А что вам угодно, сэр?

— Прежде всего вашу фамилию и адрес на случай, если вы мне опять понадобитесь.

— Джон Клейтон, проживаю в Боро, Тарпн-стрит, номер три. Кэб стоит в Шиплн-Ярде, около вокзала Ватерлоо.

Шерлок Холмс записал все это.

— А теперь, Клейтон, расскажите мне про вашего седока, который наблюдал за этим домом сегодня в десять часов утра, а потом выслеживал двух джентльменов на Риджент-стрит.

Кэбмен с удивлением взорвался на Холмса и, по-видимому, несколько оробел.

— Что же вам рассказать, когда вы и сами не хуже меня все знаете! — ответил он. — Мой седок сказал мне, что он сыщик, и не велел болтать об этом.

— Ну так вот, любезнейший, тут дело серьезное, и если вы станете скрывать что-нибудь от меня, то можете оказаться в очень неприятном положении. Значит, он назывался сыщиком?

— Да, сэр.

— А когда он заявил вам об этом?

— Когда расплачиваляся.

— А еще что-нибудь он говорил?

— Сказал свою фамилию.

Холмс бросил на меня победоносный взгляд.

— Свою фамилню? Весьма неосторожно с его стороны! Так как же его зовут?

— Его зовут,— сказал кэбмен,— мистер Шерлок Холмс.

Ответ кэбмена буквально сразил моего друга. В жизни своей я не видел у него такого ошеломленного выражения лица. Минуты две он не мог вымолвить ни слова, потом громко расхохотался.

— Удар, Уотсон! Меткий удар! — сказал он.— Рапира в руках противника, который не уступает мне ни в быстроте, ни в точности. На сей раз он обвел меня вокруг пальца. Значит, его зовут Шерлок Холмс, а?

— Да, сэр, он сам так сказал.

— Благодаря! Теперь расскажите мне, где вы взяли этого седока и что было дальше.

— Он кликнул меня в половине десятого утра на Трафальгар-сквере. Говорят: «Я сыщик», — и посулил мне две гинен, если я буду в точности исполнять его приказания и ни о чем не стану расспрашивать. Ну что ж, от таких денег не отказываются. Я подвез его к гостинице «Нортумберленд» и остановился там. Потом оттуда вышли двое джентльменов, кликнули кэб с биржи и поехали куда-то сюда, на вашу улицу.

— Вот к этому самому дому,— сказал Холмс.

— Может быть. Это уж моего седока надо спрашивать, ему лучше знать. Он велел мне остановиться примерно посередине квартала, и мы прождали там еще часа полтора. Потом те двое джентльменов прошли мимо нас, и мы двинулись за ними по Бейкер-стрит, свернули на...

— Это я знаю,— сказал Холмс.

— А как выехали на Риджент-стрит, он поднял верхнее окошечко и крикнул: «Гоните к вокзалу Ватерлоо!» Я стеганул свою кобылу, и через десять минут мы были на месте. Тут он дал мне две гинен — не надул! — и пошел к вокзалу. А напоследок обернулся и говорит: «Вам, верно, любопытно знать, кого вы возили? Шерлока Холмса». Вот как это все было.

— Так, понимаю. И больше вы его не видели?

— Нет, больше не видел.

— А теперь опишите мне наружность этого мистера Шерлока Холмса.

Кэбмен почесал в затылке:

— Не так-то это легко. Лет ему будет примерно под сорок, роста среднего, ниже вас дюйма на два, сэр. Одет чисто, борода черная, лопатой, а лицо бледное. Больше, пожалуй, ничего не смогу вам сказать.

— Цвет глаз какой?

— Вот не приметна...

— Больше ничего не запомнили?

— Ничего, сэр.

— Ну хорошо. Вот ваши полсоверена. А другую половину получите, если разузнаете об этом человеке что-нибудь еще. Всего хорошего.

— Доброго здоровья, сэр. Благодарю вас.

Джон Клейтон вышел посмеваясь, а Холмс пожал плечами и с разочарованной улыбкой повернулся ко мне.

— Третья нить тоже не выдержала,— сказал он.— Теперь будьте добры начинать все с самого начала. Вот хитрая бестия! Узнал номер нашего дома, узнал, что сэр Генри Баскервиль поехал сюда за советом,глядел меня и Риджент-стрит, сообразил, что номер кэбса взят на заметку и что кэбмена разыщут, и решил понадеваться надо мной. Попомните мое слово, Уотсон, на сей раз мы имеем дело с достойным противником. Я потерпел поражение в Лондоне. Будем надеяться, что вы отыграетесь в Девоншире. И все-таки меня это очень беспокоит.

— Что?

— Да ваша поездка. Дело очень нехорошее, Уотсон. Нехорошее и опасное. И чем больше я о нем думаю, тем меньше и меньше оно мне нравится. Смейтесь, друг мой, смейтесь, но я буду очень рад, если вы вернетесь на Бейкер-стрит здравым и невредным.

ГЛАВА VI

БАСКЕРВИЛЬ-ХОЛЛ

Сэр Генри Баскервиль и доктор Мортимер закончили все свои дела к назначенному дню, и мы отправились, как и было условлено, в Девоншир. Провожая меня на вокзал, мистер Шерлок Холмс всю дорогу давал мне наставственные указания и советы.

— Я не стану говорить вам, кого я подозреваю и какие строю догадки, Уотсон, чтобы у вас не создалось предвзятого мнения,— сказал он.— Мне нужны факты, изложенные подробнейшим образом, а уже сопоставлять их я буду сам.

— Что же вас интересует? — спросил я.

— Все, что так или иначе касается этого дела, в особенности отношения между молодым Баскервиллем и его соседями, а если увиаете что-нибудь новое о смерти сэра Чарльза, то отметьте и это. За последние дни я навел кое-какие справки, но, к сожалению, результатами похвальяться не могу. Мне удалось выяснить только одно: ближайший наследник, мистер Джеймс Десмоид, действительно прекрасный человек весьма почтеннего возраста, так что это не его козни. Думаю, что мы смело можем не заниматься им в дальнейшем. Значит, остаются только те люди, которые непосредственно окружают сэра Генри Баскервилля.

— А не лучше ли сразу же отделаться от четы Бэриморов?

— Ни в коем случае! Более грубую ошибку трудно совершить. Если они ни в чем не виноваты, это будет жестокой несправедливостью, а если виноваты, тогда их после не доишься. Нет, нет! Пусть так и остаются на подозрении. Потом, если не ошибаюсь, там есть коиох, два Фермера, и наш друг доктор Мортимер, по-видимому, человек безупречной честности, и его жена, о которой нам ничего не известно. Не забудьте и натуралиста Стэплтона с сестрой — как говорят, весьма привлекательной молодой особой. Дальше идут мистер Фрейклейд из Лефтер-холла — тоже личность неизвестная, и двое-трое других соседей. Вот люди, которых вам следует держать под наблюдением.

— Постараюсь не осрамиться.

— Оружие вы взяли?

— Да, думаю, это будет не лишним.

— Безусловно. Держите револьвер при себе и днем и ночью и не ослабляйте своей бдительности ни на секунду.

Наши друзья уже успели запастись билетами первого класса и ждали нас на платформе.

— Нет, ничего нового,— сказал доктор Мортимер, отвечая на вопрос Холмса.— Могу только поклясться, что последние два дня слежки за нами не было. Мы все время об этом помнили, и от нашего внимания никто бы не ускользнул.

— Надеюсь, вы были неразлучны эти дни?

— Да, за исключением вчерашиего. У меня уже так заведено: по приезде в город посвящать один день целиком развлечениям,— и вчера я был в музее Хирургического колледжа.

— А я пошел в парк посмотреть на гуляющих,— сказал Баскервиль.— И все обошлось благополучно.

— Тем не менее это было неблагородно с вашей стороны,— сказал Холмс, нахмурившись, и покачал головой.— Я вас прошу, сэр Генри, не выходите без провожатых, иначе вам не миновать беды. Вы нашли другой башмак?

— Нет, сэр, он исчез бесследно.

— Вот как? Любопытно! Ну, всего вам хорошего,— добавил он, когда поезд тронулся.— Сэр Генри! Помине наставление из странной легенды, которую нам читал доктор Мортимер, и остегайтесь выходить на торфяные болота ночью, когда силы зла властствуют безраздельно.

Я выглянуул из окна и увидел вдали высокую, худощавую фигуру Холмса, который неподвижно стоял на платформе и смотрел вслед удаляющемуся поезду.

Мы ехали быстро, и я чувствовал себя как нельзя лучше. Я присматривался к моим спутникам и забавлялся спаниелем доктора Мортимера. Через каких-нибудь два-три часа земля вдоль полотна сменила бурый оттенок на красный, кирпич уступил место граниту, а разгороженные пышные луга, на которых рыжие коровы пощипывали сочную траву, свидетельствовали о том, что климат в этих местах, при всей влажности воздуха, значительно лучше, чем на востоке.

Молодой Баскервиль не отходил от окна и радостно вскрикивал при виде родных девоширских пейзажей.

— Где только мне не пришлось побывать, с тех пор как я уехал отсюда, доктор Уотсон! — сказал он.— И все-таки эти места ни с чем не сравнишь.

— Покажите нам такого девоншира, который не восхищался бы своим Девонширом.

— Тут дело не только в самом Девоншире, но и в людях, которые его населяют,— сказал доктор Мортимер.— Одного взгляда на круглый череп нашего друга достаточно, чтобы обнаружить в нем представителя кельтской расы, с ее восторженностью, с ее склонностью к сильным чувствам. У покойного сэра Чарльза было совершенно редкостное строение черепа — наполовину галльское, наполовину иберийское. Сэр Генри, а ведь вы, кажется, с детства не видели Баскервиль-холла?

— Я его никогда не видел, потому что мы жили в маленьком коттедже на южном побережье. Когда отец умер, мне шел тридцатый год, и я сразу же уехал к нашим друзьям в Америку. Эти места для меня почти так же новы, как и для доктора Уотсона, и я просто не дождусь, когда наконец появятся торфяные болота.

— Вот как! В таком случае ваше желанье исполнилось — можете любоваться ими,— сказал доктор Мортимер, показывая в окно.

Вдали за зелеными квадратами пастбищ и волнистой кромкой леса, словно фантастическое видение, возникшее во сне, показался унылый серый холм, с завуалированной вершиной. Баскервиль смотрел туда не отрываясь, и эти жадные взгляды говорили о том, как много виачит для него первое знакомство с суровым краем, где люди, близкие ему по крови, владычествовали так долго и оставили после себя такой глубокий след. Этот молодой человек в спортивном костюме и говорящий с явным американским акцентом сидел рядом со мной в прозаическом железнодорожном вагоне, и все же, глядя на его смуглую, выразительную лицо, я чувствовал в нем истого потомка тех неукротимых и властных людей. Густые брови, тонкие ноздри и большие карие глаза свидетельствовали о гордости, отваге и силе. Если неприветливые торфяные болота поставят нас лицом к лицу с трудной и опасной задачей, то ради такого человека можно пойти на многое, ибо он смело разделит с тобой любой риск.

Поезд остановился у маленькой, заходустной станции, и мы вышли из вагона. За низким белым забором стояла коляска, запряженная парой невысоких, коренастых лошадок. Наш приезд был здесь, видимо, боль-

шим событием: и сам начальник станции и носильщики — все окружили нас, предлагая свою помощь. Это было милое деревенское местечко, но, к своему удивлению, я увидел у выхода с платформы двух солдат в темных мунидирах, которые стояли, опираясь на карабины, и пристально смотрели на нас. Кучер, искладный малый с угловатыми чертами лица, снял шляпу, приветствуя сэра Генри Баскервилля, и через несколько минут мы уже быстро катили по широкой белой дороге. По обе ее стороны поднимались зеленые склоны пастбищ, домики с остроконечными крышами выглядывали из густой листвы, но впереди, за пределами этого мирного, залитого солнцем края, темнея на горизонте вечернего неба, вырисовывалась сумрачная линия торфяных болот, прерываемая острыми вершинами зловещих холмов.

Наша коляска свернула на боковую дорогу, и мы начали подниматься вверх по глубоким колеям, проложенным столетия назад между высокими насыпями, на которых росли мясистые хвоши и влажный мох. Отливающий броизой папоротник и листья ежевики поблескивали в лучах заходящего солнца. Продолжая подъем, мы проехали по узкому каменистому мосту через бурную речку, которая быстро неслась между серыми валунами, обдавая их пейой. И дорога и речка вились по долине, густо заросшей дубняком и соснами.

На каждом повороте Баскервиль восторженно вскрикивал, с любопытством оглядываясь по сторонам, и закидывал нас бесчисленными вопросами. На его взгляд, все здесь было прекрасно, но я не мог отделаться от чувства грусти, которое навевали на меня эти пастбища и взгорья, явно носившие следы осени. Желтые листья слетали на землю и, порхая, ковром устилали тропники. Стук колес нашего экипажа постепенно замер, потонув в густом слое гниющей травы. «Печальные дары бросает природа под ноги новому владельцу Баскервиль-холла!» — подумал я.

— Смотрите! — вдруг крикнул доктор Мортимер. — Что это?

Перед нами поднималось крутое взгорье, поросшее вереском, — первый предвестник близости торфяных болот. На вершине этого взгорья, словно конная статуя на пьедестале, четко вырисовывался верховой с винтов-

кой наготове. Он наблюдал за дорогой, по которой мы ехали.

— Перкинс, что это значит? — спросил доктор Мортимер.

Наш возница повернулся на козлах.

— Из принстонской тюрьмы убежал арестант, сэр. Вот уже третий день, как его разыскивают. Выставлены сторожевые на всех дорогах, на всех станциях, да пока все без толку. Здешний народ очень этим недоволен, сэр.

— Почему? Ведь тому, кто наведет на след, полагается пять фунтов.

— Так-то оно так, сэр, да только на пять фунтов надежды мало, а вот что он горло тебе перережет, это вернее. Такой человек ни перед чем не остановится, это не какой-нибудь мелкий воришко.

— Кто же он?

— Селден, который совершил убийство в Ноттинг-Хилле.

Я хорошо помнил дело Селдена, потому что в свое время Шерлок Холмс занимался им, заинтересовавшись жестокостью, с которой было совершено убийство, и печатью бесцельного зверства, отмечавшей все действия этого изверга. Преступление было настолько чудовищно, что у судей зародилось сомнение в здравости рассудка Селдена, и поэтому смертную казнь ему заменили тюрьмой.

Коляска поднялась на взгорье, и перед нами раскрылись огромные просторы торфяных болот с видневшимися на них кое-где дольменами и каменными столбами. Холодный ветер, налетевший оттуда, пронизал нас до костей. Где-то там, на унылой глади этих болот, дьявол в образе человеческом, точно дикий зверь, отлеживался в норе, лелея в сердце ненависть к людям, которые изгнали его из своего общества. Лишь этого не хватало, чтобы усугубить то мрачное, что таялось в голой пустыне, расстилавшейся перед нами, в порывистом ветре и темнеющем небе. Даже Баскервиль умолк и плотнее захлопнул на себе пальто.

Плодородные места остались позади и ниже нас. Мы оглянулись; лучи заходящего солнца превращали бегущие ручейки в золотые ленты, горели на поднятой

плугом земле и густой чаще кустарника. Дорога, пересекающая красновато-оливковые перевалы с огромными валунами, становилась все запущеннее и суровее. Время от времени перед нами вырастали обнесенные каменными оградами коттеджи, скучные очертания которых не были скрашены даже плющом. А потом глазам нашим предстала похожая на глубокую чашу долина с чахлыми дубами и соснами, искореженными и погнутыми ветром, бушующим здесь спокон веков. Над деревьями поднимались две высокие, узкие башни. Наш возница показал на них кнутом.

— Баскервиль-холл, — сказал он.

Хозяин поместья встал в коляске во весь рост, щеки у него раскраснелись, в глазах вспыхнул огонь. Через несколько минут мы подъехали к узорным чугунным воротам с двумя обомшелыми колоннами, которые увенчивались кабаньими головами — гербом Баскервилей. Каменный домик привратника был ветхий, с обнажившимися стропилами, но перед ним стояло новое, еще не законченное строение — первый плод, принесенный южноафриканским золотом сэра Чарльза.

За воротами шли два ряда высоких старых деревьев; их ветви смыкались сумрачным сводом у нас над головой. Стук колес снова потонул в шорохе листвьев. Баскервиль содрогнулся, глядя в длинный темный прогал аллен, в конце которого виднелись призрачные очертания дома.

— Это случилось здесь? — тихо спросил он.

— Нет, нет, в тиссовой аллее, она с другой стороны. Молодой наследник бросил вокруг себя хмурый взгляд.

— Меня инсекто не удивляет, что, живя здесь, дядя все время ждал какой-то беды, — сказал он. — Тут кого угодно возьмет страх. Подождите, не пройдет и полугода, как я проведу сюда электричество, и вы не узнаете этих мест! У входа будут гореть фонари Эдисона и Свена в тысячу свечей.

За аллеей открывался широкий газон, и, обогнув его, мы подъехали к дому. В сумерках я мог разглядеть лишь массивный фасад и террасу. Все было сплошь увито плющом, оставлявшим открытыми только оконные амбразуры да овалы гербов. Две старинные зубчатые баш-

ни с бойницами поднимались над этой частью здания. Справа и слева к ним примыкали два крыла из черного гранита, позднейшей пристройки. Сквозь окна со множеством переплетов на газон лился пеяркий свет, над крутой остроконечной крышей с высокими трубами вставал столб темного дыма.

— Добро пожаловать, сэр Генри! Добро пожаловать в Баскервиль-холл!

Высокий человек выступил из тени, падавшей от террасы, и открыл дверцу коляски. В освещенных дверях холла показался силуэт женишины. Она тоже подошла к нам и помогла мужчине снять наши чемоданы.

— Сэр Генри, вы не будете возражать, если я поеду прямо домой? — сказал доктор Мортимер. — Меня ждет жена.

— Останьтесь, пообедайте с нами!

— Нет, право, не могу. Дел, вероятно, тоже много накопилось. Я бы с удовольствием сам показал вам дом, но Бэрримор сделает это лучше меня — он прекрасный гид. Всего хорошего! И помните, когда бы я вам ни понадобился, днем или ночью, не стесняйтесь посыпать за мной.

Стук колес постепенно замер в глубине аллеи; тяжелая дверь захлопнулась за нами.

Холл, в котором мы очутились, был очень красив — просторный, высокий, с массивными стропилами из потемневшего от времени дуба. В старинном камине с чугунной решеткой для дров потрескивали и шипели поленья. Продрогнув после долгой езды, мы с сэром Генри протянули руки к огню. Потом стали разглядывать дубовые панели, высокое, узкое окно с цветными стеклами, олены головы и гербы на стенах, смутно видневшиеся в пеярком свете люстры.

— Я именно так и представлял себе все это, — сказал сэр Генри. — Настоящее родовое гнездо, правда? Подумать только — ведь мои предки жили в этом самом доме в течение пяти веков! Как вспомнишь об этом, так невольно настраиваешься на торжественный лад.

Его смуглое лицо горело ребяческим восторгом. Он стоял в круге света, падающего от люстры, а длинные тени ложились по стенам и черным пологом сгущались над ним.

Бэрримор разнес наши чемоданы по комнатам и, вернувшись, почтительно склонившись перед нами, как и подобало вышколенному слуге. Наружность у него была незаурядная: высокий, представительный, с окладистой черной бородой, оттенявший бледное, благообразное лицо.

— Принкажете подавать обед, сэр?

— А готово?

— Через несколько минут, сэр. Горячая вода у вас в комнатах. Мы с женой будем счастливы, сэр Генри, оставаться здесь на первых порах, но ведь при новых порядках вам потребуется большой штат.

— При каких новых порядках?

— Я хочу сказать, что сэр Чарльз вел уединенный образ жизни и мы вдвоем вполне могли обслужить его, а вы, сэр, вероятно, будете жить более широко, и вам придется налаживать все по-новому.

— Значит, вы с женой хотите получить расчет?

— Если только это не причинит вам каких-либо неудобств, сэр.

— Но ведь ваши предки в течение нескольких поколений жили в Баскервиль-холле. Мне бы очень не хотелось с первых же своих шагов здесь порывать старые семейные связи.

Я подметила следы волнения на бледном лице лакея.

— Нам с женой это тоже нелегко, сэр. Но, сказать вам правду, мы были очень привязаны к сэру Чарльзу и до сих пор никак не оправимся после его смерти. Нам тяжело здесь оставаться. Мы уже не можем чувствовать себя в Баскервиль-холле как прежде.

— Что же вы собираетесь предпринять?

— Я надеюсь, сэр, что нам удастся наладить какое-нибудь дело. Ведь сэр Чарльз не оставил нас своей щедростью... А теперь разрешите показать вам ваши комнаты.

Верх старинного холла был обведен галереей с перилами, на которую вела двухпролетная лестница. Оттуда вдоль всего здания тянулись два длинных коридора, куда выходили все спальни. Моя была в одном крыле со спальней Баскервеля, почти дверь в дверь. Этн комнаты оказались более современными, чем центральная часть дома, а светлые обои и множество зажженных

свечей сразу же смягчили тяжелое впечатление, которое создалось у меня по приезде в Баскервиль-холл.

Однако столовая в нижнем этаже поразила нас своим сумрачным видом. Это была длинная комната с помостом для хорякского стола, отделенным одной ступенькой от той ее части, где полагалось сидеть лицам низшего звания. В дальнем конце были хоры для менестрелей. Высоко у нас над головой чернели огромные балки, за которыми виднелся закопченный потолок. Очень может быть, что пылающие факелы, красочность и буйное веселье стародавних пиров смягчали мрачность этой комнаты, но сейчас, когда в ней под единственной лампой с абажуром сидели два джентльмена, одетых во все черное, их голоса звучали пронглушенно и настроение у них было несколько пониженнее. Длинная вереница предков в самых разнообразных костюмах — начиная с вельмож эпохи королевы Елизаветы и кончая щеголем времен Регентства — взирала на нас со стен, удручающим молчанием. Разговор за столом как-то не клепался, и я почувствовал облегчение, когда, закончив обед, мы перешли курить в билльярдную — комнату вполне современную.

— Что и говорить, обстановка не из веселых, — сказал сэр Генри. — Ко всему этому, конечно, можно притерпеться, но сейчас я чувствую себя не в своей тарелке. Не удивительно, что моя дядюшка нервничал, живя один в таком доме. Ну что ж, давайте, пожалуй, разойдемся. Может быть, утром нам покажется здесь не так уж уныло.

Прежде чем лечь спать, я отдернул штору и посмотрел в окно. Оно выходило на газон перед парадной дверью. Позади газона, раскачиваясь на ветру, стонали высокие деревья. В просвете между быстро бегущими облаками проглянула луна. В его прохладном сиянии за деревьями виднелась неровная грива скал и длинная линия мрачных болот. Я опустил штору, убедившись, что последнее мое впечатление от Баскервиль-холла ничуть не противоречит первому.

Но оно оказалось не последним. Несмотря на усталость, я все-таки не мог заснуть и, ворочаясь с боку на бок, тщетно призывал к себе сон. Где-то далеко часы отбивали каждые пятнадцать минут, а больше ничего не на-

рушало мертвой тишины, стоявшей в доме. И вдруг в глухую полночь моего слуха коснулся совершенно явственный звук, в природе которого сомневаться не приходилось. Это были рыдания, приглушенные, судорожные всхлипывания женщины, чье сердце разрывалось от горя. Я приподнялся на кровати и стал напряженно вслушиваться. Плач раздавался где-то близко, в самом доме. Я прождал с полчаса, насторожившись всем своим существом, но не услышал больше ничего, кроме боя часов и шороха плюща, увивавшего стены.

ГЛАВА VII

СТЭПЛТОНЫ ИЗ МЕРРИПИТ-ХАУСА

Свежая прелесть утра стерла из нашей памяти гнетущее впечатление, которое осталось у нас обоих после первого знакомства с Баскервиль-холлом. Когда мы с сэром Генри сели завтракать, яркий солнечный свет уже лился в узкие окиа с цветными гербами на стеклах, разбрасывая по полу пестрые блики. Темная дубовая обшивка отливалась бронзой в золотых лучах, и теперь нам трудно было представить, что всего лишь накануне вечером эта комната навевала на нас такое уныние.

— Дом тут ни при чем, мы, вероятно, сами во всем виноваты,— сказал баронет.— Устали с дороги, прозябли, вот и нам и представилось все в мрачном свете. А за ночь мы отдохнули, чувствуем себя прекрасно, и вокруг тоже повеселело.

— Однако нельзя приписывать все только нашему настроению,— ответил я.— Скажите мне, например, неужели вы не слышали среди ночи чей-то плач, по-моему, женский?

— А вы знаете, мне тоже почудилось что-то подобное сквозь дремоту. Я долго прислушивался и потом решил, что это было во сне.

— Нет, я совершенно ясно все слышал и уверен, что плакала женщина.

— Надо сейчас же поговорить с Бэрримором.

Он вызвал лакея звонком и обратился к нему за разъяснениями. Мне показалось, что бледное лицо Бэр-

римора побледнело еще больше, когда он услышал вопрос хозяина.

— В доме всего две женщины, сэр Генри,— ответил Бэрримор.— Одна из них судомойка, которая спит в другом крыле, вторая — моя жена, но я уверяю вас, что она не плакала.

И все же он сказал нам неправду, потому что после завтрака мне пришлось столкнуться с миссис Бэрримор в коридоре, на ярком свете. Я увидел высокую, очень спокойно державшуюся женщину с крупными чертами лица и со строго скатыми губами. Но глаза — красные, с припухшими веками — выдали ее. Значит, она-то и плакала ночью, а если так, муж не мог не знать об этом. И все же он шел даже на то, что его могут уличить во лжи. Зачем? И почему она так горько рыдала?

Чем-то таинственным и мрачным веяло от этого бледного благообразного человека с черной бородой. Он первый обнаружил тело сэра Чарльза, и обстоятельства смерти старика Баскервилля были известны нам только с его слов. Неужели же это Бэрримора мы видели в кабинете на Риджент-стрит? Во всяком случае, борода была точно такая. Кэмпбелл говорил о человеке среднего роста, но это впечатление могло быть ошибочным. Как же мне установить истину? Прежде всего надо, конечно, повидать начальника почтовой конторы в Гринпейне и узнать у него, была ли наша телеграмма передана Бэрримору в собственные руки. И в том и в другом случае у меня по крайней мере будет что сообщить Шерлоку Холмсу.

Сэр Генри занялся после завтрака просмотром деловых бумаг, и я вполне мог располагать своим временем. Пройдя четыре мили по хорошей дороге вдоль болот, я вышел к маленькой, невзрачной деревушке, в которой мое прежде всего бросились в глаза два более солидных, чем остальные, строения — гостиница и дом доктора Мортимера. Начальник почтовой конторы, оказавшийся также и здешним лавочником, запомнил нашу телеграмму.

— Конечно, сэр,— сказал он,— я доставил ее мистеру Бэрримору, как и было указано.

— А кто ее относил?

— Мой сыниншка. Джеймс, ведь ты доставил телеграмму в Баскервиль-холл, мистеру Бэрримору?

— Да, папа.

— И вручил ему самому? — спросил я.

— Нет, мистер Бэрримор был где-то на чердаке, и я отдал телеграмму его жене, а она обещала тотчас же передать ему.

— А самого мистера Бэрримора ты видел?

— Нет, сэр, я же говорю, что он был на чердаке.

— Откуда же ты знаешь, где он был, если сам его не видел?

— Ну, жена-то должна была знать, где он,— раздраженно сказал почтмейстер.— Ведь телеграмма доставлена? А если произошла какая-нибудь ошибка, пусть мистер Бэрримор сам жалуется.

Продолжать расспросы было бессмысленно, но мне стало ясно, что хитрая уловка Холмса ни к чему не привела и мы так и не узнаем, уезжал Бэрримор в Лондон или нет. Допустим, что уезжал. Допустим, что он — последний, кто видел сэра Чарльза в живых,— первый выследил его наследника, как только тот приехал в Англию. Что из этого следует? Действует ли Бэрримор по чьему-то наущению, или у него есть свои собственные коварные планы? Какой ему смысл преследовать Баскервилей? Я вспомнил странное предостережение, составленное из газетных вырезок. Неужели это дело рук Бэрримора? А может быть, оно послано кем-то другим, кто старается помешать ему? Единственное правдоподобное объяснение дал всему этому сэр Генри, сказав, что если Баскервиль удастся отпугнуть от родового поместья, то чета Бэрриморов обеспечит себе безмятежное существование до конца дней своих. Но разве это в какой-то мере оправдывает ту глубокую и тоикую интригу, которая и невидимой сетью оплетает молодого баронета? Холмс сам признал, что среди всех его сенсационных расследований это дело наиболее запутанное и сложное.

Возвращаясь безлюдной, сумрачной дорогой, я молил бога, чтобы мой друг освободился как можно скорее и, приехав сюда, сиял с меня эту тяжелую ответственность.

Мои размышления были внезапно прерваны звуком быстрых шагов позади. Чей-то голос окликнул меня по

имени. Я оглянулся, ожидая увидеть доктора Мортимера, но, к моему удивлению, за мной спешил какой-то невысокий, худощавый блондин лет тридцати пяти — сорока, с чисто выбритой, несколько постной физиономией и узким, даниным подбородком. На нем был серый костюм и соломенная шляпа. Через плечо у него висела жестяная ботанизирка, а в руках он держал зеленый сачок для ловли бабочек.

— Простите мне мою смелость, доктор Уотсон,— еще не отдохнувшись как следует, заговорил незнакомец.— Мы здесь народ не церемонный и не дожидаемся официальных представлений. Вы, может быть, слышали обо мне от нашего общего друга, Мортимера. Я Стэплтон из Меррипит-хауса.

— Вас нетрудно узнать по ботанизирке и сачку,— сказал я, так как мне было известно, что мистер Стэплтон — натуралист.— Но как вы-то догадались, кто я такой?

— Я сидел у Мортимера, и он показал мне вас из окна своей приемной, когда вы проходили мимо. Нам с вами по дороге, и я решил догнать вас и представиться вам самолично. Надеюсь, сэр Генри не очень утомился после долгого путешествия?

— Нет, он хорошо себя чувствует, благодарю вас.

— Мы все боялись, что после печальной кончины сэра Чарльза новый баронет не захочет жить здесь. Трудно требовать от состоятельного человека, чтобы он заживо похоронил себя в такой глухи, но ведь вы сами понимаете, как много будет значить его присутствие для всей нашей округи. Я полагаю, эта история не внушила сэру Генри суеверного страха?

— Нет, не думаю.

— Вы, конечно, знаете легенду про чудовищную собаку, которая будто бы преследует род Баскервилей?

— Да, знаю.

— До чего же здешние фермеры суеверный народ! Просто поразительно! Ведь они чуть ли не все готовы поклясться, что видели на болотах это чудовище.— Стэплтон говорил с улыбкой, но я прочел в его глазах, что он относится к своим словам гораздо серьезнее.— Легенда совершенно овладела воображением сэра Чарльза, и она-то и привела его к такому трагическому концу.

— Каким образом?

— Когда у человека так натянуты нервы, появление любой собаки может гибельно оказаться на его больном сердце. Мне думается, что в тот вечер сэр Чарльз действительно увидел нечто подобное в тисовой аллее. Я очень любил старика и, зная о его болезни, так и ждал какого-нибудь несчастья.

— Откуда вы знали, что у него больное сердце?

— От моего друга, Мортимера.

— Следовательно, вы думаете, что на сэра Чарльза бросилась какая-то собака и он умер от страха?

— Может быть, вы располагаете более достоверными сведениями?

— Нет, я еще не успел прийти к определенным выводам.

— А мистер Шерлок Холмс?

На секунду у меня занялось дыхание от этих слов, но спокойное лицо и твердый взгляд моего собеседника говорили о том, что он и не думал застигнуть меня врасплох своим вопросом.

— Доктор Уотсон, зачем нам прикрадываться, будто мы не знаем вас? — сказал он. — Слухи о знаменитом сыщике проникли и в наши края, а разве вы можете прославлять его, сами оставаясь в тени? Мортимер не стал отрицать, что вы есть тот самый доктор Уотсон. А если вы появились здесь, значит, мистер Шерлок Холмс заинтересовался этим делом, и мне, разумеется, любопытно знать его точку зрения.

— Увы, я не могу ответить на ваш вопрос.

— Тогда разрешите спросить: не удостоит ли он нас своим посещением?

— Сейчас он не может уехать из Лондона. У него есть другие дела.

— Какая жалость! Он мог бы пролить свет на то, что скрывается во тьме для всех нас. Но вы тоже ведете расследование, доктор Уотсон, и если я в состоянии хоть чем-нибудь содействовать вам, располагайте мной как угодно. Мне было бы достаточно одного намека, кого вы подозреваете, как намерены приступить к делу, и, может статься, я уже сейчас помог бы вам советом или указанием.

— Уверяю вас, я просто приехал погостить у своего друга, сэра Генри, и никакой помощи мне не нужно.

— Великолепно! — воскликнул Стэплтои. — Вы поступаете совершенно правильно: осторожность прежде всего! Я вполне заслужил такую отповедь за свою навязчивость и обещаю вам больше не касаться этого вопроса.

Мы подошли к тому месту, где справа от дороги начиналась заросшая тропинка, узкой лентой вьющаяся среди болот. Левее стоял крутой, усеянный валунами холм, на котором в древние времена велись разработки гранита. Обращенная к нам сторона этого холма представляла собой отвесный откос, густо заросший папоротником и ежевикой. Вдали, на горизонте, поднимались серые клубы дыма.

— По этой тропинке отсюда не так уж далеко до Меррипит-хауса, — сказал Стэплтои. — Пожертвуйте часом времени, и я буду иметь удовольствие представить вас своей сестре.

В первую минуту я подумал, что мне следует быть возле сэра Генри, но потом вспомнил счета и бумаги, грудой лежавшие у него на столе. Уж тут я ничем не мог ему помочь. А Холмс просил меня познакомиться с людьми, живущими по соседству с Баскервиль-холлом. Я принял приглашение Стэплтона, и мы сверили вправо.

— Замечательные здесь места, — сказал он, глядя на волнистую линию зеленых холмов, над которыми морскими валами поднимались фантастические очертания гранитной гряды. — Эти болота никогда нам не примелькаются. А сколько тайн они хранят — бескрайние, пустынные, загадочные!

— Вы хорошо их знаете?

— Я ведь здесь второй год. Местные старожилы, пожалуй, назовут меня новичком. Мы перебрались сюда вскоре после приезда сэра Чарльза, но я, по своему призванию, уже успел обследовать здесь каждый уголок. Смею думать, что теперь мало кто знает торфяные болота лучше меня.

— А разве это такое нелегкое дело?

— Весьма нелегкое. Вот, например, присмотритесь к той равнине с поднимающимися кое-где причудливыми холмами. Чем она, по-вашему, замечательна?

— По ней хорошо скакать галопом.

— Всякий так сказал бы на вашем месте, а между тем эта ошибка уже многим стоила жизни. Видите, сколько на ней ярко-зеленых лужаек?

— Да, это, вероятно, те места, где почва лучше?

Стэплтон рассмеялся.

— Перед вами огромная Гринпенская трясина,— сказал он.— Попади в эту трясину человек или животное — один неосторожный шаг... и все кончено. Я только вчера видел, как туда забрела чья-то лошадь и, разумеется, погибла. Ее голова долго висела над трясиной. Она все вытягивала шею, стараясь выбраться, но в конце концов засосало бедняжку. Там даже в засуху опасно ходить, а после осенних дождей это совсем гиблое место. И тем не менее я не раз пробирался в самое сердце Гринпенской трясины и возвращался оттуда живым. Смотрите, еще одна несчастная лошадь!

В зеленой осоке перекатывалось и билось что-то темное. Потом над зарослями мелькнула мучительно вытянутая шея, и болота огласились страшным криком. Я похолодел от ужаса, но у моего спутника были, по-видимому, более крепкие нервы.

— Конечно! — сказал он.— Засосало. Вторая за два дня, только у меня на глазах. А сколько их еще погибло! Они повадятся туда в засуху и ходят до самой осени, пока не сгинут. Да, Гринпенская трясина — страшное место.

— И вы все-таки пробираетесь туда?

— Да, там есть две-три тропинки, по которым ловкий человек может пройти. Я отыскал их.

— Но зачем вам ходить в такое опасное место?

— А вон видите те холмы вдалеке? Это настоящие островки среди непролазной топи, которая мало-мало окружила их со всех сторон. Сумейте на них пробраться, и какие там редкостные растения, какие бабочки!

— Что же, когда-нибудь попробую.

Стэплтон с удивлением посмотрел на меня.

— Ради бога, выкиньте эту мысль из головы! — сказал он.— Ваша гибель будет на моей совести. Назад вам не вернуться, поверьте мне. Я сам только потому и осмеливаюсь туда ходить, что у меня есть сложная система примет.

— Стойте! — крикнул я.— Что это?

Негромкий, протяжный и невыразимо тоскливый вой пронесся над болотами. Воздух наполнился им, но откуда он шел, определить было невозможно. Начавшись с невилятиого стона, этот звук постепенно перешел в глухой рев и опять сник до щемящего сердце стенанья. Стэплтон как-то странно посмотрел на меня.

— Таинственные места эти болота,— сказал он.

— Что это такое?

— Фермеры говорят, что так воет собака Баскервилей, когда ищет свою жертву. Мне и раньше приходилось ее слышать, но сегодня что-то уж очень громко.

Похолодев от страха, я оглядел широкую, поднимающуюся к горизонту равнину, покрытую зелеными зарослями тростника. Ни шороха, ни малейших признаков жизни на ней — только два ворона громко каркали, сидя на каменистом столбе позади нас.

— Вы же образованный человек, вас такой чепухой не проведешь,— сказал я.— Как вы объясняете этот вой?

— Трясинна иной раз издает очень странные звуки. То ли это на оседает, то ли вода поднимается на поверхность, то ли еще что, кто знает?

— Нет, нет! Это был голос живого существа.

— Может быть. Вам никогда не приходилось слышать, как кричит выпп?

— Нет, не приходилось.

— В Англии эта птица попадается теперь очень редко, в сущности, она почти вымерла, но на таких болотах все возможно. Я бы несколько не удивился, если б оказалось, что до нас донесся голос одной из последних представительниц этого вида.

— В жизни не слышал более странных и жутких звуков!

— Что и говорить, места таинственные. Посмотрите на тот холм. Что это такое, по-вашему?

Круты склон был покрыт как бы кольцами из серого камня. Я насчитал их около двадцати.

— Что это? Овчарни?

— Нет, это жилища наших почтенных пращурков. Доисторический человек густо заселил торфяные болота, а так как после него здесь никто не жил, то весь этот домашний уют остался в целости и неприкосновенности.

Только крыши сняты. При желании можно пойти туда и увидеть его очаг и ложе.

— Да это целый городок! Когда же он был обитаем?

— Неолитический человек — точный период не установлен.

— А чем этот человек занимался?

— Пас стада здесь же, на склонах, а когда каменный топор начал уступать первенство бронзовой палице, научился добывать олово. Видите вон тот ров на противоположном холме? Это следы его работы. Да, доктор Уотсон, вы найдете много любопытных особенностей на наших болотах. А, простите, пожалуйста! Это, наверно, Cyclopides!

Мимо нас пролетел маленький мотылек, и Стэплтон с поразительной быстротой и ловкостью кинулся за ним в погоню. Я с ужасом увидел, что мотылек понесся прямо к трясине, но мой новый знакомый как ни в чем не было прыгал с кочки на кочку и размахивал своим зеленым сачком. Серый костюм и порывистые движения придавали ему самому сходство с какой-то огромной бабочкой. Я стоял, глядя на него со смешанным чувством восхищения и страха,— мне все казалось, что он вот-вот оступится и уйдет в предательскую трясину. Вдруг позади меня послышались чьи-то шаги. Я оглянулся и увидел почти рядом с собой женщину. Она появилась с той стороны, где виднелся дым, указывающий на близость Меррингит-хауса, но раньше я не мог ее заметить, потому что тропника, по которой она шла, уходила под уклон.

Я не сомневался, что это и есть мисс Стэплтон, так как вряд ли в здешних местах приходилось рассчитывать на встречу с другими дамами. Кроме того, мне говорили о ней как о красавице, а идущая по тропнике женщина действительно поражала своей красотой — красотой не совсем обычного типа. Большее несходство между сестрой и братом трудно было себе представить. Он бесцветный блондин с серыми глазами, она брюнетка — таких жгучих брюнеток мне еще не приходилось встречать в Англии,— изящная, стройная, высокая. Ее тонкие, горделивые черты были настолько правильны, что лицо могло бы показаться безжизненным, если бы не выразительный рот и быстрый взгляд прекрасных темных глаз. Идеальная фигура, нарядное платье — как странно было ви-

деть такое существо на безлюдной тропинке, вьющейся среди торфяных болот! Когда я оглянулся, взгляд этой женщины был устремлен на Стэплтона, но она тут же ускорила шаги и подошла ко мне. Я снял шляпу, уже приготовившись объяснить свое присутствие здесь, как вдруг ее слова направили мои мысли по совершенно иному пути.

— Уезжайте отсюда! — сказала она. — Немедленно уезжайте в Лондон!

В ответ на это я мог только с ошеломленным видом взорваться на нее. Она сверкнула глазами и нетерпеливо топнула ногой.

— Зачем же мне уезжать? — спросил я.

— Не требуйте объяснений. — Она говорила тихо, быстро и чуть-чуть картина. — Ради бога, послушайтесь моего совета! Уезжайте, и чтоб ноги вашей больше не было на этих болотах!

— Но ведь я только что приехал!

— Боже мой, — воскликнула она, — неужели вы не понимаете, что я желаю вам добра? Уезжайте в Лондон! Сегодня же! Вам нельзя здесь оставаться. Тсс! Мой брат идет! Не говорите ему ни слова... Будьте так любезны, сорвите мне вон ту орхидею. У нас здесь очень много орхидей, но вы немного опоздали: к осени они уже начинают отцветать, и здешняя природа теряет свою красоту.

Стэплтон оставил погоною за мотыльком и подошел к нам, весь красный и запыхавшийся.

— А, это ты, Бэрнл! — сказал он, и я не почувствовал в этом приветствии особой сердечности.

— Как ты разгорячился, Джек!

— Да, я погнался за великолепным экземпляром Cyclopides. Их здесь не часто увидишь поздней осенью. И подумай, какая жалость, — не поймал!

Он говорил спокойно-небрежным тоном, а сам все время переводил свои маленькие серые глазки с сестры на меня.

— Вы, кажется, успели познакомиться?

— Да. Я говорила сэру Генри, что сейчас уже поздно любоваться красотами наших болот — орхиден отцветают.

— Что? Как ты думаешь, кто перед тобой?

— Сэр Генри Баскервиль.

— Нет, нет,— сказал я,— не награждайте меня чужим титулом. Я всего лишь друг сэра Генри, доктор Уотсон.

Краска досады разлилась по ее выразительному лицу.

— Значит, мы говорили, не понимая друг друга,— сказала она.

— Да у вас было не так уж много времени на разговоры,— заметил Стэплтон, продолжая пытливоглядеть на сестру.

— Я приняла доктора Уотсона за нашего соседа,— сказала она.— А ему, должно быть, совершенно безразлично, цветут сейчас орхидеи или нет. Но вы все-таки зайдете к нам в Меррипинт-хаус?

Через несколько минут мы подошли к мрачной на вид ферме, которая, вероятно, в давние времена служила жильем какому-нибудь зажиточному скотоводу, а потом была перестроена на более современный лад. Ферму окружал Фруктовый садик; деревья в нем, как и повсюду на болотах, были низкорослые, чахлые. Убожеством и грустью веяло от этого места. Слуга, открывший нам дверь, был под стать дому — старый, весь сморщенный, в порыжевшем сюртуке. Но самые комнаты удивили меня своим размером и элегантностью убранства; последнее следовало, вероятно, принести вкусу хозяек. Я посмотрел в окно на бескрайние, усеянные гранитными валунами болота, которые тянулись до еле видной вдали линии горизонта, и не мог не подумать: «Что же привело в такую глушь этого образованного человека и его красавицу сестру?»

— Странное мы выбрали место, где поселиться? — сказал Стэплтон, будто отвечая на мои мысли.— И все-таки нам здесь хорошо. Правда, Бэрна?

— Да, очень хорошо,— ответила она, но ее словаозвучали как-то неубедительно.

— У меня была школа в одном из северных графств,— сказал Стэплтон.— Для человека с моим темпераментом такая работа суховата, ненестрастна, но что меня привлекало в ней, так это тесная близость с молодежью. Какое счастье передавать им что-то от самого себя, от своих идей, видеть, как у тебя на глазах формируются юные умы! Но судьба обернулась против нас. В школе

вспыхнула эпидемия, трое мальчиков умерли. Нам так и не удалось поправить дела после такого удара, большая часть моего капитала была безвозвратно потеряна. И все же, если бы разлука с моими дорогими мальчиками, я радовался бы этой неудаче, ибо для человека с моей страстью к ботанике и зоологии здесь непочатый край работы, да и сестра моя — не меньшая любительница природы. Это признание, доктор Уотсон, вы навлекли на свою голову сами: вольно же вам было устремлять из окна такой грустный взгляд на наши болота!

— Да, ие отрицаю, мие действительно кажется, что жить здесь скучно не столько вам, сколько вашей сестре.

— Нет, я не скучаю, — быстро ответила она.

— Мы заняты научной работой, у нас большая библиотека и очень интересные соседи. Доктор Мортимер — весьма начитанный человек в своей области. Несчастный сэр Чарльз тоже был прекрасным собеседником. Мы с ним были очень близки, и я даже ие могу вам передать, как нам тяжела эта утрата. А что вы скажете, если я напесу сегодня визит сэру Генри? Это ему ие помешает?

— Я увереи, что он будет очень рад познакомиться с вами.

— Тогда будьте добры предупредить его. Может быть, иам удастся помочь ему первое время, пока он еще не освоился на новом месте... А теперь, доктор Уотсон, давайте поднимемся наверх, я покажу вам свою коллекцию чешуекрылых. Смею думать, что более полной коллекции вы не найдете в этой части Англии. А когда мы кончим, к тому времени и завтрак будет готов.

Но я спешил к своему подопечному, сэру Генри. Унылость болот, гибель несчастной лошади, загадочный вой, который ставился в какую-то связь с мрачной легендой, существовавшей в роду Баскервилей, — все это настроило меня на грустный лад. А к этим более или менее смутным впечатлениям прибавились еще и совершиенно недвусмысленные слова мисс Стэплтон, которые были сказаны с такой силой убеждения, что мие ие приходилось сомневаться в серьезности и глубине причин, их вызвавших. Я отказался от настойчивых приглашений к завтраку и отправился домой по той же самой тропинке.

Но, кроме этой тропинки, здесь был, очевидно, и дру-

той, более короткий путь, ибо не успел я выйти на дорогу, как увидел перед собой мисс Стэплтон. Румянец, горевший у нее на щеках, придавал ей еще большую прелесть; она сидела на придорожном камне, тяжело дыша и прижимая руку к груди.

— Мне хотелось опередить вас, доктор Уотсон, и я всю дорогу бежала,— проговорила она.— Даже шляпу не успела надеть. Я не стану задерживаться, а то брат может заметить мое отсутствие. Мне только хочется попросить у вас извинения за свою глупую ошибку: ведь я приняла вас за сэра Генри. Прошу вас, забудьте все, что я говорила. К вам это не имеет никакого отношения.

— Как же я могу это забыть, мисс Стэплтон! Судьба моего друга, сэра Генри, меня очень интересует. Скажите мне, почему вы так наставляли на его отъезде в Лондон?

— Женский каприз, доктор Уотсон! Когда мы с вами познакомимся поближе, вы убедитесь, что я не всегда могу объяснить свои слова и поступки.

— Нет, нет! Я помню, какой у вас был взволнованный голос, я помню ваши глаза. Мисс Стэплтон, будьте откровенны со мной, прошу вас! Я, как только очутился здесь, сразу почувствовал, что вокруг меня собираются какие-то призраки. Ходишь словно по Гримпенской трясине: вот-вот увязнешь с головой на одной из этих зеленых лужаек, и никто не поможет тебе выбраться оттуда. Объясните, на что вы намекали, и я передам ваше предостережение сэру Генри.

Тень нерешительности пробежала по лицу мисс Стэплтон, но не прошло и секунды, как взгляд ее стал снова суровым, и она ответила мне:

— Вы придаете слишком большое значение моим словам, доктор Уотсон. Смерть сэра Чарльза потрясла нас с братом. Мы часто встречались с покойным, потому что его излюбленная прогулка была вот по этой тропинке, что ведет к нашему дому. Легенда о проклятии, тяготевшем над родом Баскервилей, угнетала сэра Чарльза, и когда катастрофа разразилась, я поняла, что его опасения были обоснованы. Теперь меня очень беспокоит приезд наследника сэра Чарльза, и я считала нужным

предупредить его об опасности, которая ему угрожает. Вот и все, ничего другого я не хотела сказать.

— Но в чем же, по-вашему, эта опасность?

— Вы знаете предание о собаке?

— Я не верю этому вздору!

— А я верю. Если вы имеете хоть какое-нибудь влияние на сэра Геири, увезите его отсюда. Это роковое место для Баскервилей. Мир велик. Почему сэру Геири надо жить именно здесь, где ему грозит опасность?

— Вот потому-то он и решил здесь жить. Таков характер этого человека, и если вы не высказуетесь более определенно, вряд ли мне удастся увезти его отсюда.

— Я не могу дать вам более определенных сведений по той простой причине, что у меня их нет.

— Тогда, мисс Стэплтон, разрешите задать вам еще один вопрос. Если это все, что вам нужно было сказать мне, почему же вы боялись, как бы вас не услышал брат? По-моему, тут нет ничего такого, что могло бы не понравиться ему или кому-нибудь другому.

— Мой брат очень не хочет, чтобы Баскервиль-холл пустовал: это повредит бедному люду, который живет здесь на болотах. Он бы страшно рассердился на меня, если бы знал, что я стараюсь как-то повлиять на сэра Геири. Но я исполнена свой долг и больше ничего не скажу. А теперь мне надо идти, ибо то он хватится меня и заподозрит, что я говорила с вами. Прощайте!

Она повернулась и вскоре исчезла среди валунов, а я, полный каких-то неясных страхов, направил свои шаги к Баскервиль-холлу.

ГЛАВА VIII

ПЕРВЫЙ ОТЧЕТ ДОКТОРА УОТСОНА

Начиная с этого дня я буду излагать ход событий по своим письмам к мистеру Шерлоку Холмсу, которые лежат сейчас передо мной на столе. Они сохранились полностью, если не считать одного затерявшегося листка, и передадут все мои мысли и подозрения более точно, чем

я мог бы сделать это сам, полагаясь только на свою память, хотя из нее еще не изгладились трагические события тех дней.

Баскервиль-холл,
13 октября.

Дорогой Холмс!

По моим предыдущим письмам и телеграммам вы знаете все, что произошло за последнее время в этом самом глухом уголке мира. Чем дольше живешь здесь, тем больше и больше начинает въедаться тебе в душу унылость этих болот, этих необъятных просторов, впрочем, не лишенных даже какой-то мрачной прелести. Стоит мне только выйти на них, и я чувствую, что современная Англия остается где-то позади, а вместо нее видишь вокруг лишь следы жилья и трудов доисторического человека. Это давно исчезнувшее племя напоминает о себе повсюду — вот его пещеры, вот могилы, вот огромные каменные глыбы, оставшиеся там, где, по-видимому, были его капища. Глядя на иссеченные примитивным орудием склоны холмов, на которых темнеют эти пещеры, забываешь, в каком веке живешь, и если бы вдруг под низким сводом одиой из них появилось одетое в звериную шкуру волосатое существо и вложило бы в лук стрелу с кремневым наконечником, вы почувствовали бы, что его присутствие здесь более уместно, чем ваше. Страинее всего то, что эти люди так густо заселяли здешние неплодородные места. Я не археолог, но, по-моему, это было отнюдь не воинственное, а скорее угнетенное племя, которое довольствовалось тем, от чего отказывались другие.

Однако все это не имеет никакого касательства к моему пребыванию здесь и, вероятно, никакого не интересно такому сугубо практическому человеку, как вы. Я до сих пор не в силах забыть ваше равнодушие к вопросу о том, движется ли солице вокруг земли или земля вокруг солица. Так давайте же перейдем к фактам, имеющим непосредственное отношение к Геири Баскервилю.

Последние несколько дней вы не получали от меня никаких сведений по той простой причине, что рассказывать мне было не о чем. Но с тех пор произошло одно страшное событие, о котором я доложу вам в свое время, а сейчас разберемся в других обстоятельствах, немаловажных для нашего дела.

Одно из этих обстоятельств — весьма существенное, хотя я почти не упоминал о нем в своих письмах,— каторжник, скрывающийся на болотах. Есть все основания предполагать, что он ушел из здешних мест, к великой радости обитателей одиноких ферм. Со времени его побега прошло две недели, и с тех пор о нем ни слуху, ни духу. Трудно себе представить, чтобы человек мог просуществовать на болотах все это время. Правда, спрятаться там есть где. Любая из каменных пещер могла бы служить ему пристанищем. Но ведь без еды не проживешь. Разве только он ловит и убивает овец. Нет, каторжник, безусловно, ушел из этих мест, а посему жители отдаленных ферм спят теперь спокойно.

Мы, четверо здоровых сильных мужчин, живущих в Баскервиль-холле, в случае чего сможем постоять за себя, но признаюсь вам: думая о Стэплтонах, я беспокоюсь. Близких соседей у них нет, так что им трудно рассчитывать на чью-либо помощь. Горничная, старик лакей, сестра и брат — последний, по-видимому, отнюдь не слач — вот все обитатели Меррипит-хауса. Они окажутся совершенно беспомощными в руках этого ноттингхиллского убийцы, если он заберется к ним в дом. Мы с сыром Генри очень тревожились за них и хотели даже, чтобы конюх Перкнис ночевал в Меррипит-хаусе, но Стэплтон не пожелал и слышать об этом.

Дело в том, что наш друг баронет начинает проявлять сильный интерес к своей прекрасной соседке. Да это и не удивительно, ибо он человек живой, деятельный, ему скучно в такой глупине, а она, надо признаться, обворожительная и красивая женщина. В ней есть какая-то экзотическая пылкость, в противоположность ее хладнокровному и совершенно бесстрастному брату. И в то же время в нем чувствуется скрытый огонь. Судя по всему, он имеет на сестру большое влияние; мне не раз приходилось ловить взгляды, которые она бросает на него во время разговора, словно ожидая одобрения своим словам. Хочу надеяться, что они ладят между собой. Такой сухой блеск в глазах и такие тонкие, поджатые губы часто говорят о твердом, а может быть, и суровом характере. Во всяком случае, этот натуралист любопытный тип, и вы непременно зантересовались бы им.

Он пришел с византом к сэру Генри в тот же день, а на следующее утро повел нас туда, где произошло событие, связанное с легендой о беспутном Хьюго. Мы прошли несколько миль в глубь болот и очутились в небольшой долине, настолько мрачной, что она сама по себе могла способствовать зарождению подобной легенды. Узкий проход между искривившимися каменными столбами вывел нас на открытую лужайку, поросшую болотной травой. Посередине ее лежат два огромных камня, суживающиеся кверху и напоминающие гигантские гнилые клыки какого-то чудовища. Все здесь в точности соответствует описанию той сцены, на которой разыгралась эта давняя трагедия. Сэр Генри с интересом осматривался по сторонам и все спрашивал Стэплтона, неужели тот верит в возможность вмешательства сверхъестественных сил в людские дела. Тон у него был небрежный, но он, по-видимому, относится ко всему этому очень серьезно. Стэплтон отвечал сдержанно, многое не договаривая и явно щадя чувства молодого баронета. Он рассказал нам несколько подобных случаев, когда семьи из рода в род испытывали на себе влияние каких-то недобрых сил, и после всех этих рассказов у нас создалось впечатление, что Стэплтон вместе со многими другими здешними жителями верит в легенду о собаке Баскервилей.

На обратном пути мы зашли в Мерринпт-хаус позавтракать. Тогда-то сэр Генри и познакомился с мисс Стэплтон. Он увлекся ею с первой же встречи, и вряд ли я ошибусь, если скажу, что это чувство взаимное. Когда мы возвращались домой, он то и дело заговаривал о ней, и с тех пор почти не проходит дня, чтобы мы не повидались со Стэплтонами. Сегодня они у нас обедают, а сэр Генри уже поговоривает о визите к ним на будущей неделе.

Казалось бы, лучшего мужа для сестры Стэплтону и желать нечего, и все же я не раз замечал, что он хмурится, когда сэр Генри оказывает ей внимание. Стэплтон, по-видимому, очень привязан к сестре, и ему будет тоскливо одному, но ведь это же верх эгоизма — препятствовать такой блестящей партии! Тем не менее факт остается фактом: Стэплтон явно не желает, чтобы эта дружба перешла в любовь, и, по моим наблюдениям, он всячески старается не оставлять их наедине. Кстати,

если все дело осложнится еще и романом, то ваше наставление не спускать глаз с сэра Генри окажется почти невыполнимым. Если же я буду строго следовать данному мне указанию, подумайте, как это пошатнет мою репутацию здесь!

На днях, точнее, в четверг, у нас завтракал доктор Мортимер. Он производил раскопки кургана в Длинной низине и нашел там череп доисторического человека, что повергло его в неописуемый восторг. Второго такого энтузиаста своего дела, пожалуй, и не сыщешь. После завтрака явились Стэплтоны, и, по просьбе сэра Генри, добродушный доктор повел нас всех в тисовую аллею показать, как все было в ту роковую ночь. Аллея эта длинная, сумрачная, с обеих сторон идут сплошной стеной подстриженные тисы и узкие полоски дерна. В дальнем ее конце стоит полуразрушенная беседка. Как раз посередине приходится калитка, ведущая на болота, около которой старик Баскервиль стряхивал пепел с сигары. Она деревянная, покрашена белой краской и заперта на задвижку. За ней расстилаются необъятные болота. Я вспомнил вашу теорию по поводу происшедшего здесь события и попытался представить, как все это было. Стоя у калитки, старик Баскервиль увидел нечто, приближающееся к нему с болот, и так испугался этого видения, что потерял голову, бросился бежать и бежал до тех пор, пока не упал мертвым от изнеможения и ужаса. Он бежал длинной, темной аллеей. Но кто обратил его в бегство? Какаянибудь овчарка с болот? Или призрачная собака — огромная, черная, безмолвная? А может быть, это дело человеческих рук? Может быть, бледный, настороженный Бэрримор знает больше, чем говорит? Туман и полная неопределенность — и все же за всем этим неотступной тенью стоит преступление.

С тех пор как я вам писал в последний раз, мне удалось познакомиться еще с одним из наших соседей — с мистером Френклендом из Лефтер-холла, который живет милях в четырех к югу от нас. Это старик, седой, краснолицый и весьма желчный. Мистер Френкленд помешан на британском законодательстве и ухлопал целое состояние на всевозможные тяжбы. Он судится исключительно ради собственного удовольствия, выступая то в качестве истца, то в качестве ответчика, а также развлече-

чения, как вы сами понимаете, обходятся недешево. Ему вдруг взбредет в голову запретить проезд около своих владений — пусть приходский совет доказывает, что это неправильно. Потом разломает собственными руками чью-нибудь калитку и заявит, что здесь спокой веков была проезжая дорога, — пусть хозяин подает на него в суд за нарушение границ чужого землевладения. Он знает иззубок древнее обычное право и применяет свои знания иной раз в интересах соседней деревушки Фериворси, иной раз наперекор ей, так что жители ее попременно то проносят его с торжеством по улицам, то предают символическому сожжению. Говорят, будто сейчас на руках у мистера Фреиклеида семь тяжб, которые, по всей вероятности, съедят остатки его состояния, и он, лишиенный таким образом жала, будет совершено безобразным, мирным старичком. Во всех прочих отношениях это человек мягкий, добродушный, и я упоминаю о нем только потому, что вы требовали от меня описания всех наших соседей.

Сейчас мистер Фреиклейд нашел себе очень странное занятие. Будучи астрономом-любителем и обладая великолепной подзорной трубой, он по целым дням лежит на крыше своего дома и обозревает болота в надежде на то, что ему удастся обнаружить беглого каторжника. Если б мистер Фреиклейд употреблял свою нерасстраченную энергию только на это, все было бы прекрасно, но ходят слухи, будто он собирается привлечь к ответственности доктора Мортимера за то, что тот разрыл какую-то могилу, не заручившись согласием ближайших родственников погребенного. Как вы догадываетесь, речь идет о черепе неолитического человека, обнаруженном при раскопке кургана в Длииной низине. Да, мистер Фреиклейд вносит некоторое разнообразие в нашу жизнь, а сейчас это нам как нельзя более кстати.

Теперь, сообщив вам все, что было можно, о беглом каторжнике, Стэплтонах, докторе Мортимере и мистере Фреиклеиде из Лефтэр-холла, я перейду к самому важному пункту и расскажу о Бэрриморах, в частности, о тех страшных событиях, которые произошли сегодня ночью.

Начну с телеграммы, посланной вами из Лондона с тем, чтобы удостовериться, был ли Бэрримор в тот день

на месте. Вы уже знаете о моей беседе с почтмейстером, из которой выяснилось, что наша проверка ничего не дала, и мы так и не получили нужных нам сведений. Я рассказал сэру Геири о своей неудаче, и он со свойственной ему непосредственностью немедленно вызвал Бэрримора и спросил его про телеграмму. Бэрримор сказал, что телеграмма была получена.

— Мальчик передал ее вам в собственные руки? — спросил сэр Геири.

Бэрримор удивленно посмотрел на него и минуту подумал.

— Нет,— сказал он.— Я тогда был на чердаке, и телеграмму принесла мие жена.

— А ответ вы написали сами?

— Нет, я сказал жене, как ответить, она спустилась вниз и написала.

Вечером Бэрримор снова вернулся к этой теме по своему собственному почину.

— Сэр Геири, я не совсем понял, почему вы расспрашивали меня о той телеграмме,— сказал он.— Неужели я в чем-нибудь провинился и потерял ваше доверие?

Сэр Геири постарался уверить Бэрримора, что это не так, и, чтобы окончательно успокоить его, подарил ему довольно много из своих старых вещей, ибо покупки, сделанные им в Лондоне, уже доставлены в Баскервиль-холл.

Меня очень интересует миссис Бэрримор. Это весьма солидная, почтенная женщина с пуританскими наклонностями, трудно вообразить себе существование более невозмутимое. Но вы уже знаете, что в первую ночь здесь я слышал ее горькие рыдания, и с тех пор мие не раз приходилось замечать следы слез у нее на лице. Эту женщину гложет какое-то тяжелое горе. Иной раз мие приходит в голову: может быть, это муки иечистой совести? А потом я начинаю подозревать в Бэрриморе домашнего тирана. Мие всегда казалось, что эта личность сомнительная, странная, а события прошлой ночи окончательно усилили мои подозрения.

Впрочем, само по себе это происшествие не так уж значительно. Вы, вероятно, помните, что я сплю не очень крепко, а здесь, в Баскервиль-холле, когда все время при-

ходится быть настороже, сон у меня особенно чуткий. Вчера ночью, около двух часов, я услышал крадущиеся шаги около своей комнаты. Я встал, открыл дверь и выглянул в коридор. По нему скользила чья-то длинная черная тень. Она падала от человека, который еле слышно ступал по коридору со свечкой в руке. Он был в нижней рубашке, в брюках, босиком. Я различил только его смутные очертания, но по росту догадался, что это Бэрримор. Он шел медленно, тихо, и в каждом его движении было что-то вороватое, настороженное.

Вы уже знаете из моих писем, что оба коридора пересекаются галереей, которая окружает холл. Я подождал, пока Бэрримор скроется у меня из глаз, и двинулся следом за ним. Когда я вышел на галерею, он был уже в самом конце дальнего коридора, потом в открытых дверях одной комнаты блеснул свет — значит, он вошел туда. Надо вам сказать, что эти комнаты нежилые и в них нет даже мебели, следовательно, поведение Бэрримора становилось совсем загадочным. Он стоял там, по-видимому, неподвижно, так как пламя свечи не колебалось. Ставясь шагать как можно тише, я прошел весь коридор и заглянул из-за косыка в открытую дверь.

Бэрримор стоял, притаившись, у окна, подиеся свечку к самому стеклу. Я видел его профиль — застывшее в напряженном ожидании лицо, взгляд, устремленный в непроглядную тьму болот. Несколько минут он пристально смотрел в окно, потом тихо застонал и нетерпеливым движением загасил свечу. Я сейчас же вернулся к себе в комнату и вскоре услышал за дверью те же крадущиеся шаги. Спустя долгое время, сквозь легкий сон, до меня донеслось, как где-то повернули ключ в замке, но откуда шел этот звук, определить было трудно.

Что все сне значит, я не понимаю, но в этом мрачном доме творятся какие-то тайные дела, до сути которых мы рано или поздно доберемся. Не хочу утверждать вас изложением собственных теорий на этот счет, так как вы просят меня сообщать вам только факты. Сегодня утром я долго говорил с сэром Генри, и мы разработали план кампании, основываясь на моихочных наблюдениях. Но я умолчу о нем до следующего письма, которое только выиграет от этого.

ГЛАВА IX
ВТОРОЙ ОТЧЕТ ДОКТОРА УОТСОНА

Баскервиль-холл,
15 октября.

Дорогой Холмс!

Если первое время после приезда сюда ваш посланник не баловал вас новостями, то признайтесь, что теперь он наверстывает упущенное, так как события быстро следуют одно за другим. Свой последний отчет я закончил драматическим описанием Бэрримора у окна пустой комнаты, а с тех пор у меня накопился целый ворох новостей, которые, без сомнения, сильно удивят вас. Я никак не мог предугадать, что дела примут такой оборот. За последние двое суток обстановка, с одной стороны, значительно прояснилась, с другой — стала еще сложнее. Но расскажу вам все по порядку, так, чтобы вы могли судить об этом сами.

На следующее утро после моего ночного приключения я еще перед завтраком обследовал ту комнату, куда ходил Бэрримор. Окно, в которое он так пристально смотрел, имеет одно преимущество по сравнению со всеми другими окнами дома: из него открывается самый лучший вид на болота. В просвете между двумя деревьями они лежат как на ладони, а из других окон их почти не видно. Следовательно, Бэрримор избрал это окно, чтобы высмотреть кого-то или что-то на просторах торфяных болот. Впрочем, ночь была темная, и я не знаю, на что он рассчитывал. Потом мне пришло в голову: может быть, это какая-нибудь любовная интрижка? Тогда все станет понятным — и осторожность, с какой он действовал, и страдания его жены. У человека с его внешностью есть все данные, чтобы пленить сердце какой-нибудь деревенской девушки, так что это предположение небезосновательно. Вернувшись тогда к себе в комнату, я слышал, как где-то открыли дверь. Вероятно, Бэрримор ходил на тайное свидание. Такие мысли занимали меня все следующее утро. В дальнейшем мои подозрения могут оказаться несостоятельными, и все же, невзирая на это, я считаю необходимым сообщить их вам.

Я чувствовал, что возьму на себя слишком большую ответственность, если умолчу о событиях этой ночи, дожидаясь, пока мотивы действий Бэрримора не станут ясными. После завтрака мы с баронетом ушли в его кабинет, и там я рассказал ему все. Сверх моих ожиданий, он отнесся к этому довольно спокойно.

— Я знаю, что Бэрримор разгуливает по ночам, и давно собираюсь поговорить с ним,— сказал он.— Я несколько раз слышал его шаги в коридоре примерно в те же часы, что и вы.

— Может быть, он каждую ночь ходит к тому окну?

— Может быть. А если так, надо его выследить и посмотреть, чем он там занимается. Интересно, как бы поступил в таком случае ваш друг Холмс?

— Уверен, что он сделал бы то же самое,— сказал я.— Прокралялся бы за Бэрримором и узнал, что ему там понадобилось.

— Тогда давайте сделаем это вместе.

— Но он услышит нас!

— Нет. Бэрримор туговат на ухо, и, во всяком случае, надо рискнуть. Давайте ждать его у меня в комнате.

Сэр Генри с удовольствием потер руки, видимо, радуясь малейшей возможности внести какое-то разнообразие в монотонное течение жизни, которую ему приходится вести здесь.

Баронет уже успел снестись с архитектором, подготовившим для сэра Чарльза планы перестройки, и пригласил подрядчика из Лондона, так что в скором времени здесь надо ждать больших перемен. Из Плимута приехали декораторы и меблировщики. Судя по всему, наш друг размахнулся очень широко и не пожалеет ни трудов, ни денег, чтобы восстановить былое величие своего рода. Когда дом будет заново отделан и обставлен, для полного завершения картины баронету потребуется только жена. Между нами говоря, есть все основания предполагать, что за этим дело не станет, ибо он так увлечен своей очаровательной соседкой, мисс Стэплтон, что дальше идти некуда. Однако роман протекает не так гладко, как следовало бы ожидать при данных обстоятельствах. Сегодня, например, на его поверхности появилась маленькая рябь, очень удивившая и расстроившая нашего друга.

После разговора о Бэрриморе сэр Генри надел шляпу и собрался идти куда-то. Я, разумеется, сделал то же самое.

— Вы со мной, Уотсон? — спросил он, как-то странно посмотрев на меня.

— Это зависит от того, куда вы идете. Если на болота, то да, — ответил я.

— На болота.

— Вы же знаете, какие мне даны распоряжения. Я не хочу мешать вам, но Холмс не велел оставлять вас одного, особенно на болотах. Вы сами это слышали.

Сэр Генри с милой улыбкой похлопал меня по плечу.

— Дорогой друг, — сказал он, — несмотря на всю свою дальновидность, Холмс не мог предугадать во всех подробностях, как сложится моя жизнь здесь. Вы меня понимаете? Уж кому другому, а вам-то наверняка не захочется мешать мне. Нет, пустите меня одного.

Посудите сами, каково было мое положение. Я растерялся, не зная, что сказать, как поступить, а тем временем сэр Генри взял свою палку и ушел.

Но стонло мне только немного поразмыслить, и меня начала мучить совесть: зачем я позволил ему уйти из под моего наблюдения! А что, если, вернувшись в Лондон, я должен буду признаться вам, что мое попустительство довело нас до беды? Меня бросило в жар при одной мысли об этом. Еще не поздно, его можно догнать. И я сразу же отправился к Меррингит-хаусу.

Я быстро шагал по дороге, не видя сэра Генри, и через несколько минут подошел к тому месту, где начинается тропника, уводящая в глубь болот. Тут меня взяло сомнение в правильности выбранного пути, и я поднялся на холм, с которого открывается широкий вид на болота, — тот самый холм, где была когда-то каменоломня. Оттуда я сразу ^{увидел} баронета. Он шагал по тропнике примерно на расстоянии четверти мили от меня, а рядом с ним шла женщина — не кто иная, как мисс Стэплтон. Было ясно, что эти двое давно обо всем договорились и что сегодняшняя встреча не случайна. Погруженные в разговор, они шли очень медленно, и, судя по жестикulationам мисс Стэплтон, она старалась в чем-то убедить сэра Генри, который внимательно слушал ее и время от времени отрицательно качал головой. Я стоял

среди валунов, не зная, как мне быть. Догнать их и нарушить эту интимную беседу немыслимо. Но в чем состоит мой долг? В том, чтобы ни на секунду не спускать глаз с сэра Гейри. Выслеживать друга — крайне неприятное занятие. И все же я не видел иного выхода и решил продолжать свое наблюдение с вершины холма, а потом для очистки совести признаться баронету во всем. Правда, если бы он вдруг оказался в опасности, я бы не смог ему помочь, так как был слишком далеко, но, согласитесь сами, — выбраться не приходилось.

Пройдя несколько шагов, наш сэр Генри и девушка остановились, увлеченные своим разговором, и тут мне вдруг стало ясно, что я не единственный свидетель их встречи. Среди валунов мелькнуло что-то зеленое. Принявшийся, я увидел, что это зеленый лоскут на палке, а палку несет человек, идущий по направлению к тропинке. Это оказался Стэплтон со своим сачком для ловли бабочек. Он был гораздо ближе к нашей парочке, чем я, и шел прямо на нее. В эту минуту сэр Гейри обнял мисс Стэплтона, но она отвернулась, стараясь вырваться из его объятий. Он нагнулся к ней, она заслонилась от него ладонью... А потом они отскочили друг от друга и оглянулись назад. Виной этому был Стэплтон, который бежал к ним со всех ног, нелепо размахивая сачком. Он отчаянно жестикулировал и, поравнявшись с влюбленными, в страшном волнении заметался перед ними. Я не мог понять, что все это значит, но, по-видимому, Стэплтон в чем-то обвинял сэра Генри, а тот оправдывался и мало-помалу начинал выходить из себя. Девушка стояла рядом, храня высокомерное молчание. Наконец Стэплтон круто повернулся, повелительно махнул сестре рукой, и она, бросив нерешительный взгляд на сэра Генри, пошла следом за братом. Порывистые жесты натуралиста свидетельствовали о том, что его гнев пал и на девушку. Баронет проводил их взглядом, потом повесил голову и медленно зашагал в обратный путь.

Я так ничего и не понял из этой разыгравшейся у меня на глазах сцены и чувствовал глубокий стыд, что был свидетелем ее без ведома моего друга. Мне не оставалось ничего другого, как сбежать с холма и встретить баронета внизу. Лицо у него было красное от гнева, бро-

вн нахмурены — человек явно не знал, что делать, как поступить.

— А, Уотсон! Откуда вас принесло? Неужели вы все-таки пошли следом за мной?

Пришлось объяснять ему все: как я почувствовал, что не могу отпустить его одного, как пошел следом за ним и оказался свидетелем их встречи и всех последующих событий. Сэр Генри сверкнул на меня глазами, но моя откровенность обезоружила его, и он рассмеялся, правда, невесело:

— Уж, кажется, в такой пустыне можно было расчтывать на уединение, так нет! Все словно сговорились и вышли полюбоваться, как я ухаживаю за девушкой! А ухаживание получилось довольно неудачное. Где вы абонировали себе место?

— Вон на том холме.

— Значит, на галерке. А ее братец устроился в первых рядах. Вы видели, как он на нас налетел?

— Да, видел.

— Вам никогда не приходило в голову, что этот субъект не в своем уме?

— Нет, не приходило.

— Мне тоже. До сегодняшнего дня я считал Стэплтона самым нормальным человеком, а теперь мне кажется, что на него — а может, на меня — надо надеть смирительную рубашку. Неужели я так уж плох? Вы живете со мной не первую неделю, Уотсон. Будьте откровенны. Что мне мешает стать хорошим мужем женщины, которую я люблю?

— По-моему, ничего не мешает.

— К моему положению в обществе он не может придраться, — значит, дело во мне самом. Что он имеет против меня? Я в жизни никому не причинил зла. А этот субъект даже близко меня к ней не хочет подпускать.

— Он так и сказал?

— Да, и добавил кое-что сверх этого. Знаете, Уотсон, я ведь познакомился с ней всего несколько недель назад, но мне с первой же встречи стало ясно, что эта женщина создана для меня. И она... она тоже... ей было хорошо со мной, я готов поклясться в этом! Женские глаза говорят лучше слов. Но он противился нашему

сближению, и я только сегодня улучил возможность поговорить с ней наедине. Она с радостью согласилась на это свидание, но, как вы думаете, зачем? Чтобы говорить о нашей любви? Нет, будь ее воля, она и меня заставила бы замолчать. У нее одно на языке: здесь опасно, и она не успоконится до тех пор, пока я не уеду из Баскервиль-холла. Я сказал, что после встречи с ней никуда отсюда не уеду, а если это так уж необходимо, пусть уезжает вместе со мной. Одним словом, я сделал ей предложение, но она даже не успела ответить мне, потому что в эту минуту ее милейший братец налетел на нас, как сумасшедший. Он был весь белый от ярости, а его бесцветные глазки буквально металли искры. Что я себе позволил! Как я смею приставать к женщине со своимми ухаживаниями, которые ничего не вызывают у нее, кроме отвращения! Я, вероятно, воображаю, что баронету все дозволено? Не будь он ее братом, я бы знал, как ему ответить! Пришлось сказать только, что ничего по зорного в моих чувствах нет и что я надеюсь иметь честь назвать когда-нибудь мисс Стэплтон своей женой. Но это ничему не помогло, и под конец я тоже вышел из себя и погорячился, а горячиться не следовало, принимая во внимание, что она стояла тут же. После этого он удалился вместе с ней, как вы сами видели, я же остался один в полном недоумения. Теперь, Уотсон, объясните мне, что все это значит, и я ввек не забуду вам такого одолжения!

Я прикинул мысленно и так и здак, но, по правде сказать, вся эта история повергла меня в не меньшее недоумение. Титул нашего друга, его богатство, молодость, доброе имя, наружность — все говорят в его пользу, и я не знаю за ним ничего дурного, кроме, пожалуй, темного рока, тяготеющего над его семьей.

Да, странно, что предложение сэра Генри было отвергнуто с такой резкостью и даже без всякой ссылки на желание самой девушки. Странно и то, что она отнеслась ко всему происходящему столь безучастно. Впрочем, наши сомнения разрешил в тот же день сам Стэплтон. Он явился с извинениями за грубость, долго беседовал с сэром Генри в его кабинете, и ссоры как не бывало,— мы получили на будущую пятницу приглашение к обеду в Меррипинт-хаус.

— Я все же не перестал сомневаться в нормальности этого человека,— сказал сэр Генри,— у меня до сих пор стоит перед глазами его лицо, когда он накинулся на нас сегодня утром, но, надо отдать ему справедливость, извинения были исчерпывающими, к ним не придерешься.

— А как он объяснил свою вспышку?

— Сестра для него — все. Это понятно, и я очень рад, что он знает ей цену. Они всю жизнь прожили вместе, и, если верить ему, других близких людей у него нет, так что возможность разлуки с ней приводит его в ужас. Он будто бы не догадывался о монстрациях чувствах, а убедившись в них собственным глазами, понял, что сестру могут отнять у него, и при одной этой мысли потерял над собой всякую власть. Он очень сожалеет о случившемся и признает, что эгоистично и глупо с его стороны думать, будто бы можно удержать около себя такую красивую женщину, как мисс Стэплтон. Если разлука с ней ненизбежна, то пусть уж разлучником буду я, их сосед. Так или иначе, это для него большой удар, и вряд ли ему удастся скоро примириться с ним. Но он не будет нам препятствовать, если я пообещаю молчать о своей любви в течение ближайших трех месяцев и довольствоваться только дружбой его сестры. Я пообещал, и на том дело и кончилось.

Как видите, одна из наших маленьких тайн разъяснилась. А нащупать ногами дно в этой трясине, где мы баражаемся, дело нешуточное. Теперь нам известно, почему Стэплтон так неодобрительно относится к поклоннику своей сестры — к такому завидному поклоннику, как сэр Генри.

А теперь я потяну за другую ниточку, которую мне удалось высвободить из этого спутанного клубка. Перейдем к таинственным ночным рыданиям, к заплаканному лицу миссис Бэрримор и загадочным путешествиям лакея к окну, выходящему на болота. Поздравьте меня, дорогой Холмс, и скажите, что вы не разочаровались в своем помощнике. Доверие, которое вы мне оказали, послав меня сюда, вполне оправдано. Чтобы выяснить эту очередную загадку, понадобилась одна ночь.

Я говорю «одна ночь», но вернее будет сказать, «две ночи», ибо в первую мы ничего не дознались. Мы с сэром Генри сидели в его комнате чуть ли не до трех часов

утра, но так ничего и не услышали, кроме боя часов на лестнице. Это томительное бдение закончилось тем, что и сэр Генри и ваш покорный слуга оба заснули, сидя в креслах. Впрочем, эта неудача нас не обескуражила, решено было попробовать еще раз. На следующую ночь мы прикрутили фитиль у лампы и сидели, куря сигарету за сигаретой, в полном молчании. Время тянулось невероятно медлению, но нас подбадривал тот же азарт, какой бывает у охотника, терпеливо подстерегающего дичь у капкана.

Пробило час, два, и мы уже готовы были отчаяться, как вдруг усталости нашей словно не бывало — и я и сэр Генри оба невольно выпрямились. В коридоре послышался скрип половиц. Крадущиеся шаги поравнялись с нашей комнатой и мало-помалу замерли вдали. Баронет бесшумно открыл дверь. Мы отправились следом за нашей дичью. Она уже успела пройти галерею, а в коридоре была полная темнота. Соблюдая всяческую осторожность, мы дошли до дальнего крыла, и там перед нами промелькнула фигура высокого человека с черной бородой, который на цыпочках, ссутулив плечи, ступал по коридору. Вот он шмыгнул в ту же дверь, свеча на секунду осветила ее, а потом в темный коридор протянулся тоненький желтый луч. Мы двигались к этому лучу, пробуя каждую половицу, прежде чем ступить на нее. Мы были босиком, и все же старые половицы стонали и поскривывали под тяжестью наших шагов. Мне казалось, что их нельзя не услышать, но, к счастью, Бэрримор действительно туг на ухо, да к тому же он был слишком поглощен своим делом.

Добравшись, наконец, до двери, мы заглянули в комнату. Лакей стоял со свечой у окна, почти прижавшись к стеклу лицом, то есть в той же позе, в какой я видел его две ночи назад.

У нас не было заранее разработанного плана действий, но баронет принадлежит к тому сорту людей, для которых решительные поступки кажутся самыми естественными. Он смело вошел в комнату. Бэрримор отскочил от окна, прерывисто переводя дух, и, мертвенно бледный, дрожа всем телом, стал перед нами. В его темных глазах, горевших на белой маске лица, сквозил ужас. Он растерянно переводил их с меня на сэра Генри.

— Бэрримор, что вы здесь делаете?

— Ничего, сэр.— От волнения он едва ворочал языком; свеча дрожала в его руке, бросая на стены и на потолок иеровиные тени.— Окно, сэр... Я проверяю по ночам, все ли заперты.

— Даже на втором этаже?

— Да, сэр, во всем доме.

— Слушайте, Бэрримор,— строго сказал сэр Генри,— мы решили добиться от вас правды, так что, чем скорее вы во всем признаетесь, тем лучше. Ну, довольно изворачиваться! Что вам здесь понадобилось?

Лакей бросил на нас беспомощный взгляд и в полном смятении стиснул руки.

— Я ничего плохого не делал, сэр! Я только посветил свечкой в окно.

— А зачем вы светили свечкой в окно?

— Не спрашивайте меня, сэр Генри... Не спрашивайте! Клянусь вам, сэр, это не моя тайна, я не могу ее выдать. Если б она касалась только меня, я ничего не стал бы скрывать от вас.

Вдруг меня осенила неожиданная мысль, и я взял свечу, стоявшую на подоконнике.

— Это, вероятно, условный знак. Сейчас посмотрим, будет ли на него какой-нибудь ответ.

Я поднес свечку к самому стеклу, так же, как делал Бэрримор, и взгляделся в непроглядный мрак ночи. Луна спряталась за облака, и в первую минуту мне удалось разглядеть только гряду деревьев, оттенявшую мутную ширь болот. И вдруг я торжествующе вскрикиул, увидев в черном квадрате окна крошечную желтую точку, прорезавшую ночную тьму.

— Вот, смотрите!

— Нет, нет, сэр!..— забормотал лакей.— Уверяю вас, сэр...

— Перенесите свечу вправо, Уотсон! — крикнул баронет.— Видите? Там огонь тоже передвинулся... Ну, негодяй, вы все еще будете упорствовать? Ведь это сигнал! Признавайтесь: кто ваш сообщник? Что вы замышляете?

Лакей бросил на него явно вызывающий взгляд.

— Это мое дело, вас оно не касается. Я ничего не скажу.

— Тогда можете считать себя уволенным.

— Слушаю, сэр. Видно, ничего не поделаешь.

— Я выгоню вас с позором! Стыдитесь! Наши предки больше ста лет жили вместе под одной кровлей, а вы замыслили какой-то заговор против меня.

— Нет, нет, сэр! Не против вас!

Эти слова произнес женский голос, и, оглянувшись, мы увидели в дверях насмерть перепуганную миссис Бэрримор, которая своей бледностью могла поспорить с мужем. Эта грузная женщина в нижней юбке и в шали могла бы произвести весьма комическое впечатление, если б не ужас, написанный у нее на лице.

— Нас рассчитали, Элиза. Вот чем все кончилось!.. Пойди уложи вещи,— сказал Бэрримор.

— Джон, Джон! До чего же я тебя довела!.. Это все моя вина, сэр Генри. Он только ради меня на это пошел... ради одной меня.

— Так говорите же! В чем тут дело?

— Мой несчастный брат погибает от голода на болотах. Не можем же мы допустить, чтобы он умер у самых наших дверей! Джои подает ему знак, что еда приготовлена, а он показывает, куда ее принести.

— Значит, ваш брат и есть тот...

— ...беглый каторжник, сэр... убийца Селден.

— Это все правда, сэр,— подтвердил Бэрримор.— Я вам сказал, что не могу открыть чужую тайну, а теперь вы сами все услышали, и теперь вы знаете, что против вас мы ничего не замышляли.

Так вот как разъяснились эти загадочные ночные путешествия со свечой! Мы с сэром Генри в изумлении смотрели на миссис Бэрримор. Неужели эта флегматичная почтенная женщина той же крови, что и одни из самых страшных преступников, которых знает наша страна?

— Да, сэр, моя девичья фамилия Селден, он мой младший брат. Мы избаловали его с детских лет, потакали ему во всем, вот он и уверился, будто ему все дозволено, будто мир существует только для его удовольствия. Потом подрос, попал в дурную компанию, и словно бес вселился в нашего мальчика. Он разбил материиское сердце и смешал наше имя с грязью. А чем дальше, тем хуже и хуже — от одного преступления к другому. Что

его спасло от виселицы? Только милость божья. Но для меня, сэр, он остается все тем же маленьким кудрявым мальчуганом, с которым я играла, которого нянчила, как старшая сестра. Поэтому он и убежал из тюрьмы: знал, что я здесь и что мы не откажемся помочь ему. Когда он приплелся сюда ночью, усталый, голодный, а погоня — по пятам, что нам оставалось делать? Мы впустили его, накормили, помогли всем, чем можно. Потом приехали вы, сэр, и он решил, что лучше переждать на болотах, пока суматоха не уляжется, и с тех пор скрывается там. А мы проверяем через ночь, не ушел ли, светим ему в окно, и, если он отвечает, мой муж носит на условленное место хлеб и мясо. Каждый день надеемся, может, ушел, но пока он здесь, мы его не бросим. Я женщина верующая и лгать вам не стану. Если тут есть что дурное, так муж ни в чем не виноват; он пошел на это только ради меня.

Она говорила с таким чувством, что ей нельзя было не поверить.

— Это правда, Бэрримор?

— Да, сэр Генри. Все до последнего слова правда.

— Ну что ж, я не стану вас осуждать за преданность жене. Забудьте то, что я вам говорил. Идите оба к себе, а утром мы обсудим все как следует.

Когда они ушли, мы снова посмотрели в окно. Сэр Генри открыл его настежь, и в лицо нам пахнуло холодным ночным ветром. Далеко в непроглядной тьме все еще мерцал крошечный желтый огонек.

— Удивляюсь, как он не боится! — сказал сэр Генри.

— Огонь, вероятно, только отсюда и видно.

— Может быть. Как, по-вашему, где это?

— Где-нибудь около гранитных столбов.

— Мили две, не больше?

— И того не будет.

— Да, если Бэрримор носил туда еду, значит, недалеко. И он ждет сейчас, что к нему придут на его огонек. Нет, Уотсон, я пойду и поймаю этого изверга!

Та же самая мысль мелькнула и у меня. Ведь Бэрриморы не сделали нас соучастниками — мы заставили их выдать свою тайну. Этот человек опасен для общества. Такого, как он, нельзя ни жалеть, ни оправдывать. Мы должны воспользоваться представившейся нам возмож-

ностью, чтобы вернуть его туда, где он уже никому не повредит. В противном случае за нашу оплохиость поплатятся другие, например, Стэплтоны, на которых он может напасть в любую ночь. Я думаю, что именно эта мысль толкала сэра Гейрн на такой смелый поступок.

— Я пойду с вами.

— Тогда возьмите револьвер и наденьте башмаки. Надо торопиться, не то он потушит огонь и скроется.

Не прошло и пяти минут, как мы уже быстро шли по темной аллее, прислушиваясь к моноотоному вою осеннеого ветра и шороху осыпающихся листьев. В воздухе стоял пряный запах гнили и сырости. Луна лишь изредка показывалась из-за туч, тянувшихся по небу, а как только мы вышли на болота, заморосил мелкий дождь. Желтый огонек по-прежнему мерцал впереди.

— А вы что-нибудь прихватили с собой? — спросил я.

— Да хлыст.

— Давайте действовать быстро, чтобы не дать ему опомниться и оказать сопротивление, ведь он, говорят, отчаянный. Захватим его врасплох.

— Слушайте, Уотсон! — вдруг заговорил баронет. — А что бы сказал об этом Холмс? Помните? «Ночное время, когда силы зла властвуют безраздельно...»

И, словно в ответ на его слова, где-то вдали, на мрачных просторах болот, возник тот страшный звук, который так поразил меня несколько дней назад около Гrimпенской трясины. Ветер донес до нас сначала глухое ворчанье, а потом рев, мало-помалу перешедший в тоскливыи вой. Эти дикие, грозные звуки повторялись в той же последовательности раз за разом, наполняя собой воздух. Баронет схватил меня за рукав, и я даже в темноте разглядел, какой мертвениой бледностью покрылось его лицо.

— Боже мой, Уотсон, что это?

— Не знаю. Говорят, что такие звуки — не редкость на болотах. Я уже слышал их.

Вой снова замер, наступила полная тишина. Мы стояли, напряженно прислушиваясь, но больше ничто не нарушало окружающего нас безмолвия.

— Уотсон, — сказал баронет, — это выла собака.

Кровь похолодела у меня в жилах, нбо голос сэра Генри дрогнул от ужаса.

— Как они объясняют этот звук? — спросил он.

— Кто?

— Эдешине жители.

— Но ведь это совершенно невежественные люди! Не все ли вам равно, как они его объясняют?

— Уотсон, скажите мне, что они говорят об этом?

Минуту я колебался, но вопрос был поставлен так, что отмолчаться мне не удалось.

— Они говорят, что это воет собака Баскервишей.

Сэр Генри застонал.

— Да, так может выть только собака,— сказал он после долгого молчания,— но она где-то далеко, в той стороне.

— Я не могу определить, откуда шел этот вой.

— Его принесло ветром. А где Гримпенская трясина? Вон там?

— Да.

— Так оттуда он и шел. Бросьте, Уотсон! Вы же сами думаете, что это выла собака. Я не ребенок. Не бойтесь сказать мне правду.

— В тот раз со мной был Стэплтон. Он говорит, что так кричат какие-то птицы.

— Нет, это собака. Боже мой! Неужели во всех этих небылицах есть хоть доля правды? Неужели мне угрожает какая-то неведомая опасность? Вы не верните в это, Уотсон?

— Нет, нет!

— А все-таки одно дело — смеяться над таким глупостям в Лондоне и совсем другое — слышать этот вой, стоя в темноте на болотах. А мой дядя? Ведь около его тела нашли собачьи следы. Все одно к одному. Я далеко не трус, Уотсон, но у меня кровь стынет в жилах от этих звуков. Потрогайте мою руку.

Она была холодна, как мрамор.

— Ничего, завтра все пройдет.

— Нет, этого воя мне никогда не забыть. Что же нам теперь делать?

— Повернем домой?

— Ни за что! Ловить этого негодяя, так ловить. Мы с вами охотимся за каторжником, а чудовищная собака,

наверно, охотится за нами. Пойдемте, Уотсон! Пусть все исчадия ада ринутся сюда, на болота, все равно отступать нельзя.

Спотыкаясь на каждом шагу, мы медленно двинулись дальше. И справа и слева от нас громоздились неясные в темноте очертания скалистых холмов. Впереди по-прежнему маячил маленький желтый огонек. Нет ничего обманчивее расстояния в кромешной тьме. Огонек мерцал то у самого горизонта, то всего в нескольких шагах от нас. Но иаконец мы разглядели источник света и поняли, что теперь до него недалеко. Это была оплывшая свечка, вставленная в расселину между камнями, которые защищали ее и от ветра и от посторонних глаз, оставляя открытой только с той стороны, где был Баскервиль-холл. Наше приближение скрывал большой гранитный валун. Мы притаились за ним и осторожно выглянули наружу. Странно было видеть эту одионскую свечу среди болот! Желтый язычок пламени, отсвечивающий на камнях,— ни признака жизни вокруг.

— Что же теперь делать? — прошептал сэр Генри.

— Подождем здесь. Ои, вероятно, где-нибудь поблизости. Может быть, сейчас покажется.

Я не успел договорить, как мы увидели его. В расселине, где горела свеча, появилось страшное, изборожденное следами пагубных страстей лицо, в котором не было ничего человеческого. Такое лицо, облепленное грязью, заросшее щетиной, все в космах спутанных волос, вполне могло бы быть у одного из тех дикарей, которые жили когда-то на склонах этих холмов. Огонек свечи отражался в хитрых маленьких глазах, злобно бегавших по сторонам, точно глаза зверя, заслышавшего в темноте шаги охотников. Что-то, вероятно, возбудило его подозрение. То ли у них с Бэрримором был какой-то ненезвестный нам условный знак, то ли он почувствовал, что дело иеладио, но я сразу подметил следы страха на его отвратительной физиономии. Он мог каждую секунду погасить свечу и скрыться в темноте. Я выбежал вперед, сэр Генри за мной. Каторжник с воплем швыриул в нас камнем, и камень разлетелся на куски, ударившись рядом о валун. Я успел только разглядеть, что он приземистый, широкоплечий. К счастью, в эту минуту из-за туч показалась луна. Мы кинулись вверх по холму, а

Собака Баскервилей

«Собака Баскервилей»

каторжник мчался по другому его склону, с ловкостью горного козла прыгая по камиям. Удачный выстрел мог бы ранить его, но я захватил с собой револьвер только для защиты, а не для того, чтобы стрелять в спину небооруженному человеку.

И я и сэр Геири были неплохие бегуны, однако мы вскоре поняли, что нам не догнать его. Он долго виделся впереди, освещенный ярким лунным светом, и наконец почти исчез, превратившись в маленькую точку, быстро движущуюся по склону отдаленного холма. Расстояние между нами все увеличивалось. Наконец мы окончательно выбились из сил, сели на камни и стали смотреть вслед его удаляющейся фигуре.

И вот тут-то произошло нечто странное и совершившее неожиданное. Мы уже поднялись, решив оставить бесполезную погоню. Луна была справа от нас; иеровная вершина гранитного столба четко вырисовывалась на фоне ее серебряного диска. И на этом столбе я увидел человеческую фигуру, стоявшую неподвижно, словно статуя из черного дерева. Не думайте, Холмс, что это была галлюцинация. Я, как никогда, мог положиться на свое зрение! Насколько мне удалось разглядеть, это был высокий, худой человек. Он стоял, чуть расставив ноги, скрестив руки на груди, опустив голову, и, словно в раздумье, смотрел на царство торфа и гранита, которое лежало перед ним. Вот таким и представляется мне дух здешних болот! Это был не каторжник. Он стоял далеко от места, где скрылся Селден, да и ростом был выше. Вскрикнув от неожиданности, я повернулся к баронету и схватил его за руку. Секуиды, которая понадобилась мне на это, было достаточно — человек исчез. Острая вершина гранитного столба по-прежнему врезалась в лунный диск, но неподвижной, безмолвной фигуры на ней уже не было.

Я сразу же решил, что надо пойти туда и осмотреть этот столб, но он стоял довольно далеко от нас, а баронету было не до приключений, — он все еще не мог успокоиться после страшного воя, напомнившего ему о мрачном семейном предании. К тому же сам он ничего не видел, и, следовательно, его не могло взволновать это странное зрелище.

— Наверно, часовой. Со временем побега болота так и кишают ими,— сказал он.

Возможно, что сэр Генри был прав, но мне так хотелось окончательно убедиться в этом! Сегодня мы дадим знать принастунским властям, где скрывается беглый каторжник. Но все-таки жалко, что нам не удалось поймать его самим и с торжеством водворить обратно в тюрьму!

Таковы события последней ночи, и вы, дорогой Холмс, должны признать, что вам представлеи полный отчет о них. Большая часть моих рассказов, конечно, не имеет никакого отношения к нашему делу, но я считаю нужным сообщать в своих письмах все факты — выбирайте из них те, которые сослужат вам службу. Кое-какие успехи у нас все же есть. Мы узнали теперь всю подоплеку поведения Бэрриморов, а это значительно прояснило обстановку. Но тайна торфяных болот, тайна их странных обитателей остается по-прежнему не разгаданной. Может быть, в следующем письме мне удастся немного проникнуть над ней завесу. А лучше всего было бы, если бы вы приехали сюда сами.

ГЛАВА X

ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА ДОКТОРА УОТСОНА

До сих пор я вполне обходился в своем повествовании отчетами, которые Шерлок Холмс получал от меня в первое время после моего приезда в Баскервиль-холл. Теперь же мы подошли к такому моменту, когда я вынужден оставить этот способ и снова положиться на свою память, подкрепив ее выписками из собственного дневника. Эти два отрывка подведут нас вплотную к тем событиям, которые навеки запечатились у меня в мозгу.

Я остановился на описанной нашей неудачной попытке за каторжником и на том, что за ней последовало. Продолжаю свой рассказ на другое утро.

16 октября. Туманный, серый день, моросит дождь. Над Баскервиль-холлом низко нависли тучи; время от времени гряда их редеет, и тогда сквозь просветы вдали виднеются мрачные просторы торфяных болот, на которых поблескивают серебром склоны холмов и мокрые валуны. И дома и под открытым небом — всюду одина-

ково тоскливо. После пережитого ночью баронет находился в мрачном настроении. Я сам ощущаю какую-то тяжесть на сердце, и меня гнетет предчувствие неминуемой беды — предчувствие тем более страшное, что объяснить его я не в силах.

А разве оснований для беспокойства нет? Стоит только вспомнить цепь событий, которые все указывают на присутствие каких-то темных сил, действующих здесь. Смерть последнего хозяина Баскервиль-холла, в точности совпадающая с семейным преданием, толки среди фермеров о странном существе, которое появляется на болотах. Да я собственными ушами дважды слышал звуки, похожие на отдаленный собачий вой. Нельзя же в самом деле поверить, что все это — вне законов природы! Призрачная собака, которая оставляет следы на земле и громко воет? Нет, это и невыносимо! Стэплтона, а за ним и Мортимер могли поддаться общему настроению, но если у меня есть какое-нибудь достоинство, так это здравый смысл, и я никогда не стану предаваться суеверию. Для этого надо опуститься на уровень развития здешних фермеров, которые, не довольствуясь рассказами о какой-то свирепой собаке, наделяют ее пламенем, пыщащим из глаз и пасти. Холмс не стал бы даже слушать подобные бредни, а я представляю здесь его персону. Однако факты остаются фактами: мне пришлось дважды слышать этот вой. А что, если по болотам действительно бегает какая-то огромная собака? Ведь тогда все станет понятным! Но где она прячется, что она ест, откуда она взялась, почему никто не видел ее днем? Надо сознаться, что, давая всему этому правдоподобное объяснение, мы иatalкиваемся на не меньшие трудности. Но даже если оставить собаку в стороне, — как объяснить то, что было в Лондоне? Неизвестный в каббе, письмо, автор которого заклинал сэра Гейри не выходить на торфяные болота? Уж в этом-то нет ничего сверхъестественного, хотя и то и другое можно в одинаковой степени приписать и дружеским и враждебным силам. Но где он сейчас, этот друг или враг? Остался ли в Лондоне или последовал за нами сюда? Неужели... Неужели его-то я и видел на вершине гранитного столба?

Правда, он всего лишь мелькнул у меня перед глазами, но кое-что я все же приметил и готов подтвердить это

под присягой. Он не из здешних жителей — теперь я знаю всех соседей сэра Генри. Он выше Стэплтона и гораздо худее Френклена. Его можно было бы принять за Бэрримора, но Бэрримор оставался дома, и я уверен, что ему не удалось бы прокрасться за нами незамеченным. Следовательно, здесь, так же как и в Лондоне, нас выслеживает какой-то неизвестный. Мы до сих пор не можем отделаться от него. Если б мне удалось поймать этого человека, тогда все наши недоумения сразу бы разъяснились. Вот моя цель, и я приложу все силы, чтобы достигнуть ее.

Первым моим побуждением было поделиться своими планами с сэром Генри. Но, поразмыслив, я решил вести игру самостоятельно и поменьше говорить об этом. Баронет молчалив и погружен в свои мысли. Вой, который мы слышали на болотах, очень на него подействовал. Я решил не усугублять его беспокойства, но оружия не сложу и буду действовать на свой страх и риск.

Сегодня после завтрака у нас разыгралась небольшая сцена. Бэрримор попросил у сэра Генри разрешения поговорить с ним, и они ушли в кабинет. Сидя в бильярдию, я слышал их повышенные голоса и прекрасно догадывался, о чем там идет речь. Вскоре дверь кабинета растворилась, и баронет позвал меня.

— Бэрримор в обиде на нас, — сказал сэр Генри. — С нашей стороны, видите ли, было нечестно преследовать его шурина, тайну которого он выдал нам по собственной воле.

Лакей стоял бледный, но держал себя в руках.

— Я, может быть, погорячился, сэр, в таком случае прошу прощения. Но все же меня очень удивило, когда я услышал ваши шаги на рассвете и узнал, что вы хотели поймать Селдена. Незачем мне наводить людей на его след, — ему, несчастному, и без того плохо.

— Если бы вы действительно выдали Селдена по собственной воле, это было бы совсем другое дело, — сказал баронет. — Но ведь вы, вернее, ваша жена, признались во всем только под нашим наложением. Вам ничего другого не оставалось.

— Я не думал, что вы воспользуетесь нашим признанием, сэр Генри. Никак не думал.

— Селден опасен для общества. Ведь он ни перед чем не остановится, это по его физиономии видно! Вспомните, как редко здесь встречается жилье. Взять хотя бы мистера Стэплтона — в случае нападения ему надеяться не на что, разве только на собственные силы. Нет, пока этого человека не посадят под замок, мы не можем чувствовать себя в безопасности!

— Селден никого не тронет, сэр, клянусь вам! Для здешних жителей он теперь не страшен. Поверьте мне, сэр Генри, через несколько дней все будет улажено, и он уедет в Южную Америку. Умоляю вас, не сообщайте полиции, что Селден все еще здесь, на болотах. Его уже перестали искать, и он может спокойно дождаться парохода. Если вы донесете на него, нам с женой несдобровать. Прошу вас, сэр, не обращайтесь в полицию!

— Уотсон, что вы на это скажете?

Я покал плечами:

— Если этот человек уберется из Англии, налогоплательщики вздохнут свободнее.

— А вдруг он натворит каких-нибудь бед до отъезда?

— Нет, сэр! Ведь не безумный же он! Мы дали ему все, что нужно. А новое преступление выдаст его с головой.

— Это верно,— сказал сэр Генри.— Хорошо, Бэрримор...

— Да благословит вас бог, сэр! Как я вам благодарен! Если Селдена поймают, моя жена не перенесет такого горя.

— Выходит, Уотсон, мы с вами укрываемого преступника. Но у меня, кажется, не хватит теперь духу выдать его. Хорошо, покончим на этом. Вы можете идти, Бэрримор.

Пробормотав дрогнувшим голосом несколько слов благодарности, лакей пошел к дверям, но на пороге вдруг остановился.

— Вы так хорошо со мной обошлись, сэр, что мне хочется как-то отблагодарить вас,— нерешительно начал он.— Я кое-что знаю, сэр Генри... может быть, напрасно я так долго молчал, но это выяснилось, когда дознание было уже закончено. Я еще ни с кем не говорил об этом... Речь идет о смерти сэра Чарльза.

Мы с баронетом так и подскочили на месте.

— Вам известны обстоятельства его смерти?

— Нет, сэр.

— Тогда что же?

— Я знаю, почему он стоял у калитки в такой поздний час. У него было свидание с женщиной.

— Свидание с женщиной! У сэра Чарльза!

— Да, сэр.

— Кто она такая?

— Имена ее я вам не скажу, сэр. Я знаю только первые буквы: «Л. Л.».

— Откуда вам это известно, Бэрримор?

— Сэр Генри, в то утро ваш дядюшка получила письмо. На его имя обычно приходило очень много писем, ведь он был человек известный и славился своей отзывчивостью. К нему каждый обращался со своим горем. Но в то утро пришло только одно письмо, почему я его и запомнил. Почерк на конверте был женский, и на штемпеле стояло: «Кумб-Треси».

— Дальше?

— Я бы не вспомнил больше об этом письме, если бы не жена. Несколько недель тому назад она принесла за уборку в кабинете сэра Чарльза — в первый раз после его смерти — и нашла в глубине каминна листок бумаги. Большая часть его превратилась в пепел, но один маленький кусочек — самый конец — уцелел, и слова еще можно было разобрать, хотя чернила посерели от огня, а бумага обуглилась. Это была, наверно, только приписка, и мы прочли вот что: «Умоляю вас, как джентльмена, сожгите это письмо и будьте у калитки в десять часов вечера». Внизу стояли две буквы: «Л. Л.».

— Вы сохранили этот обрывок?

— Нет, сэр. Он рассыпался у меня в руках.

— А до этого сэр Чарльз получал письма, написанные тем же почерком?

— Не знаю, сэр, не обращал внимания. Да и это письмо запомнилось мне только потому, что оно было единственное в тот день.

— И вы не знаете, кто такая «Л. Л.»?

— Нет, сэр, понятия не имею. Но я думаю, что, если бы нам удалось разыскать эту леди, мы бы узнали кое-какие подробности о смерти сэра Чарльза.

— Я просто не понимаю вас, Бэрримор! Как можно было скрывать до сих пор такие важные сведения?

— Видите ли, сэр, сразу же вслед за этим на нас самих свалилась беда. Кроме того, мы с женой очень любили сэра Чарльза и не забывали его благодеяний. Зачем, думаем, ворошить старое? Нашему несчастному хозяину это уже не поможет, а когда в дело замешана женщина, тут надо действовать осторожно. Ведь даже самые достойные люди...

— По-вашему, это может оскорбить его память?

— Да, сэр, я решил, что ничего хорошего из этого не получится. Но вы были так добры к нам... Мне не захотелось скрывать от вас то, что я знаю.

— Хорошо, Бэрримор, можете идти.

Когда лакей вышел, сэр Генри повернулся ко мне.

— Ну, Уотсон, что вы скажете об этом новом луче света?

— По-моему, он еще больше сгустил темноту.

— Да, верно. Но если бы нам удалось выследить эту «Л. Л.», тогда все бы прояснилось. Мы теперь знаем, что есть женщина, которой многое известно, а это уже серьезное достижение! Надо только найти ее. Что же нам теперь делать?

— Немедленно сообщить обо всем Холмсу. Может быть, это наведет его на нужный след. Я почти уверен, что он сейчас же приедет сюда.

Я ушел к себе и написал Холмсу подробный отчет о событиях сегодняшнего утра. Мой друг, по-видимому, очень занят последнее время, так как письма с Бейкерстрит становятся все реже и все короче. В них ни словом не упоминается о моих отчетах, а о цели моей поездки сюда — лишь вскользь. Дело о шантаже, вероятно, поглощает все силы Холмса. Но последние события, безусловно, привлекут его внимание и снова пробудят в нем интерес к нашему расследованию. Как бы мне хотелось, чтобы он был здесь!

17 октября. Сегодня весь день льет дождь; тяжелые капли шуршат в густом плаще, падают с карнизов. Я вспомнил каторжника, скрывающегося в глубине мрачных, открытых небу торфяных болот. Бедняга! Каковы бы ни были совершенные им преступления, теперешние его муки в какой-то мере искупают их. А потом вспомнил-

ся мие и тот, другой человек... Лицо, мелькившее в окне кэба, черный силуэт на лунном диске. Неужели этот неуловимый соглядатай, этот пособник тьмы тоже где-то бродит сейчас под таким ливнем?

Вечером я надел непромокаемый плащ и отправился в глубь болот, рисуя в своем воображении страшные картины. Дождь хлестал мие в лицо, в ушах свистел ветер. Да хранит господь тех, кто блуждает сейчас около Гримпенской трясины! В такую погоду даже взгорья превращаются здесь в сплошную топь. Я отыскал гранитный столб, на котором стоял тот одинокий созерцатель, и с его неровной, уступчатой вершины оглядел расстилавшиеся внизу унылые болота. Дождевые потоки заливали эти бурые извины, тяжелые, свинцово-серые тучи низко стлались над землей, а сквозь их обрывки проступали причудливые очертания холмов. Вдали, по левую руку от меня, над деревьями ложбины поднимались чуть видные в тумане узкие башни Баскервиль-холла. Только они одни и говорили о присутствии человека в этих местах, если не считать доисторических пещер, ютившихся на склонах холмов. И нигде ни малейшего следа того незнакомца, одинокую фигуру которого я видел на этой самой вершине две ночи назад!

На обратном пути меня догнал доктор Мортимер, ехавший в своей тележке со стороны Гиилого болота. Все это время доктор был к нам очень внимателен, и не проходило почти ни одного дня, чтобы он не заглянул в Баскервиль-холл справиться, как мы поживаем. Доктор усадил меня к себе в тележку и предложил подвезти домой. Он очень огорчен пропажей своего спаниеля. Собака убежала на болота и не вернулась. Я утешал доктора как мог, а сам, вспоминая лошадь, увязшую в Гримпенской трясине, думал, что Мортимеру вряд ли придется увидеть когда-нибудь свою собачонку.

— Кстати, доктор,— сказал я, трясясь вместе с ним по рытвинам дороги,— вы, вероятно, знаете здесь всех, кто находится в радиусе ваших разъездов?

— Думаю, что всех.

— Тогда вы, может быть, скажете мне полное имя и фамилию женщины, инициалы которой «Л. Л.»?

Мортимер задумался, потом ответил:

— Нет. Правда, за цыган и работников на фермах я не могу ручаться, но среди самих фермеров и мелких помещиков такие инциденты как будто ни к кому не подходят. Хотя постойте,— добавил он после паузы,— есть некая Лора Лайонс — вот вам «Л. Л.». Но она живет в Кумб-Тресн.

— Кто она такая? — спросил я.

— Дочь Френкленда.

— Как! Дочь этого старого чудака?

— Совершенно верно. Она вышла замуж за художника по фамилии Лайонс, который привезжал сюда на этюды. Он оказался негодяем и бросил ее. Впрочем, насколько я слышал, нельзя сваливать всю вину на одну сторону. Отец отрекся от нее, потому что она вышла замуж без его согласия, а может быть, и не только поэтому. Одним словом, два греховодника — и старый и молодой — допекали несчастную женщину как могли.

— Чем же она живет?

— Старик Френкленд, вероятно, дает ей кое-что, разумеется, немногого, так как его собственные дела находятся в плачевном состоянии. Но каковы бы ни были ее прегрешения, нельзя же было позволять ей скатываться все ниже и ниже. Эта история стала известна здесь, и соседи — а именно Стэплтон и сэр Чарльз — помогли ей, да и возможность честно зарабатывать на жизнь. Я тоже кое-что пожертвовал. Мы хотели, чтобы она выучилась печатать на машинке.

Мортимер спросил, почему меня это интересует, и я кое-как удовлетворила его любопытство, стараясь не вдаваться в подробности, ибо нам совершенно незачем посвящать в свои дела лишних людей.

Завтра утром я съезжу в Кумб-Тресн, и, если мне удастся повидать эту даму с весьма сомнительной репутацией, миссис Лору Лайонс, мы сделаем большой шаг вперед к тому, чтобы одной загадкой стало у нас меньше.

Междуд прочим, ваш покорный слуга мало-помалу превращается в мудрого эмеля: когда Мортимер зашел уж слишком далеко в своих расспросах, я осведомился, к какому типу принадлежит череп Френкленда, и спас положение — вся остальная часть пути была посвящена лекции по криминологии. Годы, проведенные в обществе Шерлока Холмса, не прошли для меня даром.

Чтобы покончить с описанием этого унылого, дождливого дня, упомяну еще об одном разговоре, на сей раз с Бэрримором. Этот разговор дал мне козырь в руки, с которого я и пойду в нужную минуту.

Мортимер остался у нас, и после обеда они с баронетом затеяли партию в экартэ. Лакей подал мне кофе в кабинет, и я воспользовался этим, чтобы задать ему несколько вопросов.

— Ну, Бэрримор, что поделывает ваш милый родственник? Уехал или все еще прячется на болотах?

— Не знаю, сэр. Хоть бы поскорее уехал! Ведь сколько мы с ним хватили горя! Я ничего о нем не знаю с тех пор, как отнес ему последний раз еду, а это было третьего дня.

— А тогда вы его видели?

— Нет, сэр, но я потом проверил — еды на месте не оказалось.

— Раз еды не было, значит, он все еще там.

— Да как будто так, сэр, если только ее не взял тот, другой человек.

Моя рука с чашкой замерла на полдороге, и я во все глаза уставился на Бэрримора.

— Так вы знаете, что там есть кто-то другой?

— Да, сэр, на болотах прячется еще один человек.

— Вы его видели?

— Нет, сэр.

— Откуда же вы о нем знаете?

— Мне говорил про него Селден недели полторы назад. Этот человек тоже скрывается, но, по-моему, он не из каторжников... Не иправится мне это, доктор Уотсон, совсем не иправится! — с неожиданной силой вырвалось вдруг у Бэрримора.

— Слушайте, друг мой! Я здесь действую исключительно в интересах вашего хозяина. Я только затем и приехал, чтобы помочь ему. Скажите мне прямо: что, собственно, вам не иправится?

Минуту Бэрримор колебался, точно сожалея о своей вспышке или же не находя подходящих слов для выражения обуревающих его чувств.

— Да все, что там делается, сэр! — воскликнул он наконец, показав на залитое дождевыми потоками окно, которое выходит на болота. — Не к добру это. Там

замышляют черное дело, поверьте моему слову! Мне теперь хочется только одного: чтобы сэр Генри поскорее уехал отсюда в Лондон.

— Да что вас так напугало?

— А вы вспомните смерть сэра Чарльза! Мало ли что там решили на дозианни! Прислушайтесь ночью, что делается на болотах. Ведь люди ни за какие деньги не согласятся выйти туда после захода солнца... А этот человек, который там прячется и кого-то выслеживает,—кого он выслеживает? Что все это значит? Нет, для тех, кто носит имя Баскервилей, это добром не кончится, и я не дождусь того дня, когда новые слуги сэра Генри заступят мое место и мне можно будет уехать отсюда!

— Расскажите мне про этого человека,— сказал я.—Что вы о нем знаете? Что говорил Селден? Ему известно, где тот прячется и зачем?

— Селден видел его раза два, но он осторожный, хитрый. Сначала Селден принял его за полицейского, а потом убедился, что тут нечто совсем другое. По виду он джентльмен, но что ему там нужно, никак не поймешь.

— А где он прячется?

— Селден говорит, что в старых пещерах на склонах холма,— знаете, там есть каменные пещеры, где в древности жили люди.

— А чем он питается?

— Селден подглядел, что к нему ходит какой-то мальчишка. Ои, наверно,носит ему еду и все прочее из Кумб-Треси.

— Хорошо, Бэрримор. Мы еще с вами поговорим об этом как-нибудь в другой раз.

Когда лакей вышел, я остановился у окна и посмотрел сквозь мутное стекло на бегущие по небу облака и на деревья, которые трепал ветер. Если в такую погоду неуютно даже в доме, то каково же в каменной пещере на болотах! Какой иенавистью надо пытать, чтобы устроить засаду в таком месте и в такое время! И что побудило этого человека пойти на столь тяжкое испытание?

В одной из этих пещер таится самая суть той задачи, которая так мучит меня. Клянусь, не пройдет и дня, как я сделаю все, что в человеческих силах, и доберусь до разгадки этой тайны!

ЧЕЛОВЕК НА ГРАНИТНОМ СТОЛБЕ

Отрывки из моего дневника, составившие последнюю главу, подвели нас вплотную к 18 октября, то есть к тому числу, начиная с которого все эти невероятные события быстро двинулись к своей страшнойвязке. Происшествия последних дней настолько врезались мие в память, что я могу рассказывать о них, не прибегая к своим записям.

Итак, начнем с того дня, в канун которого я выяснил два обстоятельства первостепенной важности. Первое: что миссис Лора Лайонс из Кумб-Треси писала сэру Чарльзу Баскервилю и назначила ему свидание в том самом месте, где он встретил свою смерть (причем в тот же условленный час), и второе: что человека, скрывающегося на болотах, следует искать в камених пещерах на склоне холма. Я чувствовал, что теперь только недостаток мужества и сообразительности может помешать мне разгадать эти две загадки.

В тот вечер мие не удалось рассказать баронету о миссис Лайонс, так как они с доктором Мортимером доздна засиделись за картами. Но на другой день во время завтрака я поделился с ним своим открытием и предложил съездить со мной в Кумб-Треси. Сначала он охотно согласился на это, но, поразмыслив, мы решили, что лучше мие поехать одному. Чем официальнее будет обставлен этот визит, тем меньших результатов мы добьемся. И я не без угрызений совести покинул сэра Генри, а сам отправился на эти новые розыски.

Подъехав к Кумб-Треси, я велел Перкинсу остановить лошадей и навел справки о леди, которую мие предстояло допросить. Отыскать ее дом оказалось нетрудно — он стоял в самом центре деревни. Служанка, открывшая дверь, без дальнейших церемоний ввела меня в гостиную, где за пишущей машинкой сидела женщина. Она с приятной улыбкой поднялась мие навстречу, но, увидев перед собой незнакомца, нахмурилась, снова села к столу и осведомилась о цели моего посещения.

С первого взгляда миссис Лайонс поразила меня своей красотой. Светло-карие глаза, каштановые волосы,

иежный румянец на щеках, правда, усыпанных веснушками,— румянец того восхитительного оттенка, что танцуется в самом сердце белой розы. Повторяю, первое впечатление было очень сильное. Однако, присмотревшись, я настроился на критический лад. В этом лице было что-то непрятное, грубое — его совершенную красоту портили то ли безвольные складки у рта, то ли жесткость взгляда. Но все эти мысли пришли мне в голову задним числом. В первую же минуту я просто почувствовал, что передо мной сидит очень красивая женщина и эта женщина спрашивает меня, зачем я пришел. И мне только тогда стало ясно, насколько щекотлива цель моего визита.

— Я имею удовольствие знать вашего батюшку,— сказал я.

Начало было довольно неудачное, и леди сразу же дала мне понять это.

— У меня нет ничего общего с моим отцом,— сказала она.— Я ничем ему не обязана и не могу считать его друзей своими друзьями. Он не обременяет себя отцовскими заботами. Если бы покойный сэр Чарльз Баскервиль и некоторые другие сердобольные люди, мне пришлось бы голодать.

— А я как раз хочу поговорить с вами о покойном сэре Чарльзе Баскервиле.

Веснушки ярко выступили на ее побледневшем лице.

— Что именно вас интересует? — спросила она, и ее пальцы нервно потрогали клавиши машинки.

— Вы были знакомы с ним?

— Я же говорю, что я многим ему обязана. Если мне удалось стать на иоги, то это объясняется главным образом тем участием, которое он проявил к моей судьбе.

— Вы с ним переписывались?

Леди метнула на меня быстрый взгляд, и в ее светлокарих глазах вспыхнул злой огонек.

— Объясните мне цель этих расспросов,— резко сказала она.

— Цель их может быть только одна: избежать неприятной для вас огласки. Давайте поговорим здесь, иначе это уже будет не в нашей власти, а тогда выйдет хуже.

Она побледнела еще больше и долго молчала. Потом вдруг посмотрела на меня и сказала дерзким, вызывающим тоном:

— Хорошо, я согласна. Что вы хотите знать?

— Вы переписывались с сэром Чарльзом?

— Да, я писала ему раза два, благодарила за его великодушие и деликатность.

— Даты этих писем вы помните?

— Нет.

— А вы встречались с ним лично?

— Считаюое число раз, во время его приездов в Кумб-Треси. Сэр Чарльз был очень скромный человек, он не любил выставлять напоказ свои добрые дела.

— Вы редко с ним переписывались, редко встречались, тем не менее он был настолько посвящен в ваши дела, что даже оказывал вам помощь? Как же это так?

Она ответила на мой каверзный вопрос, не задумываясь:

— Мне помогали общими силами и другие джентльмены, которые знали мою печальную историю. Один из них был мистер Стэплтон, сосед и близкий друг сэра Чарльза. Он проявил ко мне исключительную доброту, и сэр Чарльз через него познакомился со мной.

Я уже знал, что сэр Чарльз Баскервиль не раз поручал Стэплтону вести свои благотворительные дела, и поэтому счел такое объяснение вполне правдоподобным.

— Теперь скажите: в своих письмах к сэру Чарльзу вы не настаивали на личном свидании?

Она гневно вспыхнула.

— Я считаю такой вопрос неуместным, сэр!

— Простите, сударыня, но я вынужден повторить его.

— Хорошо, я отвечу: конечно, нет!

— Даже в день смерти сэра Чарльза?

Румянец в мгновение ока склынулся с ее щек; лицо, смотревшее на меня, покрылось мертвенною бледностью. Пересохшие губы дрогнули, и я скорее увидел, чем услышал еще одно «нет».

— Вам явно изменияет память. Я могу даже процитировать одну фразу из вашего письма. Там было сказано: «Умоляю вас, как джентльмена, сожгите это письмо и будьте у калитки в десять часов вечера».

Мне показалось, что еще секунда — и миссис Лайонс потеряет сознание, но она поборола себя огромным усилием воли.

— Значит, нет на свете порядочных джентльменов? — вырвалось у нее.

— Вы несправедливы к сэру Чарльзу: он исполнил вашу просьбу. Но иной раз можно прочесть даже сожженное письмо. Теперь вы признаетесь, что писали ему в тот день?

— Да, писала. Я не стану отказываться! — воскликнула она, вкладывая всю душу в свои слова.— Мне нечего стыдиться этого письма. Я просила его о помощн. Я была уверена, что, если мне удастся поговорить с ним, он не откажется поддержать меня.

— Но почему вы назначили такой час для встречи?

— Я узнала, что он уезжает на другой день в Лондон, возможно, на несколько месяцев. А раньше я не могла прийти, на это у меня были свои причины.

— Зачем же вы назначили свидание на аллее? Разве нельзя было устроить его в доме?

— По-вашему, женщина может явиться одна в такой поздний час в дом холостяка?

— Хорошо. Что же было, когда вы пришли на свидание?

— Я никуда не ходила.

— Миссис Лайонс!

— Клянусь вам всем, что для меня свято, я не ходила туда! Мне помешали.

— Что же вам помешало?

— Это мое личное дело, я не могу говорить о нем.

— Следовательно, вы назначили свидание сэру Чарльзу в том самом месте, где его постигла смерть, и даже в тот самый час, но сами туда не пошли?

— Это святая правда.

Все мои дальнейшие ухищрения ни к чему не привели, она продолжала стоять на своем.

— Миссис Лайонс,—сказал я, заканчивая этот длинный и безрезультатный допрос,— вы не хотите говорить начистоту и тем самым берете на себя большую ответственность. Ваше положение весьма щекотливое. Если я обращусь к помощн полиции, вы убедитесь, насколько все это скомпрометирует вас. Допустим, что вы ни в чем не виноваты, но тогда зачем вам понадобилось с первых же слов отказываться от своего письма, которое было послано сэру Чарльзу в день его смерти?

— Я боялась, что из этого будут сделаны ложные выводы и меня вовлекут в неприятную историю.

— А почему вы так настаивали, чтобы сэр Чарльз уничтожил ваше письмо?

— Если вы читали его, вам это должно быть ясно самому.

— Я не говорил, что читал все письмо.

— Вы привели на память целую фразу.

— Только постскрипту. Я уже сказал вам, что письмо было сожжено, мне не удалось прочитать его целиком. Повторяю свой вопрос еще раз: почему вы так настаивали, чтобы сэр Чарльз уничтожил ваше письмо?

— Это касается только меня.

— Тогда вы тем более должны остерегаться публичного расследования.

— Хорошо, я расскажу вам все. Если слухи о моей горькой судьбе дошли и до вас, то вы должны знать, что я вышла замуж опрометчиво и имею все основания сожалеть об этом.

— Да, я кое-что слышал.

— С тех пор муж, которого я ненавижу, не перестает преследовать меня своим домогательствами. Закон на его стороне, и мне каждый раз грозит опасность, что он принудит меня к совместной жизни. Перед тем как написать письмо сэру Чарльзу, я узнала, что могу получить свободу, но для этого требовалась деньги. Свобода даст мне все: душевное спокойствие, счастье, самоуважение — решительно все! Великодушие сэра Чарльза было хорошо известно, и я думала: если рассказать ему о своем горе, он не откажется помочь.

— Так почему же вы не пошли на свидание?

— Потому, что за это время я успела получить помощь из других рук.

— Тогда надо было написать вторично и объяснить, почему вы не можете прийти!

— Я так бы и сделала, если бы не прочла на следующее утро в газетах о его смерти.

Рассказ получился довольно связный, и мои вопросы не могли поколебать его правдоподобие. Проверить все это можно было только одним способом: узнать, начали ли миссис Лайонс бракоразводное дело вскоре после трагической смерти сэра Чарльза.

Она вряд ли осмелилась бы солгать, что не была на свидании, так как ей пришлось бы поехать в Баскервиль-холл в шарабане и вернуться в Кумб-Треси только к рассвету. Такую поездку не сохранишь в тайне. Следовательно, она говорит правду или по крайней мере часть правды.

Я ушел от нее, сбитый с толку и удрученный своей неудачей. Опять передо мной та глухая стена, которая вырастает на всех моих путях к намеченному цели. И все же, вспомнив лицо этой женщины и ее поведение во время нашего разговора, я все больше и больше убеждался, что она многое утаила от меня. Почему она вдруг так побледнела? Почему мне приходилось силой вырывать у нее каждое слово? Почему она не поехала на свидание, назначенное на тот час, когда произошла трагедия? Уж, наверно, причины всего этого не так просты, как ей хотелось винить мне. Да, тут ничего нельзя было поделать! Приходилось идти по другим следам, которые вели к каменным пещерам на болотах.

Но следы эти были в высшей степени неясные, в чем я убедился на обратном пути, проезжая мимо холмов, испещренных остатками жилья доисторического человека. Бэрримор сказал, что неизвестный прячется в одной из заброшенных пещер, но ведь тут они попадаются всюду! Впрочем, кроме указаний Бэрримора, у меня были и свои собственные соображения, так как я сам видел этого человека на вершине гранитного столба. Следовательно, оттуда и надо начинать поиски. Я обследую каждую пещеру в этом месте и в конце концов найду нужную. Если незнакомец попадется мне, я заставлю его назвать себя, заставлю признаться, почему он так упорно преследует нас. Пусть даже для этого придется пригрозить ему револьвером. Он улизнул от Холмса на многолюдной Риджент-стрит, но здесь, на пустыни болотах, это ему не удастся. Если же я найду ту самую пещеру, а ее обитателя там не окажется, что ж, буду ждать его возвращения, когда бы он ни пришел. Холмс упустил этого человека в Лондоне. Как же я буду торжествовать, если мне удастся настигнуть его и тем самым взять верх над моим учителем!

Счастье столько раз изменяло нам во время этого расследования, но теперь оно обернулось ко мне лицом. И

вестником удачн был не кто иной, как седовласый, румяный мистер Френкленд, который встретил меня у своей садовой калитки, выходившей на проезжую дорогу.

— Добрый день, доктор Уотсон! — крикнул он с необычной для него приветливостью.— Дайте лошадям передохнуть! Зайдите, порадуйтесь вместе со мной, выпьем по стаканчику вина.

После всего, что я слышал об отношении мистера Френкленда к родной дочери, у меня не могло быть особо дружеских чувств к нему, но мне хотелось во что бы то ни стало отослать Перкинса домой, и такой предлог оказался как нельзя более кстати. Я вылез из коляски, велел передать сэру Генри, что вернусь к обеду, и последовал за Френкленном прямо в столовую.

— Сегодня у меня торжественный день, сэр, настоящий праздник! — объявил он, радостно похващаясь.— Я выиграл два судебных процесса. Теперь здешняя публика поймет, что закон есть закон и что в моем лице она имеет дело с человеком, который не побоится обрушить его возмездие на головы непокорных. Я добился права свободного проезда через парк старника Миддлтона — через самый парк, сэр! — в каких-нибудь ста шагах от его дверей! Ну, что вы на это скажете? Мы еще проучим наших магнатов, будь они прокляты! Пусть знают, что им никто не позволит безнаказанно попирать общечинные права! Кроме того, я закрыл доступ в лес, где здешняя публика повадилась устраивать пикники. Эти негодяи ведут себя так, будто права частной собственности не существует! Они воображают, что им всюду можно оставлять пустые бутылки и клочки бумаги. Оба дела законы, доктор Уотсон, и оба в мою пользу. У меня давно не было такого счастливого дня — с тех самых пор, как я притянул к ответу сэра Джона Морленда за браконьерство, когда он охотился на кроликов в своем собственном загоне.

— Как же это вам удалось?

— Обратитесь к судебным архивам, сэр, вы не пожалеете потраченного времени. «Френкленд против Морленда». Дело слушалось в Лондоне. Оно обошлось мне в двести фунтов, но я его выиграл!

— И что это вам дало?

— Ничего, сэр, ровным счетом ничего. Я горжусь тем, что у меня нет личной заинтересованности в этих делах. Я только выполняю свой общественный долг. Не сомневаюсь, что сегодня ночью жители деревушки Фернворс сожгут на костре мое чучело. В последний раз, когда они это затеяли, я потребовал, чтобы полиция положила конец такому безобразию. Но ведь полицейские власти в нашем графстве ведут себя совершенно позорно, сэр! Я вправе рассчитывать на их защиту, а они мне ее не оказывают! Подождите, дело «Френкленд против полиции» привлечет к себе внимание общества. Я предупреждал, что местным властям придется пожалеть о своем возмутительном отношении ко мне, и вот мои слова уже сбылись.

— Каким же образом? — спросил я.

Старик бросил на меня многозначительный взгляд.

— Им до смерти хочется узнать одну вещь, а мне кое-что известно. Но я ни за какие блага в мире не стану помогать этим негодяям!

Я уже давно подыскивал предлог, чтобы поскорее отдалиться от этого болтуна, но последние его слова меня заинтересовали. Однако мне был хорошо известен строптивый нрав старого греховодника; я знал, что стоит только проявить интерес к его рассказу, как он замолчит, и поэтому спросил совершенно равнодушным тоном:

— Наверно, опять браконьерство?

— Ха-ха! Нет, друг мой, тут дело гораздо серьезнее. А что, если оно касается беглого каторжника?

Я так и вздрогнул.

— Вы знаете, где он прячется?

— Точного места, может быть, и не знаю, а навести полицию на его след могу. Неужели вам не приходило в голову, что изловить этого человека удастся лишь тогда, когда мы узнаем, кто носит ему пищу, и проследим за ее доставкой?

Старик был настолько близок к истине, что мне стало не по себе.

— Да, правильно, — сказал я. — Но почему вы думаете, что каторжник все еще прячется на болотах?

— Потому что я собственным глазами видел того, кто носит ему еду.

У меня сжалось сердце при мысли о Бэрриморе. Ес-

ан он попадет во власть этого злобного, пронырливого старикашки, его дело плохо. Но, услышав дальнейшее, я вздохнул свободнее.

— Представьте себе, еду носит ребенок! — продолжал Френкленд. — Я каждый день его вижу в подзорную трубу, которая у меня на крыше. Ходит он одной и той же дорогой, в одно и то же время. К кому? — спрашивается. Конечно, к каторжнику!

Вот она, удача, наконец-то! Но я даже виду не подал, насколько это меня интересует. Ребенок! Бэрримор говорил, что нашему неизвестному прислуживает какой-то мальчишка. Значит, Френкленд напал на след этого человека, а каторжник тут совершенно ни при чем. Если бы я мог выпытать у старика все, что ему известно, это избавило бы меня от долгих и утомительных поисков. Но моими козырями в игре по-прежнему оставались недоверие и полное равнодушне.

— А мне кажется, что это сын какого-нибудь здешнего пастуха. Наверно, носит обед отцу.

Малейшее противоречие выбивало искры из властного старика. Он злобно сверкнул на меня глазами и весь ощетнился, словно разъяренная кошка.

— Вам так кажется, сэр? — И, протянув руку, он показал на расстилавшиеся перед нами болота: — А тот гранитный столб вы видите? Так! А невысокий холм позади него, с кустами терновника? Это — самое каменистое место на всех болотах. Что там делать пастухам? Ваше предположение просто нелепо, сэр!

Я кратко согласился, что не учел этого обстоятельства. Моя покорность понравилась Френкленду, и он пустился в дальнейшее разглагольствования:

— Можете быть уверены, сэр, что я никогда не делаю поспешных заключений. Я вижу этого мальчишку с узелком не впервые. Каждый день, а то и два раза на дню он... постойте, доктор Уотсон!.. Это обман зрения или же по склону вон того холма что-то движется?

И действительно, я даже на расстоянии нескольких миль разглядел на тускло-зеленом склоне маленькую темную точку.

— Пойдемте, сэр, пойдемте! — крикнул Френкленд, кидаясь вверх по лестнице. — Вы увидите его собственным глазами!

На плоской крыше стояла укрепленная на треноге подзорная труба весьма внушительных размеров. Френкленд припал к ней и разразился восторженным воплем:

— Скорей, доктор Уотсон, скорей! Пока он не скрылся за холмом!

В самом деле, вверх по склону медленно карабкался мальчик с узелком за плечами. Вот он выбрался на гребень холма, и я совершенно ясно увидел, как его нескладная фигурка, одетая в отрепья, выступила на холодной синеве неба. Мальчик украдкой огляделся, видимо, проверяя, не следят ли за ним, и скрылся за холмом.

— Ну что, прав я или нет?

— Действительно, мальчик, и, вероятно, у него есть причины пробираться туда тайком.

— А что это за тайные причины, об этом догадался бы даже полицейский констебль. Но я ни единим словом не обмолвлюсь, и вас, доктор Уотсон, тоже прошу, молчите. Понимаете? Ни единого слова!

— Как вам будет угодно.

— Они пренебрегают мной самым возмутительным образом. Когда все обстоятельства дела «Френкленд против полиции» выплынут на свет божий, по стране пронесется волна негодования. Нет, пусть не рассчитывают на мою помощь! Они бы палец о палец не ударили, если бы эти мерзавцы вздумали сжечь вместо чучела меня самого... Как, вам пора уходить? Неужели вы не поможете мне распить вот этот графин в честь такого радостного события?

Но я не поддался ни на какие мольбы, а когда старик заявил, что хочет проводить меня домой, уговорил его отказаться от этого намерения. Пока он мог видеть меня, я шел по дороге, но потом свернул направик к тому каменистому холму, за которым скрылся мальчик.

Все складывалось как нельзя лучше, и я поклялся мысленно, что если мне не удастся воспользоваться счастливым случаем, дарованным судьбой, то виной этому будет все что угодно, только не отсутствие энергии и настойчивости с моей стороны.

Когда я взобрался на вершину, солнце уже садилось и пологие склоны холма с одного бока были золотисто-зеленые, с другого — тонули в серой тени. Вдали, над самым горизонтом, низко стлалась мглистая дымка, из кото-

рой пропадали фантастические очертания Лисьего столба. Кругом ни звука, ни движения. Только какая-то большая серая птица — не то чайка, не то кроншнеп — высоко парила в синем небе. Она и я — мы были единственными живыми существами между огромным небосводом и расстилающейся под ним пустыней. Голые просторы болот, безлюдье, неразгаданная тайна и важность предстоящей мне задачи — все это пронизало холодом мое сердце. Мальчугана нигде не было видно. Но между холмами, у самых моих ног, ютились древние каменные пещеры, и в середине их круга была одна, уцелевшие стены которой могли служить защитой в непогоду. У меня екнуло сердце, когда я увидел ее. Вот в этой норе, должно быть, и прячется тот человек. Наконец-то моя нога ступит на порог его убежища — он у меня в руках!

Я краудучись подходил к этой каменной дыре — точь-в-точь как Стэплтон, когда его сачок уже занесен над бабочкой! И, подойдя ближе, с удовлетворением убедился, что место здесь обжитое. К отверстию, служившему входом, вела еле заметная среди камней тропинка. Из самой пещеры не доносилось ни звука. Неизвестный или притаился там, или же рыщет по болотам. Нервы у меня были натянуты до предела в ожидании предстоящей встречи. Отбросив в сторону сигарету, я сжал рукоятку револьвера, быстро подошел к входу и заглянул внутрь. Пещера была пуста.

Но чутье не обмануло меня: тут явно кто-то жил. На каменном ложе, где когда-то почивал неолитический человек, лежали одеяла, завернутые в непромокаемый плащ. В примитивном очаге виднелась кучка золы. Рядом с ним стояли кое-какие кухонные принадлежности и ведро, до половины налитое водой. Груда пустых консервных банок свидетельствовала о том, что здесь живут уже не первый день, а когда глаза мои привыкли к полумраку, я разглядел в углу железную кружку и початую бутылку виски. Посередине лежал плоский камень, служивший столом, а на нем — маленький узелок, вероятно, тот самый, который я разглядел в подзорную трубу у мальчишки за спиной. В узелке были три консервные банки — одна с копченым языком, две с перчиками в сиропе — и хлеб. Осмотрев все это, я хотел было положить узелок обратно, как вдруг сердце у меня так и екнуло:

на камне лежал листок бумаги, на котором было что-то написано. Я взял его и, с трудом разобрав карандашные каракули, прочел следующее:

«Доктор Уотсон уехал в Кумб-Треси».

Минуту я стоял неподвижно с запиской в руках и раздумывал над смыслом этого краткого послания. Выходит, что незнакомец охотится не за сэром Генри, а за мной? Он выслеживает меня не сам, а приставил ко мне кого-то другого — может быть, этого мальчика? И вот его последнее донесение. С тех пор как я живу здесь, за каждым моим шагом, вероятно, ведется слежка. Ведь все это время меня не оставляло ощущение, что здесь действуют какие-то невидимые силы и что они осторожно и умело стягивают вокруг нас тончайшую сеть, легкое прикосновение которой мы чувствуем на себе лишь изредка, в самые критические минуты.

Эта записка, вероятно, не единственная. Я огляделся по сторонам, но ничего больше не нашел. Не удалось мне обнаружить и какие-либо следы, по которым можно было бы судить о человеке, избравшем себе столь странное жилье, или о его намерениях. О нем можно было сказать только то, что он, по-видимому, спартанец в своих привычках и не придает особого значения жизненным удобствам. Вспомнив ливни последних дней и посмотрев на зияющую дыру в своде пещеры, я понял, насколько этот человек поглощен своим делом, если ради него он мирится даже с таким неуютным пристанищем. Кто же он — наш злобный враг или ангел-хранитель? И я дал себе клятву не выходить из пещеры, не узнав всего до конца.

Солнце уже пряталось, и небо на западе горело золотом. Отсветы заката дожинань красноватыми пятнами на разводья далекой Гrimпенской трясины. Вдали поднимались башни Баскервиль-холла, а в стороне от них еле виднелся дымок, встающий над крышами Гrimпена. Между ним и Баскервиль-холлом стоял дом Стэплтона. Золотой вечерний свет придавал всему столько прелести и безмятежного покоя! Но мое сердце не вернуло миру, разлитому в природе, и трепетало от той страшной неизвестности, которую таила в себе неминуемая, приближающаяся с каждой секундой встреча. Нервы у меня были натянуты, но я сидел, полный решимости, в темной

пещере и с угрюмым упорством ждал возвращения ее обитателя.

И наконец я услышал его. Вот камень попал ему под каблук. Еще раз... еще... шаги все ближе, ближе... Я отскочил в самый темный угол и взвел курок револьвера, решив не показываться на свет до тех пор, пока мне не удастся хоть немного рассмотреть этого человека. Снаружи все смолкло; по-видимому, он остановился. Потом шаги послышались снова, и вход в пещеру заслонила чья-то тень.

— Сегодня такой чудесный вечер, дорогой Уотсон,— сказал хорошо знакомый мне голос.— Зачем сидеть в духоте? На воздухе гораздо приятнее.

ГЛАВА XII СМЕРТЬ НА БОЛОТАХ

Минуту или две я стоял, не веря своим ушам, и не мог перевести дух от неожиданности. Потом дар речи вернулся ко мне, и я почувствовал, как огромная тяжесть спала у меня с плеч. Этот холодный, язвительный голос мог принадлежать только одному человеку во всем мире.

— Холмс! — крикнул я.— Холмс!

— Выходите,— сказал он,— и, пожалуйста, поосторожнее с револьвером.

Я вылез из пещеры и увидел его. Холмс сидел на камне и с озорным блеском в серых глазах смотрел на мою изумленную физиономию. Он сильно похудел за это время, но вид у него был бодрый, спокойный, лицо — бронзовое от загара. Строгий спортивный костюм, кепи — ни дать ни взять туррист, странствующий по болотам! Он даже остался верен своему понистие кошачьему пристрастию к чистоплотности: гладко выбритые щеки, рубашка без единого пятнышка. Как будто все это происходило на Бейкер-стрит!

— Кто другой мог бы так обрадовать меня своим появлением! — сказал я, крепко пожимая ему руку.

— А заодно и удивить?

— Да, вы правы.

— Но, уверяю вас, друг мой, удивлены не вы один. Я и не подозревал, что вам удалось найти мое временное

пристанище, и никак не думал застать вас здесь. Это выяснилось всего лишь за двадцать шагов до пещеры.

— Вы узнали мои следы?

— Нет, Уотсон! Боюсь, что это непосильная задача — различить ваши следы среди множества других, которые существуют на свете. Если же в будущем вы захотите как-нибудь провести меня, то советую вам сначала переменить табачный магазин, ибо стонт только мне увидеть сигарету с маркой «Бредли. Оксфорд-стрит», как я сразу же догадаюсь, что мой друг Уотсон находится где-то поблизости. Вон он, ваш окурок, валяется около тропинки. Вы, вероятно, бросили его в ту минуту, когда решили взять приступом мое пустое жилье?

— Совершенно верно.

— Так я и думал... И, зная ваш дотошный характер, догадался, что вы устроили в пещере засаду и ждете возвращения ее обитателя, держа револьвер наготове. Так вы в самом деле приняли меня за преступника?

— Я не знал, кто вы такой, ио решил выяснить.

— Великолепно, Уотсон! А как вам удалось отыскать мое жилье? Вы, вероятно, увидели меня во время погони за каторжником, когда я по собственной оплошности позволил луне светить мне в спину?

— Да, я вас увидел тогда.

— И стали обыскивать все пещеры подряд, пока не наткнулись на эту?

— Нет, меня навел на след ваш мальчишка — за ним тут кое-кто наблюдает.

— А! Старый джентльмен с подзорной трубой! Я видел, как солице поблескивает на ее линзе, и сначала не мог догадаться, что это за штука.— Он встал и заглянул в пещеру.— Ага, Картрайт уже побывал здесь. Что это за бумажка? Так вы ездили в Кумб-Тресн?

— Да.

— Повидаться с миссис Лорой Лайонс?

— Совершенно верно.

— Прекрасно! В своих розысках мы с вами, очевидно, двигались по параллельным линиям. Что ж, теперь надо поделиться добтыми сведениями, и тогда у нас будет более или менее ясное представление об этом деле.

— Я страшно рад, что вы здесь! У меня уже нервы начали сдавать под бременем всех этих тайн и ответственности.

вениости, которая лежала на мне. Но как вы сюда попали и что вы здесь делаете? А я-то думал, что Холмс сидит на Бейкер-стрит и трудится над делом о шантаже!

— Я хотел, чтобы вы именно так и думали.

— Значит, вы пользуетесь моей помощью и в то же время не доверяете мне! — рассердился я.— Это незаслужено, Холмс!

— Друг мой, и в теперешнем деле и во многих других ваша помощь была для меня бесцenna. Если вам кажется, что я вас как-то надул, умоляю, не сердитесь! Откровенно говоря, я пошел на это отчасти ради вас же самих. Я чувствовал, что вы подвергаетесь опасности, и приехал сюда лично расследовать это дело. Если б я был вместе с сэром Генри и с вами, моя точка зрения ничем не отличалась бы от вашей, да и противники наши были бы начеку. Приезд в Баскервиль-холл меня очень связал бы, а так я мог действовать совершенно свободно, оставаясь за кулисами и готовясь выступить на сцену в самую критическую минуту.

— Но зачем вам понадобилось скрываться от меня?

— Если б вы знали, что я здесь, это ничему бы не помогло и, может быть, даже кончилось моим разоблачением. Вам, наверно, захотелось бы рассказать мне что-нибудь, или же вы, по свойственной вам доброте, вдруг вздумали бы обставлять меня здесь удобствами. Зачем подвергаться ненужному риску? Я привез с собой Картрайта — помните мальчугана из рассыльной конторы? — и он великолепно обслуживает меня. А вы знаете мои скромные требования: кусок хлеба, чистый воротничок, что еще человеку нужно? Кроме того, Картрайт — это лишняя пара глаз и лишняя пара ног, весьма быстрых. То и другое оказалось для меня просто кладом.

— Значит, все мои отчеты писались впустую! — сказал я дрогнувшим голосом, вспомнив, сколько труда и гордости этим трудом было вложено в них.

Холмс вынул из кармана пачку писем.

— Вот ваши отчеты, друг мой, изученные самым тщательным образом, в чем вы можете не сомневаться. Я так хорошо все устроил, что они попадали ко мне с опозданием только на один день. Примите мои горячие поздравления. Упорство и наблюдательность, которые вы про-

явили в таком необычайно трудном деле, выше всякой похвалы.

Я все еще никак не мог примириться с тем, что меня так ловко провели, но теплые слова Холмса рассеяли мою досаду. Кроме того, в глубине души я чувствовал правоту моего друга и признавал, что в интересах дела мне не следовало знать о его появлении в здешних местах.

— Ну, то-то же! — сказал он, глядя на мое просветлевшее лицо.— А теперь расскажите мне о своем визите к миссис Лоре Лайонс. Я сразу догадался, к кому вы поехали, так как теперь мне уже ясно, что это единственный человек в Кумб-Треси, от которого мы можем кое-чего добиться. Откровенно говоря, если бы вы не побывали там сегодня, я, по всей вероятности, отправился бы к ней завтра сам.

Солнце уже спряталось, над болотами сгустились сумерки. В воздухе сразу похолодало, и мы перешли в пещеру. И там, сидя в полуутяне рядом с Холмсом, я рассказал ему о своем разговоре с миссис Лайонс. Он так заинтересовался им, что многое мне пришлось повторять по два раза.

— Это все очень важно,— сказал Холмс, когда я кончил.— Дело чрезвычайно сложное, и в нем был один пробел, который до сих пор мне никак не удавалось заполнить. Вы, вероятно, знаете, что Стэплтон в большой дружбе с миссис Лайонс?

— Нет, о дружбе я ничего не слыхал.

— Это факт. Они встречаются, обмениваются письмами — вообще между ними полное согласие, что дает нам крупный козырь в руки. Если б пустить этот козырь в ход, чтобы воздействовать на его жену...

— Его жену?

— Теперь я поделюсь кое-чем с вами в обмен на ваши открытия. Женщина, которую он выдает здесь за мисс Стэплтон, на самом деле его жена.

— Боже мой, Холмс! Вы уверены в этом? Тогда как же он допустил, чтобы сэр Генри влюбился в нее?

— Романтические чувства сэра Генри грозят бедой только самому сэру Генри. Как вы заметили, Стэплтон всячески оберегает ее от ухаживаний баронета. Повторяю, эта леди не сестра, а жена Стэплтона.

— Но зачем поиадобились такие хитросплетения?

— А вот зачем: Стэплтон предвидел, что она будет гораздо полезнее ему в роли свободной женщины.

Все мои неясные подозрения, все подсказанное чутьем вдруг выплыло наружу и сомкнулось вокруг натуралиста. От этого спокойного, бесцветного человека в соломенной шляпе и с сачком для ловли бабочек веяло чем-то грозным. Выдержка и терпение, сопряженное с хитростью, на губах улыбка, а в сердце черная злоба...

— Значит, это и есть наш противник? Значит, он и высаживал нас в Лондоне?

— Да, так я разгадал эту загадку.

— А предостережение... Его прислала она?

— Совершенно верно.

Из мрака, в котором я так долго блуждал, выступили наполовину увиденные, наполовину угаданные мною очертания чудовищного злодейства.

— Неужели это верно, Холмс? Откуда вы узнали, что она его жена?

— В первую свою встречу с вами Стэплтон настолько увлекся, что поведал вам часть своей биографии, о чем, вероятно, не перестает жалеть до сих пор. А ведь отыскать учителя — самое простое дело. На этот предмет существуют школьные агентства, которые дадут вам сведения о любом лице, связанном с этой профессией. Я навел справки и вскоре узнал, что действительно в одной школе разыгрались очень неприятные события и что директор ее — фамилия у него была другая — скрылся вместе с женой. Все их приметы совпадали в точности. А когда мне стало известно его увлечение энтомологией, тут уж я совсем перестал сомневаться.

Тьма, окутывавшая меня, мало-помалу начинала редеть, но многое еще оставалось в тени.

— Если эта женщина его жена, то при чем тут миссис Лора Лайонс? — спросил я.

— Это один из пунктов, на который вы сами пролили некоторый свет. После вашей поездки в Кумб-Тресн многое стало ясным. Я, например, не знал, что миссис Лайонс хочет развестись с мужем. Она, вероятно, рассчитывает на брак со Стэплтоном — ведь ей невдомек, что он женат.

— А когда она узнает правду?

— Тогда эта леди может оказаться весьма полезной

для нас. Нам обоним нужно завтра же повидать ее. А теперь, Уотсон, как вы думаете, не пора ли вам вернуться к своим обязанностям? Ваше место в Баскервиль-холле.

Последние красивые отблески заката погасли на западе, и на болота спустилась ночь. В лиловатом небе слабо мерцали редкие звезды.

— Еще один, последний, вопрос, Холмс,— сказал я вставая.— Нам иечего скрывать друг от друга. Что все это значит? К чему он ведет?

Холмс ответил мне глухим голосом:

— К убийству, Уотсон... хладнокровно обдуманному убийству. Не допытывайтесь о подробностях. Стэплтон затягивает в свои сети сэра Генри, а я затягиваю его самого. Он почти у меня в руках, с вашей помощью. Теперь нам угрожает только одна опасность: он может нанести удар первым. Еще день, самое большее два, и у меня все будет готово, а до тех пор берегите сэра Генри, как любящая мать бережет больного ребенка. Ваше отсутствие сегодня вполне простительно, и все же я бы, пожалуй, предпочел, чтобы вы не оставляли его... Слышиште?

Страшный, протяжный вопль, полный ужаса и муки, пронесся над безмолвными болотами. Я слушал его и чувствовал, как у меня стынет кровь в жилах.

— Боже мой! Чего это? Чего это такое?

Холмс вскочил с места, и его высокая фигура заслонила от меня вход в пещеру. Он стал там, пригнувшись, вытянув шею, напряженно глядываясь в темноту, и только успел бросить мне шепотом:

— Тише! Тише!

Этот крик, поразивший нас своей произительностью, шел из глубины беспросветно темных болот. Но вот он послышался ближе, явственнее...

— Где это? — шепнул Холмс, и по тому, как дрогнул у него голос — у него, у человека с железными нервами! — я понял, что этот вопль проник ему в самую душу.— Где кричат, Уотсон?

— По-моему, в той стороне.— Я протянул руку, показывая в темноту.

— Нет, вон там!

Мучительный крик сиова пронесся в безмолвной ночи, но теперь он был еще ближе, еще громче. И к нему

примешивались какие-то другие звуки — глухое низкое рычание, напоминающее чем-то непрестанный рокот моря.

— Это собака! — крикнул Холмс. — Боже мой, Уотсон, боже мой! Боже мой! Только бы не опоздать!

Он бросился в темноту, я следом за ним. И вдруг где-то впереди, за валунами, раздался отчаянный вопль, потом глухой, тяжелый стук. Мы остановились, прислушиваясь. Но больше ничего не нарушало давящей тишины безветренной ночи.

Я видел, как Холмс, словно обезумев, схватился за голову и топнул ногой о землю:

— Он опередил нас, Уотсон! Мы опоздали!

— Нет, этого не может быть!

— Чего я медлила, дурак! И вы тоже хороши, Уотсон! Оставил Баскервилля одного, и вот чем все кончились! Нет, если поправить ничего нельзя, я все равно отомщу негодяю!

Не разбирая дороги, мы бросились туда, откуда доносился этот страшный крик. Мы взбиралась вверх по склонам, сбегали вниз, натыкались в темноте на валуны, продирались сквозь заросли дРОКА. С вершины каждого холма мой друг быстро оглядывался по сторонам, но болота покрывал густой мрак, и на них угрюмой шириной нельзя было приступить ни малейшего движения.

— Вы что-нибудь видите?

— Ничего.

— Подождите! Что это?

До нас доносился приглушенный стон. Он шел откуда-то слева. Каменная гряда круто обрывалась там вниз, переходя в усеянный валунами склон, и среди валунов лежало что-то темное. Мы подбежали ближе, и темный предмет принял более ясные очертания. Это был человек, лежавший на земле лицом вниз. Он словно готовился сделать кульбит — подвернутая под каким-то невероятным углом голова, приподнятые плечи, окруженная линия спины. Нелепость этой позы помешала мне в первую минуту осознать, что его стон был предсмертным. Мы стояли, наклонившись над ним, и не слышали ни хрюка, не могли уловить ни шороха. Холмс тронул неподвижное тело, вскрикнул в ужасе и тут же отдернул руку. Зажженная спичка осветила окровавленные пальцы и страш-

ную лужу, медленно расплывавшуюся из-под разбитого черепа мертвеца. И сердце у нас замерло — при свете спички мы увидели, что перед нами лежит сэр Генри Баскервиль!

Разве можно было забыть этот необычный красновато-коричневый костюм — тот самый, в котором баронет впервые появился на Бейкер-стрит! Нам достаточно было секунды, чтобы узнать его, а потом спичка вспыхнула и погасла так же, как погасла в нас последняя искра надежды. Холмс застыл, и я даже в темноте разглядел, какой бледностью покрылось его лицо.

— Мерзавец! Мерзавец! — Руки у меня сами собой сжались в кулаки. — Холмс, я никогда не прощу себе, что оставил его на произвол судьбы!

— Моя вина больше, Уотсон. Я пожертвовал жизнью клиента только ради того, чтобы подытожить, так сказать, закруглить, это дело. Я не помню другого такого удара за всю свою практику. Но кто мог знать, кто мог знать, что, несмотря на все мои предостережения, он рискинет выйти один на болота!

— И мы слышали его крик — боже мой, какой крик! — и не могли сразу прийти ему на помощь! Но куда делась эта чудовищная собака — виновница его смерти? Может быть, она и сейчас где-нибудь здесь? И где Стэплтон? Он ответит за это!

— Да, он ответит за все, об этом я позабочусь. И дядя и племянник — оба убиты. Один умер от страха, только увидев перед собой это чудовище, которое он считал сверхъестественным существом, другой погиб, спасаясь от него бегством. Но теперь нам надо доказать, что между этим человеком и собакой есть связь. Мы слышали ее вой, но это еще не доказательство, так как сэр Генри, вероятно, разбился при падении. И все же, клянусь, как ни хитер наш противник, а завтра он будет у меня в руках!

Потрясенные внезапной непоправимой бедой, положившей столь грустный конец нашим долгим и нелегким трудам, мы стояли возле изуродованного тела. Потом, когда из-за туч показалась луна, поднялись на каменистую гряду, с которой упал наш несчастный друг, и оглядели оттуда серебрившиеся в лунном свете болота. Вдали, где-то около Гринпена, виднелся желтый огонек. Он мог го-

реть только в уединении жилище Стэплтона. Я с проклятием погрозил в ту сторону кулаком.

— Чего мы ждем? Надо схватить его немедленно!

— Дело еще не закончено, а он человек осторожный, хитрый. Мало ли что мы знаем, а вот попробуйте доказать это. Один неосторожный шаг — и негодяй ускользнет от нас.

— Так что же тогда делать?

— На завтра забот у нас хватит. А сегодня нам остается только оказать последнюю услугу несчастному сэру Генри.

Мы спустились по крутым откосу и подошли к бесформенной черной груде, лежавшей на посеребренных луной камнях. При виде этого мучительно скорченного тела сердце у меня сжалось от боли и глаза заволокло слезами.

— Придется послать за помощью, Холмс. Мы не донесем его до дома... Боже мой, что с вами? Вы сошли с ума!

Холмс вскрикнул и наклонился над телом сэра Генри. И вдруг начал приплясывать, с хохотом тряся мне руку. Неужели это мой строгий, всегда такой сдержанный друг? Вот что бывает, когда скрытое пламя прорывается наружу!

— Борода! У него борода!

— Борода?

— Это не сэр Генри!.. Боже, да это мой сосед — каторжник!

Мы с лихорадочной быстротой перевернули тело, и окровавленная борода уставилась теперь прямо в холодный яркий лик луны. Сомнений быть не могло! Низкий лоб, глубоко запавшие, как у обезьяны, глаза. Это было то же лицо, которое при свете свечи мелькнуло передо мной в расселение,— лицо убийцы Селдена!

И тут я понял все. Я вспомнил, что баронет подарил Бэримору чуть ли не весь свой старый гардероб. Значит, Бэримор отдал его Селдену, чтобы тот переоделся к отъезду. Башмаки, рубашка, кепи — все носил когда-то сэр Генри. Правда, трагедия оставалась трагедией, но ведь этот человек так или иначе заслужил смерть по законам нашей страны. Сам не свой от радости, я объяснил Холмсу, как все это получилось.

Собака Баскервилей

Собака Баскервилей

— Значит, несчастный погиб из-за костюма, — сказал он. — Собаке, конечно, дахи понюхать какую-нибудь вещь сэра Генри — по всей вероятности, тот самый башмак, который был украден в гостинице, — и пустыни ее по следам каторжника. Остается невыясненным только одно: каким образом Селден увидел в емноте, что за ним кто-то гонится?

— Наверно, услышал.

— Услышал, что по болотам бегает собака, и стал звать на помощь, рискуя быть пойманым? Нет, каторжника этим не напугаешь. Так вот: как Селден мог увидеть, что за ним гонится собака?

— А по-моему, есть вещи более странные. Почему эту собаку — предполагая, что наши догадки правильны...

— Я ничего такого не предполагаю.

— Хорошо. Почему эту собаку выпустили на болота сегодня ночью? Вряд ли она всегда пользуется такой свободой. Стэплтон, вероятно, ждал, что сэр Генри придет сюда.

— Моя загадка труднее. На вашу мы скоро получим ответ, а моя, вероятно, так и останется неразгаданной. А теперь давайте решим, что нам делать с этим несчастным. Нельзя же оставлять его здесь на съедение лисицам и коршунам.

— Пусть полежит в какой-нибудь пещере, пока мы не сообщим в полицию.

— Правильно. Туда-то мы его, во всяком случае, донесем. Смотрите, Уотсон! Что это? Неужели он сам? Нет, какова дерзость!.. Ни слова о наших подозрениях, ни единого слова! Не то все мои планы рухнут.

Из глубины болот к нам приближался человек. Он курил сигару, огонек которой тускло мерцал вдали. Луна ярко освещала его, и я сразу узнал щуплую фигуру и быструю, подпрыгивающую походку натуралиста. Увидев нас, он остановился, потом снова зашагал вперед.

— Доктор Уотсон! Неужели это вы? Вот уж никак не думал встретить вас ночью на болотах! Боже мой, что это? Что случилось? Нет, не может быть! Неужели это наш друг, сэр Генри?

Стэплтон пробежал мимо меня и нагнулся над трупом...

Я услышал прерывистый вздох, сигара выпала из его рук на землю.

— Кто... кто это? — запинаясь, пробормотал он.

— Это Селден, каторжник, сбежавший из приистаунской тюрьмы.

Стэплтон повернулся к нам мертвенно-бледное лицо. Ему стонло громадного усилия воли овладеть собой и ничем не выдать своего удивления и разочарования. Его пристальный взгляд остановился сначала на Холмсе, потом на мне.

— Боже мой, какой ужас! Как это случилось?

— Должно быть, свалился вон с того откоса и сломал себе шею. Мы с приятелем гуляли по болотам и услышали чей-то крик.

— А я на этот крик и вышел из дома. Меня беспокоила сэр Генри.

— Почему именно сэр Генри? — не удержался я.

— Он должен был зайти к нам сегодня и почему-то не пришел, что меня очень удивило. А когда я услышал на болотах крики, то, естественно, вскружилося за него. Кстати, — Стэплтон снова перевел взгляд с меня на Холмса, — кроме этих криков, вы ничего не слышали?

— Нет, — сказал Холмс. — А вы?

— Тоже нет.

— Тогда зачем об этом спрашивать?

— Ах, вы же знаете, что у нас тут рассказывают о призрачной собаке и тому подобных чудесах! Эдешние фермеры говорят, будто бы она каждую ночь выбегает на болота. Вот я и интересуюсь: может быть, вы слышали ее?

— Нет, мы ничего такого не слышали, — сказал я.

— А как вы объясняете гибель этого несчастного?

— Я уверен, что у него помутился рассудок от страха, от постоянной опасности быть пойманным. Вероятно, бегал по болотам в припадке сумасшествия и в конце концов упал под откос и сломал себе шею.

— Да, это вполне правдоподобно, — сказал Стэплтон и вздохнул с явным облегчением. — А что об этом думаете вы, мистер Шерлок Холмс?

— Какая догадливость! — сказал мой друг, отвесив ему низкий поклон.

— Мы давно вас поджидаем, с тех самых пор, как здесь появился доктор Уотсон. И вы вовремя приехали — как раз к трагедии.

— Да, в самом деле! Я уверен, что мой друг даст ей правильное объяснение. А я уеду завтра в Лондон с непрятным осадком в душе.

— Как! Вы завтра уезжаете?

— Собираюсь.

— Но ваш приезд, конечно, прольет свет на все эти события, которые поставили нас буквально в тупик?

Холмс пожал плечами.

— Успех не всегдаается нам в руки. При расследовании надо опираться на факты, а не на легенды и слухи. У меня что-то ничего не получается из этого дела.

Мой друг говорил самым естественным и самым спокойным тоном. Стэплтон взглянул на него внимательно, пристально. Потом обратился ко мне:

— Я охотно предложил бы перенести тело к нам в дом, но моя сестра так перепугается, что, пожалуй, лучше этого не делать. Давайте прикроем ему чем-нибудь лицо и оставим здесь. До утра с ним ничего не случится.

Так и было сделано. Мы с Холмсом отклонили предложение Стэплтона зайти в Меррипит-хаус и, предоставив ему возвращаться домой в одиночестве, пошли к Баскервиль-холлу. Пройдя несколько шагов, мы оглянулись и увидели его фигуру, медленно удаляющуюся в глубь болот, а дальше, позади нас, единственное черное пятно на посеребренном луной склоне — там, где лежал погибший такой страшной смертью человек.

— Наконец-то мы схватились врукопашную! — сказал Холмс, шагая рядом со мной. — Но какая выдержка! Как быстро он овладел собой! А ведь удар был понистине ошеломляющий — увидеть, что твоей жертвой пал совсем не тот человек, которого ты намечал. Я, Уотсон, говорил вам об этом в Лондоне и повторяю сейчас: нам еще не приходилось скрещивать рапиры с более достойным противником.

— Все-таки жалко, что он вас увидел!

— Я сначала сам об этом пожалел. Но, в конце концов, что ж поделаешь!

— А как вы думаете, встреча с вами отразится на его планах?

— Да, он будет действовать с еще большей осторожностью или же решится на какой-нибудь отчаянный шаг. Как и большинство незаурядных преступников, Стэплтона, вероятно, слишком полагается на свою хитрость и воображает, что обвел нас вокруг пальца.

— Почему же вы не хотите арестовать его?

— Мой дорогой Уотсон! Вы человек действия. Ваши инстинкты толкают вас на самые решительные меры. Ну хорошо, допустим, что ночью он будет арестован. А что это даст нам? Мы ничего не сможем доказать. Вот в чем дьявольская хитрость этого замысла! Если б пособником Стэплтона был человек, мы бы раздобыли кое-какие улики, но попробуйте вытащить на свет божий огромного пса! Разве это поможет нам затянуть петлю на шее его хозяина?

— Но ведь состав преступления налицо?

— Ничего подобного! Все это одни догадки и предположения. Нас поднимут на смех в суде, если мы явимся туда с такой фантастической историей и подкрепим ее такими уликами.

— А сэр Чарльз?

— Найден мертвым, следов насильственной смерти не обнаружено. Мы-то с вами знаем, что он умер от страха, и знаем, что его напугало. Но как убедить в этом тех двенадцать тупиц, которые будут присяжными заседателями? На чем основано предположение, что тут замешана какая-то собака? Где следы ее укусов? Мы с вами опять-таки знаем, что собаки не кусают мертвых и что сэр Чарльз умер до того, как она на него кинулась. Но ведь это надо доказать, а доказывать нам нечем.

— Ну, а сегодняшняя ночь?

— Она ничего особенного не дала. Прямой связи между собакой и гибелью каторжника все-таки нет. Никто этой собаки не видел. Правда, мы ее слышали, но у нас нет доказательств, что она гналась за каторжником. Полное отсутствие мотивировки! Нет, друг мой, факт остается фактом: состав преступления мы установить еще не можем, но, чтобы сделать это, стоит пойти на любой риск.

— Что же вы намерены предпринять?

— Я возлагаю большие надежды на миссис Лору Лайонс. Когда истинное положение дел станет ей извест-

но, она окажет нам серьезную помощь. Кроме того, у меня есть и другой план. Но не надо загадывать вперед, хотя я все-таки надеюсь, что завтра победа будет за мной.

Больше мне ничего не удалось выведать от Холмса, и до самых ворот Баскервиль-холла он шел молча, погруженный в свои думы.

— Вы зайдете?

— Да. Теперь уже не имеет смысла скрываться. Но еще одно слово, Уотсон. Не говорите сэру Генри о собаке. Пусть приписывает смерть Селдена тем же причинам, которые старался подсказать нам Стэплтон. Так ему будет легче перенести то испытание, что ждет его завтра, когда он пойдет обедать в Меррипит-хаус, если я правильно цитирую ваш последний отчет.

— Но меня тоже туда звали.

— Тогда вам надо отказаться от приглашения. Пусть идет один, это легко устронь... Ну-с, так. К обеду мы, наверно, опоздали, но к ужину пришли в самый раз.

ГЛАВА XIII СЕТИ РАССТАВЛЕНЫ

Сэр Генри не столько удивился, сколько обрадовался своему новому гостю, так как был уверен, что, узнав о событиях последних дней, Шерлок Холмс не уснит в Лондоне. Тем не менее баронет изумлению поднял брови, когда выяснилось, что мой друг явился без багажа и даже не дает себе труда объяснить его отсутствие. Холмса тут же снабдили всем необходимым, и за поздним ужином мы поведали баронету ту часть своих приключений, которую ему следовало знать. Но до этого мне пришлось выполнить одну тяжелую обязанность — сообщить Бэрримору и его жене о гибели Селдена. Лакей принял это известие с нескрываемым чувством облегчения, но миссис Бэрримор горько плакала, закрыв лицо передником. В глазах всего мира этот Селден был преступником, чем-то средним между дьяволом и зверем, а она по-прежнему видела в нем озорного

мальчугана, ребенка, цеплявшегося в детстве за ее руку. Понстине чудовищем должен быть человек, если не найдется женщины, которая оплачет его смерть!

— С тех пор как вы уехали, Уотсон, я все сижу дома и пропадаю с тоски,— сказал баронет.— Надеюсь, такое послушание мне зачтется? Если б не данное вам слово не выходить на болота, я бы провел вечер гораздо веселее, потому что Стэплтон прислал мне записку с приглашением.

— Да, вы провели бы вечер гораздо веселее, я в этом не сомневаюсь,— сухо сказал Холмс.— Кстати, вы, вероятно, не цените, что, глядя на человека со сломанной шеей, мы оплакивали вас?

Сэр Генри широко открыл глаза.

— Это почему же?

— Потому что злосчастный каторжник был в костюме с вашего плеча. Он получил его от Бэрримора, у которого могут быть из-за этого серьезные неприятности с полицией.

— Нет, вряд ли. Насколько я помню, там не было никаких меток.

— Ну что ж, его счастье, да и ваше тоже, поскольку вы все замешаны в противозаконных действиях. В сущности говоря, мне как добросовестному сыщику следовало бы немедленно арестовать всю вашу компанию. Обличающим документом могут послужить письма Уотсона.

— Расскажите лучше, как обстоит наше дело? — спросил баронет.— Удалось ли вам разобраться в этой путанице? Мы с Уотсоном с чем приехали, с тем и сидим,— ничего не разузнали.

— Я думаю, что в самом ближайшем будущем многое выяснится. Дело на редкость трудное и запутанное. Для меня некоторые пункты до сих пор покрыты мраком. Но он рассеется, непременно рассеется.

— Уотсон, вероятно, уже рассказывал вам о том, что мы слышали на болотах. Так что это не пустое суеверие. Мне в свое время приходилось иметь дело с собаками, и тут меня не проведешь — собачий вой нельзя не узнать. Если вам удастся надеть намордник на этого пса и по-

садить его на цепь, то я буду считать вас величайшим сыщиком в мире.

— Будет он и в наморднике, будет и на цепи, только помогите мне.

— Я сделаю все, что вы прикажете.

— Прекрасно! Но я потребую слепого повиновения, без всяких «зачем» и «почему».

— Как вам будет угодно.

— Если вы соглашаетесь на это, тогда мы разрешим нашу задачу. Я не сомневаюсь, что...

Холмс осекся на полуслове и устремил пристальный взгляд куда-то поверх моей головы. Лампа светила ему прямо в лицо — неподвижное, застывшее, словно лицо классической статуи. Оно было олицетворением тревоги и настороженности.

— Что случилось? — в один голос воскликнули мы с сэром Генри.

Холмс перевел взгляд на нас, и я почувствовал, что он старается подавить свое волнение. Его лицо по-прежнему ничего не выражало, но глаза светились торжеством.

— Простите меня, но я не мог сдержать свой восторг, — сказал он, показывая на портреты, висевшие на противоположной стене. — Уотсон утверждает, что я ничего не смыслю в живописи, но это в нем говорит чувство соперничества, так как мы расходимся в своих оценках произведений искусства. А портреты на самом деле великолепные.

— Рад слышать, — сказал сэр Генри, с удивлением глядя на моего друга. — Я в картинах мало что понимаю. Вот лошадь или бычок — другое дело. Но кто бы мог подумать, что у вас есть время интересоваться искусством!

— Не беспокойтесь, хорошую вещь я всегда замечаю. Бьюсь об заклад, что вон та дама в голубом шелковом платье — кисти Неллера. А толстый джентльмен в парике, безусловно, написан Рейнольдсом. Это, вероятно, фамильные портреты?

— Да, все до единого.

— И вы знаете их по именам?

— Бэрримор долго натаскивал меня по этому предмету, и я, кажется, могу ответить свой урок без запинки.

— Кто этот джентльмен с подзорной трубой?

— Это контр-адмирал Баскервиль, служивший в Вест-Индии. А вон тот, в синем сюртуке и со свитком в руках, сэр Уильям Баскервиль, председатель комиссий Палаты общин при Питте¹.

— А этот кавалер напротив меня, в черном бархатном камзоле с кружевами?

— О! С ним вы должны познакомиться поближе. Это и есть виновник всех бед — злодей Хьюго, положивший начало легенде о собаке Баскервилей. Мы его, вероятно, не скоро забудем.

Я смотрел на портрет с интересом и некоторым недоумением.

— Боже мой! — сказал Холмс. — А ведь по виду он такой спокойный, тихонький. Правда, в глазах есть что-то бесовское. Но я представлял себе вашего Хьюго эдаким дюжим молодцом с разбойничьей физиономией.

— Портрет подлинный, в этом не может быть ни малейших сомнений. Сзади на полотне написано его имя и дата — тысяча шестьсот сорок седьмой год.

Весь остальной вечер Холмс говорил мало, но портрет беспутного Хьюго словно приковал его к себе, и за ужином он почти не отрывал от него глаз. Однако ход мыслей моего друга стал ясен мне только тогда, когда сэр Генри ушел к себе. Холмс захватил свечу со своего ночного столика и, вернувшись вместе со мной в пиршественный зал, поднес ее к потемневшему от времени портрету.

— Вы ничего особенного не замечаете?

Я долго рассматривал широкополую шляпу с плюмажем, белый кружевной воротник и длинные локоны, обрамляющие суровое узкое лицо. Это лицо никто не упрекнул бы ни в грубости черт, ни в жестокости выражения, но в поджатых тонких губах, в холодном, непреклонном взгляде было что-то черствое, строгое, чопорное.

— Он никого вам не напоминает?

— В нижней части лица есть что-то общее с сэром Генри.

¹ Питт, Уильям Старший (1708—1778) — английский государственный деятель,

— Да, пожалуй, чуть-чуть есть. Но подождите минутку!

Он встал на стул и, держа свечку в левой руке, прикрыл согнутой правой широкополую шляпу и длиные локоны.

— Силы небесные! — воскликнул я вине себя от изумления.

С полотна на меня смотрело лицо Стэплтона.

— Ага! Разглядели? Мои-то глаза привыкли отделять самое лицо от того, что его обрамляет. Умение проникать взором за маскировку — основное качество сыщика.

— Поразительно! Как будто его портрет!

— Да, любопытный пример возврата к прошлому и в физическом и в духовном отишении. Вот так начиешь изучать фамильные портреты и, пожалуй, уверуешь в переселение душ. Он тоже Баскервиль, это совершение очевидно.

— И метит в наследники.

— Безусловно. Этот случайно попавшийся мне на глаза портрет помог нам восполнить один из самых трудных пробелов. Теперь мы его поймали, Уотсон, теперь мы его поймали! И клянусь вам, завтра к ночи он будет биться в наших сетях, как бьются его бабочки под сачком. Булавка, пробка, ярлычок — и коллекция на Бейкерстрит пополнится еще одним экземпляром.

Холмс громко расхохотался и отошел от портрета. В тех редких случаях, когда мне приходилось слышать его смех, я знал, что это всегда предвещает какому-нибудь злодею большую беду.

Одеваясь на следующее утро, я выглянула в окно и увидел Холмса, который, оказывается, встал еще раньше и уже успел куда-то отлучиться.

— Да, денек у нас будет хлопотливый, — сказал он, радостно потирая руки в предвкушении всех этих хлопот. — Скоро начнем действовать. Сети уже расставлены. А к вечеру будет видно, запуталась в них эта большая зубастая щука или же ускользнула на волю.

— Вы уже успели побывать на болотах?

— Я дошел до Гrimпена и дал оттуда телеграмму в Приистаун о смерти Селдена. Думаю, что никого из

вас не станут беспокоить по этому делу. Кроме того, я связался с моим верным Картрайтом, который от тревоги за меня, по всей вероятности, не замедлил бы умереть на пороге пещеры, как собака на могиле своего хозяина.

— С чего же мы сегодня начнем?

— Прежде всего повидаем сэра Генри. Да вот он и сам!

— С добрым утром, Холмс! — сказал баронет. — Вы похожи на генерала, который обсуждает с начальником штаба план предстоящего сражения.

— Так оно и есть. Уотсон явился за приказаниями.

— Я тоже.

— Прекрасно. Если не ошибаюсь, наши друзья Стэплтоны пригласили вас сегодня к обеду?

— Надеюсь, вы тоже пойдете? Они люди гостепримные и будут очень рады вам.

— К сожалению, мы с Уотсоном должны уехать в Лондон.

— В Лондон?

— Да. При данных обстоятельствах нам лучше быть там.

Лицо у баронета вытянулось.

— А я-то думал, что вы не покиннете меня до конца! Откровенно говоря, в Баскервиль-холле не так-то уютно одному.

— Друг мой, вы должны повиноваться мне беспрекословно и делать все, что я от вас потребую. Скажите вашим друзьям, что мы пришли бы с удовольствием, но неотложные дела призывают нас в Лондон. Впрочем, мы скоро вернемся в Девоншир. Вы не забудете передать им это?

— Если вы настанываете.

— Уверяю вас, другого выхода нет.

По тому, как баронет нахмурился в ответ на эти слова, я понял, что он обиделся и считает наш отъезд дерзостривством.

— Когда вы думаете выехать? — холодно спросил он.

— Сразу же после завтрака. Мы доедем на лошадях до Кумб-Треси, но Уотсон оставит вам свои вещи в залог, так что ждите его обратно. Уотсон, напишите

записочку Стэплтону, извинитесь, что не можете быть у них.

— Мне тоже захотелось уехать в Лондон,— сказал баронет.— Почему я должен сидеть здесь один?

— Потому, что вам нельзя покидать свой пост. Потому, что вы дали слово слушаться меня во всем, а теперь я говорю вам: оставайтесь здесь.

— Хорошо, я останусь.

— Еще одна просьба. Поезжайте в Меррипит-хаус на лошадях. Отшлите экипаж обратно и скажите Стэплтонам, что домой вы пойдете пешком.

— Пешком, через болота?

— Да.

— Но ведь вы же сами столько раз удерживали меня от этого!

— А теперь можете идти совершенно спокойно. Я настаиваю на этом только потому, что уверен в вашем мужестве.

— Хорошо, я так и сделаю.

— И если вы хоть сколько-нибудь дорожите жизнью, не сворачивайте с тропинки, которая ведет от Меррипит-хауса к Гримпенской дороге, тем более что это ближайший путь к Баскервиль-холлу.

— Все будет исполнено в точности.

— Вот и хорошо. А мы постараемся выехать сразу же после завтрака, чтобы попасть в Лондон днем.

Меня очень удивила эта программа действий, хотя я помнил, как накануне вечером Холмс предупреждал Стэплтона о своем отъезде. Но кто бы мог подумать, что ему придет в голову ехать вместе со мной, да еще в такое время, которое он сам считал критическим! Впрочем, мне не оставалось ничего другого, как беспрекословно повиноваться моему другу, и вскоре мы простились с опечаленным баронетом, а через два часа, отослав шарабан домой, вышли на станционную платформу в Кумб-Треси. Там нас ждал небольшого роста мальчик.

— Какие будут приказания, сэр?

— Садитесь в поезд, Картрайт, и поезжайте в Лондон. Как только приедете, сейчас же дайте от моего имени телеграмму сэру Генри Баскервилю. Запросите его, не нашел ли он где-нибудь мою записную книжку, которую

я потерял. Если нашел, пусть вышлет ее заказной бандеролью на Бейкер-стрит.

— Слушаю, сэр.

— А сейчас узнайте в стационарной конторе, нет ли там чего на мое имя.

Мальчик вскоре вернулся с телеграммой; Холмс прочитал ее и протянул мне. Там было написано следующее:

«Телеграмму получил. Выезжаю ордером на арест. Буду пять сорок. Лестрейд».

— Это ответ на мою утреннюю. Лестрейд — лучший сыщик-профессионал, и нам может понадобиться его помощь... Ну-с, Уотсон, время у нас есть, и я думаю, что сейчас самый раз нанести визит вашей знакомой, миссис Лоре Лайонс.

План кампании, составленный Холмсом, прояснялся для меня с каждой минутой. С помощью баронета он убедит Стэплтона, что нас здесь нет, а на самом деле мы вернемся к тому времени, когда наша помощь будет больше всего нужна. Если сэр Генри упомянет о телеграмме, полученной от Холмса из Лондона, это рассеет последние подозрения Стэплтона. И я уже видел мысленно, как наши сети все туже и туже стягиваются вокруг злобной щуки.

Миссис Лора Лайонс сидела у себя в рабочей комнате. Шерлок Холмс приступил к разговору с такой прямотой и откровенностью, что у нее широко открылись глаза от изумления.

— Я расследую обстоятельства смерти сэра Чарльза Баскервилля, — начал он. — Мой друг, доктор Уотсон, передал мне все, что вы ему сообщили в связи с этим и о чем предпочли умолчать.

— О чём же я умолчала? — дерзко спросила она.

— Вы признались, что вызывали сэра Чарльза к калитке к десяти часам вечера. Как мы знаем, он умер именно в тот час и на том самом месте. Вы умолчали о связи, существующей между этими двумя фактами.

— Между ними не существует никакой связи.

— В таком случае совпадение получилось поистине поразительное. Но я думаю, что в конце концов мы эту

связь установим. Я буду с вами совершенно откровенен, миссис Лайонс. Речь идет об убийстве, а улики по этому делу таковы, что под следствием может оказаться не только ваш друг, мистер Стэплтон, но и его жена.

Миссис Лайонс вскочила с кресла.

— Его жена!

— Это уже ни для кого не тайна. Особа, которую он выдает за свою сестру, на самом деле его жена.

Миссис Лайонс опустилась в кресло и с такой силой впилась пальцами в его ручки, что ногти у нее побелели.

— Его жена! Его жена... Но ведь он холостяк!

Шерлок Холмс пожал плечами.

— Докажите мне это! Докажите! И тогда я...— Яростный блеск ее глаз говорил лучше всяких слов.

— За доказательствами дело не станет,— сказал Шерлок Холмс, вынимая из кармана какое-то бумаги.— Вот фотография этой супружеской четы, снятая четыре года назад в Йорке. На обороте надпись: «М-р и м-с Ванделер»,— но вы, конечно, узнаете и его и эту женщину, если вам приходилось встречаться с ней. Дальше — три документа, подписанные людьми, заслуживающими всяческого доверия. Это описание мистера и миссис Ванделер, которые содержали некогда частную школу «Сент-Оlivер». Прочтите его, и у вас не останется ни малейших сомнений в том, что это действительно знакомые вам люди.

Миссис Лайонс мельком просмотрела лежавшие перед ней бумаги и перевела взгляд на нас. Отчаяние превратило ее лицо в неподвижную маску.

— Мистер Холмс,— сказала она,— этот негодяй обещал жениться на мне, если я получу развод. Значит, нельзя верить ни одному его слову? Значит, он все время обманывал меня? Но зачем? Зачем? Я думала, что он печется только обо мне. А выходит, я была орудием в его руках. Чего ради хранить верность человеку, который так лжет? Чего ради выгораживать его? Пусть поплатится за свое злодейство! Спрашивайте меня о чем угодно, я ничего не утаю. В одном клянусь вам: когда я писала то письмо, мне и не снилось, что это погубит сэра Чарльза, моего лучшего друга!

— Я верю каждому вашему слову, сударыня,— сказал Шерлок Холмс.— Вам, вероятно, очень тяжело рассказывать об этом. Давайте сделаем так: я буду говорить сам и, если ошибусь в чем-нибудь существенном, вы меня поправите. Письмо было написано по наущению Стэплтона?

— Под его диктовку.

— Он, вероятно, говорил вам, что сэр Чарльз возьмет на себя все издержки по бракоразводному процессу?

— Да.

— А потом, когда письмо было отослано, убедил вас не ходить на свидание?

— Он сказал, что перестанет уважать самого себя, если деньги на процесс даст кто-то другой. Клялся, что, несмотря на всю свою бедность, отдаст последнее пенини, лишь бы уничтожить препятствие, которое отделяет нас друг от друга.

— Он, по-видимому, весьма последователен в своих поступках! Итак, о дальнейших событиях вы ничего не слышали и узнали о смерти сэра Чарльза только из газет?

— Да.

— И Стэплтон взял с вас слово, что вы никому не скажете о предполагавшемся свидании?

— Да. Он сказал, что смерть сэра Чарльза произошла при загадочных обстоятельствах и, если о письме узнают, я буду взята на подозрение. Он запугал меня, и я решила молчать.

— Так, понимаю. Но вы все-таки подозревали что-то?

Миссис Лайонс опустила глаза, видимо, не решаясь ответить.

— Я хорошо знала этого человека,— сказала она иаконец.— Но если бы он не обманул меня, я бы его не выдала.

— В общем, вы счастливо отделались,— сказал Шерлок Холмс.— Он был в ваших руках и прекрасно знал это, а вы все-таки остались живы. Последние месяцы вы ходили по краю бездны. А теперь, миссис Лайонс, разрешите пожелать вам всего хорошего. Но мы еще, вероятно, увидимся.

— Ну вот, все мало-помалу выясняется, туман редеет,— сказал Холмс, когда мы снова вышли на станци-

онную платформу к приходу лондонского экспресса.— Скоро я смогу пункт за пунктом воссоздать это преступление — пожалуй, самое сенсацционное преступление нашего времени. Криминалисты скажут, что нечто подобное уже было, и, конечно, вспомнят убийство в Гродно, на Украине, в 1866 году и Айдерсона из Северной Каролины, но у теперешнего нашего дела есть некоторые совершенно своеобразные черты. Мы даже сейчас не можем предъявить прямые улики этому коварному хитрецу. Но помяните мое слово, Уотсон: к тому времени, когда мы ляжем спать, все будет выяснено.

Лондонский экспресс с грохотом подкатил к станции, и из вагона первого класса выскоцил на платформу маленький, коренастый человек, чем-то напоминающий бульдога. Мы поздоровались, и по той почтительности, с какой Лестрейд относился к моему товарищу, мне стало ясно, что он многое понял с тех пор, как они начали работать вместе. Я прекрасно помнил, сколько презрения вызывали когда-то у этого практика логические выкладки нашего любителя теорий.

— Ну как, крупище дела? — спросил Лестрейд.

— Такого давно не было,— сказал Холмс.— У нас в запасе два часа свободного времени. Давайте употребим его на обед, а потом, Лестрейд, мы угостим вас чистейшим ночным воздухом Дартмура и поможем вам прочистить горло от лондонского тумана. Никогда здесь не были? В таком случае вы не скоро забудете свое первое знакомство с этими местами.

ГЛАВА XIV СОБАКА БАСКЕРВИЛЕЙ

Одним из недостатков Шерлока Холмса — если только это можно назвать недостатком — было то, что он никогда ни с кем не делился своим планами вплоть до их свершения. Такая скрытность объяснялась отчасти властной натурой этого человека, любившего повелевать окружающими и поражать их воображение, отчасти профессиональной осторожностью, не позволявшей ему рис-

ковать без нужды. Как бы то ни было, эта черта характера Шерлока Холмса доставляла много неприятностей тем, кто работал с ним в качестве его агентов или помощников. Я сам часто страдал от нее, но то, что мне пришлось вытерпеть за это долгое путешествие в темноте, превзошло все мои прошлые муки. Нам предстояло нелегкое испытание, мы были готовы нанести последний, решающий удар, а Холмс упорно молчал, и я мог только догадываться о его планах. Мое первое напряжение дошло до предела, как вдруг в лицо нам пахнуло холодным ветром, и, глянув в темноту, на пустынные просторы, тянувшиеся по обеим сторонам узкой дороги, я понял, что мы снова очутились на болотах. Каждый шаг лошадей, каждый поворот колес приближал нас к развязке всех этих событий.

В присутствии возницы, наятого в Кумб-Треси, нельзя было говорить о деле, и мы, несмотря на все свое волнение, беседовали о каких-то пустяках. Я облегченно вздохнул, когда в стороне от дороги показался коттедж Френклена, от которого оставалось две-три мили до Баскервиль-холла и до того места, где должна была разыграться заключительная сцена трагедии. Не доехав до дома, мы расплатились с возницей у ворот, отправили его обратно в Кумб-Треси, а сами пошли по направлению к Меррипит-хаусу.

— Вы с оружием, Лестрейд?

Мадеильский сыщик улыбнулся.

— Раз на мне брюки,— значит, и задний карман у них есть, а раз есть задний карман,— значит, он непустует.

— Вот и прекрасно! Мы с Уотсоном тоже приготовились ко всяким неожиданностям.

— Я вижу, вы настроены очень серьезно, мистер Холмс. А что от нас теперь требуется в этой игре?

— Требуется терпение. Будем ждать.

— Действительно, места здесь не очень веселые! — Сыщик повел плечами, глядя на мрачные склоны холмов и туман, озером разлившийся над Гримпенской трясиной.— А вот где-то горит огонек.

— Это Меррипит-хаус — конечная цель нашего путешествия. Теперь попрошу вас ступать как можно тише и говорить шепотом.

Мы осторожно шагали по тропинке, которая вела к дому, но ярдов за двести от него Холмс остановился.

— Дальше не надо,— сказал он.— Вот эти валуны послужат нам прекрасной ширмой.

— Здесь и будем ждать?

— Да, устроим засаду. Станьте вот сюда, Лестрейд. Утсой, ведь вы бывали в доме? Расположение комнат знаете? Вон те окна с переплетом — что это?

— По-моему, кухня.

— А следующее, ярко освещенное?

— Это столовая.

— Шторы подняты. Вы лучше меня знаете, как туда пройти. Загляните в окно: что они там делают? Только, ради бога, тише! Как бы вас не услышали!

Я подкрался на цыпочках к низкой каменистой ограде, окружающей чахлый садик Стэплтона, и, пробираясь в ее тени, дошел до того места, откуда можно было заглянуть в незанавешенное окно.

В комнате было двое мужчин — сэр Генри и Стэплтон. Они сидели друг против друга за круглым столом, ко мне в профиль, и курили сигары. Перед ними стояли чашки с кофе и вино. Стэплтон оживленно говорил о чем-то, но баронет сидел бледный и слушал его невнимательно. Ему, вероятно, не давала покоя мысль о скором возвращении домой по зловещим болотам.

Но вот Стэплтон встал и вышел из комнаты, а сэр Генри подлил себе вина в стакан и откинулся на спинку стула, попыхивая сигарой. Я услышал скрип двери, потом похрустывание гравия на тропинке. Шаги приближались ко мне. Выглянув из-за стены, я увидел, что натуралист остановился у небольшого сараев в углу сада. Звякнул ключ в замке, и в сарае послышалась какая-то возня. Стэплтон пробыл там не больше двух минут, снова звякнул ключом, прошел мимо меня и исчез в доме. Я увидел, что он вернулся к своему гостю; осторожно пробравшись к товарищам, я рассказал им все это.

— Значит, женщина не с ними? — спросил Холмс, когда я кончил.

— Нет.

— Тогда где же она? Ведь, кроме кухни и столовой, все окна темные.

— Право, не знаю.

Я уже говорил, что над Гримпенской тряснистой стлался густой белый туман. Он медленно полз в нашу сторону, окружая нас и справа и слева изским, но плотным валом. Лившийся сверху лунный свет превращал его в мерцающее ледяное поле, над которым, словно черные пинки, вздымались верхушки отдаленных гранитных столбов. Холмс повернулся в ту сторону и, глядя на эту медленно подползающую белую стену, нетерпеливо пробормотал:

— Смотрите, Уотсон, туман движется прямо на нас.
— А это нехорошо?

— Хуже некуда! Туман — единственное, что может нарушить мои планы. Но сэр Генри там не задержится. Уже десять часов. Теперь все — и наш успех и даже его жизнь — зависят от того, выйдет ли он прежде, чем туман доползет до тропинки, или нет.

Ночное небо было чистое, без единого облачка. Звезды холодно поблескивали в вышине, луна заливала болота мягким неверным светом. Прямо перед нами смутно чернели очертания дома с остроконечной крышей, словно ощетинившейся трубами, которые четко выступали на звездном небе. Широкие золотые полосы падали из окон нижнего этажа в сад и дальше, на болота. Одна из них вдруг погасла. Слуги вышли из кухни. Теперь лампа горела только в столовой, где те двое — убийца-хозяин и ничего не подозревающий гость — покуривали сигары и продолжали свой разговор.

Белая волокнистая пелена, затянувшая почти все болото, с каждой минутой приближалась к дому. Первые прозрачные клочья уже завивались у золотистого квадрата освещенного окна. Дальняя стена сада совсем исчезла в этой клубящейся мгле, над которой виднелись только верхушки деревьев. Вот белесые кольца показались с обеих сторон дома и медленно слились в плотный вал, и верхний этаж с крышей вспалъ над ним, точно волшебный корабль на волнах прозрачного моря. Холмс яростно ударил кулаком о камень, за которым мы стояли, и вине себя от нетерпения топнул ногой.

— Если он не появится через четверть часа, тропинку затянет туманом, а через полчаса мы уже не сможем разглядеть собственную руку в этой тьме.

— Отойдем немножко назад, там выше.

— Да, пожалуй, так и сделаем.

По мере того, как туман надвигался на нас, мы отступали все дальше и дальше, пока не очутились в полукиле от дома. Но сплошное белесое море, посеребренное сверху луной, подбиралось к туда, продолжая свое медленное, неуклонное наступление.

— Мы слишком далеко зашли,— сказал Холмс.— Это уже рискованно: его могут настигнуть прежде, чем он дойдет до нас. Ну, будь что будет, останемся здесь.

Он опустился на колени и приложил ухо к земле.

— Слава богу! Кажется, идет!

В тишине болот послышались быстрые шаги. Принесявшись за валунами, мы напряженно всматривались в подступавшую к нам мутно-серебристую стену. Шаги все приближались, и вот из тумана, словно распахнув перед собой занавес, выступил тот, кого мы поджидали. Увидя над собой чистое звездное небо, он с удивлением осмотрелся по сторонам. Потом быстро зашагал по тропинке, прошел мимо нас и стал подниматься вверх по отлогому склону, начинавшемуся сразу за валунами. На ходу он то и дело оглядывался через плечо, видимо, опасаясь чего-то.

— Тсс! — шепнул Холмс и щелкнул курком.— Смотрите! Вот она!

В самой гуще подползающего к нам тумана послышался мерный, дробный топот. Белая стена была от нас уже ярдах в пятидесяти, и мы трое впернули в нее взгляд, не зная, какое чудовище появится оттуда. Стоя рядом с Холмсом, я мельком взглянул ему в лицо — бледное, взволнованное, с горящими при лунном свете глазами. И вдруг оно преобразилось: взгляд стал сосредоточен и суров, рот проноткрылся от изумления. В ту же секунду Лестрейд вскрикнул от ужаса и упал ничком на землю. Я выпрямился и, почти парализованный тем зрелищем, которое явилось моим глазам, потянулся ослабевшей рукой к револьверу. Да! Это была собака, огромная, черная, как смоль. Но такой собаки еще

никто из нас, смертных, не видывал. Из ее отверстой пасти вырывалось пламя, глаза метали искры, по морде и загривку переливался мерцающий огонь. Ни в чьем воспалением мозгу не могло бы возникнуть видение более страшное, более омерзительное, чем это адское существо, выскочившее на нас из тумана.

Чудовище неслось по тропинке огромными прыжками, принюхиваясь к следам нашего друга. Мы опомнились лишь после того, как оно промчалось мимо. Тогда и я и Холмс выстрелили одновременно, и раздавшийся вслед за этим оглушительный рев убедил нас, что по меньшей мере одна из пуль попала в цель. Но собака не остановилась и продолжала мчаться вперед. Мы видели, как сэр Геири оглянулся, мертвенно-бледный при свете луны, поднял в ужасе руки и замер в этой беспомощной позе, не сводя глаз с чудовища, которое настынило его.

Но голос взвывшей от боли собаки рассеял все наши страхи. Кто уязвим, тот и смертен, и если она ранена, значит, ее можно и убить. Боже, как бежал в ту ночь Холмс! Я всегда считался хорошим бегуном, но он опередил меня на такое же расстояние, на какое я сам опередил маленького сыщика. Мы неслись по тропинке и слышали непрекращающиеся крики сэра Генри и глухой рев собаки. Я подоспел в ту минуту, когда она кинулась на свою жертву, повалила ее на землю и уже примеривалась схватить за горло. Но Холмс всадил ей в бок одну за другой пять пуль. Собака взвыла в последний раз, яростно щелкнула зубами, повалилась на спину и, судорожно дернувшись всеми четырьмя лапами, замерла. Я нагнулся над ней, задыхаясь от бега, и приставил дудо револьвера к этой страшной светящейся морде, но выстрелить мне не пришло — исполнинская собака была мертва.

Сэр Геири лежал без сознания там, где она настынила его. Мы сорвали с него воротничок, и Холмс возблагодарил судьбу, убедившись, что он не ранен и что наша помощь подоспела вовремя. А потом веки у сэра Геири дрогнули и он слабо шевельнулся. Лестрейд просунул ему между зубами горлышко фляги с коньяком, и через секунду на нас глянули два испуганных глаза.

— Боже мой! — прошептал баронет.— Что это было?
Где оно?

— Его уже нет,— сказал Холмс.— С привидением, которое преследовало ваш род, покончено навсегда.

Чудовище, лежавшее перед нами, поистине могло кого угодно испугать своими размерами и мощью. Это была не чистокровная ищейка и не чистокровный мастиф, а, видимо, помесь — поджарый, страшный пес величиной с молодую львицу. Его огромная пасть все еще светилась голубоватым пламенем, глубоко сидящие дикие глаза были обведены огненными кругами. Я дотронулся до этой светящейся головы и, отняв руку, увидел, что мои пальцы тоже засветились в темноте.

— Фосфор,— сказал я.

— Да, и какой-то особый препарат,— подтвердил Холмс, потянув носом.— Без запаха, чтобы у собаки не исчезло чутье. Простите нас, сэр Генри, что мы подвергли вас такому страшному испытанию. Я готовился увидеть собаку, но никак не ожидал, что это будет такое чудовище. К тому же нам помешал туман, и мы не смогли оказать псу достойную встречу.

— Вы спасли мне жизнь.

— Подвергнув ее сначала опасности. Ну как, можете встать?

— Дайте мне еще один глоток коньяку, и тогда все будет в порядке. Ну вот! Теперь с вашей помощью я встану. А что вы намерены делать дальше?

— Пока оставим вас здесь — вы уже достаточно насторожились за сегодняшний вечер,— а потом кто-нибудь из нас вернется с вами домой.

Баронет попробовал подняться, но не смог. Он был бледен, как полотно, и дрожал всем телом. Мы повели его к валуну. Он сел там, все еще дрожа, и закрыл лицо руками.

— А теперь нам придется уйти,— сказал Холмс.— Надо кончить начатое дело. Дорога каждая минута. Состав преступления теперь налицо, остается только схватить преступника.

— Держу пари, в доме его уже не окажется,— продолжал Холмс, быстро шагая рядом с нами по тропин-

ке.— Он не мог не слышать выстрелов и понял, что игра проиграна.

— Ну что вы! Это было далеко от дома, к тому же туман приглушает звуки.

— Можете не сомневаться, что он кинулся следом за собакой,— ведь ее надо было оттащить от тела. Нет, мы его уже не застанем! Но на всякий случай надо обшарить все уголки.

Входная дверь была открыта настежь, и, вбежав в дом, мы быстро осмотрели комнатау за комнатой, к удивлению дряхлого слуги, встретившего нас в коридоре. Свет горел только в столовой, но Холмс взял оттуда лампу и обошел с ней все закоулки в доме. Человек, которого мы искали, исчез бесследно. Однако на втором этаже дверь одной из спален оказалась запертой.

— Там кто-то есть! — крикнул Лестрейд.

В комнатае послышался слабый стон и шорох. Холмс ударил ногой чуть повыше замка, и дверь распахнулась настежь. Держа револьверы наготове, мы ворвались туда.

Но дерзостного негодяя, за которым мы охотились, не оказалось и тут. Вместо него глазам нашим представилось нечто до такой степени странное и неожиданное, что мы замерли на месте.

Эта комната представляла собой маленький музей. Ее стены были сплошь заставлены стеклянными ящиками, где хранилась коллекция мотыльков и бабочек — любимое детице этой сложной и преступной натуры. Посередине поднималась толстая подпорка, подведенная под трухлявые балки потолка. И у этой подпорки стоял человек, привязанный к ней простынями, которые укутывали его с головы до ног, так что в первую минуту даже нельзя было разобрать, кто это — мужчина или женщина. Одно полотнище шло вокруг шен, другое закрывало нижнюю часть лица, оставляя открытые только глаза, которые с немым вопросом смотрели на нас, полные ужаса и стыда. В мгновение ока мы сорвали эти пуги, вынули кляп, и к нашим ногам упала не кто ниая, как миссис Стэплтои. Голова ее опустилась на грудь, и я увидел красный рубец у нее на шее от удара плетью.

— Мерзавец! — крикнул Холмс. — Лестрейд, где конь-як? Посадите ее на стул. Такие пытки кого угодно доведут до обморока!

Миссис Стэплтон открыла глаза.

— Он спасся? — спросила она. — Он убежал?

— От нас он никуда не убежит, сударыня.

— Нет, нет, я не про мужа. Сэр Генри... спасся?

— Да.

— А собака?

— Убита.

У нее вырвался долгий вздох облегчения.

— Слава богу! Слава богу! Негодяй! Смотрите, чтò они со мной сделали! — Она засучила оба рукава, и мы увидели, что ее руки все в синяках. — Но это еще ничего... это ничего. Он истерзал, он опоганил мою душу. Пока у меня теплилась надежда, что этот человек любит меня, я все сносила, все: дурное обращение, одиночество, жизнь, полуию обмана... Но он лгал мне, я была орудием в его руках! — Она не выдержала и разрыдалась.

— Да, сударыня, у вас нет никаких оснований желать ему добра, — сказал Холмс. — Так откройте же, где его искать. Если вы были его сообщницей, воспользуйтесь случаем загладить свою вину — помогите нам.

— Он может спрятаться только в одном месте, больше ему некуда деваться, — ответила она. — В самом сердце трясины есть островок, на котором был когда-то рудник. Там он и держал свою собаку, и там у него все было приготовлено на тот случай, если придется бежать.

Холмс посветил в окно лампой. Туман, словно белая вата, лип к стеклу.

— Смотрите, — сказал он. — Сегодня ночью никто не сможет пробраться на Гrimпенскую трясину.

Миссис Стэплтон рассмеялась и захлопала в ладони. Глаза ее сверкали недобрый огнем.

— Туда-то он найдет дорогу, а обратно не выберется! — воскликнула она. — Разве в такую ночь разглядишь вехи? Мы ставили их вместе, чтобы наметить тропу через трясину. Ах, почему я не догадалась убрать их сегодня! Тогда он был бы в вашей власти!

При таком тумане о погоне нечего было и думать. Мы оставили Лестрейда полновластным хозяином Меррипит-хауса, а сами вместе с сэром Генри вернулись в Баскервиль-холл. Скрывать от него историю Стэплтонов больше было нельзя. Узнав всю правду о любимой женщине, он мужественно принял этот удар.

Однако пережитое ночью потрясение не прошло даром для баронета. К утру он уже лежал без памяти в горячке под надзором доктора Мортимера. В дальнейшем им обоим было суждено совершить кругосветное путешествие, и только после него сэр Генри снова стал тем же веселым, здоровым человеком, какой приехал когда-то в Англию наследником этого злополучного поместья.

А теперь мое странное повествование быстро подходит к концу. Записывая его, я старался, чтобы читатель делал вместе с нами все те страхи и смутные догадки, которые так долго омрачали нашу жизнь и завершились такой трагедией.

К утру туман рассеялся, и миссис Стэплтон проводила нас к тому месту, где начиналась тропника, ведущая через трясину. Эта женщина с такой охотой и радостью направляла нас по следам мужа, что нам только тогда и стало ясно, как страшна была ее жизнь. Мы расстались с ней на узкой торфяной полоске, полуостровом вдававшейся в трясину. Маленькие прутники, воткнутые то там, то сям, намечали тропу, извивающуюся зигзагами от кочки к кочке, между затянутыми зеленью окнами, которые преградили бы путь всякому, кто был незнаком с этими местами. От гниющего камыша и покрытых илом водорослей над трясиной поднимались тяжелые испарения. Мы то и дело оступались, уходя по колено в темную зыбкую топь, мягкими кругами расходившуюся на поверхности. Вязкая жижа присасывалась к нашим ногам, и ее хватка была настолько сильна, что казалось, чья-то цепкая рука тянет нас в эти мерзостные глубины. На глаза нам попалось только одно-единственное доказательство, что не мы первые идем по этому опасному пути. На кочке, поросшей болотной травой, лежало что-то темное. Потянувшись туда, Холмс сразу

ушел по пояс в тину, и если бы не мы, вряд ли ему удалось бы когда-нибудь почувствовать под ногой твердую землю. Он держал в руке старый черный башмак. Внутри была метка: «Мейерс: Торонто».

— Из-за такой находки стоило принять грязевую ванну. Вот он, пропавший башмак нашего друга!

— Брошенный второпях Стэплтоном?

— Совершенно верно. Он дал собаке понюхать его, когда наводил ее на след сэра Генри, и так и убежал с ним, а потом бросил. Теперь мы, по крайней мере, знаем, что до этого места он добрался благополучно.

Но больше нам ничего не удалось узнать, хотя додгиваться мы могли о многом. Разглядеть на тропинке следы не было никакой возможности — их сразу же затягивало тиной. Мы решили, что они обнаружатся на более сухом месте, однако все поиски были тщетны. Если земля говорила правду, то Стэплтону так и не удалось добраться до своего убежища на островке, к которому он стремился в ту памятную нам туманную ночь. Этот холодный, жестокий человек был навеки погребен в самом сердце зловонной Гrimпенской трясины, засосавшей его в свою бездонную глубину.

Мы нашли немало его следов на опоясанном топью островке, где он прятал своего страшного сообщника. Огромный ворот и шахта, до половины заваленная щебнем, говорили, что когда-то здесь был рудник. Рядом с ним стояли развалившиеся лачуги рудокопов, которых, вероятно, выгнали отсюда ядовитые болотные испарения. В одной из этих лачуг мы нашли кольцо в стене, цепь и множество обглоданных костей. Здесь, вероятно, Стэплтон и держал своего пса. Среди мусора валялся скелет собаки с оставшимся на нем клочком рыжей шерсти.

— Боже мой! — воскликнул Холмс. — Да это спаниель! Бедный Мортимер больше никогда не увидит своего любимца. Ну что ж, теперь, я думаю, этот островок открыл нам все свои тайны. Спрятать собаку было нетрудно, а вот попробуйте заставить ее молчать! Отсюда и шел этот вой, от которого людям даже днем становилось не по себе. В случае крайней необходимости Стэплтон мог бы перевести собаку в сарай, поближе к дому, но на такой риск можно было пойти только в самую

критическую минуту, в расчете на близкую развязку. А вот эта паста в жестянике — тот самый светящийся состав, которым он смазывал своего пса. Его и натолкило на эту мысль не что иное, как легенда о чудовищной собаке Баскервилей, и он решил разделаться таким способом с сэром Чарльзом. Теперь не удивительно, что злосчастный каторжник с воплями пустился наутек, когда здакое страшилище выскочило на него из темноты. Точно так же поступил и наш друг, да и мы сами были недалеки от этого. Стэнлтон хитро придумал! Уж не говоря о том, что собака помогла бы ему убить его жертву, кто из здешних фермеров решился бы поближе познакомиться с ней? С такой тварью достаточно и одной встречи. А ведь ее многие видели на болотах. Я говорил об этом в Лондоне, Уотсон, и повторяю опять: нам никогда не приходилось иметь дело с человеком более опасным, чем тот, кто лежит теперь там! — И он показал на зелено-бурую трясину, уходившую в даль, к пологим склонам торфяных болот.

ГЛАВА XV

ВЗГЛЯД НАЗАД

Был конец ноября. Неистовым, туманным вечером мы с Холмсом сидели у пылающего камнина в кабинете на Бейкер-стрит. Со времени трагедии, которая завершила нашу поездку в Девоншир, мой друг успел расследовать два очень серьезных дела. В первом из них ему удалось разоблачить полковника Эпвуда, замешанного в скайдале, разыгравшемся за карточным столом в клубе «Патриций», во втором — полностью снять с несчастной мадам Моппенсье обвинение в убийстве падчерицы, молоденькой мадемуазель Карэр, которая, как известно, полгода спустя объявилась в Нью-Йорке и благополучно вышла там замуж. После успешного разбора двух таких трудных и серьезных дел Холмс был в прекрасном расположении духа, и, пользуясь этим, я решил выведать у него некоторые подробности загадочной баскервильской истории. Я терпеливо ждал своего часа, зная, что Холмс не любит держать в голове сразу по нескольку дел и что его ясный, логический ум не станет

отвлекаться от текущей работы ради воспоминаний о прошлом.

В эти дни в Лондоне как раз были сэр Генри и доктор Мортимер, готовившиеся к далекому путешествию, которое врачи предписали баронету для укрепления расшатанной нервной системы. Утром они нанесли нам визит, так что у меня был хороший повод завести разговор на нужную тему.

— С точки зрения человека, именовавшего себя Стэплтоном, события разворачивались как по-писаному,— начал Холмс,— но нам все это казалось чрезвычайно сложным, потому что мы не имели тогда ни малейшего понятия, чем он руководствуется в своих действиях, и знали только кое-какие факты. С тех пор у меня было два разговора с миссис Стэплтон, и все разъяснилось. Думаю, что теперь загадок уже нет. Можете посмотреть мои заметки по этому делу в картотеке под литерой «Б».

— А может, вы изложите ход событий просто по памяти?

— С удовольствием, хотя и не ручаюсь, что вспомню все подробности. Когда сосредоточишься на чем-нибудь одном, прошлые помыслы улетучиваются из головы. Адвокат, знающий назубок свое очередное дело и ломающий из-за него копья в суде, недели через две начисто все забывает. Так и у меня: каждое новое расследование вытесняет из памяти предыдущее, и мадемуазель Карэр своей персоюй заслонила в моем сознании Баскервиль-холл. Завтра передо мной, может быть, встает следующая загадка, которая, в свою очередь, заслонит очаровательную Фраицуженку и шулера Эпвуда. Но я все-таки постараюсь изложить вам всю эту историю, а если я что-нибудь забуду, вы мне подскажете.

Наведенные справки окончательно убедили меня, что фамильный портрет не лгал и что этот человек действительно из рода Баскервилей. Он оказался сыном того Роджера Баскервilia, младшего брата сэра Чарльза, которому пришлось бежать в Южную Америку, где он и женился, и после него остался сын, носивший отцовскую фамилию. Сей небезызвестный вам молодчик женился на некой Бэрил Гарсна, одной из красавиц Коста-Рики,

растратил казенные деньги и, переменив фамилию на Вайделер, бежал в Англию, где вскоре открыл школу в восточной части Йоркшира. Этот род деятельности он избрал потому, что сумел воспользоваться знаниями и опытом одного учителя, с которым познакомился в пути. Но его компаньон Фрэзер был в последнем градусе чахотки и вскоре умер. Дела школы шли все хуже и хуже, а конец у нее был совсем бесславный. Супруги Вайделер сочли за благо переменить фамилию и с тех пор стали именоваться Стэплтонами. В дальнейшем Стэплтон вместе с остатками своего состояния, новыми планами на будущее и страстью к энтомологии перебрался на юг Англии. Я наводил справки в Британском музее и выяснил, что Вайделер считался признанным авторитетом в своей области и что его имя было присвоено одиой иочиой бабочке, описанной им еще в Йоркшире.

Теперь мы дошли до того периода его жизни, который оказался столь интересным для нас. Этот человек, по-видимому, разумел, что между ним и крупным поместьем стоят всего лишь две жизни. Когда он собрался в Девоншир, его планы были, вероятно, еще весьма туманны, но недобрый замысел зрел — недаром он с самого начала выдал свою жену за сестру. Мысль воспользоваться ею в качестве приманки овладела им сразу, хотя он, может быть, еще и не представлял себе, как все сложится в дальнейшем. Его цель была — получить поместье; ради этого он не стеснялся в средствах и шел на любой риск. Итак, для начала надо было поселиться как можно ближе к Баскервиль-холлу, а потом завязать дружеские отношения с сэром Чарльзом и с другими соседями.

Баронет сам рассказал ему предание о собаке и, таким образом, ступил на свой смертный путь. Стэплтон, как я его по-прежнему буду называть, знал, что у старика большое сердце и что сильное потрясение может убить его. Все это он слышал от доктора Мортимера. Кроме того, ему стало известно, что сэр Чарльз — человек суеверий и придает большое значение этой мрачной легенде. Изворотливый ум Стэплтона немедленно подсказал ему способ, каким можно убить баронета и остаться самому вне подозрений.

Выработав план действий, Стэплтон приступил к его осуществлению со всей изощрённостью, свойственной его натуре. Заурядный преступник удовольствовался бы в таком случае просто злой собакой, но Стэплтона осенила гениальная мысль — сделать из неё исчадие ада. Он купил этого пса в Лондоне у Росса и Менглса, на Фулем-роуд, выбрав самого крупного и самого свирепого из всех, какие там были. Потом приехал с ним в Девоншир по северной линии и сделал немалый конец пешком через болота, чтобы провести его домой незаметно. Во время своих экскурсий за бабочками он нашел путь в глубь Гринпенской трясины, а более надежного места для собаки нельзя и придумать. Он посадил ее там на цепь и стал ждать удобного случая.

Но такой случай долго не представлялся: сэра Чарльза нельзя было выманить ночью за пределы усадьбы. Стэплтон не раз подстерегал старика, держа собаку наготове, но все было тщетно. Вот во время этих бесплодных блужданий по болотам он, вернее, его сообщник, и попался на глаза кое-кому из тамошних фермеров, и легенда о чудовищном псе получила новое подтверждение. Тогда Стэплтон возложил все свои надежды на жену, но на сей раз она проявила неожиданную твердость характера. Миссис Стэплтон наотрез отказалась пускать в ход свои чары против старика, зная, что это может погубить его. Ни угрозы, ни даже — увы! — побои, ничто не помогало. Она не хотела принимать участие в кознях мужа, и на время Стэплтон оказался в тупике.

Но выход из этого тупика был найден. Сэр Чарльз проникся дружескими чувствами к Стэплтону и послал его в качестве своего посредника к миссис Лоре Лайонс. Выдав себя за холостяка, Стэплтон совершенно покорил эту несчастную женщину и дал ей понять, что женится на ней, если она добьется развода. И тут же вскоре выяснилось, что надо действовать безотлагательно: сэр Чарльз собрался в Лондон по настоянию доктора Мортимера, с которым Стэплтон для видимости соглашался. Нельзя было терять ни минуты, иначе жертва могла ускользнуть. Стэплтон заставил миссис Лайонс написать сэру Чарльзу письмо, в котором она умоляла старика дать ей возможность повидаться с ним накануне его отъезда из Баскервиль-холла. Потом под

благовидным предлогом он уговорил ее не ходить на свидание, и вот долгожданный случай представился.

Вернувшись вечером из Кумб-Треси, Стэплтон успел сбежать за собакой, смазал ее этим адским составом и привел на то место, куда должен был прийти старик. Собака, натравленная хозяином, перемахнула через калитку и помчалась за несчастным баронетом, который с криками бросился бежать по тисовой аллее. Представляю себе, какое это было страшное зрелище! Кругом темнота, и в этой темноте за тобой мчится что-то огромное со светящейся мордой и огненными глазами. Сердце у баронета не выдержало, и он упал мертвый в самом конце аллеи. Собака неслась за ним по узкой полоске держна, и поэтому на дорожке не было никаких следов, кроме человеческих. Когда сэр Чарльз упал, она, вероятно, обнюхала его, но не стала трогать мертвеца и убежала. Вот эти следы и заметил доктор Мортимер. Стэплтон подозвал своего пса и поторопился увести его назад, в глубь Гримпенской тряснины. Таково происхождение этой загадки, которая сбила с толку полицию, переполошила всех окрестных жителей и, наконец, была представлена на наше рассмотрение.

Вот и все, что касается смерти сэра Чарльза Баскервеля. Вы понимаете, с какой дьявольской хитростью этот человек обделал свое дело! Ведь уличить преступника не представлялось возможным! Соучастник у него был только один, причем такой, который не выдаст, а непостижимый, фантастический характер всего замысла и вовсе запутал расследование. Обе женщины, замешанные в это дело, миссис Стэплтон и миссис Лора Лайонс, подозревали, кто истинный виновник смерти сэра Чарльза. Миссис Стэплтон знала, что муж строит козыри против старика, знала и о существовании собаки. Миссис Лайонс не имела ни малейшего понятия ни о том, ни о другом, но ее поразило, что смерть сэра Чарльза совпадла по времени с несостоявшейся встречей у калитки, о которой, кроме Стэплтона, никто не знал. Но обе они были всецело под его влиянием, и он мог не бояться их. Таким образом, первая половина задачи была выполнена успешно, оставалась вторая — куда более трудная.

Очень возможно, что сначала Стэплтон даже не подозревал о существовании наследника в Канаде. Но он не замедлил узнать об этом от своего приятеля, доктора Мортимера, который заодно уведомил его и о дне приезда Генри Баскервилля. Прежде всего ему пришла в голову мысль, нельзя ли будет разделаться с этим молодым карапузом в Лондоне до того, как он приедет в Девоншир. Жене Стэплтон больше не доверял, помня, что она отказалась завлечь в свои сети старика Баскервилля. Оставлять ее надолго одну он тоже не решался: так можно было совсем утратить над ней власть. Принилось ехать в Лондон вместе. Они остановились, как я потом выяснил, в гостинице «Мексборо», на Крэвен-стрит, куда Кар特райт тоже заходил в поисках изрезанной страницы «Таймса». Стэплтон держал жену взаперти в номере, а сам, приклев фальшивую бороду, ходил по пятам за доктором Мортимером — на Бейкер-стрит, на вокзал, в гостиницу «Нортумберленд». Миссис Стэплтон подозревала, какие планы строит ее супруг, но она испытывала такой страх перед ним — страх, рожденный его жестокостью, — что не решалась написать сэру Генри о грозящей ему опасности. Если бы письмо попало в руки Стэплтона, кто бы мог поручиться за ее жизнь? В конце концов, как мы уже знаем, она пошла на хитрость: вырезала нужные слова из газеты и написала адрес измененным почерком. Письмо дошло до баронета и послужило ему первым предостережением.

Стэплтону нужно было во что бы то ни стало раздобыть какую-нибудь вещь из туалета сэра Генри на тот случай, если придется пускать собаку по его следу. Действия, как всегда, быстро и смело, он не стал медлить, и мы можем не сомневаться, что и коридорный и горничная в гостинице получили щедрую мзду за оказанную ему помощь. Увы! Первый башмак оказался ненадеванным и, следовательно, был непригоден. Он вернул его и взамен получил другой. Из этого факта я сделал очень важный вывод. Мне стало ясно, что мы имеем дело с настоящей собакой, ибо только этим можно было объяснить старания Стэплтона получить старый башмак. Чем нелепее и грубее кажется вам какая-нибудь деталь, тем больше внимания она заслуживает. Те обстоятельства, которые на первый взгляд лишь усложняют дело, чаще всего

приводят вас к разгадке. Надо только как следует, не по-дилетантски разобраться в них.

На другое утро наши друзья пожаловали к нам, а Стэплтон следовал за ними издали в кабине. Судя по многим признакам и хотя бы по тому, что он знал меня в лицо, знал и мой адрес, его карьера не ограничивалась баскервильским делом, я в этом почти уверен. Так, например, за последние три года в западных графствах было совершено четыре крупных ограбления, а преступников обнаружить не удалось. Последнее из них — это было в Фолкстоун-Корте в мае месяце — не обошлось без кровопролития. Грабитель в маске уложил выстрелом из револьвера мальчика-слугу, который застиг его. Теперь я не сомневаюсь, что Стэплтон поправлял таким способом свои расстроенные финансовые дела и что он уже давно был опасным преступником.

В его находчивости и дерзости мы могли убедиться в то утро, когда он так ловко улизнул от нас и потом назывался моим же именем, прекрасно зная, что я доберусь до этого каббмена. И тогда Стэплтон понял: в Лондоне рассчитывать на успех нечего, так как за это дело взялся я. Он уехал в Дартмур и стал ждать приезда баронета.

— Постойте! — перебил я Холмса. — Вы совершили точно изложили весь ход событий, но один пункт все же для меня неясен. Что стало с собакой, когда ее хозяин уехал в Лондон?

— Вопрос очень существенный, я сам этим интересовался. У Стэплтона, конечно, был какой-то сообщник, хотя вряд ли он делался с ним всеми своими планами: это значило бы полностью отдаваться в его власть. Помните слугу в Мерриптон-хаусе, старника Энтона? Он жил у Стэплтонов несколько лет, еще в то время, когда у них была школа, и, конечно, знал, что они муж и жена. Так вот этот самый Энтон исчез бесследно, в Англии его нет. Обратите также внимание на то, что имя Энтона встречается у нас довольно редко, а в Испании и в Латинской Америке Антоно попадаются на каждом шагу. Старик говорил по-английски не хуже миссис Стэплтон, но с тем же странным акцентом. Я сам видел, как он ходил в глубь Гrimпейской трясины по тропинке, намеченной Стэплтоном. Поэтому весьма вероятно, что в отсут-

ствне хозяинна собаку кормил слуга Энтони, хотя, может статься, ему было невдомек, с какой целью ее здесь держат.

Итак, Стэплтоны вернулись в Девоншир, а вскоре туда приехали и вы с сэром Генри. Теперь скажу несколько слов о себе. Вы, вероятно, помните, что, разглядывая письмо, присланное сэру Генри, я заинтересовался, есть ли на нем водяные знаки. Я поднес листок к глазам и уловил легкий запах — от него пахло духами «Белый жасмин». Есть семьдесят три сорта духов, которые опытный сынок должен уметь отличать один от другого. Я на собственном опыте убедился, что успешное расследование преступлений не раз зависело именно от этого. Если пахнет жасмином, значит, автор письма — женщина, а к тому времени Стэплтоны уже начинали интересоваться меня. Итак, я понял, что собака существует на самом деле, и догадался, кто преступник, еще до своей поездки в Девоншир.

За Стэплтоном надо было установить слежку. Но если бы следил за ним, находясь в вашем обществе, он бы сразу насторожился. Пришлось обмануть всех, в том числе и вас. Я сказал, что останусь в Лондоне, а сам поехал следом за вами. Лишения, которые мне пришлось испытать, вовсе не так страшны, как вам кажется. Впрочем, подобные пустяки не должны мешать нашей работе. Я жил, собственно, в Кумб-Тресн, а пещеру на болотах нащадил лишь в тех случаях, когда требовалось быть поближе к месту действия. Картрайт приехал в Девоншир вместе со мной и, расхаживая повсюду под видом деревенского мальчика, оказал мне большую помощь. Кроме того, он снабжал меня едой и чистым бельем и следил за вами, когда я был занят Стэплтоном. Так что, как видите, все нити были у меня в руках.

Вы уже знаете, что ваши отчеты немедленно пересыпались с Бейкер-стрит в Кумб-Тресн. Я очень много из них почерпнул, особенно из того, где сообщался единственный поданный эпизод из биографии Стэплтонов. После этого мне уже нетрудно было установить личность их обонь, и я понял, с кем имею дело. Однако расследование осложнялось одним побочным обстоятельством — бегством каторжника и связью между ним и Бэрриморами. Но вы распутали и этот узел, хотя я уже сам при-

шел к тем же выводам на основе собственных наблюдений.

К тому времени, когда вы отыскали меня в пещере на болотах, картина преступления стала окончательно ясна, но передавать это дело в суд было преждевременно. Даже неудачное покушение Стэплтона на сэра Генри, закончившееся гибелью злосчастного каторжника, не давало прямых улик. Оставался единственный выход: схватить его на месте преступления, выставив сэра Генри в качестве приманки. Баронет должен был идти одни, якобы никем не охраняемый. Так мы и сделали и ценой тяжелого потрясения, пережитого нашим другом, не только завершили расследование, но и довели Стэплтона до гибели. Подвергнув своего клиента такому испытанию, я, конечно, вполне заслужил упрек в плохом ведении дела, но кто мог знать заранее, какое страшное, ошеломляющее зрелище предстанет нашим глазам, кто мог предвидеть, что ночью будет туман и собака выскочит из него прямо на нас! Мы достигли своей цели дорогой ценой, но оба врача — и специалист по нервным болезням и доктор Мортимер — уверяют меня, что сэр Генри скоро поправится. Путешествие поможет нашему другу не только укрепить расшатанные нервы, но и залечить сердечные раны. Ведь ему пришлось так обмануться в миссис Стэплтон, к которой он питал такие искренние и глубокие чувства! Это его больше всего и угнетает.

Теперь мне остается рассказать, какую роль сыграла она в этой мрачной истории. Я не сомневаюсь, что Стэплтон совершенно подчинил ее своему влиянию. Чем это объяснить? Любила она его или боялась, или и то и другое? Ведь эти чувства вполне совместны. Во всяком случае, он действовал наверняка. Миссис Стэплтон согласилась выдать себя за его сестру, но стать прямой пособницей убийства все же отказалась наотрез, и тут ему пришлось убедиться, что его власть над ней не безгранична. Она не раз пыталась предупредить сэра Генри о грозящей ему опасности, но делала это так, чтобы не подвести мужа. Стэплтон, по-видимому, был способен на ревность, и когда баронет начал проявлять нежные чувства к dame своего сердца, Стэплтон не выдержал, хотя это входило в его планы, и выдал в бешено вспышке всю страсть своей натуры, до тех пор

тщательно скрываемую. Тем не менее он продолжал поощрять ухаживания сэра Генри, рассчитывая, что тот будет частым гостем в Меррипит-хаусе и рано или поздно попадется ему в лапы. Но в самую решительную минуту жена взбунтовалась. Она просыпалась о гибели беглого каторжника и узнала, что в тот вечер, когда сэр Генри должен был прийти к обеду, собаку перевели в сарай во дворе. Последовала бурная сцена. Миссис Стэплтон назвала мужа преступником и впервые услышала от него, что у нее есть соперница. Былая преданность уступила место ненависти. Стэплтон понял, что жена его выдаст, и связал ее, чтобы она не могла предостеречь сэра Генри. Все его расчеты основывались на том, что, узнав о смерти баронета, в графстве вспомнят о проклятии, тяготеющем над родом Баскервилей, а тогда он снова добьется от жены повиновения и заставит ее молчать. Стэплтон и тут просчитался. Его судьба была решена и без нашего вмешательства. Женщина, в жилах которой течет испанская кровь, не простила бы ему измены...

Вот и все, дорогой мой Уотсон. А если вам нужен более подробный отчет об этом из ряда вои выходящем деле, то мне придется заглянуть в свои записи. Но я, кажется, ничего существенного не упустил.

— Неужели Стэплтон надеялся, что сэр Генри тоже умрет от страха при виде этого пугала?

— Собака была совершенно дикая, кроме того, он держал ее впроголодь. Если б сэр Генри не умер на месте, то, во всяком случае, такое страшное зрелище могло бы парализовать его силы и он не оказал бы никакого сопротивления.

— Да, пожалуй. Теперь остается только один вопрос. Если бы Стэплтон доказал свои права на владение Баскервиль-холлом, как бы ему удалось объяснить тот факт, что он, наследник, жил под чужим именем да еще так близко от поместья? Неужели это не возбудило бы подозрений?

— На этот вопрос я вряд ли смогу вам ответить: вы слишком много от меня требуете. Моя сфера деятельности — прошлое и настоящее. Что человек собирается делать в будущем — это я не берусь решать. По словам миссис Стэплтон, ее супруг думал об этом не раз. Он мог

найти три выхода. Первый: уехать в Южную Америку, установить там свою личность в британском консульстве и затребовать наследство оттуда, не приезжая в Англию. Второй: проделать все это в Лондоне, предварительно изменив себя до неузнаваемости. И третий: выдать за наследника подставное лицо, снабдив его всеми необходимыми документами, а себе выговорить за это известную часть доходов. Зная Стэплтона, мы можем не сомневаться, что тот или иной выход из положения был бы найден.

А теперь, друг мой, обратимся мыслями к предметам более приятным. Несколько недель такого тяжелого труда дают нам право на свободный вечер. Я взял ложу в оперу. Вы слушали де Рецке в «Гугенотах»? Так вот, будьте любезны собраться в течение получаса. Если успеете, мы заедем по дороге к Марции и не торопясь пообедаем там.

ЕГО

прощальный
ПОКЛОН

В СИРЕНЕВОЙ СТОРОЖКЕ

1

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ С МИСТЕРОМ ДЖОНОМ СКОТТ-ЭКЛАСОМ

Я читаю в своих записях, что было это в пасмурный и ветреный день в конце марта тысяча восемьсот девяносто второго года. Холмс, когда мы с ним завтракали, получил телеграмму и тут же за столом написал ответ. Он ничего не сказал, но дело, видно, не выходило у него из головы, потому что потом он стоял с задумчивым лицом у огня, куря трубку, и все поглядывал на телеграмму. Вдруг он повернулся ко мне с лукавой искрой в глазах.

— Полагаю, Уотсон, мы вправе смотреть на вас как на литератора,— сказал он.— Как бы вы определили слово «диккий»?

— Первобытный, неприрученный, затем — странный, причудливый,— предложила я.

Он покачал головой.

— Оно заключает в себе кое-что еще,— сказал он.— Скрытый намек на нечто страшное, даже трагическое. Припомните иные на тех рассказов, посредством которых вы испытываете терпение публик,— и вы сами увидите, как часто под диким крылось преступное. Поразмыслите над этим «делом рыжих». Поначалу оно рисовалось просто какой-то дичью, а ведь разрешилось попыткой самого дерзкого ограбления. Или эта дикая история с пятью апельсиновыми зернышками, которая раскрылась как

заговор убийц. Это слово заставляет меня насторожиться.

— А оно есть в телеграмме?

Он прочитал вслух:

— «Только что со мной произошла совершение дикая, и невообразимая история. Не разрешите ли с вами посоветоваться?»

Скотт-Эклс.
Чаринг-Кросс, почтамт».

— Мужчина или женщина? — спросил я.

— Мужчина, конечно. Женщина никогда бы не послала телеграммы с оплаченным ответом. Просто приехала бы.

— Вы его примете?

— Дорогой мой Уотсон, вы же знаете, как я скучаю с тех пор, как мы посадили за решетку полковника Карузерса. Мой мозг, подобно перегретому мотору, разлетается на куски, когда не подключен к работе, для которой создан. Жизнь — сплошная пошлость, газеты выхолощены, отвага и романтика как будто навсегда ушли из преступного мира. И вы еще спрашиваете, согласен ли я ознакомиться с новой задачей, хотя бы она оказалась потом самой заурядной! Но если я не ошибаюсь, наш клиент уже здесь.

На лестнице послышались размеренные шаги, и минутой позже в комнату вошел высокий, поливый, седоусый и торжественно благопристойный господин. Тяжелые черты его лица и важная осанка без слов рассказывали его биографию. Все — от гетр до золотых его очков — провозглашало, что перед вами консерватор, верный сын церкви, честный гражданин, здравомыслящий и в высшей степени приличный. Но необыденное происшествие, как видно, возмущило его прирожденное спокойствие и напомнило о себе взъерошенной прической, горящими сердитыми щеками и всей его беспокойной, возбужденной манерой. Он немедленно приступил к делу.

— Со мной произошел очень странный и неприятный случай, мистер Холмс, — сказал он. — Никогда за всю свою жизнь я не попадал в такое положение. Такое... непристойное, оскорбительное. Я вынужден настанывать

на каком-то разъяснении.—Он сердито отдувался и пыхтел.

— Садитесь, мистер Скотт-Эклс, прошу,—сказал успокоительнико Холмс.—Прежде всего позвольте спросить, почему вообще вы обратились ко мне?

— Понимаете, сэр, дело тут явно такое, что полно оно не касается; и все же, когда вы узнаете все факты, вы, конечно, согласитесь, что я не мог оставить это так, как есть. На частных сыщиков, как на известиую категорию, я смотрю неодобрительно, но тем не менее все, что я слышал о вас...

— Ясно. А во-вторых, почему вы не пришли ко мне сразу же?

— Позвольте, как вас поинять?

Холмс поглядел на часы.

— Сейчас четверть третьего,—сказал он.—Ваша телеграмма была отправлена в час дня. Между тем, посмотрев на вашу одежду и на весь ваш туалет, каждый скажет, что нелады у вас начались с первой же минуты пробуждения..

Наш клиент провел рукой по своим иечесанным волосам, по небритому подбородку.

— Вы правы, мистер Холмс. Я и не подумал о своем туалете. Я рад был уже и тому, что выбрался из такого дома. А потом я бегал иаводить справки и уж только после этого поехал к вам. Я обратился, знаете, в земельное агентство, и там мне сказали, что мистер Гарсия платит аккуратно и что с Сиреневой Сторожкой все в порядке.

— Позвольте, сэр! — рассмеялся Холмс.—Вы совсем как мой друг, доктор Уотсон, который усвоил себе скверную привычку вести свои рассказы не с того конца. Пожалуйста, соберитесь с мыслями и изложите мне в должной последовательности самое существо тех событий, которые погнали вас, иечесаного, в непочищением платье, в застегнутых наискось гетрах и жилете, искать совета и помощи.

Наш клиент сокрушенно оглядел свой не совсем благопристойный туалет.

— Что и говорить, мистер Холмс, это должно производить непрнятие впечатление, и я не припомню, чтобы когда-нибудь за всю мою жизнь мне случилось показы-

ваться на людях в таком виде; но я расскажу вам по порядку всю эту нелепую историю, и, прослушав меня, вы, я уверен, согласитесь, что у меня есть достаточное оправдание.

Но его прервали, не дав даже начать рассказ. В коридоре послышался шум, и миссис Хадсон, отворив дверь, впустила к нам двух крепких, военной осанки, мужчин, одним из которых оказался наш старый знакомец инспектор Грэгсон из Скотленд-Ярда, энергичный, храбрый и при некоторой ограничности все же способный работник сыска. Он поздоровался с Холмсом за руку и представил ему своего спутника — полицейского инспектора Бэйса из графства Суррей.

— Мы вместе идем по одному следу, мистер Холмс, и он привел нас сюда.— Он навел свой бульдожий взгляд на нашего посетителя.— Вы мистер Джон Скотт-Эклс из Попем-хауса в Ли?

— Он самый.

— Мы вас разыскиваем с раннего утра.

— И нашли вы его, конечно, по телеграмме,— сказал Холмс.

— Точно, мистер Холмс. Мы напали на след в Чаринг-Кроссе, на почтамте, и вот явились сюда.

— Но зачем вы меня разыскиваете? Что вам от меня нужно?

— Нам, мистер Скотт-Эклс, нужно получить от вас показания о событиях, которые привели этой ночью к смерти господина Алоисио Гарсии, проживавшего в Сиреневой Сторожке под Эшером.

Наш клиент с застывшим взглядом выпрямился в кресле, и вся краска сбежала с его изумленного лица.

— Умер? Ои, вы говорите, умер?

— Да, сэр, он умер.

— Но отчего? Несчастный случай?

— Убийство, самое несомненное убийство.

— Боже правый! Это ужасно! Вы не хотите сказать... не хотите сказать, что подозрение падает на меня?

— В кармане убитого найдено ваше письмо, и мы таким образом узнали, что вчера вы собирались приехать к нему в гости и у него заночевать.

— Я так и сделал.

— Ага! Вы так и сделали?

Инспектор достал свой блокнот.

— Минуту, Грэгсон,— вмешался Холмс.— Все, что вам нужно,— это просто снять показания, не так ли?

— И я обязан предупредить мистера Скотт-Эклса, что они могут послужить свидетельством против него же.

— Когда вы вошли сюда, мистер Эклс как раз и собирался рассказать нам об этом. Думаю, Уотсон, коньяк с содовой ему не повредит. Я предложил бы вам, сэр, не смущаться тем, что слушателей стало больше, и вести свой рассказ в точности так, как вы его вели бы, если бы вас не прервали.

Наш посетитель залпом выпил свой коньяк, и краска снова пропустила на его лицо. С сомнением покосившись на инспекторский блокнот, он сразу приступил к своим необычайным показаниям.

— Я холост,— объявил он,— и так как человек я по натуре общительный, у меня широкий круг друзей. В числе моих друзей я могу назвать и семью одного отошедшего от дел пивовара, мистера Мелвилла, проживающего в Кенсингтоне, в собственном доме. За их столом я и познакомился недели три тому назад с молодым человеком по фамилии Гарсия. Родом он был, как я понимаю, испанец и был как-то связан с посольством. Он в совершенстве владел английским языком, обладал приятными манерами и был очень хорош собой — я в жизни своей не видел более красивого мужчины.

Мы как-то сразу подружились, этот молодой человек и я. Он как будто с самого начала проникся ко мне симпатией и на второй же день после того, как мы с ним познакомились, он навестил меня в Лн. Раз навестил, другой, потом, как водится, и сам пригласил меня к себе по гостинству у него в Сиреневой Сторожке, что между Эшером и Оксшоттом. Вчера вечером я и отправился, следуя этому приглашению, в Эшер.

Приглашая, он расписывал мне, как у него поставлен дом. По его словам, он жил с преданным слугой, своим соотечественником, который его избавил от всех домашних забот. Этот слуга говорит по-английски и сам ведет все хозяйство. И есть у него, сказал он, удивительный повар-мулат, которого он выискал где-то в своих путешествиях и который умеет подать гостям превосходный обед. Помню, он еще заметил, что и дом его и этот штат при-

слуги покажутся мне необычными — и каждый день встретишь подобное в английском захолустье, и я с ним согласился, но все же они оказались куда более необычными, нежели я ожидал.

Я приехал туда — это за Эшером, милн две к югу. Дом довольно большой, стоит немногого в стороне от шоссе, подъездная дорога идет полукругом через высокий вечнозеленый кустарник. «Сторожка» оказалась старым, обветшалым строением, донельзя запущенным. Когда шарабан, прокатив по заросшей травой подъездной дороге, остановился перед измывганий, в дождевых подтеках дверью, меня взяло сомнение, умно ли я поступил, приехав в гости к человеку, с которым так мало знаком. Он, однако, сам отворил мне дверь, поздоровался со мной очень радушно. Меня препоручили слуге — угрюому, чернявому субъекту, который, подхватив мой чемодан, провел меня в мою спальню. Все в этом доме производило гнетущее впечатление. Мы обедали вдвоем, и хотя мой хозяин старался как мог занимать меня разговором, что-то, казалось, все время отвлекало его мысли, и говорил он так туманно и бессвязно, что я с трудом его понимал. Он то и дело принимался постукивать пальцами по столу, грыз ногти и выказывал другие признаки нервозности и нетерпения. Сам по себе обед приготовлен был очень неважно да и сервирован неумело, а присутствие мрачного и молчаливого слуги отнюдь не оживляло его. Смею вас уверить, мне не раз в течении вечера хотелось изобрести какой-нибудь благоприятный предлог и вернуться в Ли.

Одна вещь приходит мне на память, возможно, имеющая отношение к тому делу, по которому вы, джентльмены, ведете расследование. В то время я не придал ей значения. К концу обеда слуга подал хозяину записку. Я обратил внимание, что, прочитав ее, хозяин стал еще более рассеян и страшен, чем раньше. Он перестал даже хотя бы для видимости поддерживать разговор — только сидел, погруженный в свои мысли, и курил сигарету за сигаретой, ни слова, однако, не сказав насчет той записки. В одниадцать я с радостью пошел к себе и лег спать. Некоторое время спустя Гарсия заглянула ко мне — у меня в это время был уже потухший свет — и, стоя в дверях, спросила, не звонила ли я. Я сказал, что нет. Она извинила-

ся, что обеспокоил меня в такое позднее время, и добавил, что уже без малого час. Я после этого сразу заснул и крепко спал до утра.

И вот тут и пойдут в моем рассказе всякие удивительные вещи. Я проснулся, когда уже давно рассвело. Смотрю на часы, оказалось без пятнадцати девять. Я настоятельно просил разбудить меня в восемь, и такая нерадивость очень меня удивила. Я вскочил и позвонил в звонок. Слуга не явился. Звоню еще и еще раз — никакого ответа. Тогда я решил, что звонок испорчен. Наспех оделся и в крайне дурном расположении духа сошел вниз истребовать горячей воды. Можете себе представить, как я был поражен, никого не заставил на месте. Захожу в переднюю, звоню — ответа нет. Тогда я стал бегать из комнаты в комнату. Нигде никого. Накануне мой хозяин показал мне свою спальню, так что я знал, где она, и постучал к нему в дверь. Никто не отозвался. Я повернулся и вошел. В комнате никого, а на постели, как видно, и не спали. Он пропал со всеми вместе. Хозяин-иностранец, иностранец лакей, иностранец повар — все исчезли за ночь! На том и кончилось мое знакомство с Сиреневой Сторожкой.

Шерлок Холмс потирая руки и посмеиваясь, добавляя этот причудливый случай к своему подбору странных происшествий.

— С вами, как я понимаю, случилось нечто совершенно исключительное, — сказал он. — Могу я спросить вас, сэр, как вы поступили дальше?

— Я был взбешен. Моею первой мыслью было, что со мной сыграл злую шутку. Я уложил свою вещи, захлопнул за собой дверь и отправился в Эшер с чемоданом в руке. Я зашел к Братьям Аллен — в главное земельное агентство по этому городку — и выяснил, что внала снималась через их фирму. Мне подумалось, что едва ли такую сложную затею могли провести нарочно ради того, чтобы меня разыграть, и что тут, наверно, цель была другая: уклониться от арендной платы — вторая половина марта, значит, приближается срок квартального платежа. Но это предположение не оправдалось. Агент поблагодарил меня за предупредительность, сообщив, однако, что арендная плата внесена вперед. Я вернулся в Лондон и наведался в испанское посольство. Там этого человека не

знали. Тогда я поехал к Мелвилу, в доме у которого я познакомился с Гарсией, но убедился, что он знает об Испанце даже меньше, чем я. И вот, получив от вас ответ на свою депешу, я приезжаю к вам, так как слышал, что вы можете подать совет в затруднительном случае жизни. Но теперь, господин инспектор, из того, что вы нам сообщили, когда вошли в эту комнату, я понял, что вы можете продолжить мой рассказ и что произошла какая-то трагедия. Могу вас заверить, что каждое сказанное мною слово — правда и что сверх того, что я вам рассказал, я ровно ничего не знаю о судьбе этого человека. У меня лишь одно желание — помочь закону чем только я могу.

— В этом я не сомневаюсь, мистер Скотт-Эклс, ни чуть не сомневаюсь,— сказал инспектор Грэгсон самым любезным тоном.— Должен отметить, что все, рассказанное вами, точно соответствует установленным нами фактам. Например, вы упомянули о записке, переданной за обедом. Вы случайно не заметили, что с ней произошло?

— Заметил. Гарсия скатал ее и бросил в огонь.

— Что вы на это скажете, мистер Бэйис?

Деревенский сыщик был крепкий толстяк, чье пухлое красное лицо казалось бы и вовсе простецким, если бы не пара необыкновенно ярких глаз, прячущихся в глубокой складке между толстых щек и нависших бровей. С медлительной улыбкой он вытащил из кармана скрученный и обесцвеченный листок бумаги.

— В камине там, мистер Холмс, колосники устроены на подставках, и он промахнулся — закинул записку слишком далеко. Я выгреб ее из-за подставок даже не обгоревшую.

Холмс одобрительно улыбнулся.

— Чтобы найти этот единственный уцелевший клочок бумаги, вы должны были самым тщательным образом обыскать весь дом.

— Так и есть, мистер Холмс. Это у меня первое правило. Прочитать, мистер Грэгсон?

Лоидонец кивнул головой.

— Писано на обыкновенной гладкой желтоватой бумаге без водяных знаков. Четвертика листа. Отрезано в два надреза короткими ножничками. Листок был сло-

жей втрое и запечатан красно-фиолетовым сургучом, который накапали второпях и придавили каким-то овальным предметом. Адресовано мистеру Гарси, Сиреневая Сторожка. Текст гласит:

«Цвета — наши исконные: зеленый и белый. Зеленый — открыто, белый — закрыто. Парадная лестница, второй этаж, первый коридор, седьмая направо, зеленое сукно. Да хранит вас бог. Д.». Почерк женский. Текст написан острым пером, адрес же — либо другим пером, либо написал кто-то другой. Здесь, как вы видите, почерк смелый и толще иежим.

— Очень интересная записка,— сказал Холмс, просмотрев ее сам.— Должеи вас похвалить, мистер Бэйнс, за такое внимание к деталям. Можно добавить разве что кое-какие мелочи. Овальный предмет — несомненно, обыкновенная запонка для маникюра — что другое может иметь такую форму? Ножницы были кривые, для ногтей. Как ии коротки два надреза, вы ясно можете разглядеть на каждом один и тот же легкий изгиб.

Деревенский сыщик усмехнулся.

— Я-то думал, что выжал из нее все, что можно,— сказал он,— а вот, оказывается, кое-что оставил и другим. Признаться, записка эта мне ничего не говорит, кроме того, что там что-то затевалось и что тут, как всегда, дело в женщине.

Пока шел весь этот разговор, мистер Скотт-Эклс ерзал в своем кресле.

— Я рад, что вы нашли эту записку, потому что она подтверждает мой рассказ,— сказал он.— Но разрешите напомнить, что я еще не слышал, что же случилось с мистером Гарсией и куда исчезли все слуги.

— Насчет Гарсии,— сказал Грегсон,— ответ простой. Его сегодня утром нашли мертвым на Оксшоттском Выгоне в миле от его дома. Ему размозжили голову — дубасили чем-то тяжелым вроде мешка с песком или другого подобного орудия, чем-то, что не режет, а скорей раздавливает. Место глухое, ни одного дома на четверть мили вокруг. Первый удар был наиесен, очевидно, свади и сразу его свалил, но потом его еще долго били уже мертвого. Нападение совершиено было, как видно, в страшной злобе. Следов никаких, никакого ключа к раскрытию преступников.

— Ограблен?

— Нет; и ничего, что указывало бы на попытку ограбления.

— Весьма прискорбно, прискорбно и страшно,— сказал мистер Скотт-Эклс плаксивым голосом,— и какая же это неприятность для меня! Я тут совершил ии при чем, если мой хозяин вышел ночью на прогулку и его постигла такая печальная судьба. И почему-то я оказался замешан в эту историю!

— Очень просто, сэр,— ответил инспектор Бэйис.— Единственным документом, какой нашли в кармане у покойника, было ваше письмо, сообщающее, что вы собираетесь к нему с иочевкой — как раз в иочь его смерти. По адресу на письме мы и узнали имя убитого и где он проживал. В десятом часу утра мы пришли в его дом и не застали ии вас, ии кого-либо другого. Я дал мистеру Грегсону телеграмму с просьбой, чтобы он разыскал вас в Лондоне, пока я проведу обследование в Сиреневой Сторожке. Затем я поехал в город, встретился с мистером Грегсоном — и вот мы здесь.

— Нам теперь следует,— заявил Грегсон,— оформить дело по всем правилам. Вы пройдете вместе с иами в полицию, мистер Скотт-Эклс, и мы снимем с вас показания в письменном виде.

— Конечно! Пойду сейчас же. Но я не отказываюсь от ваших услуг, мистер Холмс. Я хочу дозваться до истины и прошу вас не стесняться расходами и не щадить трудов.

Мой друг повернулся к деревенскому инспектору.

— Надеюсь, вы ие будете возражать против моего сотрудничества с вами, мистер Бэйис?

— Почту за честь, сэр.

— До сих пор вы, я вижу, действовали быстро и толково. Разрешите спросить: есть ли даниые, позволяющие уточнить час, когда его настигла смерть?

— Тело к часу иочи уже лежало там. С часу пошел дождь, а смерть наступила, несомнению, еще до дождя.

— Но это совершение исключено, мистер Бэйис! — объявил наш клиент.— Его голос нельзя спутать ии с каким другим. Я могу подтвердить под присягой, что в час иочи я лежал в постели и не кто, как Гарсия, говорил со мной в моей спальне.

— Примечательно, но отнюдь не исключено,— сказал с улыбкой Холмс.

— Вы нашли разгадку? — спросил Грэгсон.

— Дело выглядит не слишком сложным, хотя, конечно, в нем есть новые и любопытные черты. Необходимо собрать дополнительные данные, прежде чем я позволю себе вынести окончательное и определенное суждение. Кстати, мистер Бэйнс, вы при осмотре дома, кроме этой записки, не обнаружили ничего примечательного?

Сыщик посмотрел на моего друга каким-то особым взглядом.

— Там есть,— сказал он,— очень даже примечательные вещи. Может быть, когда я управлюсь в полиции, вы съездите со мной на место и скажете мне, что вы о них думаете?

— Я весь к вашим услугам,— сказал Шерлок Холмс и позвонил.— Проводите джентльменов, миссис Хадсон, и пошлите мальчика на почту с этой телеграммой. Пять шиллингов на оплаченный ответ.

Когда посетители ушли, мы некоторое время сидели молча. Холмс жадно курил, сдвинув брови над своим пронзительным взглядом и выдвинув голову вперед в характерном для него страстном напряжении мыслей.

— Ну, Уотсон,— спросил он, вдруг повернувшись ко мне,— что вы об этом скажете?

— Насчет шутки с мистером Скотт-Эклсом не скажу вам ровно ничего.

— А насчет преступления?

— Поскольку все, проживавшие в доме, исчезли, я сказал бы, что они так или иначе причастны к убийству и сбежали от суда.

— Это, конечно, вполне возможное предположение. Однако, если его допустить, очень странным представляется, что двое слуг, вступив в заговор против хозяина, почему-то нападают на него в ту единственную ночь, когда у него гость. Они могли разделаться с ним без помех во всякую другую ночь.

— А почему же тогда они сбежали?

— Вот именно. Почему они сбежали? Это существенный факт. Другой существенный факт — замечательное происшествие с нашим клиентом, Скотт-Эклсом. Несужен, дорогой мой Уотсон, это вне пределов человечес-

ской изобретательности — дать объяснение, которое могло бы связать эти два существенных факта? И если к тому же под него удастся подогнать и таинственную записку, составленную в таких странных выражениях, что ж, тогда его бы стоило принять как рабочую гипотезу. Если потом новые установленные нами факты все улягутся в схему, тогда наша гипотеза может постепенно перейти в решение.

— Но какова она, наша гипотеза?

Холмс откинулся в кресле, полузакрыв глаза.

— Вы должны согласиться, дорогой мой Уотсон, что о розыгрыше здесь и думать не приходится. Готовились серьезные дела, как показало дальнейшее, и то, что Скотт-Эклса заманили в Сиреневую Сторожку, стоит с ними в прямой связи.

— Но какая здесь возможна связь?

— Разберем шаг за шагом. Есть что-то неестественное — это сразу видно — в странной и внезапной дружбе между молодым испанцем и Скотт-Эклсом. Почин принадлежит испанцу. Едва познакомившись, он на следующий же день едет к Эклсу в гости в другой конец Лондона и поддерживает с ним тесную связь, пока тот не прнезжает к нему в Эшер. Что же ему было нужно от Эклса? Что Эклс мог ему дать? Я не вижу в этом человеке никакого обаяния. Он и умом не блещет; и едва ли можно думать о духовном сродстве между ним и человеком живого и тонкого латинского интеллекта. Почему же Гарсия из всех своих знакомых избирает именно его как человека, особенно подходящего для его целей? Есть у него какое-нибудь выделяющее его качество? Я сказал бы, есть. Он воплощая британская добродорядочность, как раз такой человек, какой в роли свидетеля должен импонировать другому британцу. Вы сами видели, что его показания при всей их необычайности не внушили ни тени сомнения ни одному из наших двух инспекторов.

— Но что он должен был засвидетельствовать?

— Как обериулось дело, — ничего, но сложись оно иначе, — все, что угодно. Так я толкую факты.

— Понятно. Он мог бы подтвердить алиби.

— Вот именно, мой дорогой Уотсон: он мог бы подтвердить алиби. Допустим, в порядке обсуждения, что слуги в Сиреневой Сторожке все являются соучастни-ка-

мн иекоего заговора. Покушение, в чем бы оно ни заключалось, предполагалось совершить, скажем, до часу ночи. Возможно, что-нибудь подстронили с часами, и когда Скотт-Эклс ложился спать, было раньше, чем он думал; и уж, во всяком случае, очень вероятно, что когда Гарсия нарочно зашел к нему и сказал, что уже час ночи, на самом деле было не позже двенадцати. Если бы Гарсия успешно совершил намеченное дело, в чем бы оно ни состояло, и к часу вернулся бы домой, у него был бы, очевидно, убедительный ответ на обвинение. Был бы идентично этот англичанин безупречной репутации, готовый присягнуть на любом суде, что обвиняемый сидел все время дома. Это при самом дурном повороте давало некоторую гарантину.

— Да, конечно, тут мне все понятно. Но как объяснить исчезновение остальных?

— Я еще не располагаю всеми фактами, но думаю, с этим едва ли возникнут неразрешимые трудности. Все же это ошибка — строить дедукцию до того, как получены достаточные данные. Незаметно для самого себя начинайся их подгонять под свою схему.

— А записка?

— Как она гласила? «Цвета — наши исконные: зеленый и белый». Речь как будто о соревнованиях. «Зеленый — открыто, белый — закрыто». Это явно сигналлизация. «Парадная лестница, второй этаж, первый корridor, седьмая направо, зеленое сукно». Это — указание места встречи. За всем этим, возможно, кроется ревинский муж. Затеянное, во всяком случае, связано было с большой опасностью. Будь это иначе, она не добавила бы: «Да хранят вас бог». «Д.» — это то, что может навести на след.

— Гарсия — испанец. Я полагаю, «Д.» проставлено вместо «Долорес». В Испании это очень распространенное женское имя.

— Отлично, Уотсон, превосходно, но совершенно неизменено. Испанка писала бы испанцу по-испански. Записка бесспорно от англичанини. Итак, нам остается только набраться терпения и ждать, когда этот умница инспектор вернется за нами. А пока мы можем благодарить свою счастливую судьбу, что она на несколько часов избавила нас от невыносимой тягости безделья.

Наш суррейский инспектор еще не вернулся, когда пришел ответ на телеграмму Холмса. Он его прочел и уже хотел заложить в свою записную книжку, но, верно, заметил, как у меня вытянулось лицо, и со смехом перебросил мне эту ответную телеграмму.

— Мы вращаемся в высоких сферах,— сказал он.

Телеграмма представляла собой перечень имен и адресов: «Лорд Харрингби — Ущелье. Сэр Джордж Фоллант — Оксшоттский Замок. Мистер Хайнс Хайнс, мировой судья — Парди-Плейс. Мистер Джеймс Бейкер Уильямс — Фортон, Старый Дом. Мистер Хендерсон — Дозорная Башня. Преподобный Джошуа Стоун — Нижний Уолсинг».

— Этим и ограничивается наше поле действий,— сказал Холмс.— Способ напрашивается сам собой. Бэйнс с его методическим умом, несомненно, избрал подобный же плац.

— Мне не совсем ясно.

— Но, дорогой мой друг, мы ведь уже пришли к выводу, что в записке, которую Гарсия получила за обедом, назначалась какая-то встреча. Далее, если напрашивавшееся толкование правильно и для того, чтобы попасть на место тайного свидания, надо подняться с парадного хода на второй этаж и искать седьмую дверь по коридору, то совершенно ясно, что дом очень большой. Столь же очевидно, что он стоит не дальше, как в двух милях от Оксшотта, коль скоро Гарсия направился туда пешком и рассчитывал, по моему толкованию данных, вовремя вернуться в Сиреневую Сторожку, пока в сне его алиби, то есть до часу ночи. Так как больших домов поблизости от Оксшотта, наверно, не так уж много, я прибег к простому, самоочевидному методу: запросил агентство, упомянутое Скотт-Эклсом, и получил их список. Здесь они все налицо, в этой телеграмме, и наша запутанная нить другим своим концом уходит в один из них.

Было около шести, когда мы добрались в сопровождении инспектора Бэйнса до Эшера — славного городка в графстве Суррей.

Мы с Холмсом прихватили с собой все, что нужно для ночевки, и сняли довольно удобные комнаты в гостинице «Бык». Наконец вместе с нашим сыщиком мы от-

правились на осмотр Сиреневой Сторожки. Вечер был холдный и темный, резкий мартовский ветер и мелкий дождь хлестали нам в лицо, и от этого еще глуше казался пустынnyй выгон, которым шла дорога, еще печальней цель, к которой она нас вела.

2

ТИГР ИЗ САН-ПЕДРО

Отшагав мили две, мы подошли, невеселые и озябшие, к высоким деревянным воротам, за которыми начиналась угрюмая каштановая аллея. Изогнутая, укрытая тенью, она привела нас к низкому, темному дому, черному, как смоль, на свинцово-сером небе. По фасаду в одном из окон — слева от двери — чуть мерцал слабый отблеск света.

— Тут у нас дежурит констебль,— сказал Бэйнс.— Я постучусь в окно.— Он прошел прямо по газону и легко постучал пальцами в нижнее стекло. Сквозь потное стекло я смутно увидел, как с кресла у камнина вскочил какой-то человек, услышал донесшийся из комнаты резкий крик, и через полминуты нам открыл дверь полисмен, бледный, тяжело дыша и с трудом удерживая в дрожащей руке шатающуюся свечу.

— В чем дело, Уолтерс? — резко спросил Бэйнс.

Полисмен отер лоб исосовым платком и облегчению вздохнул.

— Хорошо, что вы пришли, сэр. Вечер тянулся так долго, а нервы у меня что-то не те, что были.

— Нервы, Уолтерс? А я и не знал, что у вас есть нервы.

— Понимаете, сэр, дом пустой, и тишина такая, да еще эта странная штука на кухне. И потом, когда вы постучали в окно, я подумал, что это опять вернулся он.

— Кто он?

— Сам не знаю. Не иначе, как дьявол, сэр. Он тут все стоял под окном.

— Кто стоял под окном и когда?

— Часа два тому назад. Когда только начало темнеть. Я сидел в кресле и читал. Не знаю, что меня толкнуло поднять голову, но только в окошко, в нижнее стек-

ло, на меня смотрело чье-то лицо. Боже мой, сэр, что это была за рожа! Она мне будет синеть по иочам.

— Ну-иу, Уолтерс! Коистеблю полиции не пристало так говорить.

— Знаю, сэр, знаю. Но меня кинуло в дрожь, сэр, что пользы скрывать? Она была не черная, сэр, и не белая, и ни какого ни на есть известного мне цвета, а какая-то землистая, что ли, в желтоватых разводах. И широченная, сэр,— вдвое больше вашего лица. А глядела то как: выпученные глазища и белые оскаленные зубы — ну, совсем, точно голодный зверь. Говорю вам, сэр, я пальцем не мог пошевелить, не мог вздохнуть, пока это чудовище не исчезло, сэр, шмыгнуло куда-то и пропало. Я кинулся за ним в кусты, но там, слава богу, никого не оказалось.

— Когда бы я не знал, что вы хороший работник, Уолтерс, я бы за такие слова закатил вам выговор. Будь там сам дьявол, полицейский на посту никак не должен говорить «слава богу», когда не сумел его схватить. Может, вам это все померещилось, нервы шалят?

— Проверить это очень просто,— сказал Холмс, зажигая свой карманный фонарик.— Да,— доложил он, быстро осмотрев газон,— башмаки, по-моему, номер двенадцатый. Если у него и рост под стать, он должен быть великаном.

— Куда он делся?

— Видимо, прорвался сквозь кусты и выбежал на большую дорогу.

На лице инспектора отразилось важное раздумье.

— Ладио,— сказал он.— Кто бы это ни был и что бы он ни затевал, его здесь нет, и мы должны заняться нашей прямой задачей. С вашего разрешения, мистер Холмс, мы сейчас осмотрим с вами дом.

В спальнях и гостиных тщательный обыск, по словам Бэйиса, ничего особенного не дал. Очевидно, жильцы не привезли с собою почти что ничего, и все вещи в доме, вплоть до последних мелочей, были взяты на прокат. Оставлено было много одежды с маркой «Маркс и К°, Хай-Холборн». Телеграфный запрос уже был сделан и тоже ничего не дал: Маркс знал о своем клиенте только одно, что он исправный плательщик. Из собственного имущества было обнаружено несколько табачных тру-

бок, кое-какие романы — два из них на испанском,— устарелый револьвер системы Лефоше да гитара — вот, собственно, и все.

— Тут ничего особенного,— сказал Бэйис, вышагивая со свечой в руке из комиаты в комиату.— Теперь, мистер Холмс, я предложу вашему вниманию кухню.

Это было мрачное, с высоким потолком помещение окиами на задний двор. В одном углу — соломенная подстилка, служившая, должно быть, повару постелью. Стол был завален початыми блюдами со сиденьем и грязными тарелками — остатки вчерашнего обеда.

— Посмотрите вот на это,— сказал Бэйис.— Как, повышему, что это может быть?

Он поднес свечу к какому-то необыкновенному предмету, приставленному к задней стенике посудного шкафа. Он был такой сморщеный, съежившийся, выцветший, что не разберешь, что же это такое. Можно было только сказать, что это что-то черное, обтянутое кожей, и что похоже оно на крошечное человеческое тельце. Посмотрев на него, я сперва подумал, что передо мною мумия негритянского младенца, а потом мне показалось, что это скорей сильно скрючившаяся и очень старая обезьяника. Я так и не решил, чье же это в конце концов тело — человеческое или звериное? Посередине оно было опоясано двойной нитью бус из белых ракушек.

— Интересно... очень интересно! — заметил Холмс, взглянувшись в эти зловещие останки.— Есть что-нибудь еще?

Бэйис молча подвел нас к раковине и поднял над ней свечу. По ней раскиданы были туловище и конечности зверски растерзанной, с искривленными перьями крупной белой птицы. Холмс указал на оторванную голову с красивым жабо на шее.

— Белый петух,— сказал он.— Чрезвычайно интересно! Случай в самом деле весьма любопытный.

Но самое зловещее мистер Бэйис приберег на последок. Он вытащил из-под раковины цинковое ведро, полное крови. Потом взял со стола и показал нам большое плоское блюдо с горой изрубленных и обгорелых костей.

— Здесь убивали и жгли. Это все мы выбрали из топки. Утром у нас был тут врач. Говорит, кости не человеческие.

Холмс улыбался, потирая руки.

— Должен вас поздравить, инспектор: вам достался очень необычный и поучительный случай. Надеюсь, вас не обидит, если я скажу вам, что ваши способности выше тех возможностей, какие открыты перед вами.

Маленькие глазки Бэйса засверкали от удовольствия.

— Вы правы, мистер Холмс. Нас тут, в провинции, губят застой. Такой случай, как этот, для человека редкая удача, и я постараюсь не упустить ее. Что вы скажете об этих костях?

— Кости ягненка, сказал бы я, или козленка.

— А о белом петухе?

— Любопытно, Бэйс, очень любопытно. Я бы даже сказал — уникально!

— Да, сэр, в этом доме жили, наверно, очень страшные люди, и уклад у них был очень страшный. Одни из них погиб. Может быть, его слуги проследили его и убили? Если так, мы их перехватим; во всех портах стоят у нас посты. Но, на мой взгляд, тут другое. Да, сэр, на мой взгляд, тут нечто совсем другое.

— Значит, у вас есть своя теория?

— И я проверю ее сам, мистер Холмс. Мие это послужит к чести. Вы уже составили себе репутацию, а мие свою надо еще только утверждать. Хотелось бы мие, чтобы потом я мог говорить, что решил задачу без вашей помощи.

Холмс добродушно рассмеялся.

— Ладно, инспектор,— сказал он.— Ступайте своим путем, а я пойду своим. Если я чего-то достигну, все будет к вашим услугам по первой вашей просьбе. Пожалуй, я видел в доме все, что было нужно; и мое время может быть потрачено с большей пользой где-нибудь еще. Au revoir¹, желаю вам успеха.

По множеству тоикых признаков, которые, верно, никому, кроме меня, ничего не сказали бы, я видел, что Холмс напал на след. Сторонним наблюдателям он показался бы спокойным, как всегда; и тем не менее в его посветлевших глазах, в живости его движений ощущалась какая-то еле сдерживаемая страсть и какая-то

¹ До свидания (франц.).

напряженность, позволявшие мне заключить, что гон начался. Холмс по своему обыкновению ничего не говорил, а я по своему — не задавал вопросов. С меня было довольно и того, что я участвую в охоте и оказываю другу посильную помощь, не отвлекая его ненужными расспросами от неотступного размышления. В положенное время он сам обратится ко мне.

Итак, я ждал, но, к своему все возрастающему разочарованию, ждал напрасно. Проходил день за днем, а друг мой не предпринимал никаких шагов. Как-то он съездил утром в город, и по одному брошенному вскользь замечанию я понял, что он заходил в Британский музей. Если не считать этого единственного случая, он проводил свои дни в долгих и нередко одиноких прогулках или в разговорах с местными кумушками, с которыми завел знакомство.

— По-моему, Уотсон, неделя в деревне принесет вам неоценимую пользу, — заметил он однажды. — Так приятно увидеть опять первые зеленые побеги на живой изгороди и сережки на орешнике! С лопатой в руке, с ботанизиркой и кратким определителем растений тут отлично можно отдохнуть, расширяя при том свои знания.

Он и сам бродяжил в таком снаряжении, но вечерами мог предъявить довольно скучный сбор трав и цветов.

В наших прогулках мы иногда набредали на инспектора Бэйнса. Толстое, красное его лицо, когда он здоровался с моим спутником, собиралось в складки от широкой улыбки, маленькие глазки поблескивали. О розысках своих он говорил немногого, но из этого немногого мы могли заключить, что и он вполне доволен ходом дела. Все же, признаюсь, я порядком удивился, когда дней через пять после убийства, развернув утром газету, я увидел набранное огромными буквами:

ТАЙНА ОКСШОТТА РАСКРЫТА ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ УБИЙЦА АРЕСТОВАН

Холмс, как ужаленный, подскочил в своем кресле, когда я прочитал вслух эти заголовки.

— Быть не может! — вскричал он. — Это что ж означает, что Бэйнс его накрыл?

— Очевидно, так,— сказал я, пробежав глазами следующую заметку.

«Сильное волнение охватило город Эшер и его окрестности, когда вчера поздно вечером распространялось известие об аресте, произведенном в связи с Оксшотским убийством. Наши читатели, вероятно, помнят, что мистер Гарсия из Сиреневой Сторожки был найден мертвым на Оксшотском Выгоне, причем на его теле были обнаружены следы, с несомненностью говорящие о насильственной смерти; и что в ту же ночь его лакей и повар сбежали, что наводило на мысль об их соучастии в убийстве. Есть предположение, очень вероятное, хотя и недоказанное, что покойный хранил в доме ценности, похищенные которых и явилось мотивом преступления. Инспектор Бэйнс, ведущий это дело, прилагал все усилия к обнаружению места укрытия преступников и не без оснований полагал, что они не могли сбежать далеко, а укрылись в каком-то заранее подготовленном убежище. Однако с самого начала представлялось несомненным, что беглецы непременно будут обнаружены, так как повар, по свидетельству двух-трех разносчиков, мельком видевших его в окно, обладает чрезвычайно приметной внешностью: это очень рослый и на редкость безобразный мулат с желтоватым лицом резко выраженного негритянского склада. Человека этого уже видели после совершения убийства: констебль Уолтерс обнаружил его и пытался преследовать, когда тот в первый же вечер имел дерзость наведаться в Сиреневую Сторожку. Рассчитав, что для такого посещения мулат должен был иметь какую-то цель и, значит, по всей вероятности, повторит свою попытку, инспектор Бэйнс оставил дом пустым, но поместил засаду в кустах. Ночью мулат попал в ловушку и был схвачен после борьбы, в которой этот дикарь жестоко укусил констебля Даунинга. После первых допросов арестованного полиции, очевидно, разрешат дальнейшее содержание его под стражей, и его понимка вселяет надежду, что Оксшотская тайна будет вскоре раскрыта».

— Нужно немедленно повидаться с Бэйнсом! — закричал Холмс. — Время в обрез, но мы еще успеем застать его дома.

Мы быстро прошли деревенскую улицу и, как и ожидал, захватили инспектора при выходе из дома.

— Читали, мистер Холмс? — спросил он, протягивая нам газету.

— Да, Бэйнс, читал. Не примите в обиду, но я позволю себе по-дружески предостеречь вас.

— Предостеречь, мистер Холмс?

— Я и сам вникнул в это дело, и я увереи, что вы на ложном пути. Не хочется мне, чтобы вы слишком долго блуждали понапрасну, пока убедитесь в этом сами!

— Очень любезно с вашей стороны, мистер Холмс.

— Уверяю вас, я говорю это, желая вам добра.

Мне показалось, будто Бэйнс чуть подмигнул одним своим крошечным глазом.

— Мы условились, что будем работать каждый сам по себе, мистер Холмс. И я следую уговору.

— Ага, очень хорошо,— сказал Холмс.— Так уже не ругайте меня потом.

— Зачем же, сэр? Я вижу, что вы со мной по-хорошему. Но у каждого своя система, мистер Холмс. Вы действуете по своей, а я, может, по своей.

— Не будем больше об этом говорить.

— Я всегда с удовольствием поделюсь с вами новостями. Этот парень совершенный дикарь, силен, как ломовая лошадь, и свиреп, как черт. Он Дауинги чуть совсем не откусил большой палец, пока мы с ним совладали. Он по-английски ни слова, и мы ничего не можем вытянуть из него — мычим и только.

— У вас, вы думаете, есть доказательства, что он убил своего хозяина?

— Я этого не говорю, мистер Холмс. Не говорю. У нас у каждого своя дорожка. Вы пробуете идти по вашей, я по своей. Ведь так мы договорились?

— Не пойму я этого человека,— сказал, пожимая плечами, Холмс, когда мы вышли от инспектора.— Сам себе яму роет. Что ж, попробуем, как он говорит, идти каждый своей дорожкой и посмотрим, что из этого получится. А все-таки этот инспектор Бэйнс не так прост — я тут чего-то не понял.

— Сядьте же в это кресло, Уотсон,— сказал Холмс, когда мы вернулись в свои комнаты в «Быке».— Я хочу,

чтобы вы уяснили себе ситуацию, так как сегодня вечером мне, возможно, понадобится ваша помощь. Сейчас я покажу вам, как шло, насколько я мог проследить, развитие этого случая. Он как будто вовсе и не сложен в основных своих чертах, а между тем представляет неожиданные трудности для ареста виновных. В этом смысле у нас остаются пробелы, которые еще предстоит заполнить.

Вернемся к записке, полученной Гарсией за обедом в день его смерти. Мы можем отбросить идею Бэйнса, что в деле замешаны слуги Гарсии. Это опровергается тем, что он сам же постарался завлечь в дом Скотт-Эклса, что могло быть сделано единственно в целях алиби. Значит, именно Гарсия замыслала какое-то предприятие — и, по-видимому, преступное — на ту самую ночь, когда он встретил свою смерть. Я говорю «преступное», потому что, только замыслив преступное, человек желает подготовить себе алиби. Кто же тогда всего вероятней лишил его жизни? Конечно, тот, против кого был направлен его преступный умысел. До сих пор мы, как мне кажется, стоим на твердой почве.

Теперь нам видно, что могло послужить причиной к исчезновению слуг Гарсии. Они были оба соучастниками в том неназванном нам покушении. Если бы к возвращению Гарсии оно было бы уже совершено, всякое подозрение отпало бы благодаря свидетельству англичанина и все прошло бы безнаказанно. Но покушение сопряжено было с опасностью, и если бы к намеченному часу Гарсия не вернулся, это означало бы, что он сам поплатился жизнью. Поэтому они условились, что в этом случае двое его подчиненных должны уйти в какое-то заранее приготовленное место, где они могли бы укрыться от преследования, чтобы в дальнейшем повторить свою попытку. Так, не правда ли, все факты получают объяснение?

Передо мною все легло, точно распутанная пряжа. Я, как всегда, только диву давался, как мне раньше не было это столь же очевидно самому.

— А почему же один из слуг вернулся?

— Мы можем представить себе, что при побеге он в спешке забыл захватить какую-то вещь, очень ему дорого-

гую — такую, что расстаться с ней для него невыносимо. Как, по-вашему, это объяснило бы его упрямые попытки вернуться за нею?

— Хорошо. Следующее звено?

— Следующее звено — записка, полученная Гарсией за обедом. Это нить, ведущая к другому сообщнику. Где же мы найдем ее второй конец? Я вам уже показывал, что его надо искать в некоем большом доме и что число больших домов ограничено. Свои первые дни в деревне я посвятил планомерным прогулкам, и, гуляя, я между своими ботаническими поисками ознакомился со всеми большими домами и вывел семенную историю их обитателей. Одни из этих домов — и только одни — привлек мое внимание. Это Дозорная Башня, знаменитый старый замок времен Якова I. Он стоит в одной миле от того конца Оксшотта и менее чем в полумиле от места, где разыгралась трагедия. Все прочие большие дома принадлежат прозаическим, почтенным людям, живущим размеренной жизнью, далекой от всякой романтики. А вот мистер Хендерсон из Дозорной Башни выглядел во всех рассказах необыкновенным человеком, с которым могут происходить необыкновенные вещи. Поэтому я сосредоточил свое внимание на нем и его домашних.

Удивительные это люди, Уотсон, и всех удивительней он сам. Я исхитрился явиться к нему под благовидным предлогом, но, кажется, я прочел в его темных, глубоко запавших, подозрительных глазах, что он безошибочно разгадал мою действительную цель. Это человек лет пятидесяти, крепкий, энергичный, со стальными волосами, густыми, черными, кустистыми бровями, поступью олея и осанкой императора — жестокий,ственный человек, снаружи пергамент, а под ним раскаленное железо. Он или иностранец или же долго жил в тропиках, потому что он желтый и высохший, но тугой, как плеть. Его друг и секретарь, мистер Лукас, тот, несомненно, иностранец, шоколадно-коричневый, коварный и вкрадчивый — с кошачьей повадкой и ядовито-любезным разговором. Как видите, Уотсон, теперь перед нами уже две группы иностранцев, одна в Сиреневой Сторожке, другая в Дозорной Башне. Таким образом, наши пробелы поиенигуют заполняются.

Эти два человека, связанные дружбой и взаимным довернем, составляют ядро второй группы; но в доме есть еще одна особа, может быть, более важная для нас в смысле наших розысков. У Хендерсона двое детей — две дочки, одна тринацати, другая одиннадцати лет. Гувернанткой при них — мисс Бернет, англичанка лет сорока. И есть еще доверенный лакей. Эта небольшая компания образует тесную семью: они всегда путешествуют вместе, а Хендерсон, надо сказать, большой путешественник, он вечно в разъездах. Он всего лишь несколько недель как вернулся в Дозорную Башню после годичного отсутствия. Добавлю, что он несметно богат и может с легкостью удовлетворить свою любую прихоть. Дом его полон всяких буфетчиков, лакеев, горничных и прочей прислуги — обычный зажравшийся и обленившийся штат большого барского дома в английской деревне.

Все это я знал частью из деревенских сплетен, частью по собственным наблюдениям. Нет лучшего орудия для этой цели, чем уволенные слуги с их обидой, и мне выпала удача найти одного такого. Я говорю «удача», но я не встретил бы ее на своем пути, если бы не искал. Как заметил Бэйс, у нас у каждого есть своя система. Вот система-то моя и помогла мне найти Джона Уорнера, бывшего садовника с Дозорной Башни, которогоственный хозяин под горячую руку уволил. А у него, со своей стороны, есть друзья среди живущих в доме слуг, которые все до одного трепещут перед своим господином и ненавидят его. Таким образом у меня оказался ключ к тайнам дома.

Странные люди, Уотсон! Я, может быть, там еще не во всем разобрался, но это, во всяком случае, очень странные люди! Дом на два крыла, и слуги живут все в одном крыле, семья в другом. Между теми и другими нет иного связующего звена, кроме личного лакея самого Хендерсона, прислуживающего также всей семье за столом. Все подается к некой двери, соединяющей обе половины. Гувернантка с девочками чуть ли вообще никуда не выходит за пределы сада. Хендерсон никогда, ни под каким видом не выходит из дома один. Его всюду сопровождает, как тень, его темнолицый секретарь. Слуги говорят между собой, будто он страшно чего-то боится.

«Душу дьяволу продал за деньги,— говорят Уорнер,— вот и ждет, что кредитор придет истребовать свое». Никто понятия не имеет, кто они и откуда явились. Они очень необузданы. Хейдерсону дважды случилось отхлестать человека плеткой, и только тугой кошелек оба раза позволил ему, откупившись большими деньгами, уйти от суда.

Теперь, Уотсон, давайте обсудим ситуацию в свете этих добавочных сведений. Мы можем с достоверностью принять, что записка была от кого-то из слуг этого странного дома и приглашала Гарсию осуществить некое покушение согласно ранее составленному плану. Кем написана записка? Кем-то внутри цунаделн — и при том женщины. Так кем же тогда, если не мисс Бернет, гувернанткой? Все наше построение, очевидно, приводит нас к ней. Во всяком случае, мы можем принять это как гипотезу и посмотрим, какие следствия она за собой повлечет. Я могу добавить, что возраст мисс Бернет и ее репутация, бесспорно, исключают мою первую мысль, что подоплекой в этом деле могла быть какая-то любовная история.

Если записка от нее, то, по всей вероятности, эта женщина — друг и сообщница Гарсии. Тогда как же она должна была себя повести, узнав о его смерти? Если он встретил свой конец, когда сам совершил беззаконное дело, сообщница должна держать рот на замке. Все же в сердце она, конечно, затанла жестокую ненависть к его убийцам и, наверно, чем только может, станет помогать отмщению за него. Так нельзя ли нам повидаться с ней и воспользоваться ее помощью? Это первое, что мне пришло на ум. Но тут перед нами встает один зловещий факт. С ночи убийства никто и нигде не видел мисс Бернет. Она еще с вечера точно исчезла. Жива ли она? Может быть, и ее постигла смерть в ту же ночь — вместе с другом, которого она призывала? Или ее только держат взаперти? Вот вопрос, на который мы должны дать ответ.

Вы оцените, Уотсон, всю трудность положения. Нам не на что опереться, чтобы требовать вмешательства закона. Наше построение покажется фантасмагорней, если с ним явиться к судье. Что женщина исчезла, не поставят ни во что,— весь уклад этого странного дома таков, что

любой из его обитателей может неделю не показываться людям на глаза. А между тем женщина, возможно, в любую минуту грозит смерть. В моей власти наблюдать за домом, поставить своего человека, Уорнера, стоять у ворот — и только. Но мы же не можем дать делу идти своим ходом. Если закон бессилен, мы должны взять риски на себя.

— Что же вы предлагаете?

— Я знаю, в какой она комнате. Туда можно прорваться с крыши флигеля. Мое предложение: не попробовать ли нам с вами сегодня ночью проникнуть в самое сердце тайны?

Перспектива, должна я признаться, была не слишком заманчива. Старый дом, дышащий убийством, странные и страшные его обитатели, тайные опасности, подстерегающие приходящего, и то, что мы сами при этом выступаем правонарушителями,— все это, взятое вместе, охлаждало мой пыл. Но было в холодных рассуждениях Холмса нечто такое, что вы, не дрогнув, пошли бы с ним на самое рискованное дело. Вы знали, что так и только так можно найти решение задачи. Я молча пожал ему руку, и жребий был брошен.

Но нашему расследованию не суждено было закончиться такою авантюрой. Было около пяти часов, мартовский вечер уже стелил свои тени, когда в комнату к нам ворвался в сильном возбуждении какой-то деревенский житель.

— Они уехали, мистер Холмс. С последним поездом. Леди вырвалась, она в моем кабинете — здесь, внизу.

— Превосходно, Уорнер! — прокричал, вскочив на ноги, Холмс.— Уотсон, пробелы быстро заполняются!

Женщина в кабинете была в полуобмороке от нервного истощения. На ее горбоносом, исхудалом лице лежал отпечаток какой-то недавней трагедии. Ее голова безжизненно свесилась на грудь, но, когда она подняла голову и тупо повела глазами, я увидел черные точки зрачков на серых радужных оболочках: ее опопнили опиумом.

— Я поджидал у ворот, как вы наказывали, мистер Холмс,— докладывал наш тайный агент, хендersonовский уволенный садовник.— Когда они выехали в карете, я двинул за ними следом на станцию. Леди шла по плат-

форме, как во сне, но, когда они стали сажать ее в поезд, она ожила и давай отбиваться. Они впихнули ее в вагон. Она стала опять вырываться. Я вступил за нее, посадил ее в свой каб, и вот мы здесь. Никогда не забуду, с каким лицом глядел на меня в окно вагона этот человек, когда я ее уводил. Его бы воля — не долго бы я пожила на свете. Черные глаза, лицо желтое, сам осклабился — сущий дьявол!

Мы внесли женщину наверх, уложили на диван, и две чашки крепчайшего кофе быстро разогнали пары опнума и прояснили ее мысли. Холмс вызвал Бэйнса и коротко объяснил ему, как обстоит дело.

— Прекрасно, сэр, вы мне доставили то, чего мне не хватало,— показания свидетельницы,— с жаром сказал инспектор, пожимая руку моему другу.— Я ведь с самого начала шел с вами по одному и тому же следу.

— Как? Вы подозревали Хендersona?

— Когда вы, мистер Холмс, прятались в кустах у Дозорной Башни, я там сидел в саду на дереве и смотрел на вас сверху. Все дело было в том, кто первый добудет доказательства.

— Зачем же тогда вы арестовали мулата?

Бэйнс усмехнулся.

— Я был уверен, что этот Хендerson, как он себя называет, понял, что попал под подозрение, и, значит, будет начеку и не шелохнется, покуда чует над собой опасность. Вот я и арестовал не того человека — пусть его думает, что у нас другие подозрения. Я знал, что тут он, вероятно, попробует смыться и даст нам возможность подобраться к мисс Бернет.

Холмс положил руку на плечо инспектору.

— Вы далеко пойдете в своей профессии,— сказал он.— У вас есть чутье и интуиция.

Бэйнс покраснел от удовольствия.

— У меня всю неделю караулил на станции сотрудник в штатской одежде. Куда бы кто из «Башни» ни поехал, он проследил бы. Но когда мисс Бернет вырвалась, он, видно, растерялся. К счастью, ваш человек ее подхватил, и все обернулось благополучно. Мы, ясное дело, не можем арестовать их без ее показаний, так что чем скорей мы снимем допрос, тем лучше.

— Она приходит в себя,— сказал Холмс, поглядев на гувернантку.— Но скажите мне, Бэйис, кто он, этот Хендерсон?

— Хендерсон,— ответил инспектор,— это дон Мурильо, известный когда-то под прозванием Тигра из Сан-Педро.

Тигр из Сан-Педро! Вся его история мгновенно пронеслась в моей памяти. За ним утвердилась слава самого извального, кровожадного тирана, какой когда-либо правил страной, притязающей на цивилизованность. Сильный, бесстрашный, энергичный — этих качеств оказалось довольно, чтобы он мог принудить устрашенный народ терпеть его мерзкие пороки чуть не двенадцать лет. Его имя повергало в ужас всю Центральную Америку. К концу этого срока поднялось против него всеобщее восстание. Но он был так же хитер, как жесток, и при первом же слухе о наднигающихся беспорядках тайно вывез свои богатства на пароходе с экипажем из своих приверженцев. На другой день повстанцы ворвались в пустой дворец. Диктатор, его двое детей, его секретарь, его сокровища — все ускользнуло от них. С этого часа он исчез из мира, и в европейской печати часто обсуждалось, не скрывается ли он за той или другую личностью.

— Да, сэр, дон Мурильо, Тигр из Сан-Педро,— продолжал Бэйис.— Загляните в справочник, и вы увидите, что цвета Сан-Педро — зеленый и белый, те же, что в нашей записке, мистер Холмс. Он взял себе имя «Хендерсон», но я проследил его через Париж, Рим и Мадрид вплоть до Барселоны, где пришвартовался его пароход в восемьдесят шестом году. Все это время его разыскивали, чтобы отомстить ему, но только недавно им удалось его выследить.

— Его нашли год тому назад,— сказала мисс Бернет. Приподнявшись на локте, она теперь напряженно следила за разговором.— Было уже одно покушение на его жизнь, но какой-то злой гений ограждает его. Вот и сейчас благородный, рыцарственный Гарсия погиб, а это чудовище вышло невредимым. Но придет другой и третий, пока однажды не совершился над злодеем правый суд. Это верно, как то, что завтра встанет солнце.— Ее худые руки сжались в кулаки, и страстная ненависть выбелила ее изможденное лицо.

— Но как вы, мисс Бериет, оказались втянуты в это дело? — спросил Холмс. — Дама, англичанка, вдруг вступает в заговор убийц?

— Я вступила в заговор, потому что только таким путем могло свершиться правосудие. Какое дело английскому закону до моря крови, пролитой много лет назад в Саи-Педро, или до судна, груженою ценностями, которые украдены этим человеком? Для вас это все равно как преступления, совершенные на другой планете. Но мы-то знаем. Мы знаем правду, выстраданную в горе и муках. Для нас нет в преисподней дьявола, подобного Хуау Мурильо, и нет на земле покоя, пока его жертвы еще взывают о мести.

— Ои, бесспорно, таков, как вы говорите, — вставил Холмс. — Я наслышан о его жестокости. Но как это коснулось лично вас?

— Расскажу вам все. Этот негодяй избрал своим политическим принципом расправляться под тем или другим предлогом с каждым, кто мог бы со временем стать для него опасным соперником. Мой муж (да, мое настоящее имя — сеньора Висенте Дурандо), мой муж, Висенте Дурандо, был послаником Саи-Педро в Лондоне. Здесь мы встретились с ним, и он на мне женился. Не было на земле человека благородней его. На мое горе Мурильо просыпал о его даровитости, отозвал его под каким-то предлогом и отдал под расстрел. Предчувствя свою судьбу, муж отказался взять меня с собой. Его земли и все имущество были конфискованы, я осталась одна со своим горем и без средств к существованию.

Потом произошло падение тирана. Он бежал, как вы сейчас рассказывали. Но многие из тех, чью жизнь он искалечил, чьи родные и близкие претерпели пытки и смерть от его руки, не примирились с таким исходом. Они сплотились в союз, который не распадется до тех пор, пока не сделает своего дела. Как только мы разведали, что низвергнутый деспот скрывается под видом Хендерсона, на меня возложили задачу наияться к нему на службу и извещать остальных при его переездах. Мне удалось выполнить задачу, получив место гувернантки в его доме. Он и не подозревал, что каждый день садится за стол с той самой женщиной, мужа которой он без суда,

единым росчерком пера послал на казнь. Я улыбалась ему, добросовестно воспитывала его дочерей — и ждала своего часа. Одно покушение было сделано в Париже и сорвалось. Мы метались туда и сюда по Европе, чтобы сбить преследователей со следа, и наконец вернулись в этот дом, который он снял еще при первом своем приезде в Англию.

Но и здесь ждали вершители правосудия. Понимая, что он непременно вернется сюда, Гарсия, чей отец до Мурильо занимал в Сан-Педро высший правительственный пост, ждал его здесь с двумя своими верными товарищами — людьми невысокого звания, но которым, как и ему, было за что мстить. Днем он едва ли смог бы что-то сделать, так как Мурильо соблюдал всемерную осторожность и не выходил из дома иначе, как в сопровождении своего сподвижника Лукаса, или Лопеса, как его именовали в дни его величия. Ночью, однако, он спал один, и тут мститель мог бы к нему подобраться. Однажды вечером, как было заранее условлено, я собралась послать другу последние указания, так как Мурильо был всегда настороже и непрестанно менял спальню. Я должна была проследить, чтобы входная дверь была не заперта, и зеленым на белом светом в окне дать знать, что все благополучно или что попытку лучше отложить.

Но все у нас пошло вкрай и вкось. Я чем-то возбудила подозрение у Лопеса, секретаря. Он подкрался сзади и, как только я дописала записку, набросился на меня. Вдвоем с хозяином он уволок меня в мою комнату, и здесь они держали надо мною суд как над уличенной предательницей. Во время суда они не раз готовы были всадить в меня нож — и всадили бы, когда бы знали, как потом уйти от ответа. Наконец после долгих споров они пришли к заключению, что убивать меня слишком опасно. Но они решили раз и навсегда разделаться с Гарсией. Мне заткнули рот, и Мурильо выкручивал мне руки до тех пор, пока я не дала ему адрес. Клянусь вам, я дала бы ему выкрутить их вовсе, если бы знала, что грозило Гарсии. Лопес сам надписал адрес на моей записке, запечатал ее своею запонкой и отправил ее со слугой, испанцем Хосе. Как они его убили, я не знаю, одно мне ясно,— что погиб он от руки Мурильо, потому что Лопес остался стеречь меня. Дорога вьется по зарослям

дрока, так он, должно быть, подстерег его в кустах и там оглушил его и прикончил.

Сперва они думали дать Гарсии войти в дом и затем убить, как будто пойманиого с поличным грабителя; но потом рассудили, что если их припугают к следствию и станут снимать с них допрос, то сразу откроется, кто они такие, и огласка вскоре иавлечет на них новое покушение. А так со смертью Гарсии преследование могло и во все прекратиться, потому что эта прямая расправа отпустила бы других от подобных попыток.

Они теперь могли бы успокоиться, если бы не то, что я звала об их преступлении. Я не сомневаюсь, что моя жизнь не раз висела на волоске. Меня заперли в моей комнатае, грозили мне всякими ужасами, всячески истязали, чтобы сломить мой дух — видите эту иожевую рану на моем плече, эти синяки по всей руке,— а когда я попробовала раз закричать в окно, мне забили в горло кляп. Пять дней длилось это тюремное заключение, и есть мне давали совсем мало — только-только, чтобы с голоду не умереть. Сегодня к часу дня мне принесли хороший завтрак, но я сразу поняла, что в него чего-то намешали. Помню, меня в каком-то полуслне не то вели, не то искали к карете; в том же состоянии посадили в поезд. Только, когда дернулись колеса, я вдруг поняла, что моя свобода в моих руках. Я соскочила, меня пробовали втащить обратно, и, если бы не пришел на помощь этот добрый человек, который усадил меня в свой каб, мне бы не вырваться от них. Теперь, слава богу, им уже миой не завладеть никогда.

Мы все напряженно слушали этот удивительный рассказ.

Первым прервал молчание Холмс.

— Трудности для нас еще не кончились, — заметил он, покачав головой.— С полицией наше дело закончено, начинается работа для суда.

— В том-то и суть, — сказал я. — Ловкий адвокат сумеет представить это как меру самозащиты. За ними может числиться сотня преступлений, но судить их будут сейчас только за это одно.

— Ну нет! — бойко возразил Бэйс. — Не так он плох, наш закон. Самозащита — это одино. А умышленно заманить человека с целью убить его — это совсем дру-

гое, какой бы опасности вы от него ни страшились. Нет, нет, и нам ничего не поставят в вину, когда обитатели Дозорией Башни предстанут перед судом на ближайшей сессии в Гилдфорде.

История, однако, говорит, что если Тигр из Сан-Педро получил иаконец по заслугам, то это случилось еще не сразу. Коварный и смелый, он со своим сообщником ушел от преследователей, зайдя на Эдмонтон-стрит в какой-то пансион и выйдя из него задними воротами на Керзои-сквер.

С того дня в Англии их больше не видели. А полгода спустя в Мадриде, в гостинице «Эскуриал», были убиты в своих номерах некий маркиз Монтальва и его секретарь, сеньор Рулли. Преступление приписывалось инициалистам, но захватить убийц так и не удалось. Испектор Бэйис зашел к нам на Бейкер-стрит и показал газету, где описывались темные лицо секретаря иственные черты хозяина, его магнитические черные глаза, его косматые брови. У нас не осталось сомнений, что правосудие, хоть и запоздалое, иаконец свершилось.

— Сумбурное дело, мой дорогой Уотсон,— сказал Холмс, покурив свою вечернюю трубку.— Вам едва ли удастся представить его в том сжатом изложении, которое так любезно вашему сердцу. Оно раскинулось на два материка, охватывает две группы таинственных личностей и вдобавок осложняется присутствием респектабельного гостя, нашего друга Скотт-Эклса, привлечение которого показывает мне, что покойный Гарсия обладал вкусом к интриге и развитым инстинктом самосохранения. Тут замечательно только то, что в дебрях всяческих возможностей мы с нашим достойным сотрудником, инспектором Бэйисом, оба цепко ухватились за самое существенное, и это правильно вело нас по извилиам кривой тропы. Что-нибудь все-таки остается, что не совсем вам ясио?

— Чего ради возвращался повар-мулат?

— Думаю, на это нам ответит та странная вещь из кухни. Человек этот — неразвитый дикарь из глухих лесов Сан-Педро, и это был его фетиш. Когда он со своим товарищем бежал в их заранее подготовленное убежи-

ше, где, несомненно, уже засел кто-то из их сообщников, товарищ уговорил его не брать с собой такую громоздкую улку. Но сердце мулата не могло от нее оторваться, и на другой же день он потянулся к ней. Заглядывает в окно, видит полисмена Уолтерса — дом занят! Он переждал еще три дня, и тут его вера или его суеверие толкнули его сделать новую попытку. Инспектор Бэйнс, хотя передо мной и делал вид, что недооценивает этот инцидент, на самом деле со свойственной ему проницательностью понял все его значение и расставил мулату ловушку, в которую тот и попался. Что-нибудь еще, Уотсон?

— Растерзанная птица, кровь в ведре, обугленные кости — вся тайна ведьминской кухни.

Холмс улыбался, раскрывая свой блокнот на длинной выпинке.

— Я провел целое утро в Британском музее, читая по этим и смежным вопросам. Вот вам цитата из книги Эккермана «Вудунизм и негритянские религии»:

«Убежденный вудунст никогда не приступит ни к какому важному делу, не принеся установленной жертвы своим нечистым богам, дабы умилостивить их. В чрезвычайных случаях эти обряды принимают вид человеческого жертвоприношения, сопровождающегося людоедством. Обычно же в жертву приносится белый петух, которого раздирают на куски живьем, или черный козел, которого перерезают горло, а тело сжигают».

Как видите, наш темнокожий друг проводил обряд по всем правилам своей религии. Да, Уотсон, дикая история, — добавил Холмс, медленно закрывая на застежку свой блокнот, — но, как я имел уже случай заметить, от дикого до ужасного только шаг.

КАРТОННАЯ КОРОБКА

Выбирай несколько типичных дел, иллюстрирующих замечательные свойства ума моего друга Шерлока Холмса, я старался, насколько возможно, отыскать среди них наименее сенсационные, но в то же время открывающие широкое поле для его талантов. Однако, к сожалению, совершенно невозможно отделить сенсационное от криминального, и летописец оказывается перед дилеммой: он должен либо пожертвовать подробностями, необходимыми для его отчета, и, следовательно, дать неверное представление о деле в целом, либо использовать материалы, которые дает ему не выбор, а случай. После этого краткого вступления я перехожу к моим запискам о странной и в своем роде ужасной цепи событий.

Стоял неимоверно жаркий августовский день. Бейкер-стрит была раскалена, как печь, и ослепительный блеск солнца на желтом кирпиче дома напротив резал глаза. Трудно было поверить, что это те самые стены, которые так мрачно глядели сквозь зимний туман. Шторы у нас были наполовину спущены, и Холмс, поджав ноги, лежал на диване, читая и перечитывая письмо, полученное с утренней почтой. Сам я за время службы в Индии привык переносить жару лучше, чем холод, и тридцать три градуса выше нуля не особенно меня тяготили. Но в утренних газетах не было ничего интересного. Сессия парламента закрылась. Все уехали за город, и я начал тосковать по полянам Нью-Фореста и по каменистому пляжу Саутси. Однако истощенный банковский

счет заставил меня отложить отпуск, а что касается моего друга, то ин сельская местность, ин море никак не привлекали его. Ему нравилось затащиться среди пяти миллионов людей, перебирая их своими щупальцами и чутко ловя каждый слух или подозрение о неразгаданном преступлении. Любви к природе не нашлось места среди множества его достоинств, и он изменял себе лишь тогда, когда оставлял в покое городского злодея и начинял выслеживать его деревенского собрата.

Увидев, что Холмс слишком поглощен чтением, чтобы беседовать со мной, я отбросил скучную газету и, откинувшись на спинку кресла, погрузился в размышления. Внезапно голос моего друга прервал их.

— Вы правы, Уотсон,— сказал он.— Это совершиенно нелепый способ решать споры.

— Совершенно нелепый! — воскликнул я и, внезапно поняв, что он угадал мою невысказанный мысль, подскочил в кресле и в изумлении уставился на него.

— Что это, Холмс? — вскричал я.— Я просто не представляю себе, как это возможно.

Он от души рассмеялся, видя мое недоумение.

— Помините,— сказал он,— не так давно, когда я прочел вам отрывок из рассказа По, в котором логически рассуждающий наблюдатель следит за внутренним ходом мыслей своего собеседника, вы были склонны рассматривать это просто как *tour de force*¹ автора. Я же сказал, что постоянно занимаюсь тем же, но вы мне не поверили.

— Ну что вы!

— Возможно, вы не выразили этого словами, дорогой Уотсон, но бровями выразили несомненно. Итак, когда я увидел, что вы отложили газету и задумались, я был рад возможности прочитать ваши мысли и под конец ворваться в них в доказательство того, что я не отстал от вас ни на шаг.

Но я все же далеко не был удовлетворен таким объяснением.

— В том отрывке, который вы прочли мне,— сказал я,— наблюдатель делает свои умозаключения на основа-

¹ Фокус, выдумка (франц.).

иии действий человека, за которым он наблюдает. Насколько я помню, этот человек споткнулся о кучу камней, посмотрел на звезды и так далее. Но я спокойно сидел в кресле. Какой же ключ я мог вам дать?

— Вы несправедливы к себе. Человеку даны черты лица как средство для выражения эмоций, и ваши вероисповедания служат вам.

— Вы хотите сказать, что прочли мои мысли по лицу?

— По лицу и особенно по глазам. Вероятно, вы сами не можете теперь вспомнить, с чего начались ваши размышления.

— Не могу.

— Тогда я скажу вам. Отложив газету — это и было действием, которое привлекло к вам мое внимание, — вы полминуты сидели с отсутствующим видом. Затем ваши глаза остановились на недавно вставленном в раму портрете генерала Гордона¹, и по тому, как изменилось ваше лицо, я понял, что размышления начались. Но они увлекли вас не очень далеко. Вы бросили взгляд на портрет Генри Уорда Бичера², который без рамы стоит на ваших книгах. Затем вы посмотрели вверх на стену, и ваша мысль стала ясна. Вы подумали, что, если вставить этот портрет в раму, он как раз и займет пустое пространство и будет хорошо сочетаться с портретом Гордона.

— Вы удивительно проследили за мной! — воскликнула я.

— До сих пор я едва ли мог ошибиться. Но тут ваши мысли вернулись к Бичеру, и вы посмотрели на него внимательно, даже испытующе. Затем вы перестали щуриться, но продолжали смотреть на портрет, и ваше лицо стало задумчивым. Вы вспоминали эпизоды карьеры Бичера. Я прекрасно понимал, что при этом вы не можете не думать о той миссии, которую он выполнял по поруче-

¹ Г о р д о н, Чарльз Джордж (1833—1885) — английский генерал. В начале 1884 года был послан английским правительством для подавления махдистского освободительного восстания в Судане и в январе 1885 года был убит при взятии повстанцами Хартума.

² Б и ч е р, Генри Уорд (1813—1887) — американский священник, брат Г. Бичер-Стю — автора «Хижины дяди Тома». Сторонник женского равноправия, противник рабства. В 1863 году приезжал в Англию с циклом лекций об освобождении негров.

нию северян во время Гражданской войны, потому что я помню ваше негодование по поводу того, как его встретили наиболее нетерпимые наши сограждане. Вы были так возмущены, что, разумеется, думая о Бичере, не могли не подумать и об этом. Когда через секунду вы отвели глаза от портрета, я предположил, что ваши мысли обратились к Гражданской войне, а заметив, как сжалась ваши губы, засверкали глаза, а руки стиснули подлокотники кресла, я уже не сомневался, что вы в самом деле думаете о храбости, проявлении обеими сторонами в этой отчаянной борьбе. Но затем на ваше лицо снова избежала тень; вы покачали головой. Вы размышляли об ужасах войны и бесполезных человеческих жертвах. Ваша рука потянулась к старой ране, а губы искривились в усмешке — я понял, что нелепость такого способа разрешения международных конфликтов стала вам ясна. Тут я согласился, что это нелепо, и был рад обнаружить, что все мои заключения оказались правильными.

— Абсолютно! — сказал я. — Но и теперь, когда вы мне все объяснили, признаюсь, я не перестаю удивляться.

— Все это было очень поверхностно, дорогой Уотсон, уверяю вас. Я не стал бы отвлекать этим вашего внимания, не вырази вы недоверия в тот раз. Но вот здесь у меня в руках задача, решение которой может оказаться труднее, чем этот маленький опыт чтения мыслей. Видели ли вы в газете коротенькую заметку об удивительном содержании пакета, присланного по почте некой мисс Кушинг из Кросс-стрит, в Крайдона?

— Нет, я ничего такого не видел.

— Так, значит, вы пропустили ее. Бросьте-ка мне газету. Смотрите, вот тут, под финансовым обзором. Не будете ли вы любезны прочесть ее вслух?

Я поднял газету, которую он бросил мне обратно, и прочел указанную заметку. Она была озаглавлена «Страшная посылка».

«Мисс Сьюзен Кушинг, проживающая на Кросс-стрит, в Крайдоне, стала жертвой возмутительнейшей шутки, если только не окажется, что это происшествие имеет более зловещий смысл. Вчера в два часа дня почтальон принес ей небольшой пакет, завернутый в бумагу.

Это была картонная коробка, наполненная крупной солью. Высыпав соль, мисс Кушинг в ужасе обнаружила два человеческих уха, отрезанных, по-видимому, совсем недавно. Коробка была отправлена по почте из Белфаста накануне утром. Отправитель не указан, и таинственность дела усугубляется тем, что мисс Кушинг, незамужняя особа пятидесяти лет, ведет самый уединенный образ жизни и имеет так мало знакомых и корреспондентов, что очень редко получает что-либо по почте. Однако несколько лет назад, живя в Пендже¹, она сдавала в своем доме комнаты трем молодым студентам-медикам, от которых была вынуждена избавиться вследствие их шумливости и распущенности. Полиция считает, что безобразный поступок, возможно, является делом рук этих молодых людей, которые имели зуб на мисс Кушинг и хотели напугать ее, послав ей этот сувенир из анатомического театра. Некоторое правдоподобие этой версии придает тот факт, что один из студентов раньше жил в Северной Ирландии, насколько известно мисс Кушинг,— в Белфасте. А пока ведется энергичное расследование, порученное мистеру Лестрейду, одному из лучших агентов нашей сыскной полиции».

— С «Дейли кроника» все,— сказал Холмс, когда я дочитал статью.— Теперь послушаем нашего друга Лестрейда. Утром я получил от него записку, в которой он пишет:

«Я думаю, что это дело придется Вам очень по вкусу. Мы надеемся довести его до конца, но у нас возникли некоторые трудности в связи с отсутствием материала. Мы, разумеется, телеграфировали в белфастский почтamt, но в тот день было отправлено много посылок, и они ничего не могут сказать про эту и не помнят ее отправителя. Коробка полуфунтовая, из-под паточного табака, и она нам ничего не дает.

Предположение насчет студента-медика все еще кажется мне наиболее вероятным, но если у Вас есть несколько свободных часов, я был бы очень рад видеть

¹ Пригород Лондона.

Вас здесь. Я весь день буду либо в этом доме, либо в полицейском участке».

— Что вы на это скажете, Уотсон? Можете ли вы пренебречь жару и поехать со мной в Крайдон с некоторой надеждой на новое дело для ваших аниалов?

— Я как раз думал, чем бы мне заняться.

— Тогда у вас будет занятие. Позвоните, чтобы нам привезли ботинки, и пошлите за кэбом. Я буду готов через минуту, только сниму халат и наполнию портсигар.

Пока мы ехали в поезде, прошел дождь, и в Крайдоне жара была менее гнетущей, чем в столице. Перед отъездом Холмс отправил телеграмму, и Лестрейд, как всегда подвижной, щегольски одетый и похожий на хорька, встретил нас на станции. Через пять минут мы были на Кросс-стрит, где жила мисс Кушниг.

Это была очень длинная улица, застроенная двухэтажными кирпичными домами, чистенькими и немного чопорными; на белесых каменных крылечках сужались женищины в передниках. Пройдя около половины улицы, Лестрейд остановился и постучал в дверь; на стук вышла девочка-служанка. Нас провели в гостиную, где спряталась мисс Кушниг. У нее было спокойное лицо, большие кроткие глаза и седеющие волосы, закрывавшие виски. Она вышивала салфеточку для кресла, а рядом стояла корзинка с разноцветными шелками.

— Эта пакость лежит в сарае,—сказала она, когда Лестрейд вошел в комнату.—Хоть бы вы их совсем забрали!

— Я так и сделаю, мисс Кушниг. Я держал их здесь только для того, чтобы мой друг мистер Холмс мог взглянуть на них в вашем присутствии.

— А почему в моем присутствии, сэр?

— На случай, если он захочет вас о чем-нибудь спросить.

— Что тут еще спрашивать, раз я сказала вам, что ровно ничего об этом не знаю?

— Совершенно верно, сударыня,—сказал Холмс успокаивающе.—Не сомневаюсь, что вам больше чем достаточно надоел в связи с этим делом.

— Еще бы, сэр. Я человек скромный, живу тихо. Мне никогда не случалось видеть свое имя в газетах, и поли-

ции у меня в доме не бывала. Я не позволю, чтобы эту пакость вносили сюда, мистер Лестрейд. Если вы хотите взглянуть на них, вам придется пойти в сарай.

Маленький сарай находился в узком садике за домом. Лестрейд вошел в сарай и вынес желтую картонную коробку, кусок оберточной бумаги и веревку. В конце дорожки была скамья, мы сели на нее, и Холмс принялся рассматривать предметы, которые Лестрейд передавал ему один за другим.

— Прелюбопытнейшая веревка,— заметил он, поднимая ее к свету и обнюхивая.— Что вы скажете об этой веревке, Лестрейд?

— Она просмолена.

— Совершенно верно. Это кусок просмоленного шпагата. Несомненно, вы заметили также, что мисс Кушинг разрезала веревку ножницами, это видно по двум срезам с каждой стороны. Это очень важно.

— Не понимаю, что тут важного,— сказал Лестрейд.

— Важно, что узел остался цел и что это узел особого рода.

— Он завязан очень аккуратно. Я уже обратил на это внимание,— не без самодовольства сказал Лестрейд.

— Ну, хватит о веревке,— сказал Холмс, улыбаясь,— теперь займемся упаковкой. Оберточная бумага с отчетливым запахом кофе. Как, вы этого не заметили? Здесь не может быть никакого сомнения. Адрес написан печатными буквами, довольно коряво: «Мисс С. Кушинг, Кросс-стрит, Кройдон». Написано толстым пером, возможно, «рондо», и очень плохими чернилами. Слово «Кройдон» вначале было написано через «е», которое затем изменено на «о». Итак, посылка была отправлена мужчиной — почерк явно мужской,— не очень образованного и не знающим Кройдона. Пойдем дальше. Коробка желтая, полуфунтовая, из-под паточного табака, ничем не примечательная, если не считать двух отпечатков больших пальцев в левом нижнем углу. Она наполнена крупной солью, которая применяется для хранения кож и для других промышленных целей, связанных с сырьем. И в соли находятся весьма своеобразное вложение.

С этими словами он вытащил два уха и, положив себе на колено доску, стал внимательно их изучать, а мы с Лестрейдом, стоя по обе стороны, наклонились вперед и смотрели то на эти страшные сувениры, то на серьезное, сосредоточенное лицо нашего спутника. Наконец он положил их обратно в коробку и некоторое время сидел, глубоко задумавшись.

— Вы заметили, конечно,— сказал он наконец,— что это непарные уши.

— Да, это я заметил. Но если это шутка каких-нибудь студентов-медиков, им ничего не стоило послать и два непарных уха и пару.

— Совершенно правильно. Но это не шутка.

— Вы в этом убеждены?

— Многое в этом убеждает. Для работы в анатомическом театре в труппы вводят консервирующй раствор. На этих ушах его не заметно. Кроме того, они свежие. Они были отрезаны тупым инструментом, что едва ли могло бы случиться, если бы это делал студент. Далее, в качестве консервирующего вещества медик, естественно, выбрал бы раствор карболки или спирт и уж, конечно, не крупу соль. Повторяю: это не розыгрыш, перед нами серьезное преступление.

Легкая дрожь пробежала по моему телу, когда я услышал слова Холмса и увидел его помрачневшее лицо. За этим решительным вступлением танлось нечто страшное, необъяснимое и ужасное. Лестрейд, однако, покачал головой, как человек, которого убедили только наполовину.

— Несомненно, кое-что говорит против версии с розыгрышем,— сказал он,— но против другой версии есть более сильные аргументы. Мы знаем, что эта женщина в течение последних двадцати лет, как в Пендже, так и здесь, жила самой тихой и добropорядочной жизнью. За это время она едва ли провела хоть один день вне дома. С какой же стати преступник станет посыпать ей доказательство своей вины, тем более, что она — если только она не превосходная актриса — понимает в этом так же мало, как и мы?

— Это и есть задача, которую мы должны решить,— ответил Холмс,— и я, со своей стороны, начну с предположения, что мои рассуждения правильны и что было со-

вершено двойное убийство. Одно из этих ушей женское, маленькое, красивой формы, с проколом для серьги. Второе — мужское, загорелое и также с проколом для серьги. Эти два человека, по-видимому, мертвы, иначе мы бы уже услышали о них. Сегодня пятница. Посылка была отправлена в четверг утром. Следовательно, трагедия произошла в среду, или во вторник, или раньше. Если эти два человека были убиты, кто, кроме самого их убийцы, мог послать мисс Кушинг это свидетельство его преступления? Будем считать, что отправитель пакета и есть тот человек, которого мы ищем. Но у него должны быть веские причины для отправки этого пакета мисс Кушинг. Что же это за причины? Должно быть, необходимость сообщить ей, что дело сделано! Или, может быть, желание причинить ей боль. Но тогда она должна знать, кто этот человек. А знает ли она это? Сомневаюсь. Если она знает, зачем ей было звать полицию? Она могла закопать уши, и все осталось бы в тайне. Так она поступила бы, если бы хотела покрыть преступника. А если она не хотела его покрывать, она назвала бы его имя. Вот головоломка, которую нужно решить.

Он говорил быстро, высоким, звонким голосом, глядя невидящим взором поверх садовой ограды, потом проворно вскочил на ноги и пошел к дому.

— Я хочу задать несколько вопросов мисс Кушинг,— сказал он.

— В таком случае я вас покину,— сказал Лестрейд.— потому что у меня здесь есть еще одно дельце. Я думаю, что от мисс Кушинг мне больше ничего не нужно. Вы найдете меня в полицейском участке.

— Мы зайдем туда по дороге на станцию,— отозвался Холмс.

Через минуту мы были снова в гостиной, где мисс Кушинг продолжала спокойно и безмятежно вышивать свою салфеточку. Когда мы вошли, она положила ее на колени и устремила на нас открытый, испытующий взгляд своих голубых глаз.

— Я убеждена, сэр,— сказала она,— что это ошибка и посылка предназначалась вовсе не мне. Я несколько раз говорила это джентльмену из Скотленд-Ярда, но он только смеется надо мной. Насколько я знаю, у

меня нет ни одного врага на свете, так зачем же вдруг кому-то понадобилось сыграть со мной такую шутку?

— Я склоняюсь к такому же мнению, мисс Күшинг,— сказал Холмс, садясь рядом с ней.— По-моему, более чем вероятно...— Он умолк, и я, посмотрев в его сторону, с удивлением увидел, что он впался глазами в ее профиль. Удивление, а затем и удовлетворение промелькнули на его энергичном лице, но, когда она взглянула на него, чтобы узнать причину его молчания, он уже всецело овладел собой. Теперь и я, в свою очередь, пристально посмотрел на ее гладко причесанные седеющие волосы, опрятный чепец, маленькие позолоченные серьги, спокойное лицо; но я не увидел ничего, что могло бы объяснить явное волнение моего друга.

— Я хочу задать вам несколько вопросов...

— Ох, надоел мне эти вопросы! — раздраженно воскликнула мисс Күшинг.

— По-моему, у вас есть две сестры.

— Откуда вы знаете?

— Как только я вошел в комнату, я заметил на камине групповой портрет трех женщин, одна из которых, несомненно, вы сами, а другие так похожи на вас, что родство не подлежит сомнению.

— Да, вы совершенно правы. Это мои сестры — Сара и Мэрн.

— А вот тут, рядом со мной, висит другой портрет, сделанный в Ливерпуле, портрет вашей младшей сестры и какого-то мужчины, судя по одежде — стюарда. Я вижу, что она в то время не была замужем.

— Вы очень быстро все замечаете.

— Это моя профессия.

— Ну что же, вы совершенно правы. Но она вышла замуж за мистера Браунера через несколько дней после этого. Когда был сделан снимок, он служил на Южноамериканской линии, но он так любил мою сестру, что не мог вынести долгой разлуки с ней и перевелся на пароходы, которые ходят между Ливерпулем и Лондоном.

— Случайно не на «Победителя»?

— Нет, на «Майский день», насколько я знаю. Джим однажды приезжал сюда ко мне в гости. Это было до то-

го, как он нарушил свое обещанье не пить; а потом он всегда пил, когда бывал на берегу, и от самой малости становился как сумасшедший. Да! Плохой это был день, когда его снова потянуло к бутылке. Сначала он поссорился со мной, потом с Сарой, а теперь Мэрн перестала нам писать, и мы не знаем, что с ними.

Тема эта явно волновала мисс Кушинг. Как большинство одиноких людей, она вначале стеснялась, но под конец стала чрезвычайно разговорчивой. Она рассказала нам много подробностей о своем зяте-стюарде, а затем, перейдя к своим бывшим постояльцам — студентам-медикам, долго перечисляла все их провинности, сообщила их имена и названия больниц, где они работали. Холмс слушал внимательно, время от времени задавая вопросы.

— Теперь о вашей средней сестре, Саре, — сказал он. — Как-то удивительно, что вы не живете одним днем, раз вы обе не замужем.

— Ax! Вы не знаете, какой у нее характер, а то бы не удивлялись. Я попыталась было, когда переехала в Крайдон, и мы жили вместе до недавнего времени — всего месяца два прошло, как мы расстались. Не хочется говорить плохое про родную сестру, но она, Сара, всегда лезет не в свое дело и привередничает.

— Вы говорите, что она поссорилась с вашими анверпульскими родственниками?

— Да, а одно время они были лучшими друзьями. Она даже поселилась там, чтобы быть рядом с ними. А теперь не знает, как покрепче обругать Джима Браунера. Последние полгода, что она жила здесь, она только и говорила, что о его пьянстве и скверных привычках. Наверно, он поймал ее на какой-нибудь сплетне и сказал ей пару теплых слов; ну, тут все и началось.

— Благодарю вас, мисс Кушинг, — сказал Холмс, вставая и откланиваясь. — Ваша сестра Сара живет, кажется, в Уоллингтоне, на Нью-стрит? Всего хорошего, мне очень жаль, что пришлось вас побеспокоить по делу, к которому, как вы и говорите, вы не имеете никакого отношения.

Когда мы вышли на улицу, мимо проезжал каб, и Холмс окликнул его.

— Далеко ли до Уоллингтона? — спросил он.

— Всего около мили, сэр.

— Отлично. Садитесь, Уотсон. Надо ковать железо, пока горячо. Хоть дело и простое, с ним связаны кое-какие поучительные детали. Эй, остановитесь возле телеграфа, когда будем проезжать мимо.

Холмс отправил короткую телеграмму и всю остальную часть пути сидел в каббе, развалившись и надвинув шляпу на нос, чтобы защититься от солнца. Наш возница остановился у дома, похожего на тот, который мы только что покинули. Мой спутник приказал ему подождать, но едва он взялся за дверной молоток, как дверь отворилась, и на пороге появился серьезный молодой джентльмен в черном, с очень блестящим цилиндром в руке.

— Мисс Кушинг дома? — спросил Холмс.

— Мисс Сара Кушинг серьезно больна, — ответил тот. — Со вчерашнего дня у нее появились симптомы тяжелого мозгового заболевания. Как ее врач, я ни в коем случае не могу взять на себя ответственность ипустить к ней кого-либо. Советую вам зайти днешний через десять.

Он надел перчатки, закрыл дверь и зашагал по улице.

— Ну что ж, нельзя — значит, нельзя, — бодро сказал Холмс.

— Вероятно, она и не смогла бы, а то и не захотела бы много вам сказать.

— А мне вовсе и не нужно, чтобы она мне что-нибудь говорила. Я хотел только посмотреть на нее. Впрочем, по-моему, у меня и так есть все, что надо... Отвезите нас в какой-нибудь приличный отель, где можно позавтракать, а потом мы поедем к нашему другу Лестрейду в полицейский участок.

Мы отлично позавтракали; за столом Холмс говорил только о скрипках и с большим воодушевлением рассказал, как он за пятьдесят пять шиллингов купил у одного еврея, торгующего подержанными вещами на Тоттенхэм-Корт-роуд, скрипку Страдивариуса, которая стоила по меньшей мере пятьсот гиней. От скрипок он перешел к Паганини, и мы около часа просидели за бутылкой кларнета, пока он рассказывал мне одну за другой истории об этом необыкновенном человеке. Было уже далеко за пол-

день, и жаркий блеск солнца сменился приятным мягким светом, когда мы приехали в полицейский участок. Лестрейд ждал нас у двери.

— Вам телеграмма, мистер Холмс,— сказал он.

— Ха, это ответ! — Он распечатал ее, пробежал глазами и сунул в карман.— Все в порядке,— сказал он.

— Вы что-нибудь выяснили?

— Я выяснил все!

— Что? — Лестрейд посмотрел на него в изумлении.— Вы шутите.

— Никогда в жизни не был серьезнее. Совершено ужасное преступление, и теперь, мне кажется, я раскрыл все его детали.

— А преступник?

Холмс нацарапал несколько слов на обороте своей визитной карточки и бросил ее Лестрейду.

— Вот о ком идет речь,— сказал он.— Произвести арест можно будет самое раннее завтра вечером. Я прошу вас не упоминать обо мне в связи с этим делом, ибо я хочу, чтобы мое имя называли только в тех случаях, когда разгадка преступления представляет известную трудность. Идемте, Уотсон.

Мы зашагали к станции, а Лестрейд так и остался стоять, восхищенно глядя на карточку, которую бросил ему Холмс.

— В этом деле,— сказал Шерлок Холмс, когда мы, закурив сигары, беседовали вечером в нашей квартире на Бейкер-стрит,— как и в расследованиях, которые вы занесли в свою хронику под заглавиями «Этюд в багровых тонах» и «Знак четырех», мы были вынуждены рассуждать в обратном порядке, идя от следствий к причинам. Я написал Лестрейду с просьбой сообщить нам недостающие подробности, которые он узнает только после того, как возьмет преступника. А об этом можно не беспокоиться, потому что, несмотря на полное отсутствие ума, он вцепится, как бульдог, если поймет, что надо делать; эта-то цепкость и помогла ему сделать карьеру в Скотленд-Ярде.

— Значит, вам еще не все ясно? — спросил я.

— В основном все. Мы знаем, кто совершил это от-

вратительное преступление, хотя одна из жертв нам еще неизвестна. Конечно, вы уже пришли к какому-то выводу.

— Очевидно, вы подозреваете этого Джима Браунера, стюарда с ливерпульского парохода?

— О! Это больше чем подозрение.

— И все же я не вижу ничего, кроме весьма неопределенных указаний.

— Напротив, по-моему, иначто не может быть яснее. Давайте еще раз пройдем по основным этапам нашего расследования. Как вы поминте, мы подошли к делу абсолютно непредвзято, что всегда является большим преимуществом. У нас не было заранее построенной теории. Мы просто отправились туда, чтобы наблюдать и делать выводы из наших наблюдений. Что мы увидели прежде всего? Очень спокойную и почтеннную женщину, судя по всему, не имеющую никаких тайни, и фотографию, из которой я узнал, что у нее есть две младших сестры. Тогда же у меня мелькнула мысль, что коробка могла предназначаться одной из них. Но я оставил эту мысль, решив, что подтвердить ее или опровергнуть еще успею. Затем, как вы поминте, мы пошли в сад и увидели необычайное содержимое маленькой желтой коробки.

Веревка была такая, какой шьют паруса, и в нашем расследовании сразу же запахло морем. Когда я заметила, что она завязана распространенным морским узлом, что посылка была отправлена из порта и что в мужском ухе сделан прокол для серьги, а это чаще встречается у моряков, чем у людей сухопутных, мне стало совершенно ясно, что всех актеров этой трагедии надо искать поближе к кораблям и к морю.

Рассмотрев надпись на посылке, я обнаружила, что она адресована мисс С. Кушниг. Самая старшая сестра была бы, разумеется, просто мисс Кушнинг, но хотя ее имя начинается на «С», с этой же буквы могло начинаться имя и одной из двух других. В таком случае расследование пришлось бы начинать сначала, совсем на другой основе. Для того, чтобы выяснить это обстоятельство, я и вернулся в дом. Я уже собирался заверить мисс Кушнинг, что, по-моему, здесь произошла ошибка, когда, как вы, вероятно, помните, я виновато умолк. Дело в том, что я вдруг увидел нечто, страшило меня удивившее и в то же

время чрезвычайно сузившее поле нашего расследования.

Будучи медиком, Уотсон, вы знаете, что нет такой части человеческого тела, которая была бы столь разнообразна, как ухо. Каждое ухо, как правило, очень индивидуально и отличается от всех остальных. В «Антропологическом журнале» за прошлый год вы можете найти две мои статьи на эту тему. Поэтому я осмотрел уши в коробке глазами специалиста и внимательно отметил их анатомические особенности. Вообразите мое удивление, когда, взглянув на мисс Кушнинг, я понял, что ее ухо в точности соответствует женскому уху, которое я только что изучал. О совпадении не могло быть и речи. Передо мной была та же несколько укороченная ушиная раковина, с таким же широким изгибом в верхней части, та же форма внутреннего хряща. Словом, судя по всем важнейшим признакам, это было то же самое ухо.

Конечно, я сразу понял огромную важность этого открытия. Ясно, что жертва находилась в кровном и, по-видимому, очень близком родстве с мисс Кушнинг. Я заговорил с ней о ее семье, и вы помните, что она сразу сообщила нам ряд ценинейших подробностей.

Во-первых, имя ее сестры Сара, и адрес ее до недавнего времени был тот же самый, так что понятно, как произошла ошибка и кому посылка предназначалась. Затем мы услышали об этом стюарде, женатом на третьей сестре, и узнали, что однажды он был очень дружен с мисс Сарой и та даже переехала в Ливерпуль, чтобы быть ближе к Браунерам, но потом они поссорились. После этой ссоры все отношения между ними прервались на несколько месяцев, так что, если бы Браунер решил отправить посылку мисс Саре, он, несомненно, послал бы ее по старому адресу.

И вот дело начало удивительным образом проясняться. Мы узнали о существовании этого стюарда, человека неуравновешенного, порывистого,— вы помните, что он бросил превосходное, по-видимому, место, чтобы не покидать надолго жену,— и к тому же запойного пьяницы. Мы имели основание полагать, что его жена была убита и тогда же был убит какой-то мужчина — очевидно, моряк. Конечно, в качестве мотива преступления прежде всего напрашивалась ревность. Но почему эти доказательства

совершеннего злодеяния должна была получить мисс Сара Кукинг? Вероятно, потому, что за время своего пребывания в Ливерпуле она сыграла важную роль в событиях, которые привели к трагедии. Заметьте, что пароходы этой линии заходят в Белфаст, Дублин и Уотерфорд; таким образом, если предположить, что убийца — Брауниер и что он сразу же сел на свой пароход «Майский день», Белфаст — первое место, откуда он мог отправить свою страшную посылку.

Но на этом этапе было возможно и другое решение, и, хотя я считал его очень маловероятным, я решил проверить себя, прежде чем двигаться дальше. Могло оказаться, что какой-нибудь неудачливый влюбленный убил мистера и миссис Брауниер и мужское ухо принадлежит мужу. Против этой теории имелось много серьезных возражений, но все же она была допустима. Поэтому я послал телеграмму Элгару, моему другу из ливерпульской полиции, и попросил его узнать, дома ли миссис Брауниер и отплыл ли мистер Брауниер на «Майском дне». Затем мы с вами направились в Уоллингтон к мисс Саре.

Прежде всего мне любопытно было посмотреть, насколько точно повторяется у нее семейное ухо. Кроме того, она, конечно, могла сообщить нам очень важные сведения, но я ее слишком надеялся, что она захочет это сделать. Она наверняка знала о том, что произошло на кануне, поскольку об этом шумят весь Кройдон, и она одна могла понять, кому предназначалась посылка. Если бы она хотела помочь правосудию, она, вероятно, уже связалась бы с полицией. Во всяком случае, повидать ее было нашей прямой обязанностью, и мы пошли. Мы узнали, что известие о прибытии посылки — ибо ее болезнь началась с того момента — произвело на нее такое впечатление, что вызвало горячку. Таким образом, окончательно выяснилось, что она поняла значение посылки, но не менее ясно было и то, что нам придется некоторое время подождать, прежде чем она сможет оказать нам какое-то содействие.

Однако мы не зависели от ее помощи. Ответы ждали нас в полицейском участке, куда Элгар послал их по моей просьбе. Ничто не могло быть убедительнее. Дом миссис Брауниер стоял запертый больше трех дней, и сосе-

ди полагали, что она уехала на юг к своим родственникам. В пароходном агентстве было установлено, что Браунер отплыл на «Майском дне», который, по моим расчетам, должен появиться на Темзе завтра вечером. Когда он прибудет, его встретят туповатый, но решительный Лестрейд, и я не сомневаюсь, что мы узнаем все недостающие подробности.

Шерлок Холмс не обманулся в своих ожиданиях. Два дня спустя он получил объемистый конверт, в котором была короткая записка от сыщика и отпечатанный на машинке документ, занимавший несколько страниц большого формата.

— Ну вот, Лестрейд поймал его,— сказал Холмс, взглянув на меня.— Вероятно, вам будет интересно послушать, что он пишет.

«Дорогой мистер Холмс!

Согласно плану, который мы выработали с целью проверки наших предположений (это «мы» великолепно, правда, Уотсон?), я отправился вчера в шесть часов вечера в Альберт-док и взошел на борт парохода «Майский день», курсирующего на линии Ливерпуль — Дублин — Лондон. Наведя справки, я узнал, что стюард по имени Джеймс Браунер находится на борту и во время рейса вел себя так странно, что капитан был вынужден освободить его от его обязанностей. Сойдя вниз, где находилась его койка, я увидел, что он сидит на сундуке, обхватив голову руками и раскачиваясь из стороны в сторону. Это большой, крепкий парень, чисто выбритый и очень смуглый — немного похож на Олдриджа, который помогал нам в деле с минной прачечной. Когда он услышал, что мне нужно, он вскочил на ноги, и я поднес свисток к губам, чтобы позвать двух человек из речной полиции, которые стояли за дверью; но он словно бы совсем обессилел и без всякого сопротивления дал надеть на себя наручники. Мы отправили его в участок и захватили его сундук, надеясь обнаружить в нем какое-нибудь вещественные доказательства; но за исключением большого острого ножа, который есть почти у каждого моряка, мы не нашли ничего, что вознаградило бы наши старания. Однако выяснилось, что нам не нужны никакие доказательства, потому что, когда его при-

вел к инспектору, он пожелал сделать заявление, которое, разумеется, записывал наш стенографист. Мы отпечатали три экземпляра, один из которых я прилагаю. Дело оказалось, как я всегда и думал, исключительно простым, но я благодарен Вам за то, что Вы помогли мне его расследовать. С сердечным приветом

Искренне Ваш
Дж. Лестрейд».

— Хм! Это действительно было очень простое расследование,— заметил Холмс,— но едва ли оно представлялось ему таким вначале, когда он обратился к нам. Однако давайте посмотрим, что говорит сам Джим Браунер. Вот его заявление, сделанное инспектору Монтгомери в Шедуэллском полицейском участке,— по счастью, запись стенографическая.

«Хочу ли я что-нибудь сказать? Да, я много чего хочу сказать. Все хочу выложить, начистоту. Вы можете повесить меня или отпустить — мне плевать. Говорю вам, я с тех пор ни на минуту не мог заснуть; наверно, если я и засну теперь, так только вечным сном. Иногда его лицо стоит передо мной, а чаще — ее. Все время так. Он смотрит хмуро, злобно, а у нее лицо такое удивленное. Ах, бедная овечка, как же ей было не удивляться, когда она прочла смерть на лице, которое всегда выражало одну только любовь к ней.

Но это все Сара виновата, и пусть проклятие человека, которому она сломала жизнь, падет на ее голову и свернеть кровь в ее жилах! Не думайте, что я оправдываюсь. Я знаю, я снова начал пить, вел себя, как скотина. Но она простила бы меня, она льнула бы ко мне, как веревка к блоку, если бы эта женщина не переступила нашего порога. Ведь Сара Кушинг любила меня — в этом все дело,— она любила меня, пока ее любовь не превратилась в смертельную ненависть, когда она узнала, что след моей жены в грязи значит для меня больше, чем все ее тело и душа.

Их было три сестры. Старшая была просто хорошая женщина, вторая — дьявол, а третья — ангел. Когда я женился, Саре было тридцать три, а Мэри — двадцать

девять. Мы зажили своим домом и счастливы были не знаю как, и во всем Ливерпуле не было женщины лучше моей Мэри. А потом мы пригласили Сару на недельку, и неделька превратилась в месяц, а дальше — больше, так что она стала членом нашей семьи.

Тогда я ходил в трезвениках, мы понемножку откладывали и жили припеваючи. Боже мой, кто бы мог подумать, что все так кончится? Кому это могло прийти в голову?

Я обычно приезжал домой на субботу и воскресенье, а иногда, если пароход задерживался для погрузки, я был свободен по целой неделе, поэтому довольно часто видел свою свояченицу Сару. Была она ладкая, высокая, черноволосая, быстрая и горячая, с гордо закинутой головой, а в глазах у нее вспыхивали искры как из-под кремния. Но я даже и не думал о ней, когда крошка Мэри была рядом, вот бог мне свидетель.

Иногда мне казалось, что ей иравится сидеть со мной вдвоем или вытаскивать меня на прогулку, да я не придавал этому значения. Но однажды вечером у меня открылись глаза. Я пришел с парохода; жены не было, но Сара была дома. «Где Мэри?» — спросил я. «О, пошла платить по каким-то счетам». От нетерпения⁸ я принял меры шагами комнату. «Джим, неужели ты и пять минут не можешь быть счастлив без Мэри? — спросила она.— Плохи мои дела, если моя компания не устраивает тебя даже на такое короткое время». «Да будет тебе, сестрица», — сказал я и ласково протянул ей руку, а она схватила ее обеими руками, такими горячими, точно она была в жару. Я посмотрел ей в глаза и все там прочел. Она могла ничего не говорить, да и я тоже. Я нахмурился и отдернул руку. Она молчаостояла рядом со мной, потом подняла руку и похлопала меня по плечу. «Верный старый Джим!» — сказала она и с легким смешком, словно издеваясь надо мной, выбежала из комнаты.

И вот с этого времени Сара возненавидела меня всей душой, а она такая женщина, которая умеет ненавидеть. Я был дурак, что позволил ей остаться у нас, — пьяный дурак, но я ни слова не сказал Мэри, потому что это ее огорчило бы. Все шло почти как прежде, но через некоторое время я начал замечать, что Мэри как будто измени-

лась. Она всегда была такой доверчивой и простодушной, а теперь стала странная и подозрительная и все допытывалась, где я бываю, и что делаю, и от кого получаю письма, и что у меня в карманах, и прочие такие глупости. С каждым днем она становилась все чуднее и раздражительнее, и мы то и дело ссорились из-за пустяков. Я не знал, что и думать. Сара теперь избегала меня, но с Мэри они были просто неразлучны. Сейчас-то я понимаю, как она интриговала и настраивала мою жену против меня, но в то время я был слеп, как крот. Потом я снова запил, но этого бы не было, если бы Мэри оставалась прежней. Теперь у нее появилась причина чувствовать ко мне отвращение, и пропасть между нами стала увеличиваться. А потом появился этот Алек Фэрберн, и все покатилось к чертям.

Сперва он пришел в мой дом из-за Сары, но скоро стал ходить уже к нам,—он умел расположить к себе человека и без труда всюду заводил друзей. Лихой был малый, развязный, такой щеголеватый, кудрявый; объехал полсвета и умел рассказать о том, что повидал. Я не спорю, в компании он был парень что надо и для матроса на редкость учтив: видно, было время, когда он больше торчал на мостике, чем на баке. Он то и дело забегал к нам, и за весь этот месяц мне ни разу не пришло в голову, что его мягкость и обходительность могут довести до беды. Наконец кое-что показалось мне подозрительным, и с той поры я уже не знал покоя.

Это была просто мелочь. Я неожиданно вошел в гостиную и, переступая через порог, заметил радость на лице жены. Но когда она увидела, кто идет, оживление исчезло с ее лица, и она отвернулась с разочарованным видом. Этого было для меня достаточно. Мои шаги она могла спутать только с шагами Алека Фэрберна. Попадись он мне тогда, я бы его убил на месте, потому что я всегда теряю голову, когда выхожу из себя. Мэрн увидела дьявольский огонь в моих глазах, бросилась ко мне, схватила меня за рукав и кричит: «Не надо, Джим, не надо!» «Где Сара?» — спросил я. «На кухне», — ответила она. «Сара,— сказал я, входя в кухню,— чтоб ноги этого человека здесь больше не было». «Почему?» — спросила она. «Потому что я так сказал». «Вот как! — сказала

она.— Если мои друзья недостаточно хороши для этого дома, тогда и я для него недостаточно хороша». «Ты можешь делать что хочешь,— сказал я,— но если Фэрбери покажется здесь сиова, я пришлю тебе его ухо в подарок». Наверное, мое лицо испугало ее, потому что она не ответила ни слова и в тот же вечер от нас уехала.

Я не знаю, от одной ли злости она делала все это или думала поссорить меня с женой, подбивая ее на измену. Во всяком случае, она сняла дом через две улицы от нас и стала сдавать комнаты морякам. Фэрбери обычно жил там, и Мэрн ходила туда пить чай со своей сестрой и с ним. Часто она там бывала или нет, я не знаю, но однажды я выследил ее, и, когда я ломился в дверь, Фэрбери удрал, как подлый трус, перепрыгнув через заднюю стену сада. Я пригрозил жене, что убью ее, если еще раз увижу их вместе, и повел ее домой, а она всхлипывала, дрожала и бледная была, как бумага. Между нами теперь не оставалось уже и следа любви. Я видел, что она иенавидит меня и боится, и, когда от этой мысли снова пришла она пить, она вдобавок презирала меня.

Тем временем Сара убедилась, что в Ливерпуле ей не заработать на жизнь, и уехала, как я понял, к своей сестре в Кройдон, а у нас дома все продолжалось по-старому. И вот наступила последняя неделя, когда случилась эта беда и пришла моя погибель.

Дело было так. Мы ушли на «Майнском дне» в семидневный рейс, но большая бочка с грузом отвязалась и пробила переборку, так что нам пришлось вернуться в порт на двенадцать часов. Я сошел на берег и отправился домой, думая, каким сюрпризом это будет для моей жены, и надеясь, что, может, она обрадуется, увидев меня так скоро. С этой мыслью я повернулся на нашу улицу, и тут mismo меня проехал каб, в котором сидела она рядом с Фэрберном; оба они болтали, и смеялись, и даже не думали обо мне, а я стоял и глядел на них с тротуара.

Правду вам говорю, даю слово, с той минуты я был сам не свой, и как вспомню — все это кажется мне туманным сном. Последнее время я много пил и от всего

вместе совсем свихнулся. В голове моей и сейчас что-то стучит, как клепальный молоток, ио в то утро у меня в ушах шумела и гудела целая Ниагара.

Я погнался за кэбом. В руке у меня была тяжелая дубовая палка, и говорю вам: я сразу потерял голову. Но пока я бежал, я решил быть похитрее и немножко отстал, чтобы видеть их, ио самому не попадаться им на глаза. Вскоре они остановились у вокзала. Возле кассы была большая толпа, так что я подошел к ним совсем близко, но они меня не видели. Они взяли билеты до Нью-Брайтона. Я тоже, только сел на трин вагона дальше. Когда мы приехали, они пошли по набережной, а я — в какой-нибудь сотне ярдов следом за ними. Наконец я увидел, что они берут лодку и собираются ехать кататься, потому что день был очень жаркий, и они, конечно, решили, что на воде будет прохладнее.

Теперь их словно отдали мне в руки. Стояла легкая дымка, и видимость не превышала нескольких сот ярдов. Я тоже взял лодку и поплыл за ними. Я смутно видел их впереди, но они шли почти с такой же скоростью, как я, и успели, должно быть, отъехать от берега на добрую милю, прежде чем я догнал их. Дымка окружала нас, словно завеса. О господи, я не забуду, какие у них стали лица, когда они увидели, кто был в лодке, которая к ним приближалась. Она вскрикнула не своим голосом. А он стал ругаться, как сумасшедший, и тыкать в меня веслом: должно быть, в моих глазах он увидел смерть. Я уверился и наинес ему удар палкой — голова его раскололась, как яйцо. Ее я, может быть, и пощадил бы, несмотря на все мое безумие, но она обвила его руками, заплакала и стала звать его «Алек». Я ударил еще раз, и она упала рядом с ним. Я был как дикий зверь, почувствовавший кровь. Если бы Сара была там, клянусь богом, и она бы пошла за ними. Я вытащил нож и... иу радио, хватит. Мне доставляло какую-то жестокую радость думать, что почувствует Сара, когда получит это и увидит, чего она добилась. Потом я привязал тела к лодке, проломил доску и подождал, пока они не утонули. Я был уверен, что хозяин лодки подумает, будто они заблудились в тумане и их унесло в море. Я привел себя в порядок, причалил к берегу, вернулся на свой корабль, и ин одна душа не подозревала о случившемся. Ночью

я приготовил посылку для Сары Күшинг, а на другой день отправил ее из Белфаста.

Теперь вы знаете всю правду. Вы можете повесить меня или сделать со мной что хотите, но не сможете наказать меня так, как я уже наказан. Стоит мне закрыть глаза, и я вижу эти два лица — они все смотрят на меня, как смотрели тогда, когда моя лодка выплыла из тумана. Я убил их быстро, а они убивают меня медленно; еще одна такая ночь, и к утру я либо сойду с ума, либо умру. Вы не посадите меня в одиночку, сэр? Умоляю вас, не делайте этого, и пусть с вами обойдется в ваш последний день так же, как вы сейчас обойдетесь со мной».

— Что же это значит, Уотсон? — мрачно спросил Холмс, откладывая бумагу.— Каков смысл этого круга несчастий, насилия и ужаса? Должен же быть какой-то смысл, иначе получается, что нашим миром управляет случай, а это немыслимо. Так каков же смысл? Вот он, вечный вопрос, на который человеческий разум до сих пор не может дать ответа.

АЛОЕ КОЛЬЦО

I

— По-моему, миссис Уоррен, у вас нет серьезных причин беспокоиться,— сказал Шерлок Холмс,— а мне, человеку, чье время в какой-то степени ценно, нет смысла ввязываться в эту историю. Право же, у меня достаточно других занятий.— И он снова взялся за свой огромный альбом с газетными вырезками, намереваясь вклейть в него и вписать в указатель какие-то новые материалы.

Но миссис Уоррен, упрямая и лукавая, как всякая женщина, твердо стояла на своем.

— В прошлом году вы распутали дело одного моего жильца,— сказала она.— Мистера Фэрделя Хоббса.

— О да, пустяковое дело.

— Но он, не переставая, говорил об этом — про вашу доброту, сэр, про то, как вы сумели раскрыть тайну. Я вспомнила его слова теперь, когда сама брошу в потемках и окружена тайной. Я уверена, вы найдете время, если только захотите.

Холмс поддавался на лесть и, надо отдать ему справедливость, был человеком отзывчивым. Эти две силы побудили его, вздохнув, безропотно положить на место кисточку для клея и отодвинуться от стола вместе со своим креслом.

— Ну что ж, миссис Уоррен, рассказывайте. Вам не помешает, если я закурю? Спасибо. Уотсон,— спички!

Насколько я понимаю, вы обеспокоены тем, что ваш новый жилец не выходит из своих комнат и вы никогда его не видите? Простите, миссис Уоррен, но будь я вашим постояльцем, вы частенько не видели бы меня неделями.

— Вы правы, сэр, только тут совсем другое. Мне страшно, мистер Холмс. Я не сплю по ночам от страха. Слушать, как он ходит там взад и вперед, с раннего утра и до позднего вечера, и никогда его не видеть — такого мне не вынести. Мой муж нервничает, как и я, но он весь день на службе, а мне куда деваться? Почему он прячется? Что он натворил? Кроме служанки, я одна с ним в доме, и мои нервы больше не выдерживают.

Холмс наклонился к женщине и положил ей на плечо свои длинные, тонкие пальцы. Он, когда хотел, проявлял чуть ли не гипнотическую способность успокаивать. Взгляд женщины утратил выражение испуга, а черты ее взвужденного лица обрели присущую им обыденность. Она села в указанное Холмсом кресло.

— Если я берусь распутать загадку, я должен знать мельчайшие подробности, — сказал он. — Соберитесь с мыслями. Самая незначительная деталь может оказаться самой существенной. Вы говорите, этот человек явился десять дней назад и заплатил вам за квартиру и стол вперед за две недели?

— Он спросил, какие будут мои условия, сэр. Я ответила — пятьдесят шиллингов в неделю. На верхнем этаже у меня небольшая гостиная и спальня — обособленная квартирка.

— Дальше?

— Он сказал: «Я буду платить вам вдвое больше — пять фунтов в неделю, если вы согласитесь на мои условия». Я женщина небогатая, сэр, мистер Уоррен зарабатывает мало, и такие деньги для меня большое подспорье. Он тут же достал десятифунтовый кредитный билет. «Вы будете получать столько же каждые две недели в течение долгого времени, если согласитесь», — сказал он, — а нет — так я с вами никаких дел больше не имею».

— И какие же он поставил условия?

— Так вот, сэр, он хотел иметь ключ от дома. В этом ничего удивительного нет. Жильцы нередко имеют свой

ключ. А также, чтоб его предоставили самому себе, и никогда, ни при каких обстоятельствах не тревожили.

— Но ведь и в этом нет ничего особенного.

— Так-то оно так, сэр, да надо меру знать. А тут какая уж мера. Он у нас десять дней, и ни я, ни мистер Уоррен, ни служанка ни разу его не видели. Мы слышим, как он там ходит и ходит — ночью, утром, днем, но из дома он выходит только в первый вечер.

— О, значит, в первый вечер он выходит?

— Да, сэр, и вернулся очень поздно — мы все уже легли спать. Он предупредил, что придет поздно, и просил не запирать дверь на задвижку. Я слышала, как он поднимался по лестнице, это было уже после полуночи.

— А как насчет еды?

— Он особо наказал, чтоб еду ставили на стул за его дверью после того, как он позвонит. Когда поест, он звонит опять, и мы забираем поднос с того же стула. А если ему надо что-нибудь еще, он оставляет кусочек бумаги, на котором написано печатными буквами.

— Печатными буквами?

— Да, сэр, карандашом. Только одно слово и ничего больше. Я принесла вам показать, вот: МЫЛО. А вот еще: СПИЧКА. Эту записку — «ДЕЙЛИ ГАЗЕТТ» — он положил в первое утро. Я оставляю ему эту газету на стуле каждое утро вместе с завтраком.

— Вот как! — сказал Холмс, с любопытством разглядывая клочки бумаги, протянутые ему миссис Уоррен. — Это действительно не совсем обычно. Желание отгородиться от людей мне понятно, но зачем печатные буквы? Писать печатными буквами — утомительное занятие. Почему он не пишет просто? Как вы это объясните, Уотсон?

— Он хочет скрыть свой почерк?

— Но зачем? Что ему до того, если квартирная хозяйка получит бумажку, написанную его рукой? Впрочем, может, вы и правы... Ну, а почему такие лаконичные записки?

— Понятия не имею.

— Это открывает перед нами интересные возможности для умозаключений. Написано плохо отточенным, флюзетового цвета карандашом весьма обычного образца. Обратите внимание, у записки оборван уголок по-

сле того, как она была напечатана, недостает кусочка буквы «м» в слове «мыло». Наводит на размышления, Уотсон, а?

— Он чего-то опасается?

— Безусловно. На бумажке, по-видимому, остался след, отпечаток пальца или что-нибудь еще, по чему его могли бы опознать. Так вы говорите, миссис Уоррен, что человек этот среднего роста, брюнет и носит бороду. А сколько ему лет?

— Молодой, сэр, не больше тридцати.

— На что вы еще обратили внимание?

— Он правильно говорил по-английски, сэр, и все-таки, судя по произношению, я подумала, что он иностранец.

— И он был хорошо одет?

— Очень хорошо, сэр, настоящий джентльмен. Черный костюм — ничего такого, что бросалось бы в глаза.

— Он не назывался?

— Нет, сэр.

— Не получал писем, и никто не навещал его?

— Нет.

— Но вы или служанка, разумеется, входите по утрам в его комнату?

— Нет, сэр, он сам себя обслуживает.

— Неужели! Поистине удивительно. Ну, а какой у него был багаж?

— Одни большой коричневый чемодан — и только.

— М-да, не сказал бы, что у нас много даниых. Так вы говорите, что из комнаты ничего не выносили, совсем ничего?

Миссис Уоррен извлекла из сумочки конверт и вытряхнула из него на стол две использованные спички и окурок сигареты.

— Это было нынче утром на подиосе. Я принесла, так как слышала, что даже из мелочей вы умеете делать серьезные выводы.

Холмс пожал плечами.

— Из этого никаких серьезных выводов не сделаешь. Спичками, разумеется, зажигали сигареты, судя по тому, что обгорел только кончик. Когда зажигают сигару или трубку, сгорает половина спички. Э, а вот окурок действует

вительно представляет интерес. Вы говорите, у этого джентльмена усы и борода?

— Да, сэр.

— Тогда не понимаю. Эту сигарету, по-моему, мог курить только гладко выбритый человек. Ведь даже ваши скромные усы, Уотсон, нельзя было бы не опалить.

— Мундштук? — предположил я.

— Ни в коем случае: примят кончик. А может быть, у вас в доме живут два человека, миссис Уоррен?

— Нет, сэр. Он ест так мало, что я порой удивляюсь, как одному-то хватает.

— Что ж, придется ждать еще материала. В конце концов вам не на что жаловаться. Квартиру плату вы получили, и он спокойный жилец, хотя, безусловно, не совсем обычный. Он хорошо вам платит, а если предпочтает не показываться, то, собственно, вас это не касается. У нас нет причин нарушать его уединение, пока нет оснований полагать, что он скрывается от закона. Я берусь за это дело и буду о нем помнить. Сообщите, если произойдет что-либо новое, и рассчитывайте на мою помощь, если она понадобится.

— В этом деле, несомненно, есть кой-какие занятные особенности, Уотсон, — сказал он после того, как миссис Уоррен ушла. — Оно может оказаться пустяковым — допустим, жилец просто оригинал; возможно, однако, что оно гораздо серьезнее, чем выглядит поначалу. Прежде всего приходит в голову, что в комнатах миссис Уоррен живет вовсе не тот человек, который их снимал.

— Почему вы так думаете?

— На такую мысль наводит окурок, и потом, разве не было установлено, что жилец выходил один раз и в тот же день, как снял квартиру? Он — или кто-то другой — возвратился, когда никто в доме не мог его видеть. У нас нет никаких доказательств, что вернувшийся — тот самый человек, который уходил. Далее, человек, снявший комнаты, правильно говорил по-английски. Этот же пишет печатными буквами и «спичка» вместо «спички». По-видимому, он нашел слово в словаре, ведь словарь дает существительное только в единственном числе. Краткость, возможно, ему нужна, чтобы скрыть незнание английского языка. Да, Уотсон, у нас достаточно оснований подозревать, что тут произошла замена.

— Но с какой целью?

— Наша задача в том и заключается, чтобы это разгадать. Одни очевидный путь к разгадке у нас, пожалуй, есть.— Он достал свой огромный альбом, куда изо дня в день вклеивал вырезанные из лондонских газет объявления о розыске пропавших, о месте встреч и тому подобное.— Боже мой!— воскликнул он, листая страницы.— Какая разноголосица стою! криков, итья! Какой короб необычайных происшествий! А ведь имению из этого короба человек, изучающий необычное, может выудить самые ценные сведения! Жилец миссис Уоррен уединился, и ему не шлют писем из опасения, что раскроется тайна, которую так хотят сохранить. Каким же путем сообщать ему о том, что происходит за стенами дома? Разумеется, через газеты. По-видимому, другого способа нет, и, по счастью для нас, мы можем ограничиться изучением одиой газеты. Вот вырезки из «Дейли газетт» за последние две недели. «Дама в черном боа в Конькобежном Клубе Принса» — это пропустим. «Неужели Джиммин разобьет сердце своей матери!» — и это вряд ли имеет к нам отношение. «Если же женщина, потерявшая сознание в Бристольском омнибусе...» — меня она не интересует. «Душа моя тоскует по тебе...» — итья, Уотсон, самое настоящее итья! А вот это подходит больше. Слушайте: «Терпение. Найду какой-нибудь верный способ общаться. А пока этот столбец. Дж.» Напечатано через два дня после того, как жилец поселился у миссис Уоррен. Вполне годится, верно? Таинственный незнакомец, возможно, читает по-английски, хотя и не умеет писать. Попытаемся снова напасть на этот след. Ну вот, так и есть — три дня спустя. «Дело идет на лад. Терпение и благородство. Тучи рассеются. Дж.» Потом — ничего целую неделю. А вот нечто более определенное. «Путь расчищается. Если найду возможность сообщить, помни условленный код — один А, два Б и так далее. Узнаешь вскорости. Дж.» Напечатано во вчерашней газете, в сегодняшней — ничего. Все это весьма подходит к случаю с жильцом миссис Уоррен. Ждать недолго, Уотсон, я уверен, что положение прояснится.

Мой друг оказался прав. Утром я застал его стоящим на коврике перед камином, спиной к огню, с улыбкой полного удовлетворения на лице.

— Ну, что вы теперь скажете, Уотсон! — воскликнул он и взял со стола газету. «Высокий красивый дом с белыми каменистыми карнизами. Четвертый этаж. Второе окно слева. Когда стемнеет. Дж.» Это уже вполне определено. После завтрака мы, пожалуй, произведем небольшую разведку в окрестностях дома миссис Уорреи... А-а, миссис Уорреи! Какие у вас новости?

Стремительность, с какой наша клиентка влетела в комнату, говорила о том, что произошло что-то очень важное.

— С меня хватит, мистер Холмс! — вскричала она.— Надо сообщить в полицию! Пусть укладывает чемодан и убирается. Я бы сразу поднялась к нему и так ему и сказала бы, да подумала, что сперва надо посоветоваться с вами. Но терпение мое кончилось, уж если дошло до того, что избили моего старика...

— Избили мистера Уоррея?

— Ну, во всяком случае, обошлись с ним по-свински.

— Но кто с ним обошелся по-свински?

— Вот это мы и хотим узнать! Случилось это нынче утром, сэр. Мистер Уорреи работает табельщиком у Мортонса и Вейлайта на Тоттенхем-Корт-роуд. Уходит он из дома около семи. Так вот, нынче утром, не прошел он и десяти шагов по улице, как его нагнали двое, иакинули на голову пальто и сунули в каб, стоявший у обочины. Целый час они возили его, потом отворили дверь и вышвырили. Он лежал на мостовой, обезумев от страха, и, конечно, ему было не до того, куда девался каб. Когда он встал, то увидел, что находится на Хэмстед-Хит. Он приехал домой в омнибусе и теперь лежит на кушетке, а я сразу помчалась сюда рассказать, что произошло.

— Чрезвычайно интересно,— сказал Холмс.— Не заметил ли он, как выглядели эти люди, не слышал ли, о чем говорили?

— Нет, он совсем обалдел. Знает только, что подняла его будто нечистая сила и будто нечистая сила бросила на землю. Их было не меньше, чем двое, а может, и трое.

— И вы связываете нападение на вашего мужа с жильцом?

— А как же! Мы живем здесь пятиадцать лет, и подобного никогда не случалось. Больше я не желаю тер-

петь. Деньги — это еще не все в жизни. Я сегодня же выставлю его из своего дома.

— Подождите немножко, миссис Уоррен. Не делайте ничего спеша. Боюсь, что случай куда более серьезен, чем кажется на первый взгляд. Теперь ясно, что вашему жильцу грозит какая-то опасность. Столы же ясно, что в туманном утром свете враги, подстерегавшие его у двери, приняли за него вашего мужа. Обнаружив свою ошибку, они его отпустили. Мы можем лишь гадать, как бы они поступили, если бы не ошиблись.

— Ну, а мне что делать, мистер Холмс?

— Мне было бы весьма любопытно посмотреть на вашего жильца, миссис Уоррен.

— Ума не приложу, как это устроить, если не взломать дверь. Когда я оставляю поднос и спускаюсь по лестнице, я всегда слышу, как он ее отпирает.

— Ему приходится уносить поднос в комнату. Разве нельзя где-нибудь спрятаться и последить за ним? Хозяйка задумалась.

— Верно, сэр, напротив есть чулан. Я могла бы поставить туда зеркало, и если вы скроетесь за дверью...

— Великолепно! — воскликнул Холмс.— А когда у него второй завтрак?

— Около часа, сэр.

— Значит, мы с доктором Уотсоном придем к тому времени. Всего вам хорошего, миссис Уоррен.

В половине первого мы были уже у дома миссис Уоррен — высокого, узкого, желтого кирпичного дома на Грейт-Орм-стрит, неширокой улочке к северо-востоку от Британского музея. Он был расположен поблизости от угла, и из него открывался вид на Хау-стрит с ее более солидными строениями. Посеменяваясь, Холмс указал на одно из них — большой многоквартирный дом, стоявший несколько впереди других, из тех, что невольно привлекают внимание.

— Вот оно, Уотсон! Высокий красивый дом с белыми каменными карнизами. А вот и окно, откуда будут подавать сигналы. Место известно, известен и код; наша задача не окажется трудной. В том окне объявление: «Сдается внаем». Следовательно, квартира пуста и сообщник может ею пользоваться... Ну, как дела, миссис Уоррен?

— Я все для вас подготовила. Оставьте башмаки внизу, поднимайтесь, и я впущу вас в чулан.

Она все устроила очень удобно. Зеркало было так поставлено, что, сидя в темноте, мы ясно видели дверь напротив. Только мы уселись и миссис Уоррен нас покинула, как отдаленное звяканье возвестило, что таинственный сосед позвонил. Вскоре явилась хозяйка, поставила поднос на стул возле запертой двери и, тяжелоступая, удалилась. Скрючившись в уголке за нашей дверью, мы устремили взгляд на зеркало. Замерли шаги хозяйки, тут же щелкнул ключ, повернулась дверная ручка, и две тонких руки взяли со стула поднос. Через минуту его быстро поставили на место, и передо мною мелькнуло прекрасное смуглое лицико, с ужасом глядевшее на чуть приоткрытую дверь чудана. Потом дверь в комнату захлопнулась, ключ в замке повернулся снова, и все стихло. Холмс дернул меня за рукав, и мы, крадучись, спустились по лестнице.

— Вечером я приду опять,— сказал он выжидающе смотревшей на него хозяйке.— По-моему, Уотсон, нам лучше обсудить это дело у себя дома.

— Итак, мое предположение подтвердилось,— начал он, удобно расположившись в кресле.— Произошла замена. Я только не предугадал, Уотсон, что мы встретим женщину, и женщину незаурядную.

— Она увидела нас.

— Она увидела что-то испугавшее ее. Это несомненно. В общем, ход событий достаточно ясен, вы согласны с этим? Парочка ищет убежища в Лондоне, спасаясь от нависшей над ними страшной угрозы. Насколько серьезна угроза, можно судить по тому, что приняты строгие меры предосторожности. Мужчина, которому необходимо что-то совершить, желает на это время обеспечить женщине полную безопасность. Задача нелегкая, однако он решила ее весьма своеобразно и настолько успешно, что присутствие женщины в доме неизвестно даже квартирной хозяйке, которая ейносит еду. Теперь ясно, зачем нужны печатные буквы: чтобы не видно было, что пишет женщина. Встречаться с ней мужчина не может — он навел бы врагов на ее след. А поскольку ему нельзя

с нею видеться, он сообщал ей о себе через газету. Пока что все понятно.

— Но что за этим кроется?

— Ах, Уотсон, вы, как всегда, практичны донельзя! Что за всем этим кроется? Забавная проблема миссис Уоррен несколько усложнилась и принимает все более зловещий характер. Покамест мы можем с уверенностью сказать одно: это не банальное любовное приключение. Вы заметили выражение лица женщины, когда ей почудилась опасность? Мы слышали также о нападении на хозяина, ведь его, несомненно, принял за жильца. Все это, а также крайняя необходимость сохранить тайну, говорят о том, что речь идет о жизни и смерти. Далее, нападение на мистера Уоррена показывает, что врагам, кто бы они ни были, ненавистно о замене квартиранта-мужчины женщиной. Это весьма любопытно и запутанно, Уотсон.

— А почему бы вам не отстраниться от этого дела? Никакой выгоды оно вам не сулит.

— Правда, не сулит. Искусство для искусства, Уотсон. Вы ведь тоже, когда занимались врачебной практикой, наверное, лечили не только за плату.

— Чтобы пополнять свое образование, Холмс.

— Учиться никогда не поздно, Уотсон. Образование — это цепь уроков, и самый серьезный приходит под конец. Наш случай поучительный. Он не принесет ни денег, ни славы, и все же хочется загадку распутать. С наступлением темноты мы сделаем шаг вперед в наших изысканиях.

Когда мы снова пришли в квартиру миссис Уоррен, сумрак лондонского вечера сгустился; унылую, однотипно серую пелену разрывали только резко очерченные желтые квадраты окон и расплывчатые круги газовых фонарей. Выглянув из затемненной гостиной, мы увидели еще одно тусклое пятно света, мерцавшее высоко во мраке.

— В той комнате кто-то ходит, — прошептал Холмс, пронеся свое длинное напряженное лицо к стеклу. — Да, я вижу его тень. Вот он опять. У него в руке свеча. Теперь он смотрит в нашу сторону. Хочет убедиться, что она наблюдает за ним. Начинает подавать сигналы. Принимайте и вы, Уотсон, чтобы мы могли свернуть наши

данные. Одна вспышка,— разумеется, А. Ну, сколько вы насчитали? Двадцать? Я тоже. Должно означать Т. AT — вполне вразумительно! Снова Т. Это, разумеется, начало второго слова. Получается TENTA. Кончилось. Неужели все, Уотсон? ATTENTA — бессмысленно. Нет смысла и в том случае, если считать за три слова — AT, TEN, TA. Началось опять! Что же это такое? ATTE — как, то же самое? Странно, Уотсон, очень странно! И опять все сначала! AT — да ведь он повторяет уже в третий раз. Три раза — ATTENTA. Сколько же будет еще? Нет, кажется, кончил. Он отошел от окна. Как вы это объясните, Уотсон?

— Зашифрованное сообщение.

Неожиданно Холмс хмыкнул, будто что-то сообразил.

— И шифр не такой уж головоломный, Уотсон. Ведь это на итальянском! «А» в конце — обозначает, что адресовано женщине. «Берегись! Берегись! Берегись!» Что скажете, Уотсон?

— Полагаю, что вы попали в точку.

— Несомненно. Предупреждение необычайно важное, потому и повторено трижды. Но беречься чего? Погодите, он снова подошел к окну.

Мы опять увидели смутный силуэт согнувшегося человека и мельканье огонька в окне, когда сигналы возобновились. Теперь их передавали намного быстрее, так быстро, что трудно было уследить.

— PERICOLO — pericolo — а это что означает, Уотсон? Опасность? Боже милостивый! Да это сигнал опасности. Опять начал! PERI... Вот те на, что же...

Свет вдруг погас, скрылся мерцающий квадрат, и четвертый этаж черной лентой опоясал высокое здание с его рядами светящихся окон. Последний предостерегающий сигнал внезапно оборван. Почему? Кем? Такая мысль возникла у нас обоих одновременно. Холмс отскочил от окна.

— Это не шутки, Уотсон! — крикнула он.— Там происходит какая-то дьявольщина! Почему сигналы так странно прекратились? Надо связаться со Скотленд-Ярдом, а с другой стороны, уходить нам нельзя — время не терпит.

— Может, мне сбегать за полицией?

— Необходимо поточнее узнать, в чем там дело. Может быть, причина совсем безобидная. Скорее туда, Уотсон, и попытаемся разобраться сами.

II

Когда мы быстро шли по Хау-стрит, я оглянулся на только что покинутый нами дом. В окошке верхнего этажа маячила темнота головы — темнота женщины, которая напряженно, затаив дыхание, смотрела в ночь, ожидая возобновления сигналов.

Перед зданием на Хау-стрит, склонившись над перилами и уткнув лицо в шарф, стоял человек в длинном пальто. Он вздрогнул, когда свет фонаря в подъезде упал на наши лица.

— Холмс! — вскричал он.

— Да, это я, Грэгсон! — отозвался мой спутник, здороваясь с сыщиком из Скотленд-Ярда. — Влюбленные встретились вновь. Что вас привело сюда?

— Очевидно, то же, что и вас, — сказал Грэгсон, — но каким образом вы узнали об этом деле, ума не приложу.

— Меня и вас привели разные истины одиого и того же запутанного клубка. Я принимал сигналы.

— Сигналы?

— Да, из этого окна. Они оборвались на середине. Мы пришли выяснить, почему. Но так как дело сейчас в верных руках, у меня нет оснований заниматься им дальше.

— Погодите! — с жаром крикнул Грэгсон. — Скажу вам по чести, мистер Холмс, с вашей поддержкой я в любом деле чувствую себя увереннее. Этот подъезд единственный в доме. Ему от нас не уйти.

— Кому? Кто он такой?

— Наконец-то перевес на нашей стороне, мистер Холмс. Придется вам с этим согласиться. — Он сильно ударил своей тростью по тротуару, после чего кучер извозчикской кареты, стоявшей в конце улицы, не спеша направился к нам с кнутом в руке. — Позвольте представить вам мистера Холмса, — сказал ему Грэгсон. — А это мистер Ливертон из американского агентства Пинкертона.

— Герой тайны Лонг-Айлендской пещеры! — воскликинул Холмс. — Рад познакомиться с вами, сэр.

Американец, деловитый молодой человек с острыми чертами продолговатого, гладко выбритого лица, покраснел, услышав такую похвалу.

— То, что нам предстоит сейчас,— дело всей моей жизни, мистер Холмс. Если мне удастся схватить Джордано...

— Что? Джордано из лиги «Алое кольцо»?

— О, у него уже европейская слава? Что ж, в Америке нам все о нем известно. Мы знаем, что на его совести пятьдесят убийств, но пока что у нас нет неопровергимых улик, и мы не можем его арестовать. Я гнался за ним по пятам из Нью-Йорка и неделю слежу за ним в Лондоне, выжидая случая схватить его за шиворот. Мы с мистером Грэгсоном выследили его — он в этом большом доме, где только один подъезд, и ему от нас не скрыться. С тех пор, как он там, вышли трое, но, клянусь, его в их числе не было.

— Мистер Холмс говорил о сигналах,— вставил Грэгсон.— Я уверен, ему, как всегда, известны такие подробности, каких мы не знаем.

Холмс в коротких словах разъяснил, как мы себе представляем положение дел. Американец с досадой стиснул руки.

— Он узнал, что мы здесь!

— Почему вы так думаете?

— А разве не ясно? Он скрылся в доме и подает знаки соучастнику — в Лондоне несколько человек из его банды. Потом, как вы изволили заметить, когда он сообщал о грозящей опасности, сигналы вдруг оборвались. Что же это означает, если не то, что он увидел нас из окна или почему-то догадался, насколько близка опасность, и решил действовать немедля, чтобы ее избежать? Что вы предлагаете, мистер Холмс?

— Подняться наверх и выяснить на месте, что там произошло.

— Но у нас нет ордера на его арест.

— Этот человек находится в пустой квартире при подозрительных обстоятельствах,— сказал Грэгсон.— Для начала достаточно. Когда мы посадим его за решетку, Нью-Йорк, наверное, поможет нам удержать его там. Я беру на себя ответственность за арест.

Наши сыщики-профессионалы, может быть, не всегда быстро шевелят мозгами, но в храбрости им нельзя отказать. Грэгсон поднимался по ступенькам, чтобы арестовать этого матерого преступника, столь же деловито и спокойно, как если бы шел по парадной лестнице Скотленд-Ярда. Пинкертоновский агент попытался было обогнать его, но Грэгсон весьма решительно оттеснил его назад. Лондонские опасности — привилегия лондонской полиции.

Дверь квартиры слева на четвертом этаже была приоткрыта. Грэгсон отворил ее. Внутри было темно и очень тихо. Я чиркнул спичкой и зажег фонарь сыщика. Когда огонь разгорелся, все мы ахнули в изумлении. На сосновых досках голого пола виднелись свежие следы крови. Красные отпечатки сапог вели в нашу сторону из внутренней комнаты, дверь в которую была закрыта. Грэгсон широко распахнул ее и поднял фонарь, горевший теперь ярким пламенем, а мы нетерпеливо глядела из-за его спины.

На полу посредине пустой комнаты распростерся человек геркулесовского сложения. Черты его смуглого, гладко выбритого лица были страшно искажены, голова с жутким венчиком алои крови лежала на светлом паркете в растекшейся кровяной луже. Колени его были подняты, руки раскинуты, а в могучей коричневой шее торчала рукоятка ножа. Хоть он и был гигантом, сокрушительный удар, видимо, свалил его, как мясник валит быка. Возле его правой руки на полу лежал внушительный обоюдоострый кинжал с роговой рукоятью, а рядом черная лайковая перчатка.

— Боже мой! Ведь это и есть Черный Джорджиан! — вскричал американский сынок.— На этот раз кто-то нас опередил.

— А вот и свеча на окошке, мистер Холмс,— сказал Грэгсон.— Но что вы делаете?

Холмс подошел к окну, зажег свечу и принял размахивать ею перед оконным переплетом. Потом взгляделся в темноту, погасил свечу и бросил на пол.

— Пожалуй, это нам поможет.

Он вернулся к обоим профессионалам, осматривавшим тело, и в глубокой задумчивости стал рядом.

— Вы говорите, что пока ждали внизу, из дома вышли трое,— произнес он иаконец.— Вы разглядели их?

— Да, разглядел.

— Был ли среди них человек лет тридцати, смуглый, чернобородый, среднего роста?

— Да, он прошел мимо меня последним.

— Думаю, что это тот, кто вам нужен. Я могу его описать вам, и у нас есть великолепный отпечаток его ноги. По-моему, этого вам хватит.

— Не очень-то много, мистер Холмс, чтобы найти его среди миллионон лондонщев.

— Возможно. Потому я и подумал, что иелишие призвать на помощь даму.

При этих словах мы все обернулись. В прямоугольнике двери стояла высокая красивая женщина — таинственная квартирантка миссис Уоррен. Она медленно приблизилась, ее бледное лицо было полно тревоги, напряженный, испуганный взгляд прикован к темной фигуре, лежавшей на полу.

— Вы убили его! — пробормотала она.— O, Dio mio¹, вы убили его!

Потом она глубоко перевела дыхание и с радостным криком подпрыгнула. Она кружилась по комнате, хлопала в ладоши, ее карие глаза горели восторгом и изумлением, с губ срывались тысячи прелестных итальянских возгласов. Ужасно и удивительно было смотреть на эту женщину, охваченную радостью при виде такого зрелища. Вдруг она остановилась и вопрошающее взглянула на нас.

— Но вы! Ведь вы полиция? Вы убили Джузеппе Джордано? Правда?

— Мы полиция, сударыня.

Она взгляделась в темные углы комнаты.

— А где же Джениаро? Дженинаро Лукка, мой муж? Я Эмилия Лукка, мы оба из Нью-Йорка. Где Джениаро? Он только что позвал меня из этого окна, и я помчалась со всех ног.

— Это я позвал,— сказал Холмс.

— Вы! Но как вы узнали?

¹ Боже мой (итал.).

— Ваш шифр несложен, сударыня. Вы нужны нам здесь. Я был уверен, что стоит мне подать знак *Vieni*¹, и вы обязательно приедете.

Прекрасная итальянка взглянула на Холмса с благоговейным страхом.

— Не понимаю, откуда вам все это известно,— сказала она.— Джузеппе Джорджано... как он...— Она замолчала, и вдруг ее лицо осветилось радостью и гордостью.— Теперь я поняла! Мой Дженнаро! Это сделал мой прекрасный, чудесный Дженнаро, который охранял меня от всех бед, он убил чудовище собственной сильной рукой! О Дженнаро, какой ты замечательный! Есть ли на свете женщина, достойная такого мужчины!

— Так вот, миссис Лукка,— сказал прозаичный Грэгсон, положив руку на локоть синьоры так же бесстрастно, как если бы она была хулиганом из Ноттинг-Хилла.— Пока мне еще не совсем ясно, кто вы такая и зачем вы здесь, но из того, что вы сказали, мне вполне ясно, что вами заинтересуются в Скотленд-Ярде.

— Одну минуту, Грэгсон,— вмешался Холмс,— я полагаю, эта леди и сама не прочь дать нам кое-какие сведения. Вам понятно, сударыня, что вашего мужа арестуют и будут судить за убийство человека, который лежит перед нами? Ваши слова могут быть использованы как доказательство его виновности. Но если вы полагаете, что ваш муж действовал не в преступных целях и желал бы сам, чтобы о них узнали, то, рассказав нам все, вы очень ему поможете.

— Теперь, когда Джорджано мертв, нам ничего не страшно,— ответила итальянка.— Это был дьявол, чудовище, и ни один судья в мире не накажет моего мужа за то, что он убил его.

— В таком случае,— сказал Холмс,— я предлагаю запереть дверь, оставив все, как есть, пойти вместе с этой леди к ней на квартиру и принять решение после того, как она расскажет нам всю историю.

Через полчаса мы все четверо сидели в маленькой гостиной синьоры Лукки, слушая ее удивительный рассказ о зловещих событиях, связанных которых нам довелось быть свидетелями. Она говорила по-английски бы-

¹ Приходи (итал.).

стро и бегло, однако весьма неправильно, и для большей ясности я несколько упорядочил ее речь.

— Родилась я в Посилиппо, неподалеку от Неаполя,—начала она,—я дочь Аугусто Барелли, который был там главным юристом, а одно время и депутатом от этого округа. Дженнаро служил у моего отца, и я влюбилась в него, ибо в него нельзя не влюбиться. Он был беден и не имел положения в обществе, не имел ничего, кроме красоты, силы и энергии, и отец не дал согласия на брак. Мы бежали, поженились в Барри, продали мондрагоценности, а на вырученные деньги уехали в Америку. Это случилось четыре года назад, и с тех пор мы жили в Нью-Йорке.

Сначала судьба была к нам очень благосклонна. Дженнаро оказал услугу одному джентльмену-итальянцу — спас его от головорезов в месте, называемом Боверн, и таким образом приобрел влиятельного друга. Зовут его Тито Касталотте, он главный компаньон известной фирмы «Касталотте и Замба», основного поставщика фруктов в Нью-Йорк. Синьор Замба много болеет, и все дела фирмы, в которой занято более трехсот человек, в руках нашего нового друга Касталотте. Он взял моего мужа к себе на службу, назначил заведующим отделом и проявлял к нему расположение, как только мог. Синьор Касталотте холост, и, мне кажется, он относился к Дженнаро, как к родному сыну, а я и мой муж любили его, словно он был нам отец. Мы сняли и меблировали в Бруклине небольшой домик, и наше будущее казалось нам обеспеченным, как вдруг появилась черная туча и вскоре заволокла все небо.

Как-то вечером Дженнаро возвратился с работы и привел с собой соотечественника. Звал его Джордано, и он тоже был из Посилиппо. Это был человек колоссального роста, в чем вы сами могли убедиться — вы видели его труп. У него было не только огромное тело, в нем все было фантастично, чрезмерно и жутко. Голос его звучал в нашем домике, как гром. Когда он говорил, там едва хватало места для его громадных размахивающих рук. Мысли, переживания, страсти — все было преувеличенное, чудовищное. Он говорил, вернее, орал, с таким жаром, что остальные только сидели и слушали, испуганные могучим потоком слов. Глаза его сверкали, и он

держал вас в своей власти. Это был человек страшный и удивительный. Слава создателю, что он мертв!

Он стал приходить все чаще и чаще. Но я знала, что Джениаро, как и я, не испытывал радости от его посещений. Мой несчастный муж сидел бледный, равнодушный, слушая бесконечные разглагольствования насчет политики и социальных проблем, что являлось темой разговоров нашего гостя. Джениаро молчал, но я, хорошо его зная, читала на его лице чувство, какого оно не выражало никогда раньше. Сперва я подумала, что это неприязнь. Потом поняла, что это нечто большее. То был страх, едва скрываемый, иеодолимый страх. В ту ночь — в ночь, когда я прочитала на его лице ужас, — я обняла его и умоляла ради любви ко мне, ради всего, что доро-го ему, ничего не утаивать и рассказать мне, почему этот великан так удручет его.

Муж рассказал мне, и от его слов сердце мое оледенело. Мой бедный Джениаро в дни пылкой, одинокой юности, когда ему казалось, что весь мир против него, и его сюдили с ума несправедливости жизни, вступила в неаполитанскую лигу «Алое кольцо» — нечто вроде старых карбонариев. Тайны этой организации, клятвы, ко-торые дают ее члены, ужасны, а выйти из нее, согласно правилам, невозможно. Мы бежали в Америку, и Джениаро думал, что избавился от всего этого навсегда. Представьте себе его ужас, когда однажды вечером он встретил на улице гиганта Джорджа, того самого че-ловека, который в Неаполе втянул его в организацию на юге Италии заработал себе прозвище «Смерть», ибо руки его по локоть обагрены кровью убитых! Он приехал в Нью-Йорк, скрываясь от итальянской полиции, и уже успел создать там отделение этой страшной лиги. Все это Джениаро рассказал мне и показал полученному им в тот день бумажку с нарксованным на иней алым кольцом. Там говорилось, что в такой-то день и час состоится собрание, на котором он должен присутство-вать.

Это ничего хорошего не сулило, ио худшее ждало нас впереди. С некоторого времени я стала замечать, что Джорджа, придя к нам — а теперь он приходил чуть ли не каждый вечер, — обращается только ко мне, а если и говорит что-нибудь моему мужу, то не спускает

с меня страшного, ненстового взгляда своих блестящих глаз. Однажды его тайна обнаружилась. Я пробудила в нем то, что он называл любовью,— любовь чудовища, дикаря. Джениаро еще не было дома, когда он пришел. Он придинулся ко мне, схватил своими огромными ручищами, сжал в медвежьем объятии и, осыпая поцелуями, умоляя уйти с ним. Я отбивалась, отчаянно крича, тут вошел Джениаро и бросился на него. Джорджано ударил мужа так сильно, что тот упал, потеряв сознание, а сам бежал из дома, куда вход ему был закрыт навсегда. С того вечера он стал нашим смертельным врагом.

Через несколько дней состоялось собрание. По лицу Джениаро, когда он возвратился, я поняла, что случилось нечто ужасное. Такой беды нельзя было себе представить. Общество добывает средства, шантажируя богатых итальянцев и угрожая им насилием, если они откажутся дать деньги. На этот раз они наметили своей жертвой Касталотте, нашего друга и благодетеля. Он не испугался угроз, а записки бандитов передал полиции. И вот решили учинить над ним такую расправу, которая отбила бы у других охоту противиться. На собрании постановили взорвать динамитом его дом с ним вместе. Бросили жребий, кому выполнять это чудовищное дело. Опуская руку в мешок, Джениаро увидел улыбку на жестоком лице своего врага. Конечно, все было как-то подстроено, потому что на ладони мужа оказался роковой кружок с алым кольцом — приказ совершить убийство. Он должен был лишить жизни самого близкого друга,— за неповинование товарищи наказали бы его и меня тоже. Дьявольская лига мстила отступникам или тем, кого боялась, наказывая не только их самих, но и близких им людей, и этот ужас навис над головой моего несчастного Джениаро и сводил его с ума.

Всю ночь мы сидели, обнявшись, подбадривая друг друга перед лицом ожидающих нас бед. Взрыв назначили на следующий вечер. В полдень мы с мужем были уже на пути в Лондон и, конечно, предупредили нашего благодетеля об опасности и сообщили полиции все сведения, необходимые для охраны его жизни.

Остальное, джентльмены, вам известно. Мы не сомневались, что нам не уйти от своих врагов, как нельзя

уйти от собственной тени. У Джордано были и личные причины для мести, но мы знали также, какой это немилостивый, коварный и упорный человек. В Италии и в Америке без конца толкуют о его страшном могуществе. А сейчас уж он, конечно, использовал бы свои возможности. Благодаря тому, что мы опередили врагов, у нас оказалось несколько спокойных дней, и мой любимый обеспечил мне убежище, где я могла укрыться от опасности. Сам он хотел иметь свободу действий, чтобы снестись с итальянской и американской полицией. Я не имею представления, где он живет и как. Я узнавала о нем только из заметок в газете. Однажды, выглянув в окно, я увидела двух итальянцев, наблюдавших за домом, и поняла, что каким-то образом Джордано обнаружил наше пристанище. Наконец Джениаро сообщил мне через газету, что будет сигнализировать из определенного окна, но сигналы говорили только о необходимости осторожности и внезапно прервались. Теперь мне ясно: муж знал, что Джордано напал на его след, и, слава богу, подготовился к встрече с ним. А теперь, джентльмены, скажите: совершили мы такое, что карается законом, и есть ли на свете суд, который вынес бы обвинительный приговор Джениаро за то, что он сделал?

— Что же, мистер Грегсон,— сказал американец, посмотрев на английского агента,— не знаю, какова ваша британская точка зрения, но в Нью-Йорке, я полагаю, подавляющее большинство выразит благодарность мужу этой дамы.

— Ей придется поехать со мною к начальнику,— ответил Грегсон.— Если ее слова подтвердятся, не думаю, что ей или ее мужу что-нибудь грозит. Но, чего я не способен уразуметь, так это каким образом в этом деле оказались замешаны вы, мистер Холмс.

— Образование, Грегсон, образование! Все еще обучаюсь в университете. Кстати, сейчас еще нет восьми часов, а в Ковент-Гардене идет опера Вагнера. Если попоропиться, мы можем поспеть ко второму действию.

ЧЕРТЕЖИ БРЮСА-ПАРТИНГТОНА

В предпоследнюю неделю ноября 1895 года на Лондон спустился такой густой желтый туман, что с понедельника до четверга из окон нашей квартиры на Бейкер-стрит невозможно было различить силуэты зданий на противоположной стороне. В первый день Холмс приводил в порядок свой толстенный справочник, снабжая его перекрестными ссылками и указателем. Второй и третий день были им посвящены музыке средневековья — предмету, в недавнее время ставшему его коньком. Но когда на четвертый день мы после завтрака, отодвинув стулья, встали из-за стола и увидели, что за окном плывет все та же непроглядная, бурая мгла, маслянистыми каплями оседающая на стеклах, нетерпеливая и деятельная натура моего друга решительно отказалась влакнить дальше столь унылое существование. Досадуя на бездействие, с трудом подавляя свою энергию, он расхаживал по комнате, кусал ногти и постукивал пальцами по мебели, попадавшейся на пути.

— Есть в газетах что-либо достойное внимания? — спросил он меня.

Я знал, что под «достойным внимания» Холмс имеет в виду происшествия в мире преступлений. В газетах были сообщения о революции, о возможности войны, о предстоящей смене правительства, но все это находилось вне сферы интересов моего компаньона. Никаких сенсаций уголовного характера я не обнаружил — ничего, кроме обычных, незначительных нарушенний законности.

Холмс издал стон и возобновил свои беспокойные блуждания.

— Лондонский преступник — бездарный тупица,— сказал он ворчливо, словно охотник, упустивший добычу.— Гляньте-ка в окно, Уотсон. Видите, как вдруг возникают и снова тонут в клубах тумана смутные фигуры? В такой день вор или убийца может невидимкой рыскать по городу, как тигр в джунглях, готовясь к прыжку. И только тогда... И даже тогда его увидит лишь сама жертва.

— Зарегистрировано множество мелких краж,— заметил я.

Холмс презрительно фыркнул.

— На такой величественной, мрачной сцене надлежит разыгрываться более глубоким драмам,— сказал он.— Счастье для лондонцев, что я не преступник.

— Еще бы! — сказал я с чувством.

— Вообразите, что я — любой из полусотни тех, что имеют достаточно оснований покушаться на мою жизнь. Как вы думаете, долго бы я оставался в живых, ускользая от собственного преследования? Неожиданный звонок, приглашение встретиться — и все кончено. Хорошо, что не бывает туманных дней в южных странах, где убивают, не задумываясь... Ого! Наконец-то нечто такое, что, быть может, нарушит нестерпимое однообразие нашей жизни.

Это вошла горничная с телеграммой. Холмс вскрыл телеграфный бланк и расхохотался.

— Нет, вы только послушайте. К нам жалует Майкрофт, мой брат!

— И что же тут особенного?

— Что особенного? Это все равно, как если бы трамвай вдруг свернул с рельсов и покатил по проселочной дороге. Майкрофт движется по замкнутому кругу: квартира на Пэл-Мэл, клуб «Диоген», Уайтхолл — вот его неизменный маршрут. Сюда он заходил всего один раз. Какая катастрофа заставила его сойти с рельсов?

— Он не дает объяснений?

Холмс протянул мне телеграмму. Я прочел:

«Необходимо повидаться поводу Кадогена Уэста. Прибуду немедленно.

Майкрофт».

— Кадоген Уэст? Я где-то слышал это имя.

— Мне оно ничего не говорит. Но чтобы Майкрофт вдруг выкинул такой номер... Непостижимо! Легче планете покинуть свою орбиту. Между прочим, вам известно, кто такой Майкрофт?

Мне смутно помнилось, что Холмс рассказывал что-то о своем брате в ту пору, когда мы расследовали «Случай с переводчиком».

— Вы, кажется, говорили, что он занимает какой-то небольшой правительственный пост.

Холмс коротко рассмеялся.

— В то время я знал вас недостаточно близко. Приходится держать язык за зубами, когда речь заходит о делах государственного масштаба. Да, верно. Он стоит на службе у британского правительства. И так же верно то, что подчас он и есть само британское правительство.

— Но, Холмс, помилуйте...

— Я ожидал, что вы удивитесь. Майкрофт получает четыреста пятьдесят фунтов в год, занимает подчиненное положение, не обладает ни малейшим честолюбием, отказывается от титулов и званий, и, однако, это самый незаменимый человек во всей Англии.

— Но каким образом?

— Видите ли, у него совершенно особое амплуа, и создал его себе он сам. Никогда доселе не было и никогда не будет подобной должности. У него великолепный, как нельзя более четко работающий мозг, наделенный величайшей, неслыханной способностью хранить в себе несметное количество фактов. Ту колossalную энергию, какую я направил на раскрытие преступлений, он поставил на службу государству. Ему вручают заключения всех департаментов, он тот центр, та расчетная палата, где подводится общий баланс. Остальные являются специалистами в той или иной области, его специальность — знать все. Предположим, какому-то министру требуются некоторые сведения касательно военного флота, Индии, Канады и проблемы биметаллизма. Запрашивая поочередно соответствующие департаменты, он может получить все необходимые факты, но только Майкрофт способен тут же дать им правильное освещение и установить их взаимосвязь. Сперва его расценивали как

определенного рода удобство, кратчайший путь к цели. Постепенно он сделал себя центральной фигурой. В его мощном мозгу все разложено по полочкам и может быть предъявлено в любой момент. Не раз одно его слово решало вопрос государственной политики — оно живет в ней, все его мысли тем только и поглощены. И лишь когда я иной раз обращаюсь к нему за советом, он снисходит до того, чтобы помочь мне разобраться в какой-либо из моих проблем, почитая это для себя гимнастикой ума. Но что заставило сегодня Юпитера спуститься с Олимпа? Кто такой Кадоген Уэст, и какое отношение имеет он к Майкрофту?

— Вспомнил! — воскликнул я и принялся рыться в ворохе газет, валявшихся на диване. — Ну да, конечно, вот он! Кадоген Уэст — это тот молодой человек, которого во вторник утром нашли мертвым на линии метрополитена.

Холмс выпрямился в кресле, весь обратившись в слух: рука его, державшая трубку, так и застыла в воздухе, не добравшись до рта.

— Тут, должно быть, произошло что-то очень серьезное, Уотсон. Смерть человека, заставившая моего брата изменить своим привычкам, не может быть заурядной. Но какое отношение имеет к ней Майкрофт, черт возьми? Случай, насколько мне помнится, совершенно банальный. Молодой человек, очевидно, выпал из вагона и разбился насмерть. Ни признаков ограбления, ни особых оснований подозревать насильство — так ведь, кажется?

— Дознание обнаружило много новых фактов, — ответил я. — Случай, если присмотреться к нему ближе, напротив, чрезвычайно странный.

— Судя по действию, какое оноказал на моего брата, это, вероятно, и в самом деле что-то из ряда вон выходящее. — Он поудобнее уселся в кресле. — Ну-ка, Уотсон, выкладывайте факты.

— Полное имя молодого человека — Артур Кадоген Уэст. Двадцати семи лет от роду, холост, младший клерк в конторе Арсенала в Вулнidge.

— На государственной службе? Вот и звено, связывающее его с Майкрофтом!

— В понедельник вечером он неожиданно уехал из Вулнidge. Последней его видела мисс Вайолет Уэстберн,

его невеста: в тот вечер в половине восьмого он внезапно оставил ее прямо на улице, в тумане. Ссоры между ними не было, и девушка ничем не может объяснить его поведение. Следующее известие о нем принес дорожный рабочий Мэйсон, обнаруживший его труп неподалеку от станции метрополитена Одлгет.

— Когда?

— Во вторник в шесть часов утра. Тело лежало почти у самой остановки, как раз там, где рельсы выходят из тоннеля, слева от них, если смотреть с запада на восток, и несколько в стороне. Череп оказался расколотым, вероятно, во время падения из вагона. Собственно, ничего другого и нельзя предположить, ведь труп мог попасть в тоннель только таким образом. Его не могли притащить с какой-либо из соседних улиц: было бы совершено невозможно пронести его мимо контролеров. Следовательно, эта сторона дела не вызывает сомнений.

— Превосходно. Да, случай отменно прост. Человек, живой или мертвый, упал или был сброшен с поезда. Пока все ясио. Продолжайте.

— На линии, где нашли Кадогена Уэста, идет движение с запада на восток. Здесь ходят и поезда метро и загородные поезда, выходящие из Уилсдена и других пунктов. Можно с уверенностью утверждать, что молодой человек ехал иным поездом, но где именно он сел, выяснить не удалось.

— Разве нельзя было узнать по его билету?

— Билета у него не нашли.

— Вот как! Позвольте, но это очень странно! Я по собственному опыту знаю, что пройти на платформу метро, не предъявив билета, невозможно. Значит, надо предположить, что билет у молодого человека имелся, но кто-то его взял, быть может, для того, чтобы скрыть место посадки. А не обронил ли он билет в вагоне? Тоже вполне вероятно. Но самый факт отсутствия билета чрезвычайно любопытен. Убийство с целью ограбления исключается?

— По-видимому. В газетах дана опись всего, что обнаружили в карманах Кадогена Уэста. В кошельке у него было два фунта и пятиадцать шиллингов. А также чековая книжка Вулиджского отделения одного крупного банка — по ней и установили личность погибшего.

Еще при нем нашли два билета в бенуар театра в Буллдже на тот самый понедельник. И небольшую пачку каких-то документов технического характера.

Холмс воскликнул удовлетворенно:

— Ну, иаконец-то! Теперь все понятно. Британское правительство — Вулидж — технические документы — брат Майкрофт. Все звенья цепи налицо. Но вот, если не ошибаюсь, и сам Майкрофт, он нам пояснит остальное.

Через минуту мы увидели рослую, представительную фигуру Майкрофта Холмса. Дородный, даже грузный, он казался воплощением огромной потенциальной физической силы, но над этим массивным телом возвышалась голова с таким великолепным лбом мыслителя, с такими проницательными, глубоко посаженными глазами цвета стали, с таким твердо очерченным ртом и такой тонкой игрой выражения лица, что вы тут же забывали о неуклюжем теле и отчетливо ощущали только доминирующую над ним мощный интеллект.

Следом за Майкрофтом Холмсом показалась сухопарая, аскетическая фигура нашего старого приятеля Лестрейда, сыщика из Скотленд-Ярда. Озабоченное выражение их лиц ясно говорило, что разговор предстоит серьезный. Сыщик молча пожал нам руки. Майкрофт Холмс стянул с себя пальто и опустился в кресло.

— Очень неприятная история, Шерлок,— сказал он.— Терпеть не могу ломать свои привычки, но власти предержащие и слышать не пожелали о моем отказе. При том конфликте, какой в настоящее время наблюдается в Счаме, мое отсутствие в министерстве крайне нежелательно. Но положение напряженное, прямо-таки критическое. Никогда еще не видел премьер-министра до такой степени расстроенным. А в адмиралтействе все гудят, как в опрокинутом улье. Ты ознакомился с делом?

— Именно этим мы сейчас и занимались. Какие у Кадогена Уэста нашли документы?

— А, в них-то все и дело. По счастью, главное не вышло наружу, не то пресса подняла бы шум на весь мир. Бумаги, которые этот несчастный молодой человек держал у себя в кармане,— чертежи подводной лодки конструкции Брюса-Партигтона.

Пронзнесено это было столь торжественно, что мы сразу поняли, какое значение придавал Майкрофт слу-

чившемуся. Мы с моим другом ждали, что он скажет дальше.

— Вы, конечно, знаете о лодке Брюса-Партигтона? Я думал, всем о ней известно.

— Только понаслышке.

— Трудно переоценить ее военное значение. Из всех государственных тайн эта охранялась особенно ревностно. Можете поверить мне на слово: в радиусе действия лодки Брюса-Партигтона невозможно никакое нападение с моря. За право монополии на это изобретение два года тому назад была выплачена громадная сумма. Делалось все, чтобы сохранить его в тайне. Чертежи чрезвычайно сложны, включают в себя около тридцати отдельных патентов, из которых каждый является существенно необходимым для конструкции в целом. Хранятся они в надежном сейфе секретного отдела — в помещении, смежном с Арсеналом. На дверях и окнах запоры, гарантирующие от грабителей. Выносить документы не разрешалось ни под каким видом. Пожелай главный конструктор флота свериться по ним, даже ему пришлось бы самому ехать в Вулндж. И вдруг мы находим их в кармане мертвого мелкого чиновника, в центре города! С политической точки зрения это просто ужасно.

— Но ведь вы получили чертежи обратно!

— Да нет же! В том-то и дело, что нет. Из сейфа похищены все десять чертежей, а в кармане у Кадогена Уэста их оказалось только семь. Три остальных, самые важные, исчезли — украдены, пропали. Шерлок, брось все, забудь на время свои пустяковые полицейские ребусы. Ты должен разрешить проблему, имеющую колоссальное международное значение. С какой целью Уэст взял документы? При каких обстоятельствах он умер? Как попал труп туда, где он был найден? Где три недостающих чертежа? Как исправить содеянное зло? Найди ответы на эти вопросы, и ты окажешь родине немаловажную услугу.

— Почему бы тебе самому не заняться расследованием? Твои способности к анализу не хуже моих.

— Возможно, Шерлок, но ведь тут понадобится выяснить множество подробностей. Дай мне эти подробности, и я, не вставая с кресла, вручу тебе точное заключение эксперта. Но бегать туда и сюда, допрашивать же-

лезнодорожных служащих, лежать на животе, глядя в аупу,— нет, уволь, это не по мне. Ты и только ты в состоянии раскрыть это преступление. И если у тебя есть желание увидеть свое имя в очередном списке награжденных...

Мой друг улыбнулся и покачал головой.

— Я веду игру ради удовольствия,— сказал он.— Но дело действительно не лишено интереса, я не прочь за него взяться. Дай мне, пожалуйста, еще факты.

— Я записал вкратце все основное. И добавил несколько адресов — могут тебе пригодиться. Официально ответственным за документы является известный правительственный эксперт сэр Джеймс Уолтер, его награды, титулы и звания занимают в справочном словаре две строки. Он поседел на государственной службе, это настоящий английский дворянин, почетный гость в самых высокопоставленных домах, и, главное, патротизм его не вызывает сомнений. Он один из двоих, имеющих ключ от сейфа. Могу еще сообщить, что в понедельник в течение всего служебного дня документы, безусловно, были на месте, и сэр Джеймс Уолтер уехал в Лондон около трех часов, взяв ключ от сейфа с собой. Весь тот вечер он провел в доме адмирала Сниклера на Баркли-сквер.

— Это проверено?

— Да. Его брат, полковник Валентайн Уолтер, показал, что сэр Джеймс действительно уехал из Вулндука, и адмирал Сниклер подтвердил, что вечер понедельника он пробыл у него. Таким образом, сэр Джеймс Уолтер в случившемся непосредственной роли не играет.

— У кого хранится второй ключ?

— У старшего клерка конторы техника Сиднея Джонсона. Ему сорок лет, женат, пятеро детей. Человек молчаливый, суровый. Отзывы по службе отличные. Коллеги не слишком его жалуют, но работник он превосходный. Согласно показаниям Джонсона, засвидетельствованным только его женой, в понедельник после службы он весь вечер был дома, и ключ все время оставался у него на обычном месте, на цепочке от часов.

— Расскажи нам о Кадогене Уэсте.

— Служил у нас десять лет, работал безупречно. У него репутация горячей головы, человека несдержанного, но прямого и честного. Ничего плохого мы о нем ска-

зать не можем. Он числился младшим клерком, был под началом у Сиднея Джонсона. По долгу службы он ежедневно имел дело с этими чертежами. Кроме него, никто не имел права брать их в руки.

— Кто в последний раз запирал сейф?

— Сидней Джонсон.

— Ну, а кто взял документы, известно. Они найдены в кармане у младшего клерка Кадогена Уэста. Относительно этого и раздумывать больше нечего, все ясно.

— Только на первый взгляд, Шерлок. На самом деле многое остается непонятным. Прежде всего зачем он их взял?

— Я полагаю, они представляют собой немалую ценность?

— Он мог легко получить за них несколько тысяч.

— Ты можешь предположить иной мотив, кроме намерения продать эти бумаги?

— Нет.

— В таком случае примем это в качестве рабочей гипотезы. Итак, чертежи взял молодой Кадоген Уэст. Проделать это он мог только с помощью поддельного ключа.

— Нескольких поддельных ключей. Ведь ему надо было сперва войти в здание, затем в комнату.

— Следовательно, у него имелось несколько поддельных ключей. Он повез документы в Лондон, чтобы продать военную тайну, и, несомненно, рассчитывал вернуть оригиналы до того, как их хватятся. Приехав в Лондон с этой целью, изменник нашел там свой конец.

— Но как это случилось?

— На обратном пути в Вулидж был убит и выброшен из вагона.

— Олдгет, где было найдено тело, намного дальше станции Лондонский мост, где он должен был бы сойти, если бы действительно ехал в Вулидж.

— Можно представить себе сколько угодно обстоятельств, заставивших его проехать мимо своей станции. Ну, например, он вел с кем-то разговор, закончившийся бурной ссорой и убийством изменника. Может быть, и так: Кадоген Уэст хотел выйти из вагона, упал на рельсы

и разбился, а тот, другой, закрыл за ним дверь. В таком густом тумане никто ничего не мог увидеть.

— За неимением лучших будем пока довольствоваться этими гипотезами. Но, обрати внимание, Шерлок, сколько остается неясного. Допустим, Кадоген Уэст задумал переправить бумаги в Лондон. Естественно далее предположить, что у него там была назначена встреча с иностранным агентом, а для этого ему было бы необходимо высвободить себе вечер. Вместо этого он берет два билета в театр, отправляется туда с невестой и на полдороге внезапно исчезает.

— Для отвода глаз,— сказал Лестрейд, уже давно выказывавший признаки нетерпения.

— Прием весьма оригинальный. Это возражение первое. Теперь второе возражение. Предположим, Уэст прибыл в Лондон и встретился с агентом. До наступления утра ему надо было во что бы то ни стало успеть положить документы на место. Взял он десять чертежей. При нем нашли только семь. Что случилось с остальными тремя? Вряд ли он расстался бы с ними добровольно. И, далее, где деньги, полученные за раскрытие военной тайны? Логично было бы ожидать, что в кармане у него найдут крупную сумму.

— По-моему, тут все абсолютно ясно,— сказал Лестрейд.— Я отлично понимаю, как все произошло. Уэст выкрад чертежи, чтобы продать их. Встретился в Лондоне с агентом. Не сошлись в цене. Уэст отправляется домой, агент за ним. В вагоне агент его приканчивает, забирает самые ценные из документов, выталкивает труп из вагона. Все сходится, как, по-вашему?

— Почему при нем не оказалось билета?

— По билету можно было бы догадаться, какая из станций ближе всего к местонахождению агента. Поэтому он и вытащил билет из кармана убитого.

— Браво, Лестрейд, браво,— сказал Холмс.— В ваших рассуждениях есть логика. Но если так, розыски можно прекратить. С одной стороны, изменник мертв, с другой стороны, чертежи подводной лодки Брюса-Паркингтона, вероятно, уже на континенте. Что же нам остается?

— Действовать, Шерлок, действовать! — воскликнул Майкрофт, вскакивая с кресла.— Интуиция подсказывает

ет мне, что тут кроется нечто другое. Напряги свои мыслительные способности, Шерлок. Посети место преступления, повидай людей, замешанных в деле,— все переверни вверх дном! Еще никогда не выпадало тебе случая оказать родине столь большую услугу.

— Ну что же,— сказал Холмс, пожав плечами.— Пойдемте, Уотсон. И вы, Лестрейд, не откажите в любезности на часок-другой разделить наше общество. Мы начнем со станции Олдгет. Всего хорошего, Майкрофт. Думаю, к вечеру ты уже получишь от нас сообщение о ходе дела, ио, предупреждаю заранее, многого не жди.

Час спустя мы втроем — Холмс, Лестрейд и я — стояли в метро как раз там, где поезд, приближаясь к остановке, выходит из тоннеля. Сопровождавший нас красно уницкий и весьма услужливый старый джентльмен представлял в своем лице железнодорожную компанию.

— Тело молодого человека лежало вот здесь,— сказал он нам, указывая на место футах в трех от рельсов.— Сверху он ниоткуда упасть не мог — видите, всюду глухие стены. Значит, свалился с поезда, и, по всем данным, именно с того, который проходил здесь в понедельник около полуночи.

— В вагонах не обнаружено никаких следов борьбы, насилия?

— Никаких. И билета тоже не нашли.

— И никто не заметил ни в одном из вагонов открытой двери?

— Нет.

— Сегодня утром мы получили кое-какие новые данные,— сказал Лестрейд.— Пассажир поезда метро, проехавший мимо станции Олдгет в понедельник ночью, приблизительно в 11.40, показал, что перед самой остановкой ему почудилось, будто на пути упало что-то тяжелое. Но из-за густого тумана он ничего не разглядел. Тогда он об этом не заявил. Но что это с мистером Холмсом?

Глаза моего друга были прикованы к тому месту, где рельсы, изгибаясь, выползают из тоннеля. Станция Олдгет — узловая, и потому здесь много стрелок. На них-то и был устремлен острый, ищущий взгляд Холмса, и на

его вдумчивом, подвижном лице я заметил так хорошо знакомое мне выражение: плотно сжатые губы, трепещущие ноздри, сведенные в одну линию тяжелые густые брови.

— Стрелки... — бормотал он. — Стрелки...

— Стрелки? Что вы хотите сказать?

— На этой дороге стрелок, я полагаю, не так уж много?

— Совсем мало.

— Стрелки и поворот... Нет, клянусь... Если бы это действительно было так...

— Да что такое, мистер Холмс? Вам пришла в голову какая-то идея?

— Пока только догадки, намеки, не более. Но дело, безусловно, приобретает все больший интерес. Поразительно, поразительно... А впрочем, почему бы и нет?.. Я никогда не заметил следов крови.

— Их почти и не было.

— Но ведь, кажется, рана на голове была очень большая?

— Череп раскроен, но внешне повреждения незначительны.

— Все-таки странно — не могло же вовсе обойтись без кровотечения! Скажите, нельзя ли мне обследовать поезд, в котором ехал пассажир, слышавший падение чего-то тяжелого?

— Боюсь, что нет, мистер Холмс. Тот поезд давно расформирован, вагоны попали в новые составы.

— Могу заверить вас, мистер Холмс, что все до единого вагоны были тщательно осмотрены, — вставил Лестрейд. — Я проследил за этим самолично.

К явным недостаткам моего друга следует отнести его нетерпимость в отношении людей, не обладающих интеллектом столь же подвижным и гибким, как его собственный.

— Надо полагать, — сказал он и отвернулся. — Но я, между прочим, собирался осматривать не вагоны. Уотсон, дольше нам здесь оставаться незачем, все, что было нужно, уже сделано. Мы не будем вас более задерживать, мистер Лестрейд. Теперь наш путь лежит в Вулидж.

На станции Лондонский мост Холмс составил телеграмму и, прежде чем отправить, показал ее мне. Текст гласил:

«В темноте забрежил свет, но он может померкнуть. Прошу к нашему возвращению прислать с нарочным на Бейкер-стрит полный список иностранных шпионов и международных агентов, в настоящее время находящихся в Англии, с подробными их адресами.

Шерлок».

— Это может нам пригодиться,— заметил Холмс, когда мы сели в поезд, направляющийся в Вулндж.— Мы должны быть признательны Майкрофту — он привлек нас к расследованию дела, которое обещает быть на редкость интересным.

Его живое, умное лицо все еще хранило выражение сосредоточенного внимания и напряженной энергии, и я понял, что какой-то новый красноречивый факт заставил его мозг работать особенно интенсивно. Представьте себе гончую, когда она лежит на пасаре, развалившись, опустив уши и хвост, и затем ее же, бегущую по горячему следу,— точно такая перемена произошла с Холмсом. Теперь я видел перед собой совсем другого человека. Как не похож он был на ту вялую, разинченную фигуру в халате мышного цвета, всего несколько часов назад беспечно шагавшую по комнате, в пленау у туриана!

— Увлекательный материал, широкое поле действия,— сказал он.— Я проявил тупость, не сообразив сразу, какие тут открываются возможности.

— А мне и теперь еще ничего не ясно.

— Конец не ясен и мне, но у меня есть одна догадка, она может продвинуть нас далеко вперед. Я уверен, что Кадоген Уэст был убит где-то в другом месте, и тело его находилось не внутрь, а на крыше вагона.

— На крыше?!

— Невероятно, правда? Но давайте проанализируем факты. Можно ли считать простой случайностью то обстоятельство, что труп найден именно там, где поезд подбрасывает и раскачивает, когда он проходит через стрелку? Не тут ли должен упасть предмет, лежащий на

крыше вагона? На предметы, находящиеся внутри вагона, стрелка никакого действия не окажет. Либо тело действительно упало сверху, либо это какое-то необыкновенное совпадение. Теперь обратите внимание на отсутствие следов крови. Конечно, их и не могло оказаться на путях, если убийство совершено в ином месте. Каждый из этих фактов подтверждает мою догадку, а взятые вместе, они уже являются совокупностью улик.

— А еще билет-то! — воскликнул я.

— Совершенно верно. Мы не могли это объяснить. Моя гипотеза дает объяснение. Все сходится.

— Допустим, так. И все же мы по-прежнему далеки от раскрытия таинственных обстоятельств смерти Уэста. Я бы сказал, дело не стало проще, оно еще более запутывается.

— Возможно, — проговорил Холмс задумчиво, — возможно...

Он умолк и сидел, погруженный в свои мысли, до момента, когда поезд подполз наконец к станции Вулидж. Мы сели в каб, и Холмс извлек из кармана оставленный ему Майкрофтом листок.

— Нам предстоит нанести ряд визитов, — сказал он. — Первым нашего внимания требует, я полагаю, сэр Джеймс Уолтер.

Дом этого известного государственного деятеля оказался роскошной виллой — зеленые газоны перед ним тянулись до самой Темзы. Туман начал рассеиваться, сквозь него пробивался слабый, жидкий свет. На наш звонок вышел дворецкий.

— Сэр Джеймс? — переспросил он, и лицо его приняло строго-торжественное выражение. — Сэр Джеймс скончался сегодня утром, сэр.

— Боже ты мой! — воскликнул Холмс в изумлении. — Как, отчего он умер?

— Быть может, сэр, вы соблаговолите войти в дом и повидаете его брата, полковника Валентайна?

— Да, вы правы, так мы и сделаем.

Нас провели в слабо освещенную гостиную, и минуту спустя туда вошел очень высокий, красивый мужчина лет пятидесяти, с белокурой бородой — младший брат покойного сэра Джеймса. Смятение в глазах, щеки, мокрые от слез, волосы в беспорядке — все говорило о том, какой

удар обрушился на семью. Рассказывая, как это случилось, полковник с трудом выговаривал слова.

— Все из-за этого ужасного скандала,— сказал он.— Мой брат был человеком высокой чести, он не мог пережить такого позора. Это его потрясло. Он всегда гордился безупречным порядком в своем департаменте, и вдруг такой удар...

— Мы надеялись получить от него некоторые пояснения, которые могли бы содействовать раскрытию дела.

— Уверяю вас, то, что произошло, для него было также непостижимо, как для вас и для всех прочих. Он уже заявил полиции обо всем, что было ему известно. Разумеется, он не сомневался в виновности Кадогена Уэста. Но все остальное — полная тайна.

— А лично вы не могли бы еще что-либо добавить?

— Я знаю только то, что слышал от других и прочел в газетах. Я бы не хотел показаться нелюбезным, мистер Холмс, но вы должны понять, мы сейчас в большом горе, и я вынужден просить вас поскорее закончить разговор.

— Вот действительно неожиданный поворот событий,— сказал мой друг, когда мы снова сели в каб.— Бедный старик. Как же он умер — естественной смертью или покончил с собой? Если это самоубийство, не вызвано ли оно терзаниями совести за невыполненный перед родиной долг? Но этот вопрос мы отложим на будущее. А теперь займемся Кадогеном Уэстом.

Осиротелая мать жила на окраине в маленьком доме, где царил образцовый порядок. Старушка была совершенно убита горем и не могла ничем нам помочь, но рядом с ней оказалась молодая девушка с очень бледным лицом — она представилась нам как мисс Вайолет Уэстбери, невеста покойного и последняя, кто видел его в тот роковой вечер.

— Я ничего не понимаю, мистер Холмс,— сказала она.— С тех пор, как стало известно о несчастье, я не сомкнула глаз, день и ночь я думаю, думаю, доискиваюсь правды. Артур был человеком благородным, прямодушным, преданным своему делу, истинным патриотом. Он скорее отрубил бы себе правую руку, чем продал доверенность ему государственную тайну. Для всех, кто его знал, сама эта мысль недопустима, нелепа.

— Но, факты, мисс Уэстберн...

— Да, да. Я не могу их объяснить, признаюсь.

— Не было ли у него денежных затруднений?

— Нет. Потребности у него были очень скромные, а жалованье он получал большое. У него имелись сбережения, несколько сотен фунтов, и на Новый год мы собирались обвенчаться.

— Вы не замечали, чтоб он был взволнован, нервничал? Прошу вас, мисс Уэстберн, будьте с нами абсолютно откровенны.

Быстрый глаз моего друга уловил какую-то перемену в девушке — она колебалась, покраснела.

— Да, мне казалось, его что-то тревожит.

— И давно это началось?

— С неделю назад. Он иногда задумывался, вид у него становился озабоченным. Однажды я стала допытываться, спросила, не случилось ли чего. Он признался, что обеспокоен и что это касается служебных дел. «Создалось такое положение, что даже тебе не могу о том рассказать», — ответил он мне. Больше я ничего не могла добиться.

Лицо Холмса приняло очень серьезное выражение.

— Продолжайте, мисс Уэстберн. Даже если на первый взгляд ваши показания не в его пользу, говорите только правду, — никогда не знаешь наперед, куда это может привести.

— Поверьте, мне больше ничего сказать. Разва два я думала, что он уже готов поделиться со мной своими заботами. Как-то вечером разговор зашел о том, какое необычайно важное значение имеют храящиеся в сейфе документы, и, помню, он добавил, что, конечно, иностранные шпионы дорого дали бы за эту военную тайну.

Выражение лица Холмса стало еще серьезнее.

— И больше он ничего не сказал?

— Заметна только, что мы несколько небрежны с хранением военных документов, что изменинку не составило бы труда до них добраться.

— Он начал заговаривать на такие темы только недавно?

— Да, лишь в последние дни.

— Расскажите, что произошло в тот вечер.

— Мы собирались идти в театр. Стоял такой густой туман, что ианимать каб было бессмысличию. Мы пошли пешком. Дорога наша проходила недалеко от Арсенала. Вдруг Артур бросился от меня в сторону и скрылся в тумане.

— Не сказав ни слова?

— Только крикинул что-то, и все. Я стояла, ждала, но он не появлялся. Тогда я вернулась домой. На следующее утро из департамента пришли сюда спрашивать о нем. Около двенадцати часов до нас дошли ужасные вести. Мистер Холмс, заклинаю вас: если это в ваших силах, спасите его честное имя. Он им так дорожил!

Холмс печально покачал головой.

— Ну, Уотсон, нам пора двигаться дальше,— сказал он.— Теперь отправимся к месту, откуда были похищены документы.

— С самого начала против молодого человека было много улик. После допросов их стало еще больше,— заметил он, когда каб тронул.— Предстоящая женитьба — достаточный мотив для преступления. Кадогену Уэсту, естественно, требовались деньги. Мысль о похищении чертежей в голову ему приходила, раз он заводил о том разговор с невестой. И чуть не сделал ее сообщницей, уже хотел было поделиться с ней своим планом. Скверная история.

— Но послушайте, Холмс, и неужели репутация человека вовсе не идет в счет? И потом, зачем было оставлять невесту одну на улице и сломя голову кидаться воровать документы?

— Вы рассуждаете здраво, Уотсон. Возражение весьма существенное. Но опровергнуть обвинение будет очень трудно.

Мистер Сидней Джонсоn встретил нас с тем почтением, какое у всех неизменно вызывала визитная карточка моего компании. Старший клерк оказался худощавым, хмурым мужчиной среднего возраста, в очках; от пережитого потрясения он осунулся, руки у него дрожали.

— Неприятная история, мистер Холмс, очень неприятная. Вы слышали о смерти шефа?

— Мы только что из его дома.

— У нас тут такая неразбериха. Глава департамента умер, Кадоген Уэст умер, бумаги похищены. А ведь в понедельник вечером, когда мы запирали помещение, все было в порядке — департамент как департамент. Боже мой, боже мой!.. Подумать страшно. Чтобы именно Уэст совершил такой поступок!

— Вы, значит, убеждены в его виновности?

— Больше подозревать некого. А я доверял ему, как самому себе!

— В котором часу в понедельник заперли помещение?

— В пять часов.

— Где хранились документы?

— Вон в том сейфе. Я их сам туда положила.

— Сторожа при здании не имеется?

— Сторож есть, но он охраняет не только наш отдел. Это старый солдат, человек абсолютно надежный. Он ничего не видел. В тот вечер, правда, был ужасный туман, невероятно густой.

— Предположим, Кадоген Уэст вздумал бы пройти в помещение не в служебное время; ему понадобилось бы три ключа, чтобы добраться до бумаг, не так ли?

— Именно так. Ключ от входной двери, ключ от конторы и ключ от сейфа.

— Ключи имелись только у вас и у сэра Джеймса Уолтера?

— От помещений у меня ключей нет, только от сейфа.

— Сэр Джеймс отличался аккуратностью?

— Полагаю, что да. Знаю только, что все три ключа он носил на одном кольце. Я их часто у него видел.

— И это кольцо с ключами он брал с собой, когда уезжал в Лондон?

— Он говорил, что они всегда при нем.

— И вы тоже никогда не расстаетесь со своим ключом?

— Никогда.

— Значит, Уэст, если преступник действительно он, сделал вторые ключи. Но у него никаких ключей не обнаружили. Еще один вопрос: если бы кто из сотрудников, работающих в этом помещении, задумал продать

военную тайну, не проще ли было бы для него скопировать чертежи, чем похищать оригиналы, как это было проделано?

— Чтобы скопировать их как следует, нужны большие технические познания.

— Оин, очевидно, имелись и у сэра Джеймса и у Кадогена Уэста. Они есть и у вас.

— Разумеется, но я прошу не впутывать меня в эту историю, мистер Холмс. И что попусту гадать, как оно могло быть, когда известно, что чертежи нашлись в кармане Уэста?

— Но, право, все же очень странно, что он пошел на такой риск и захватил с собой оригиналы, когда мог спокойно их скопировать и продать копии.

— Конечно, странно, однако взяты имение оригиналы.

— Чем больше ишешь, тем больше вскрывается в этом деле загадочного. Недостающие три документа все еще не найдены. Насколько я понимаю, они-то и являются основными?

— Да.

— Значит ли это, что тот, к кому эти три чертежа попали, получил возможность построить подводную лодку Брюса-Партигтона, обойдясь без остальных семи чертежей?

— Я как раз об этом и докладывал в адмиралтействе. Но сегодня я опять просмотрел чертежи и усомнился. На одном из вернувшихся документов имеются чертежи клапаев и автоматических затворов. Пока они там, за гранцей, сами их не изобретут, они не смогут построить лодку Брюса-Партигтона. Впрочем, обойти такое препятствие не составит особого труда.

— Итак, три отсутствующие чертежа — самые главные?

— Несомненно.

— Если не возражаете, я произведу небольшой осмотр помещения. Больше у меня вопросов к вам нет.

Холмс обследовал замок сейфа, обошел всю комнату и, наконец, проверил железные ставни на окнах. Только когда мы уже очутились на газоне перед домом,

интерес его снова ожил. Под окном росло лавровое дерево,— некоторые из его веток оказались согнуты, другие сломаны. Холмс тщательно исследовал их с помощью лупы, осмотрел также еле приметные следы на земле. И, наконец, попросив старшего клерка закрыть железные ставни, обратил мое внимание на то, что створки посередине чуть-чуть не сходятся и с улицы можно разглядеть, что делается внутри.

— Следы, конечно, почти исчезли, утратили свою ценность из-за трех дней промедления. Они могут что-то означать, могут и не иметь никакого значения. Ну, Уотсон, я думаю, с Вулнджем пока все. Улов наш здесь невелик. Посмотрим, не добьемся ли мы большего в Лондоне.

И, однако, мы поймали еще кое-что в наши сети, прежде чем покинули Вулндж. Кассир на станции, не колеблясь, заявила, что в понедельник вечером видел Кадогена Уэста, которого хорошо знал в лицо. Молодой человек взял билет третьего класса на поезд 8.15 до станции Лондонский мост. Уэст был один, и кассира поразило его крайне нервное, встревоженное состояние. Он был до такой степени взволнован, что никак не мог собрать сдачу, кассиру пришлось ему помочь. Справившись по расписанию, мы убедились, что поезд, отходивший в 8.15, был фактически первым поездом, каким Уэст мог уехать в Лондон, после того как в половине восьмого оставил невесту на улице.

— Попробуем восстановить события,— сказал мне Холмс, помолчав минут тридцать.— Нет, честное слово, мы с вами еще не сталкивались с делом до такой степени трудным. С каждым шагом натыкаешься на новый подводный камень. И все же мы заметно продвинулись вперед.

Результаты допроса в Вулнidge в основном говорят против Уэста, но кое-что, замеченное нами под окном конторы, позволяет строить более благоприятную для него гипотезу. Допустим, что к нему обратился иностранный агент. Он мог связать Уэста такими клятвами, что тот был вынужден молчать. Но эта мысль его занимала, на что указывают те отрывочные замечания и намеки, о которых рассказала нам его невеста. Отлично. Предположим далее, что в то время, как они шли в театр, он раз-

лична в тумане этого самого агента, направляющегося к зданию Арсенала. Уэст был импульсивным молодым человеком, действовал не задумываясь. Когда дело касалось его гражданского долга, все остальное для него уже теряло значение. Он пошел за агентом, встал под окном, видел, как вор похищает документы, и бросился за ним в погоню. Таким образом, снимается вопрос, почему взяты оригиналлы, а не сняты копии, для постороннего лица сделать это было невозможно. Видите, как будто логично.

— Ну, а дальше?

— Тут сразу возникает затруднение. Казалось бы, первое, что следовало сделать молодому человеку, это схватить негодяя и поднять тревогу. Почему он поступил иначе? Быть может, похититель — лицо выше его стоящее, его начальник? Тогда поведение Уэста понятно. Или же так: вору удалось ускользнуть в тумане, и Уэст тут же кинулся к нему домой, в Лондон, чтобы как-то помешать, если предположить, что адрес Уэсту был известен. Во всяком случае, только что-то чрезвычайно важное, требующее безотлагательного решения, могло заставить его бросить девушку одну на улице. И не дать позже знать о себе. Дальше след теряется, и до момента, когда тело Уэста с семью чертежами в кармане оказалось на крыше вагона, получается провал, нензвестность. Начнем теперь поиск с другого конца. Если Майкрофт уже прислал список имен и адресов, быть может, среди них найдется тот, кто нам нужен, и мы пустимся сразу по двум следам,

На Бейкер-стрит нас и в самом деле ожидал список, доставленный специальным курьером. Холмс пробежал его глазами, перекинул мне. Я стал читать:

«Известно множество мелких мошенников, но мало таких, кто рискуя пойти на столь крупную авантюру. Достойны внимания трое: Адольф Мейер — Грейт-Джордж-стрит, 13, Вестминстер; Лун ла Ротье — Кэмден-Мэншэнз, Ноттинг-Хилл; Гуго Оберштейн — Колфилд-Гарденс, 13, Кенсингтон. Относительно последнего известно, что в поиедельник он был в Лондоне, по новому донесению — выбыл. Рад слышать, что «в темноте забрежил свет». Кабинет министров с величайшим

волнением ожидает твоего заключительного доклада. Получены указания из самых высоких сфер. Если понадобится, вся полиция Англии к твоим услугам.

Майкрофт».

— Боюсь, что «вся королевская конница и вся королевская рать»¹ не смогут помочь мне в этом деле,— сказал Холмс, улыбаясь. Он раскрыл свой большой план Лондона и склонился над ним с живейшим интересом.— Ого! — немногого спустя воскликнул он удовлетворению.— Кажется, нам начинает сопутствовать удача. Знаете, Уотсон, я уже думаю, что в конце концов мы с вами это дело осилим.— В неожиданном порыве веселья он хлопнул меня по плечу.— Сейчас я отправляюсь всего-навсего в разведку, ничего серьезного я предпринимать не стану, пока рядом со мной нет моего верного компаньона и биографа. Вы оставайтесь здесь, и, весьма вероятно, через час-другой мы увидимся снова. Если соскучитесь, вот вам стопа бумаги и перо: принимайтесь писать о том, как мы выручили государство.

Меня в какой-то степени заразило его приподнятое настроение, я знал, что без достаточных на то оснований Холмс не скинет с себя маски сдержанности. Весь долгий ноябрьский вечер я провел в нетерпеливом ожидании моего друга. Наконец в самом начале десятого посыльный принес мне от него такую записку:

«Обедаю в ресторане Гольдни на Глостер-роуд, Кенсингтон. Прошу вас немедленно прийти туда. Захватите с собой ломик, закрытый фонарь, стамеску и револьвер.

Ш. Х.».

Нечего сказать, подходящее снаряжение предлагалось почтенному гражданину таскать с собой по темным, окутанным туманом улицам! Все указанные предметы я старательно рассовал по карманам пальто и направился по даниому Холмсом адресу. Мой друг сидел в этом крикливо нарядном итальянском ресторане за круглым столиком неподалеку от входа.

¹ Страна из английской детской песенки. Перевод С. Маршака.

— Хотите перекусить? Нет? Тогда выпейте за компанию со мной кофе с кюрасо. И попробуйте одну из сигар владельца заведения, они не так гнусны, как можно было ожидать. Все с собой захватили?

— Все. Спрятано у меня в пальто.

— Отлично. Давайте в двух словах изложу вам, что я за это время проделал и что нам предстоит делать дальше. Я думаю, Уотсон, для вас совершенно очевидно, что труп молодого человека был положен на крышу. Мне это стало ясно, едва я убедился, что он упал не из вагона.

— А не могли его бросить на крышу с какого-нибудь моста?

— По-моему, это невозможно. Крыши вагонов покаты, и никаких поручней или перил нет,— он бы не удержался. Значит, можно с уверенностью сказать, что его туда положили.

— Но каким образом?

— Это вопрос, на который нам надлежит ответить. Есть только одна правдоподобная версия. Вам известно, что поезда метро в некоторых пунктах Вест-Энда выходят из тоннеля наружу. Мне смутно помнится, что, проезжая там, я иногда видел окна домов как раз у себя над головой. Теперь представьте себе, что поезд остановился под одним из таких окон. Разве так уж трудно положить из окна труп на крышу вагона?

— По-моему, это совершенно неправдоподобно.

— Следует вспомнить старую аксиому: когда исключаются все возможности, кроме одной, эта последняя, сколь ни кажется она невероятной, и есть неоспоримый факт. Все другие возможности нами исключены. Когда я выяснила, что крупный международный шпион, только что выбывший из Лондона, проживал в одном из домов, выходящих прямо на линию метро, я до того обрадовалась, что даже удивила вас некоторой фамильярностью поведения.

— А, так вот, оказывается, в чем дело!

— Ну да! Гуго Оберштейн, занимавший квартиру на Колфилд-Гарденс в доме тринадцать, стал моей мишенью. Я начал со станции Глостер-роуд. Там очень любезный железнодорожный служащий прошелся со мной по путям, и я не только удостоверилась, что на черном ходу окна лестниц в домах по Колфилд-Гарденс выходят прямо

на линию, но и узнал еще кое-что поважнее: именно там пути пересекаются с другой, более крупной железнодорожной веткой, и поезда метро часто по несколько минут стоят как раз на этом самом месте.

— Браво, Холмс! Вы все-таки докопались до сути!

— Не совсем, Уотсон, не совсем. Мы продвигаемся вперед, но цель еще далека. Итак, проверив заднюю стену дома номер тринадцать на Колфилд-Гарденс, я обследовал затем его фасад и убедился в том, что птичка действительно упорхнула. Дом большой, на верхнем этаже отдельные квартиры. Оберштейн проживал именно там, и с ним всего лишь один лакей, очевидно, его сообщник, которому он полностью доверял. Итак, Оберштейн отправился на континент, чтобы сбыть с рук добычу, но это отнюдь не бегство,— у него не было причин бояться ареста. А то, что ему могут нанести частный визит, этому джентльмену и в голову не приходило. Но мы с вами как раз это и проделаем.

— А нельзя ли получить официальный ордер на обыск, чтобы все было по закону?

— На основании имеющихся у нас данных — едва ли.

— Но что может дать нам обыск?

— Например, какую-нибудь корреспонденцию.

— Холмс, мне это не нравится.

— Дорогой мой, вам надо будет постоять на улице, посторожить, только и всего. Всю противозаконную деятельность беру на себя. Сейчас не время отступать из-за пустяков. Вспомните, что писал Майкрофт, вспомните встревоженное адмиралтейство и кабинет министров, высокую особу, ожидающую от нас новостей. Мы обязаны это сделать.

Вместо ответа я встал из-за стола.

— Вы правы, Холмс. Это наш долг.

Он тоже вскочил и пожал мне руку.

— Я знал, что вы не подведете в последнюю минуту,— сказал Холмс, и в глазах его я прочел что-то очень похожее на нежность. В следующее мгновение он был снова самим собой — уверенный, трезвый, властный.— Туда с полмили, но спешить нам незачем, пойдемте пешком,— продолжал он.— Не растеряйте ваше снаряжение, прошу вас. Если вас арестуют как подозрительную личность, это весьма осложнит дело.

Колфилд-Гарденс — это ряд домов с ровными фасадами, с колоннами и портиками, весьма типичный продукт середины викторианской эпохи в лондонском Вест-Энде. В соседней квартире звенели веселые молодые голоса и бренчало в ночной тишине пианино, по-видимому, там был в разгаре детский праздник. Туман еще держался и укрывал нас своей завесой. Холмс зажег фонарик и направил его луч на массивную входную дверь.

— Да, солнечно,— сказал он.— Тут, видимо, не только замок, но и засовы. Попробуем черный ход — через дверь в подвал. В случае, если появится какой-нибудь слишком рьяный блюститель порядка, вон там внизу к нашим услугам великолепный темный уголок. Дайте мне руку, Уотсон, придется лезть через ограду, а потом я помогу вам.

Через минуту мы были внизу у входа в подвал. Едва мы укрылись в спасительной тени, как где-то над нами в тумане послышались шаги полицейского. Когда их негромкий, размеренный стук затих вдали, Холмс принялся за работу. Я видел, как он нагнулся, поднатужился, и дверь с треском распахнулась. Мы проскользнули в темный коридор, прикрыв за собой дверь. Холмс шел впереди по голым ступеням изогнутой лестницы. Желтый веерок света от его фонарика упал на низкое лестничное окно.

— Вот оно. Должно быть, то самое.

Холмс распахнул раму, и в ту же минуту послышалася негромкий, тягучий гул, все нараставший и, наконец, перешедший в рев,— мимо дома в темноте промчался поезд. Холмс провел лучом фонарика по подоконнику — он был покрыт густым слоем сажи, выпавшей из паровозных труб. В некоторых местах она оказалась слегка смазана.

— Потому что здесь лежало тело. Эге! Смотрите, Уотсон, что это? Ну, конечно, следы крови.— Он указал на темные, мутные пятна по низу рамы.— Я их заметил и на ступенях лестницы. Картина ясна. Подождем, пока тут остановится поезд.

Ждать пришлось недолго. Следующий состав, с таким же ревом вынырнувший из тоннеля, постепенно замедлил ход и, скрежеща тормозами, стал под самым окном.

От подоконника до крыши вагона было не больше четырех футов. Холмс тихо притворил раму.

— Пока все подтверждается,— проговорил он.— Ну, что скажете, Уотсон?

— Гениально! Вы превзошли самого себя.

— Тут я с вами не согласен. Требовалось только сообразить, что тело находилось на крыше вагона, и это было не бог весть какой гениальной догадкой, а все остальное неизбежно вытекало из того факта. Если бы на карту не были поставлены серьезные государственные интересы, вся эта история, насколько она нам пока известна, ничего особенно значительного собой не представляла бы. Трудности у нас, Уотсон, все еще впереди. Но, как знать, быть может, здесь мы найдем какие-нибудь новые указания.

Мы поднялись по черной лестнице и очутились в квартире второго этажа. Скупо обставлена столовая не заключала в себе ничего для нас интересного. В спальню мы тоже ничего не обнаружили. Третья комната сулила больше, и мой друг принялся за систематический обыск. Комната, очевидно, служила кабинетом — повсюду валялись книги и бумаги. Быстро и ловко Холмс выворачивал одно за другим содержимое ящиков письменного стола, полок шкафа, но его сурое лицо не озарилось радостью успеха. Прошел час, и все никакого результата.

— Хитрая лисица, замел все следы,— сказал Холмс.— Никаких улик. Компрометирующая переписка либо увезена, либо уничтожена. Вот наш последний шанс.

Он взял стоявшую на письменном столе небольшую металлическую шкатулку и вскрыл ее с помощью стамески. В ней лежало несколько свернутых в трубку бумажных листков, покрытых цифрами и расчетами, но угадать их смысл и значение было невозможно. Лишь повторяющиеся слова «давление воды» и «давление на квадратный дюйм» позволяли предполагать, что все это имеет какое-то отношение к подводной лодке. Холмс нетерпеливо отшвырнул листки в сторону. Оставался еще конверт с какими-то газетными вырезками. Холмс разложил их на столе, и по его загоревшимся глазам я понял, что появилась надежда.

— Что это такое, Уотсон, а? Газетные объявления и, судя по шрифту и бумаге, из «Дейли телеграф» — из верхнего угла правой полосы. Даты не указаны, но вот это, по-видимому, первое:

«Надеялся услышать раньше. Условия приняты. Пишите подробно по адресу, указанному на карточке.

Пьерро».

А вот второе:

«Слишком сложно для описания. Должен иметь полный отчет. Оплата по вручении товара.

Пьерро».

И третье:

«Поторопитесь. Предложение снимается, если не будут выполнены условия договора. В письме укажите дату встречи. Подтвердим через объявление.

Пьерро».

И, наконец, последнее:

«В понедельник вечером после девяти. Стучать два раза. Будем одни. Оставьте подозрительность. Оплата наличными по вручении товара.

Пьерро».

Собрали все — вполне исчерпывающий отчет о ходе переговоров! Теперь добраться бы до того, кому это адресовано.

Холмс сидел, крепко задумавшись, постукивая пальцем по столу. И вдруг вскочил на ноги.

— А, пожалуй, это не так уж трудно. Здесь, Уотсон, нам делать больше нечего. Отправимся в редакцию «Дейли телеграф» и тем завершим наш плодотворный день.

Майкрофт Холмс и Лестрейд, как то было условлено, явились на следующий день после завтрака, и Холмс поведал им о наших похождениях накануне вечером. Поли-

цейский сыщик покачал головой, услышав исповедь о краже со взломом.

— У нас в Скотленд-Ярде такие вещи делать не полагается, мистер Холмс,— сказал он.— Не удивительно, что вы достигаете того, что нам не под силу. Но в один прекрасный день вы с вашим приятелем хватите через край, и тогда вам не миновать неприятностей.

— Погибнем «за Англию, за дом родной и за красоту»¹. А, Уотсон? Мученики, сложившие головы на алтарь отечества. Но что скажешь ты, Майкрофт?

— Превосходно, Шерлок! Великолепно! Но что это нам дает?

Холмс взял лежавший на столе свежий номер «Дэйли телеграф».

— Ты видел сегодняшнее сообщение «Пьерро»?

— Как? Еще?

— Да. Вот оно:

«Сегодня вечером. То же место, тот же час. Стучать два раза. Дело чрезвычайно важное. На карте ваша собственная безопасность.

Пьерро».

— Ах, шут возьми! — воскликнул Лестрейд.— Ведь если он откликается, мы его схватим!

— С этой целью я и поместил это послание. Если вас обоих не затруднит часов в восемь отправиться с нами на Колфилд-Гарденс, мы приблизимся к разрешению нашей проблемы.

Одной из замечательных черт Шерлока Холмса была его способность давать отдых голове и переключаться на более легковесные темы, когда он полагал, что не может продолжать работу с пользой для дела. И весь тот памятный день он целиком посвятил задуманной им монографии «Полифонические мотеты Лассуса»². Я не обладал этой счастливой способностью отрешаться, и день тянулся для меня бесконечно. Огромное государственное

¹ Вошедший в поговорку отрывок из песни «Смерть Нельсона», сочиненной и исполнявшейся знаменитым английским тенором Джоном Брамом (1774—1856).

² Лассус (Лассо), Орландо (1532—1594) — выдающийся индерландский композитор.

значение итогов нашего расследования, напряженное ожидание в высших правительственныех сферах, предстоящий опасный эксперимент — все способствовало моей нервозности. Поэтому я почувствовал облегчение, когда после легкого обеда мы, наконец, отправились на Кол-Филд-Гарденс. Лестрейд и Майкрофт, как мы договорились, встретили нас возле станции Глостер-роуд. Подвальная дверь дома, где жил Оберштайн, оставалась открытой с прошлой ночи, но так как Майкрофт Холмс наотрез отказался лезть через ограду, мне пришлось пройти вперед и открыть парадную дверь. К девяти часам мы все четверо уже сидели в кабинете, терпеливо дожидаясь нужного нам лица.

Прошел час, другой. Когда пробило одиннадцать, бой часов на церковной башне прозвучал для нас как похорбальный звон по нашим надеждам. Лестрейд и Майкрофт ерзали на стульях и поминутно смотрели на часы. Шерлок Холмс сидел спокойно, полузащищив веки, но внутренне настороженный. Вдруг он вскинулся голову.

— Идет, — проговорил он.

Кто-то осторожно прошел мимо двери. Шаги удалились и снова приблизились. Послышалось шарканье ног, и дважды стукнул дверной молоток. Холмс встал, сделав нам знак оставаться на местах. Газовый рожок в холле почти не давал света. Холмс открыл входную дверь и, когда темная фигура скользнула мимо, запер дверь на ключ.

— Прошу сюда, — услышали мы его голос, и в следующее мгновение тот, кого мы поджидали, стоял перед нами.

Холмс шел за ним по пятам, и, когда вошедший с возгласом удивления и тревоги отпрянул было назад, мой друг схватил его за шиворот и втолкнул обратно в комнату. Пока наш пленник вновь обрел равновесие, дверь в комнату была уже заперта, и Холмс стоял к ней спиной. Пойманый испуганно обвел глазами комнату, пошатнулся и упал замертво. При падении широкополая шляпа свалилась у него с головы, шарф, закрывавший лицо, сполз, и мы увидели длинную белокурую бороду и мягкое, изящные черты лица полковника Валентайна Уолтера.

Холмс от удивления свистнул.

— Уотсон,— сказал он,— на этот раз можете написать в своем рассказе, что я полный осел. Попалась совсем не та птица, для которой я расставлял силки.

— Кто это? — спросил Майкрофт с живостью.

— Младший брат покойного сэра Джеймса Уолтера, главы департамента субмарин. Да-да, теперь я вижу, как легли карты. Полковник приходит в себя. Допрос этого джентльмена прошу предоставить мне.

Мы положили неподвижное тело на диван. Но вот наш пленник привстал, огляделся — лицо его выражало ужас. Он провел рукой по лбу, словно не веря своим глазам.

— Что это значит? — проговорил он.— Я пришел к мистеру Оберштейну.

— Все раскрыто, полковник Уолтер,— сказал Холмс.— Как мог английский дворянин поступить подобным образом, это решительно не укладывается в моем сознании. Но нам известно все о вашей переписке и отношениях с Оберштейном. А также и об обстоятельствах, связанных с убийством Кадогена Уэста. Однако некоторые подробности мы сможем узнать только от вас. Советую вам чистосердечным признанием хоть немного облегчить свою вину.

Полковник со стоном уронил голову на грудь и закрыл лицо руками. Мы ждали, но он молчал.

— Могу вас уверить, что основные факты для нас ясны,— сказал Холмс.— Мы знаем, что у вас были серьезные денежные затруднения, что вы изготовили слепки с ключей, находившихся у вашего брата, и вступили в переписку с Оберштейном, который отвечал на ваши письма в разделе объявлений в «Дейли телеграф». Мы знаем также, что в тот туманный вечер в понедельник вы проникли в помещение, где стоял сейф, и Кадоген Уэст вас выследил,— очевидно, у него уже были основания подозревать вас. Он был свидетелем похищения чертежей, но не решился поднять тревогу, быть может, предполагая, что вы достаете документы по поручению брата. Забыв проличные дела, Кадоген Уэст, как истинный патрнот, преследовал вас, скрытый туманом, до самого этого дома. Тут он к вам подошел, и вы, полковник Уолтер, к государственной измене прибавили еще одно, более ужасное преступление — убийство.

— Нет! Нет! Клянусь богом, я не убивал! — закричал несчастный пленник.

— В таком случае, объясните, каким образом он погиб, что произошло до того, как вы положили его труп на крышу вагона.

— Я расскажу. Клянусь, я вам все расскажу. Все остальное действительно было имением так, как вы сказали. Я признаюсь. На мне висел долг — я запутался, играя на бирже. Деньги нужны были позарез. Оберштейн предложил мне пять тысяч. Я хотел спасти от разорения. Но я не убивал, в этом я не повинен.

— Что же в таком случае произошло?

— Уэст меня подозревал и выследил — все так, как вы сказали. Я обнаружил его только у входа в дом. Туман был такой, что в трех шагах ничего не было видно. Я постучал дважды, и Оберштейн открыл мне дверь. Молодой человек ворвался в квартиру, бросился к нам, стал требовать, чтобы мы ему объяснили, зачем нам понадобились чертежи. Оберштейн всегда имеет при себе свинцовый кистень — он ударил им Кадогена Уэста по голове. Удар оказался смертельным, Уэст умер через пять минут. Он лежал на полу в холле, и мы совершили растерялись, не знали, что делать. И тут Оберштейну пришла в голову мысль относительно поездов, которые остаются под окном на черном ходу. Но сперва он просмотрел чертежи, отобрал три самых важных и сказал, что возьмет их.

«Я не могу отдать чертежи,— сказал я,— если к утру их не окажется на месте, в Вулидже поднимется страшный переполох».

«Нет, я должен их забрать,— настаивал Оберштейн,— они настолько сложны, что я не успею до утра снять с них копии». «В таком случае, я немедленно увезу чертежи обратно», — сказал я. Он немого подумал, потом ответил: «Три я оставлю у себя, остальные семь засунем в карман этому молодому человеку. Когда его обнаружат, похищенные, конечно, припишут ему». Я не видел другого выхода и согласился. С полчаса мы ждали, пока под окном не остановился поезд. Туман скрывал нас, и мы без труда опустили тело Уэста на крышу вагона. И это все, что произошло и что мне известно.

— А ваш брат?

— Он не говорил ни слова, но однажды застал меня с ключами, и я думаю, он меня стал подозревать. Я читал это в его взгляде. Он не мог больше смотреть людям в глаза и...

Воцарилось молчание. Его нарушил Майкрофт Холмс.

— Хотите в какой-то мере искупить свою вину? Чтобы облегчить совесть и, возможно, кару.

— Чем могу я ее искупить?..

— Где сейчас Оберштейн, куда он повез похищенные чертежи?

— Не знаю.

— Он не оставил адреса?

— Сказал лишь, что письма, отправленные на его имя в Париж, отель «Лувр», в конце концов дойдут до него.

— Значит, для вас есть еще возможность исправить содеянное,— сказал Шерлок Холмс.

— Я готов сделать все, что вы сочтете нужным. Мне этого субъекта щадить нечего. Он причиня моего падения и гибели.

— Вот перо и бумага. Сядитесь за стол — будете писать под мою диктовку. На конверте поставьте данный вам парижский адрес. Так. Теперь пишите:

«Дорогой сэр!

Пишу Вам по поводу нашей сделки.

Вы, несомненно, заметили, что недостает одной существенной детали. Я добыл необходимую копию. Это потребовало много лишних хлопот и усилий, и я рассчитываю на дополнительное вознаграждение в пятьсот фунтов. Почте доверять опасно. И я не приму ничего, кроме золота или ассигнаций. Я мог бы пронести к Вам за границу, но боюсь навлечь на себя подозрение, если именно теперь выеду из Англии. Поэтому надеюсь встретиться с Вами в курительной комнате отеля «Чаринг-Кросс» в субботу в двенадцать часов дня. Повторяю, я согласен только на английские ассигнации или золото».

— Вот и отлично,— сказал Холмс.— Буду очень удивлен, если он не отзовется на такое письмо.

И он отозвался! Но все дальнейшее относится уже к области истории, к тем тайным ее анналам, которые часто оказываются значительно интереснее официальной хроники. Оберштайн, жаждавший завершить так блестяще начатую и самую крупную свою аферу, попался в ловушку и был на пятнадцать лет надежно упрятан за решетку английской тюрьмы. В его чемодане были найдены бесценные чертежи Брюса-Партигтона, которые он уже предлагал продать с аукциона во всех военно-морских центрах Европы.

Полковник Уолтер умер в тюрьме к концу второго года заключения. А что касается Холмса, он со свежими силами принялся за свою монографию «Полифонические мотеты Лассуса»; впоследствии она была напечатана для узкого круга читателей, и специалисты расценили ее как последнее слово науки по данному вопросу. Несколько недель спустя после описанных событий я случайно узнал, что мой друг провел день в Виндзорском дворце и вернулся оттуда с великолепной изумрудной булавкой для галстука. Когда я спросил, где он ее купил, Холмс ответил, что это подарок одной очень любезной высоко-поставленной особы, которой ему посчастливилось оказать небольшую услугу. Он ничего к этому не добавил, но, мне кажется, я угадал августейшее имя и почти не сомневаюсь в том, что изумрудная булавка всегда будет напоминать моему другу историю с похищенными чертежами подводной лодки Брюса-Партигтона.

ШЕРЛОК ХОЛМС ПРИ СМЕРТИ

Квартириная хозяйка Шерлока Холмса, миссис Хадсон, была настоящей мученицей. Мало того, что второй этаж ее дома в любое время подвергался нашествию страшных и зачастую малоприятных личностей, но и сам ее знаменитый квартирант своей эксцентричностью и безалаберностью жестоко испытывал терпение хозяйки. Его чрезвычайная неаккуратность, привычка музицировать в самые неподходящие часы суток, по временам стрельба из револьвера в комнате, загадочные и часто весьма неароматичные химические опыты и вся атмосфера преступлений и опасности, окружавшая его, делали Холмса едва ли не самым неудобным квартирантом в Лондоне. Но, с другой стороны, платил он по-царски. Я не сомневаюсь, что тех денег, которые он выплатил миссис Хадсон за годы нашей с ним дружбы, хватило бы на покупку всего ее дома.

Она благоговела перед Холмсом и никогда не осмеливалась перечить ему, несмотря на все его невероятные поступки. Она также симпатизировала ему за удивительную мягкость и вежливость в обращении с женщинами. Он не любил женщин и не верил им, но держался с ними всегда по-рыцарски учтиво. Зная искреннее расположение миссис Хадсон к Холмсу, я с волнением ее выслушал, когда на второй год моей женитьбы она прибежала ко мне с известием о тяжелой болезни моего бедного друга.

— Он умирает, доктор Уотсон,— говорила она.— Уже три дня ему все хуже и хуже. Я не знаю, проживет

ли он до завтра. Он запретил мне вызывать врача. Но сегодня утром, когда я увидела, как у него все кости на лице обтянулись и как блестят глаза, я не могла больше выдержать. «С вашего согласия или без него, мистер Холмс, я немедленно иду за врачом», — сказала я. «В таком случае позовите Уотсона», — согласился он. Не теряйте ни минуты, сэр, иначе вы можете не застать его в живых!

Я был потрясен, тем более что ничего не слыхал о его болезни. Извините говорить, что я тут же схватил пальто и шляпу. По дороге я стал расспрашивать миссис Хадсон.

— Я могу вам рассказать очень немного, сэр, — отвечала она. — Он расследовал какое-то дело в Розерхайте, в переулках у реки, и, вероятно, там заразился. В среду пополудни он слег и с тех пор не встает. За все эти три дня он ничего не ел и не пил.

— Боже мой! Почему же вы не позвали врача?

— Он не велел, сэр. Вы знаете, какой онластный. Я не осмелилась ослушаться его. Но вы сразу увидите, ему не долго осталось жить.

Действительно, на Холмса было страшно смотреть. В тусклом свете туманного ноябрьского дня его спальня казалась достаточно мрачной, но что произило мне сердце, так это его худое, изможденное лицо на фоне подушек. Глаза его лихорадочно блестели, на щеках играл болезненный румянec, губы покрылись темными корками. Тонкие руки судорожно двигались по одеялу, голос был хриплым и ломающимся. Когда я вошел в комнату, он лежал неподвижно, однако что-то мелькнуло в его глазах — он, несомненно, узнал меня.

— Ну, Уотсон, как видно, наступили плохие времена, — сказал он слабым голосом, но все же с оттенком своей прежней шутливой манеры.

— Дорогой друг! — воскликнул я, приближаясь к нему.

— Стойте! Не подходите! — крикнул он тем резким и повелительным тоном, какой появляется у него только в самые напряженные минуты. — Если вы приблизитесь ко мне, я велю вам тотчас уйти отсюда.

— Но почему же?

— Потому что я так хочу. Разве этого недостаточно?

Да, миссис Хадсон была права, властность в нем не убавилось. Но вид у него был понтине жалкий.

— Ведь я хотел только помочь,— сказал я.

— Правильно. Хотите помочь, так делайте, что вам велят.

— Хорошо, Холмс.

Он несколько смягчился.

— Вы не сердитесь? — спросил он, задыхаясь.

Бедняга! Как я мог сердиться на него, когда он был в таком состоянии!

— Это ради вас самих,— сказал он хрипло.

— Ради меня?!

— Я знаю, что со мной. Родина этой болезни — Суматра. Голландцы знают о ней больше нас, но и они пока очень мало изучили ее. Ясно только одно: она, безусловно, смертельна и чрезвычайно заразна.

Он говорил с лихорадочной энергией, его длинные руки беспокойно шевелились, как бы стремясь отстранить меня.

— Заразная при прикосновении, Уотсон, только при прикосновении! Держитесь от меня подальше, и все будет хорошо.

— Боже мой, Холмс! Неужели вы думаете, что это может иметь для меня какое-нибудь значение? Я бы пренебрег этим даже по отношению к постороннему мне человеку. Так неужели это помешает мне выполнить мой долг по отношению к вам, моему старому другу?

Я снова сделал шаг в его сторону. Но он отстранил меня с бешеною яростью.

— Я буду говорить с вами, только если вы останетесь на месте. В противном случае вам придется уйти.

Я так уважаю необычайные таланты моего друга, что всегда подчинялся его указаниям, даже если совершенно их не понимал. Но тут во мне заговорил профессиональный долг. Пусть Холмс руководит мною в любых других случаях, но сейчас я — врач у постели больного.

— Холмс,— сказал я,— вы не отдаете себе отчета в своих поступках. Больной все равно, что ребенок. Хотите вы этого или нет, но я осмотрю вас и примусь за лечение.

Он злобно посмотрел на меня.

— Если мне против воли навязывают врача, то пусть это будет хотя бы человек, которому я доверяю.

— Значит, мне вы не доверяете?

— В вашу дружбу я, конечно, верю. Но факты остаются фактами. Вы, Уотсон, в конце концов только обычный врач, с очень ограниченным опытом и квалификацией. Мне тяжело говорить вам такие вещи, но у меня нет иного выхода.

Я был глубоко оскорблен.

— Такие слова недостойны вас, Холмс. Они свидетельствуют о состоянии вашей нервной системы. Но если вы мне не доверяете, я не буду набиваться с услугами. Разрешите мне привезти к вам сэра Джаспера Мика, или Пеироза Фишера, или любого из самых лучших врачей Лондона. Так или иначе, кто-нибудь должен оказать вам помощь. Если вы думаете, что я буду спокойно стоять и смотреть, как вы умираете, то вы жестоко ошибаетесь.

— Вы мне желаете добра, Уотсон,— сказал Холмс с тихим стоном.— Но хотите, я докажу вам ваше невежество? Скажите, пожалуйста, что вы знаете о лихорадке провинции Тапаиули или о формозской черной язве?

— Я никогда о них не слышал.

— На Востоке, Уотсон, существует много странных болезней, много отклонений от нормы.— Холмс останавливался после каждой фразы, чтобы собраться с силами.— За последнее время я это понял в связи с одним расследованием медико-уголовного характера. Очевидно, во время этих расследований я и заразился. Вы, Уотсон, не в силах помочь мне.

— Может быть, и так. Но я случайно узнал, что доктор Эистри, крупнейший в мире знаток тропических болезней, сейчас находится в Лондоне. Не возражайте, Холмс, я немедленно еду к нему!

Я решительно повернулся к двери.

Никогда я не испытывал такого потрясения! В мгновение ока прыжком тигра умирающий преградил мне путь. Я услышал резкий звук поворачиваемого ключа. В следующую минуту Холмс уже снова повалился на кровать, задыхаясь после этой невероятной вспышки энергии.

— Силой вы у меня ключ не отнимете, Уотсон. Попались, мой друг! Придется вам здесь посидеть, пока я

вас не выпущу. Но вы не горюйте. (Он говорил прерывающимся голосом, с трудом перевода дыхание.) Вы хотите мне помочь, я в этом не сомневаюсь. Будь по-вашему, но только дайте мне немного собраться с силами. Подождите немножко, Уотсон. Сейчас четыре часа. В шесть я вас отпущу.

— Но это безумие, Холмс!

— Всего два часа, Уотсон. В шесть вы уедете, обещаю. Потерпните?

— Вы мне не оставили выбора.

— Вот именно. Спасибо, Уотсон, я сам могу поправить одеяло. Держитесь подальше от меня. И еще одно условие, Уотсон. Вы привезете не доктора Энстрн, а того, кого я сам выберу.

— Согласен.

— Вот первое разумное слово, которое вы произнесли с тех пор, как вошли сюда, Уотсон. Зайдитесь пока книгами вон там, на полке. Я немного устал... Интересно, что чувствует электрическая батарея, когда пытается пропустить ток через доску?.. В шесть часов, Уотсон, мы продолжим наш разговор.

Но разговору этому суждено было продолжиться задолго до назначенного часа, при обстоятельствах, потрясших меня не менее, чем прыжок Холмса к двери.

Несколько минут я стоял, глядя на безмолвную фигуру на кровати. Лицо Холмса было почти закрыто одеялом, казалось, он уснул. Я был не в состоянии читать и стал бродить по комнате, разглядывая фотографии знаменитых преступников, развешенные по стенам. Так, бесцельно переходя с места на место, я добрался наконец до каминной. На каминной полке лежали в беспорядке трубки, кисеты с табаком, шприцы, перочинные ножи, револьверные патроны и прочая мелочь. Мое внимание привлекла коробочка из слоновой кости, черная с белыми украшениями и с выдвижной крышкой. Вещица была очень красивая, и я уже протянул к ней руку, чтобы получше ее рассмотреть, но тут...

Холмс издал крик, столь пронзительный, что его, наверное, услышали в дальнем конце улицы. Мороз пробежал у меня по коже, волосы стали дыбом от этого ужасного вопля. Обернувшись, я увидел искаженное

ландо Холмса, встретил его безумный взгляд. Я окаменел, зажав коробочку в руке.

— Положите ее! Немедленно положите, Уотсон, немедленно, говорят вам!

Он со вздохом облегчения откинулся на подушку, когда я положила коробку на прежнее место.

— Я не переношу, когда трогают мои вещи, Уотсон. Вы же это знаете. И что вы все ходите, это невыносимо. Вы, врач, способны довести пациента до сумасшествия! Сядьте и дайте мне покой.

Этот инцидент произвел на меня чрезвычайно тяжелое впечатление. Дикая, беспричинная вспышка, резкость, столь несвойственная обычно сдержанному Холмсу, показывали, как далеко зашло расстройство его первионной системы. Распад благородного ума — что может быть печальнее? В самом подавленном настроении я тихо сидел на стуле, пока не наступил назначененный час. Холмс, по-видимому, тоже следил за часами. Как только стрелки показали шесть, он заговорил все с тем же лихорадочным возбуждением.

— Уотсон,— спросил он,— есть у вас при себе мелочь?

— Да.

— Серебро?

— Да, порядочное количество.

— Сколько полукрон?

— Пять.

— Мало, слишком мало! — воскликнул он.— Какая досада! Но вы все-таки переложите их в кармашек для часов, а все остальные деньги в левый карман брюк. Спасибо. Это вас в какой-то мере уравновесит.

Это уже было явное помешательство. Он содрогнулся и не то кашлянул, не то всхлипнул.

— Теперь зажгите газ, Уотсон. Будьте чрезвычайно осторожны, нужно открыть газ только наполовину. Умоляю вас быть осторожным. Хорошо, спасибо. Нет, шторы не задергивайте. Теперь, Уотсон, видите там щипцы для сахара? Возьмите ими, пожалуйста, эту черную коробочку с камина. Осторожно поставьте ее вот сюда на стол, среди бумаг. Прекрасно! Ну, а теперь отправляйтесь и привезите мне мистера Кэлвертона Смита, Лоуэр-Барк-стрит, дом 13.

Говоря по правде, мое стремление бежать за врачом немого ослабело, так как мой бедный друг, несомненно, бредил и я боялся оставить его одного. Однако теперь он требовал привезти к нему Смита, требовал так же упорно, как прежде отказывался от всякой помощи.

— Никогда не слышал такого имени,— сказал я.

— Очень может быть, дорогой Уотсон. И, возможно, вас удивит, что лучший в мире знаток этой болезни — не врач, а практор. Мистер Кэлвертон Смит — постоянный житель Суматры и хорошо там известен, а в Лондон он только приехал по делам. Вспышка этой болезни на его плантациях, расположенных далеко от медицинских учреждений, заставила его самого заняться изучением ее, и он добился немалых успехов. Смит очень методичный человек. Я не хотел отпустить вас ранее шести часов, зная, что вы не застанете его дома. Если вам удастся уговорить его приехать ко мне и применить свои исключительные познания в этой области медицины, он, бесспорно, мне поможет.

Я передаю слова Холмса как связное целое. На самом деле речь его прерывалась одышкой и судорожными движениями рук, свидетельствующими о муках, испытываемых им. За то время, что я у него пробыл, внешний вид его ухудшился. Лихорадочный румянец сделался ярче, глаза еще сильнее блестели из темных глазных впадин, по временам холодный пот выступал на лбу. И все же он еще сохранял свою спокойную, четкую речь. До последнего издохания он останется самим собой!

— Вы расскажете ему подробно о моем состоянии,— сказал он.— Опишете, какое впечатление я на вас произвел, скажете, что я в бреду, что я умираю. Просто непонятно, почему все дио океана не представляет собою сплошной массы устриц,— ведь они так плодовиты. Ох, я опять заговариваюсь! Любопытно, как мозг сам себя контролирует... Что я говорил, Уотсон?

— Вы давали указания относительно мистера Кэлвертона Смита.

— Ах да, помню. Моя жизнь зависит от него, Уотсон. Постарайтесь его уговорить. Отношения у нас с ним плохие. Его племянник умер, Уотсон... Я заподозрил не-доброе, и он почувствовал это. Юноша умер в страшных

муках, Смит зол на меня. Любыми средствами смягчите его, Уотсон. Просите его, умоляйте, во что бы то ни стало привезите его сюда. Только он может спасти меня, только он!

— Обещаю, что привезу его с собой в кабинет, даже если бы мне пришлось снести его в кабинет на руках.

— Нет, это не годится. Вы должны только убедить его приехать. А сами возвращайтесь раньше. Придумайте какой-нибудь предлог, чтобы не ехать с ним вместе. Не забудьте, Уотсон, не подведите меня. Ведь вы никогда меня не подводили. Можно не сомневаться, что какие-то естественные враги препятствуют их размножению. Мы с вами, Уотсон, сделали все, что могли. Неужели же весь мир будет заполнен устрицами? Нет, нет, это слишком страшно. Передайте ему ваше впечатление как можно точнее.

Я ушел, унося с собой образ этого умнейшего человека, лепечущего, как дитя. Он отдал мне ключ, и мне пришла счастливая мысль взять ключ с собой, чтобы Холмс не вздумал запереться в комнате. Миссис Хадсон, вся в слезах, ждала меня в коридоре. Уходя, я слышал, как Холмс высоким, тонким голосом затянул какую-то безумную песню. Пока я на уланце подзывал кабинет, ко мне из тумана приблизилась темная фигура.

— Как здоровье мистера Холмса? — спросил голос.

Это был мой старый знакомый инспектор Мортон из Скотленд-Ярда, одетый в штатское.

— Очень плохо, — ответил я.

Он как-то странно взглянул на меня. Не будь это слишком невероятным, я подумал бы, что при свете, падающем из окна над дверью, я прочел на его лице удовлетворение.

— Да, я слышал об этом, — сказал он.

Кабинет подъехал, и мы расстались.

Лоуэр-Бэрк-стрит представляла собою длинный ряд красивых домов между Нотting-Хиллом и Кенсингтоном. Здание, перед которым остановился кабинет, имело чопорный и солидный вид — старомодная железная ограда, массивная двустворчатая дверь с блестящими медными ручками. Общему впечатлению соответствовал и величественный дворецкий, появившийся на пороге в розовом сиянии электрической люстры.

— Да, мистер Кэлвертон Смит дома. Доктор Уотсон? Хорошо, сэр, позвольте вашу визитную карточку.

Мое скромное имя и профессия, очевидно, не произвели должного впечатления на мистера Кэлвертона Смита. Через полуоткрытую дверь я услышал раздраженный, пронзительный голос.

— Кто это? Что ему нужно? Сколько раз я говорил вам, Стэплс, что, когда я работаю, мне нельзя мешать.

Послышались тихие и успокаивающие объяснения дворецкого.

— Я его не приму, Стэплс. Не терплю таких помех. Меня нет дома, так ему и скажите. Если я ему нужен, пусть придет завтра утром.

Снова тихое бормотание.

— Идите, идите, скажите ему. Пусть придет утром или совсем не приходит.

Мне представился Холмс, как он мечется по кровати и считает минуты в ожидании помощи. Тут было не до церемоний. Жизнь Холмса зависела от моей энергии и настойчивости. Прежде чем дворецкий успел передать мне ответ своего хозяина, я оттолкнул его и вошел в комнату.

Человек, сидевший в кресле у каминя, с пронзительным криком ярости вскочил с места. Я увидел крупное, желтое лицо с грубыми чертами, массивным двойным подбородком и злобными серыми глазами, свирепо глядевшими на меня из-под косматых рыжих бровей. На лысой розовой голове была надета бархатная шапочка, кокетливо сдвинутая набок. Череп хозяина был огромного размера. Но, переведя взгляд ниже, я с изумлением увидел, что тело у него маленькое, хилое, искривленное в плечах и спине, вероятно, из-за перенесенного в детстве ракита.

— Что это значит? — кричал он высоким, визгливым голосом. — Что означает это вторжение? Ведь я велел вам сказать, чтобы вы пришли завтра утром.

— Простите, — сказал я, — но это дело неотложное. Мистер Шерлок Холмс... — Имя моего друга произвело удивительное действие на маленького человечка. Гнев моментально исчез, лицо сделалось напряженным и внимательным.

— Вы от Холмса? — спросил он.

— Я только что от него.

— Что с Холмсом?

— Он очень, очень болен. Поэтому-то я и прнехал к вам.

Хозяин указал мне на стул и повернулся к своему креслу. В зеркале над камниом мельчило его лицо. Я мог бы поклясться, что на нем появилась отвратительная, злобная усмешка. Но я тут же убедил себя, что это нервная судорога; через минуту, когда он снова повернулся ко мне, его лицо выражало искреннее огорчение.

— Мне больно слышать это,— сказал он.— Я встречался с мистером Холмсом только на деловой почве, и очень уважаю его как за талант, так и за личные качества. Он знаток преступлений, а я знаток болезней, он занимается злодеями, я — микробами. Вот мои заключенные,— продолжал он, указывая на ряд бутылей и банок, стоящих на столике у стены.— В этих желатниковых культурах отбывают срок наказания весьма опасные преступники.

— Холмс жаждет видеть вас именно в силу ваших специальных познаний. Он чрезвычайно высоко ценит вас и считает, что во всем Лондоне только вы в силах оказать ему помощь.

Маленький человечек вздрогнул, и его кокетливая шапочка свалилась на пол.

— Почему же?— спросил он.— Почему мистер Холмс думает, что я могу помочь ему?

— Потому что вы знаток восточных болезней.

— Но почему он думает, что болезнь, которой он заразился, восточная болезнь?

— Потому что ему пришлось работать в доках, среди китайских матросов.

Мистер Кэлвертон Смит любезно улыбнулся и поднял свою шапочку.

— Ах вот как,— сказал он.— Я надеюсь, что дело не так опасно, как вы полагаете. Сколько времени он болеет?

— Около трех дней.

— Он бредит?

— По временам.

— Гм! Это хуже. Было бы бесчеловечным не отклик-

иуться на его просьбу. Я очень не люблю, когда прерывают мою работу, доктор Уотсон, но тут, конечно, исключительный случай. Я сейчас же поеду с вами.

Мне припомнилось указание Холмса.

— Меня ждут в другом месте,— сказал я.

— Хорошо, я поеду один. Адрес мистера Холмса у меня записан. Через полчаса я буду у него.

С замиранием сердца входил я в спальню Холмса. За это время могло произойти самое худшее. Однако, к огромному моему облегчению, его состояние значительно улучшилось. Правда, лицо его все еще было мертвенно-бледным, но от бреда не осталось и следа, он говорил хотя и слабым голосом, но даже сверх обычного ясно и живо.

— Вы видели его, Уотсон?

— Да, он сейчас приедет.

— Замечательно, Уотсон, замечательно. Вы лучший из вестников.

— Он хотел вернуться со мной.

— Этого не следовало допускать, Уотсон. Это было бы явно невозможно. Спрашивал ли он о причинах болезни?

— Я сказал ему про матросов в Ист-Энде.

— Правильно! Вы сделали все, что только мог сделать настоящий друг. Теперь, Уотсон, вы можете исчезнуть со сцены.

— Я должен подождать и выслушать его мнение, Холмс.

— Конечно. Но я имею основания полагать, что он выскажет свое мнение гораздо откровеннее, если будет думать, что мы с ним один. За изголовьем моей кровати как раз достаточно места для вас, Уотсон.

— Дорогой Холмс!

— Боюсь, что у вас нет выбора, Уотсон. В комнате негде спрятаться, и это к лучшему, это не возбудит подозрений. Но здесь, Уотсон, здесь, я думаю, мы ничем не рискуем.

Он внезапно сел на кровати. Его осунувшееся лицо было полно решимости.

— Я слышу стук колес, Уотсон. Скорее, если только вы меня любите. И не шевелитесь, что бы ни случи-

лось. Что бы ни случилось, поиатно? Не говорите, не двигайтесь. Только слушайте как можно внимательнее.

Столь же виевапно силы оставили его, и четкая, повелительная речь перешла в слабое, иеясное бормотание человека, находящегося в полубреду.

Из своего убежища, в котором я так неожиданно оказался, я услышал шаги по лестнице, потом звук открываемой и закрываемой двери в спальню. А затем, к моему удивлению, последовало долгое молчание, прерываемое только тяжелым дыханием больного. Я представил себе, как наш посетитель стоит у кровати и смотрит на страдальца. Наконец это странное молчание кончилось.

— Холмс! — воскликнул Смит настойчивым тоном, каким будят спящего. — Холмс! Вы слышите меня? — Я уловил шорох, как будто он грубо тряс больного за плечо.

— Это вы, мистер Смит? — прошептал Холмс. — Я не смел надеяться, что вы придетете.

Смит засмеялся.

— Ну еще бы, — сказал он. — И все же, как видите, я здесь. Воздаю добром за зло, Холмс, добром за зло.

— Это очень хорошо, очень благородно с вашей стороны. Я высоко ценю ваши знания.

Наш посетитель усмехнулся.

— К счастью, только вы во всем Лоидоне и способны их оценить. Вы знаете, что с вами?

— То же самое, — сказал Холмс.

— Вот как! Вы узнаете симптомы?

— Да, слишком хорошо.

— Что ж, очень возможно, Холмс. Очень возможно, что это оно и есть. Если так, то дело ваше плохо. Бедный Виктор умер на четвертый день, а он был крепкий, здоровый, молодой. Вам тогда показалось очень странным, что он в сердце Лондона заразился этой редкой азиатской болезнью, которую я к тому же специально изучаю. Удивительное совпадение, Холмс. Вы ловко это подметили, но не очень-то великодушно было утверждать, что здесь можно усмотреть причину и следствие.

— Я знал, что это ваших рук дело.

— Ах вот как, вы знал? Но доказать вы ничего не могли. А хорошо ли это: сперва выдвигать против меня

такие обвинения, а чуть сами оказались в беде, пресмыкаться передо мной, умоляя о помощи? Как это называть? А?

Я услышал хриплое, затрудненное дыхание больного.

— Дайте мне воды,— прошептал он, задыхаясь.

— Скоро вам крышка, милейший. Но я не уйду, не поговорив с вами. Только поэтому я и подаю вам воду. Держите! Не расплескайте. Вот так. Вы понимаете, что я вам говорю?

Холмс застонал.

— Помогите мне, чем можно. Забудем прошлое,— шептал он.— Я выброшу из головы все это дело. Клянусь вам. Только вылечите меня, я все забуду.

— Что забудете?

— Насчет смерти Виктора Сэведжа. Вы сейчас признали, что вы это сделали. Я это забуду.

— Можете забывать или помнить, как вам будет угодно. Я не увижу вас среди свидетелей. Вы будете в совершенно другом месте, мой дорогой Холмс. Вы знаете, отчего умер мой племянник, ну и ладно. Сейчас речь не о нем, а о вас.

— Да, да.

— Ваш приятель, которого вы послали за мной,— не помню его имя— сказал, что вы заразились этой болезнью в Ист-Энде, у матросов.

— Я только так могу это объяснить.

— И вы гордитесь своим умом, Холмс! Вы считаете себя таким догадливым, не правда ли? Но нашелся кое-кто поумнее вас. Подумайте-ка, Холмс, не могли ли вы заразиться этой болезнью другим путем?

— Я не могу думать. Голова не работает. Ради всего святого, помогите.

— Да, я вам помогу, помогу вам понять, что и как произошло. Я хочу, чтобы вы узнали об этом прежде, чем умрете.

— Дайте мне чего-нибудь, чтобы облегчить эти боли!

— Ага, у вас появились боли? Да, мои кули тоже визжали перед смертью. Ощущение, как при судорогах?

— Да, да, это судороги.

— Ничего, слушать они вам не помешают. Слушайте! Не припомните ли вы какое-нибудь необычное

происшествие в вашей жизни, как раз перед тем, как вы заболели?

— Нет, нет, ничего.

— Подумайте хорошенько.

— Я слишком болен, чтобы думать.

— Ну, тогда я вам помогу. Не получали ли вы чего-нибудь по почте?

— По почте?

— Например, коробочку.

— Я слабею, я умираю!

— Слушайте, Холмс! — Он, видимо, тряс умирающего за плечо. Я едва усидел в своем убежище. — Вы должны меня услышать! Помните коробочку из слоновой кости? Вы получили ее в среду. Вы ее открыли... помните?

— Да, да, я открыл ее, там была острая пружина. Какая-то шутка...

— Это не было шуткой, в чем вы очень скоро убедитесь. Пеняйте на себя, глупый вы человек. Кто просил вас становиться на моем пути? Если бы вы меня не трогали, я не причинил бы вам вреда.

— Вспоминал! — Холмс задыхался. — Пружина! Я оцарапался о нее до крови. Вот эта коробочка, там, на столе.

— Она самая! И сейчас она исчезнет в моем кармане. Таким образом, у вас не остается ни одной улики. Ну вот, Холмс, теперь вы знаете правду и можете умереть с сознанием, что я вас убил. Вы слишком много знали о смерти Виктора Саведжа, поэтому я заставил вас разделить его судьбу. Вы очень скоро умрете, Холмс. Я посижу здесь и посмотрю, как вы будете умирать.

Голос Холмса понизился почти до невнятного шепота.

— Что? — спросил Смит. — Повериуть газ? А, появились тени? Да, я повериу его, чтобы лучше вас видеть. — Он пересек комнату, и мгновенно ее залил яркий свет. — Не нужно ли оказать вам еще какую-нибудь услугу, мой друг?

— Спички и папиросы!

Я едва не закричал от радости. Холмс говорил своим естественным голосом, правда, немного слабым, но тем самым, который я так хорошо знал. Последовала

долгая пауза, и я почувствовал, что Кэлвертон Смит в безмолвии изумления смотрит на Холмса.

— Что это значит? — спросил он наконец сухим, резким голосом.

— Лучший способ хорошо сыграть роль, — сказал Холмс, — это вжиться в нее. Даю вам слово, что все эти три дня я ничего не ел и не пил, пока вы любезно не подали мне стакан воды. Но труднее всего было не курить. А вот и папиросы! — Я услышал чирканье спички. — Ну вот, мне сразу стало лучше. Ого, я, кажется, слышу шаги друга!

Снаружи послышались шаги, дверь открылась, и появился инспектор Мортон.

— Все в порядке. Можете его забрать, — сказал Холмс.

— Вы арестованы по обвинению в убийстве Виктора Сведжса, — сказал инспектор.

— И можете прибавить, за покушение на убийство Шерлока Холмса, — заметил мой друг, посмеиваясь. — Чтобы зря не затруднить больного, инспектор, мистер Кэлвертон Смит сам дал вам сигнал полным включением газа. Между прочим, у арестованного в правом кармане пиджака небольшая коробочка. Ее надо изъять. Благодарю вас. С ней надо обращаться очень осторожно. Положите ее сюда. Она пригодится на суде.

Послышался внезапный бросок, борьба, сопровождаемая звяканьем железа и криком боли.

— Только себя же изувечите, — сказал инспектор. — Стойте смирио!

И я услышал, как защелкинулись наручники.

— Вот как! Ловушка! — закричал высокий взгли-
вый голос. — Это приведет на скамью подсудимых вас, Холмс, а не меня. Он просил меня пронехать лечить его. Я его пожалел и приехал. Теперь он, конечно, будет утверждать, будто я сказал какую-нибудь чепуху, которую он сам придумал в подтверждение своих безумных подозрений. Можете лгать, сколько хотите, Холмс. Моя слова имеют не меньший вес, чем ваши.

— Боже мой! — воскликнул Холмс. — Ведь я совершил забыл о нем. Дорогой Уотсон, приношу вам тысячу извинений. Подумать только, что я упустил из вида ваше присутствие! Мне незачем знакомить вас с мисте-

ром Кэлвертоном Смитом — вы, сколько я понимаю, уже виделись с ним сегодня. Есть у вас кэб, инспектор? Я поеду вслед за вами, как только оденусь, мое присутствие может понадобиться полиции.

Одеваясь, Холмс съел несколько бисквитов и утолил жажду стаканом кларета.

— Никогда я, кажется, не ел и не пил с таким удовольствием, — сказал он. — Впрочем, мой образ жизни, как вам известно, не отличается регулярностью, и такие подвиги даются мне легче, чем многим другим. Мне было крайне необходимо, чтобы миссис Хэтон уверилась в моей болезни, так как ей предстояло сообщить эту новость вам, а вы должны были, в свою очередь, уведомить Смита. Вы не обиделись, Уотсон? Признайтесь, что умение притворяться не входит в число ваших многочисленных талантов. Если бы вы знали мою тайну, вы никогда не смогли бы убедить Смита в настоятельной необходимости его приезда, а этот приезд был главным пунктом моего плана. Зная его мстительность, я был убежден, что он прнедет взглянуть на результаты своего преступления.

— Но ваш вид, Холмс, ваше мертвенно-бледное лицо?..

— Три дня полного поста не красят человека. А остальное легко может быть излечено губкой. Вазелин на лбу, белладонна, впрынутая в глаза, румяна на скулах и плеинки из воска на губах — все это производят вполне удовлетворительный эффект. Симуляция болезней — это тема, которой я думаю посвятить одну из своих монографий. А разговор о полукроинах, устрницах и прочих не относящихся к делу вещах создали неплохое впечатление бреда...

— Но почему вы не разрешали мне приближаться к вам, раз никакой инфекции не было?

— И вы еще спрашиваете, мой дорогой Уотсон! Вы думаете, я не ценю ваши медицинские познания? Разве я мог надеяться, что ваш опытный взгляд пройдет мимо таких фактов, как отсутствие изменений температуры и пульса у умирающего? За четыре шага я еще мог обмануть вас. А если бы мне это не удалось, кто привез бы сюда Смита? Нет, Уотсон, не трогайте эту коробочку. Если взглянете на нее сбоку, вы сможете заметить,

где именно появляется острые пружинка, когда коробку раскроешь. Очевидно, при помощи какого-нибудь приспособления вроде этого и был убит бедный Сэвеж, который стоял между этим чудовищем и наследством. Я, как вы знаете, получаю самую разнообразную корреспонденцию и привык относиться с опаской ко всем посылкам, приходящим на мое имя. Мне было ясно, что, убедив Смита в том, что его злобный план осуществился, я смогу выманить у него признание. Свое притворство я разыграл с тщательностью настоящего актера.

Благодарю вас, Уотсон, а теперь помогите мне, пожалуйста, надеть пальто. Когда мы закончим дела в полиции, я полагаю, что нелишним будет заехать подкрепиться к Симпсону.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЛЕДИ ФРЭНСИС КАРФЭКС

— Но почему турецкие? — спросил Шерлок Холмс, упорно разглядывая мои ботинки. Я сидел в широком плетеном кресле, и мои вытянутые ноги привлекли его недремлющее внимание.

— Нет, английские, — удивленно отозвался я. — Я их купил у Латимера на Оксфорд-стрит.

Холмс обреченно вздохнул.

— Баны! Баны турецкие, а не ботинки! Почему расслабляющие и очень дорогие турецкие бани, а не бодрящая ванна дома?

— Потому что у меня разыгрался ревматизм, я стал чувствовать себя старой развалиной. А турецкие бани — как раз то, что мы, медики, в таких случаях рекомендуем, встряска, после которой как будто заново рождаешься. Кстати, Холмс, — продолжал я, — для человека, мыслящего логически, связь между моими башмаками и турецкими банями, разумеется, самоочевидна, но я буду чрезвычайно признателен, если вы ее мне раскроете.

— Ход рассуждений не так уж непостижим, милый Уотсон. — В глазах Холмса запрыгали озорные искорки. — Иллюстрацией к несложной системе умозаключений, которой я пользовался, может послужить вопрос: кто сегодня утром ехал с вами в кэбе?

— Не считаю еще одну иллюстрацию объяснением, — не без едкости парировал я.

— Браво, Уотсон! Сказано с достоинством и вполне логично. Да, так с чего мы начали? Давайте разберем

сначала второй пример — с кэбом. На левом плече и рукаве вашего пальто брызги. Если бы вы сидели на середине сиденья, вас бы, вероятно, не забрызгало вовсе или забрызгало с обеих сторон. Значит, вы сидели слева. И, значит, вы ехали не один.

— Ну вот, теперь я понял.

— До смешного просто, да?

— Но бани и ботинки?

— О, это еще примитивнее. Вы всегда завязываете шнурки одинаково. А сейчас я вижу замысловатый двойной узел, совсем не похожий на ваш. Значит, вы снимали ботинки. Кто мог завязать вам шнурки? Или сапожник, или прислужник в бане. Сапожника исключаем, потому что ботинки почти новые. Что остается? Остаются бани. Элементарно, правда? Но как бы там ни было, Уотсон, турецкие бани сослужили свою службу.

— В каком смысле?

— Вы сознались, что поехали туда, потому что вам нужна была встряска. Позвольте мне предоставить вам возможность встряхнуться. Что вы скажете о поездке в Лозанию, милый Уотсон, — первым классом, все расходы оплачиваются с королевской щедростью, а?

— Великолепно! Но зачем?

Холмс откинулся на спинку кресла и вытащил из кармана записную книжку.

— Из всех представителей рода человеческого, — начал он, — самый опасный — одиокая женщина без дома и друзей. Этот безобиднейший и даже, может быть, полезнейший член общества — неизменная причина многих и многих преступлений. Это беспомощное существо сегодня здесь, завтра там. У нее достаточно средств, чтобы кочевать из страны в страну, переезжать из гостиницы в гостиницу. И вот в каком-нибудь подозрительном пансионе или отеле след ее обрывается. Она как цыпленок, заблудившийся в мире лисиц. Если ее слопают, никто и не хватится. Боюсь, леди Фрэнсис Карфэкс попала в беду.

Я приветствовал этот неожиданный переход от общих рассуждений к частным. Холмс полистал страницки и продолжал:

— Леди Фрэнсис — единственный потомок графа Рафтона по прямой линии. Земли в их роду, как вы,

возможно, помните, наследовали сыновья. Состояние леди Фрэнсис получила небольшое, но ей достались редчайшие драгоценности старинной испанской работы — оправленные в серебро бриллианты необычной огранки, которые она очень любила, настолько, что не пожелала оставить их у своего банкира и всегда возила с собой. Грустные мысли вызывает леди Фрэнсис: по странной прихоти судьбы этой красивой, далеко не старой женщине суждено было стать последним, засыхающим побегом дерева, всего двадцать лет тому назад мощного и цветущего.

— Но что же с ней случилось?

— Что случилось с леди Фрэнсис Карфакс? Жива она или нет? Это-то мы и должны узнать. Она человек строгих привычек: четыре года она неназменно раз в две недели писала своей старой гувернантке мисс Добни, которая уже давно не работает и живет в Камберуэлле. Мисс Добни и обратилась ко мне. Вот уже пять недель от леди Фрэнсис нет ни строчки. Последнее письмо было послано из Лозанны, из отеля «Националь», откуда она уехала, не оставив адреса. Родные волнуются. Люди они чрезвычайно состоятельные и, разумеется, готовы на любые расходы, если мы поможем им выяснить, что произошло.

— И эта мисс Добин — единственный источник сведений? Неужели у леди Фрэнсис не было других корреспондентов?

— Был, Уотсон, вернее, был еще один корреспондент, и от него-то я узнал немало любопытного. Это банк. Однократно женщинам тоже нужно жить, и их банковский счет — тот же дневник. Деньги леди Фрэнсис лежат в банке Сильвестра. Я просматривал ее счет. Предпоследний раз она взяла деньги, чтобы расплатиться в лозаннском отеле, но сумму взяла большую, так что у нее должны были быть остаться наличные. С тех пор был предъявлен только один чек.

— Кем и где?

— Мадемуазель Мари Девайн, а вот где он был выписан, неизвестно. Погасил его финал банка «Лионский кредит» в Монпелье две с половиной недели тому назад. Сумма — пятьдесят фунтов.

— А кто такая мадемуазель Марн Девин?

— Это мне тоже удалось установить. Мадемуазель Мари Девин служила у леди Фрэнсис горничной. Но вот зачем леди Фрэнсис понадобилось выдать этот чек своей горничной, я еще не разгадал. Впрочем, я ни на минуту не сомневаюсь, что ваши поиски помогут прояснить это обстоятельство.

— Мои поиски?

— Ну да,— вы же едете в Лозанну, чтобы рассеяться. Мне-то нельзя уехать из Лондона, пока жизни Абрахамса грозит такая опасность. Да и вообще по многим соображениям мне следует держаться в пределах Англии. Скотленд-Ярд без меня скучает, а в уголовном мире начинается нездоровое оживление. Поезжайте, милый Уотсон, и если два пенса за слово моего скромного совета не покажутся вам чрезмерной ценой, я в любое время дня и ночи к вашим услугам и в пределах досягаемости Континентального телеграфа.

Через два дня я входил в дверь лозаннского отеля «Националь». Знаменитый управляющий отеля месье Мозер был сама любезность. Да, леди Фрэнсис прожила у них несколько недель. Все были очарованы ею. Мадам лет сорок, не больше. Она и сейчас еще очень хороша собой, можно себе представить, какая она была красавица в молодости. О фамильных драгоценностях месье Мозеру ничего не известно, но от слуг он слышал, что тяжелый чемодан в спальне мадам всегда был заперт. Горничную Мари Девин все тоже любили, как и ее хозяйку. Она даже была помолвлена с одним из старших официантов отеля, и узнать ее адрес оказалось делом совсем несложным. «Монпелье, улица Траяни, дом 11», — записал я в своей книжке и подумал, что сам Холмс мог бы позавидовать ловкости, с какой я раздобыл эти сведения.

Одно оставалось загадкой, и у меня не было к этой загадке ключа: почему леди Фрэнсис неожиданно уехала из Лозанны? Ведь жизнь ее здесь складывалась так приятно. Естественно было ожидать, что она проведет здесь весь сезон. А она вдруг в один день собралась и уехала, потеряв недельную плату за свой роскошный номер окнами на озеро. Никто ничего не понимал. Един-

ственнную догадку высказал жених горничной Жюль Вибар: виезапный отъезд леди Фрэнсис связан с появлением высокого смуглого человека с бородой, который явился к ней в отель иакаине. «*Un sauvage, un véritable sauvage!*»¹ — воскликнул Жюль Вибар. Человек этот снимал комнаты где-то в городе. Однажды, когда мадам гуляла по набережной — многие это видели, — он подошел к ней и стал что-то взволнованно говорить. Потом он пришел в гостиницу, однако мадам отказалась принять его. Он был англичанин, но имени его никто не знал. На другой день мадам уехала. И Жюль Вибар и — что гораздо важнее — его невеста считали появление этого человека причиной случившегося, а отъезд мадам — следствием. Лишь однажды Жюль Вибар отказался сообщить — почему Мари ушла от леди Фрэнсис. То ли не знал, то ли не хотел говорить. «Если вас это интересует, поезжайте в Монпелье и спросите ее сами».

Так завершился первый тур моих поисков. Теперь мне предстояло узнать, куда направилась леди Фрэнсис Карфэкс из Лозанны. Она это обстоятельство скрыла, следовательно, предположение, что, уезжая, она хотела сбить кого-то со следа, подтверждается. Как иначе объяснить, что на ее багаже не было наклеек с обозначением Бадена? И она и ее багаж отправились на этот рейнский курорт не прямо, а кружным путем. Узнав все это в местном отделении агентства Кука, я отправился в Баден, предварительно информировав Холмса по телеграфу о всех своих действиях и получив в ответ шутливо-добродушную похвалу.

В Бадене я без труда нашел потерянный было след. Леди Фрэнсис остановилась в гостинице «Альбион», где прожила две недели. Там она познакомилась с неким доктором Шлезингером — миссионером из Южной Африки — и его супругой. Как почти все одинокие женщины, леди Фрэнсис искала утешения в религии и посвящала ей много времени. На нее произвела глубокое впечатление необыкновенная личность доктора Шлезингера и страстная вера этого человека, страдавшего от недуга, который поразил его во время подвижнической

¹ Дикарь, настоящий дикарь (франц.).

деятельности в Африке. Леди Фрэнсис помогала миссис Шлезингер ухаживать за выздоравливающим святым, который, как рассказал мне управляющий отеля, весь день проводил в глубоком кресле на веранде, в обществе обеих дам. Он работал над составлением карты Святой земли; в особенности его интересовало племя мидянитов, о которых он пишет монографию. Наконец здоровье доктора заметно улучшилось, и он с женой вернулся в Лондон. Леди Фрэнсис поехала с ними. Произошло это три недели тому назад, и больше ни о ком из них управляющий не слышал. Что касается горничной Марии, то за несколько дней до отъезда мадам она вышла от нее в слезах. Служанкам в гостинице она рассказывала, что больше служить не будет, и уехала страшно расстроенная. Доктор Шлезингер уплатил и по своему счету и по счету леди Фрэнсис.

— И знаете, — сказал в заключение управляющий «Альбиона», — вы не единственный из друзей леди Франсис разыскиваете ее. Всего неделю назад к нам приходил спрашиваться о ней какой-то мужчина.

— Он назвал свое имя?

— Нет. Он англичанин, хоть внешность у него для англичанина нетипичная.

— На дикаря похож, да? — спросил я, сопоставив по методу моего прославленного друга известные мне факты.

— Да, да, именно на дикаря! Это слово к нему очень подходит. Высоченный, загорелый, бородатый, такому место в деревенском трактире, а не в фешенебельной гостинице. Не человек, а порох. Бешеный какой-то, я бы такого поостерегся задевать.

Наконец-то контуры начали вырисовываться — так яснее проступают фигуры пешеходов на улице, когда редеет туман. За доверчивой, набожной женщиной крадется по пятам зловещая тень. Она боится своего преследователя, иначе не бежала бы так поспешно из Лозанны. Он снова гонится за ней. Рано или поздно он ее настигнет. А может быть, уже настиг? Не в этом ли разгадка ее долгого молчания? Значит, славные люди, с которыми она подружилась в Бадене, не сумели защитить ее от его угроз и домогательств? Какая страшная тайна, какой непостижимый замысел заставляют его так упорно

преследовать леди Фрэнсис? Эти вопросы ждали моего решения.

Я написал обо всем Холмсу, довольный, что так быстро добрался до сути дела. В ответ я получил телеграмму с просьбой описать левое ухо доктора Шлезингера. Своеобразно у Холмса проявляется чувство юмора, иногда даже оскорбительно. Я, разумеется, оставил без внимания его неуместную шутку, — кстати, и получил я его послание уже в Монпелье, куда поехал повидаться с Мари Девини.

Я без труда нашел дом бывшей горничной и выведал у нее все, что она знала. Она очень любила свою хозяйку и рассталась с ней только потому, что ту сейчас окружает друзья — в этом Мари была уверена, — и еще потому, что приближался день ее свадьбы и службу ей все равно пришлось бы оставить. Она призналась огорченно, что, когда они жили в Бадене, леди Фрэнсис часто сердилась на нее, один раз даже допрашивала, как будто сомневалась в ее честности, и из-за этой обиды Мари пережила расставание легче, чем думала. Леди Фрэнсис дала ей в виде свадебного подарка пятьдесят фунтов. Так же, как и мне, девушке внушал серьезные опасения незнакомец, из-за которого ее хозяйка уехала из Лозанны. Она своими глазами видела, как он у всех на виду грубо схватил леди Фрэнсис за руку. Страшный человек, бешеный какой-то. Наверное, леди Фрэнсис потому и уехала в Лондон с Шлезингерами, что боялась его. С Мари она никогда о нем не говорила, но по многим признакам та видела, что хозяйку ее неотступно терзает мучительный страх.

— Вот он, смотрите! — вдруг прервала свой рассказ девушка, испуганно вскочив со стула. — Негодяй опять ее выселяет!

В открытое окно гостиной я увидел очень высокого смуглого человека с черной курчавой бородой. Он медленно шел по мостовой, внимательно разглядывая номера домов. Сомнений не оставалось, — он, как и я, разыскивал горничную. Не раздумывая, я выбежал на улицу и остановил его.

— Вы англичанин? — спросил я.

— Ну и что, если англичанин? — огрызнулся он.

— Позвольте мне спросить, как ваше имя?

— Не позволю, — отрезал он.

Положение осложнялось. Я решил идти напролом — ведь прямой путь самый короткий! — и строго спросил:

— Где леди Фрэйсис Карфэкс?

Он в изумлении уставился на меня.

— Что вы с ней сделали? Зачем вы ее преследуете? Я требую ответа!

С яростным воплем человек кинулся на меня, как тигр. Я не раз одерживал верх в драках, но у этого сумасшедшего оказались железные лапищи и сила бешеного быка. Не прошло и трех секунд, как он схватил меня за горло, я начал терять сознание, но тут из кабачка напротив выбежал какой-то небритый француз-мастеровой в синей блузке, хватил моего обидчика по плечу дубинкой, и тому пришлось выпустить меня. С минуту он стоял, трясясь от бешенства и раздумывая, не кинуться ли на меня снова, потом злобно фыркнул и зашагал к дому, из которого я только что вышел. Я повернулся поблагодарить моего спасителя — он все еще стоял рядом на мостовой — и вдруг услышал:

— Ну, поздравляю, Уотсон, надо же суметь столько напортить! Видно, придется вам возвращаться со мной ночным экспрессом в Лондон.

Час спустя Шерлок Холмс, уже в своем обличье и, как всегда, элегантный, сидел в моей комнате в отеле. Разгадка его неожиданного счастливого появления оказалась более чем простой: обстоятельства позволили ему уехать из Лондона, и он решил перехватить меня в том месте, где я, по его расчетам, должен был в это время находиться. В одежде рабочего он расположился в кабачке, дожидаясь меня.

— И ведь до чего последовательно вы действовали, милый Уотсон! Из всех ошибок, которые только можно было совершить, вы не упустили ни одной. В результате вы всех, кого можно, вспугнули и ровным счетом ничего не выяснили.

— Может быть, и вам удалось бы не больше, — с обидой возразил я.

— Никаких «может быть» не может быть, мне удалось больше. А вот и достопочтенный Филипп Грин. Он ваш сосед по гостинице. Возможно, с его помощью нам удастся повести дело более успешно.

Лакей подал визитную карточку на подносе, и в комнату вошел тот самый бородатый хулиган, который налетел на меня на улице. Он вздрогнул, увидев меня.

— Что это значит, мистер Холмс? — спросил он. — Я получил вашу записку и пришел. Но как объяснить присутствие здесь этого человека?

— Этот человек — мой старый друг и коллега, доктор Уотсон, он помогает нам в наших поисках.

Незнакомец протянул мне коричневую от загара руки и стал извиняться:

— От души надеюсь, что вы не пострадали от моих рук. Когда вы стали обвинять меня в каком-то проступке против нее, я не сдержался. Я вообще сейчас живу как в лхорадке. Нервы ни к черту... Но объясните мне ради всего святого, мистер Холмс, как вы вообще узнали о моем существовании?

— Я разговаривал с гувернанткой леди Фрэнсис, с мисс Добни.

— Миная старушка Сьюзен Добни в вечном своем чепце! Я ее хорошо помню.

— А она помнит вас. Таким, каким вы были раньше, до отъезда в Африку.

— Так вы все знаете! Хорошо, что мне не нужно ничего скрывать от вас, мистер Холмс. Клянусь вам, не было в мире человека, который любил бы женщину сильнее, чем я любил Фрэнсис. Но в юности я вел беспутную жизнь, как и многие молодые люди нашего круга, а ее душа была чиста, как снег, все грубое и низменное было ей невыносимо. И когда кто-то рассказал ей обо мне, она не пожелала больше меня видеть. А ведь эта святая женщина любила меня — вот что удивительно! — любила так, что из-за меня на всю жизнь осталась одна. Я уехал в Барбертон. Прошло много лет, я нажил состояние и наконец решился разыскать ее и попытаться смягчить. Мне было известно, что она так и не вышла замуж. Я нашел ее в Лозанне и стал умолять простить меня. Мне кажется, сердце ее не осталось глухо к моей мольбе, но воля была непреклонна, и, когда я пришел к ней на другой день, ее уже не было в городе. Мне удалось узнать, что она поехала в Баден, а через некоторое время я услышал, что здесь живет ее горничная. Человек я резкий, жил все эти годы среди людей

простых, ну и взорвался, когда доктор Уотсон заговорил со мной. Но ради бога, что случилось с леди Фрэнсис?

— Это-то мы и должны узнать, — сказал Холмс очень серьезно. — Вы где остановитесь в Лондоне?

— В отеле «Лангхем».

— Тогда я попрошу вас ехать немедленно в Лондон и быть наготове. Мне не хочется подавать вам несбыточных надежд, мистер Грин, но вы можете быть уверены, что для спасения леди Фрэнсис будет сделано все возможное. Пока я ничего больше не могу сказать. Вот моя визитная карточка, держите со мной связь все время. А теперь, Уотсон, если вы начнете укладываться, я пойду на телеграф и попрошу миссис Хадсон завтра в половине восьмого продемонстрировать свое искусство двум голодным путешественникам.

На Бейкер-стрит нас ждала телеграмма. Холмс с жадным интересом прочел ее и протянул мне. Телеграмма была отправлена из Бадена и содержала всего одно слово: «Разорванное».

— Что за чепуха? — удивился я.

— Эта чепуха имеет огромный смысл, — сказал Холмс. — Вы, надеюсь, помните просьбу, с которой я к вам обратился — она на первый взгляд могла показаться нелепой, — описать левое ухо почтенного миссионера? Вы ее оставили без внимания.

— Я не мог навести справки, меня к тому времени в Бадене уже не было.

— Совершенно верно. Именно поэтому я послал телеграмму с точно такой же просьбой управляющему «Альбиона». Вот его ответ.

— И о чем его ответ говорит?

— А о том, дорогой мой Уотсон, что мы имеем дело с человеком чрезвычайно хитрым и опасным. Миссионер из Южной Африки доктор Шлезингер не кто иной, как Питерс-Праведник, один из самых ловких преступников среди тех, что дала миру Австралия, а эта молодая страна вывела уже немало образцовых экземпляров. Питерс специализируется на одниоких женщинах, которых заманивает в ловушку, играя на их религиозных чувствах, а некая англичанка по имени Фрейзер, его так на-

зывающая жена, ему в этом помогает. Тактика доктора Шлезингера дала мне основания заподозрить, что он не Шлезингер, а Питерс-Праведник, телеграмма же с описанием его левого уха — ему прокусили ухо в пьяной драке в Аделанде в 1889 году — подтвердила мои подозрения. Бедная леди Фрэнсис в руках страшных людей, Уотсон, они не остановятся ни перед чем. Очень возможно, что ее уже нет в живых. Если она и жива, то содержится под замком и не может написать ни мисс Добни, ни вообще никому. Возможно, она так и не доехала до Лондона, но это вряд ли: с континентальной полицией шутки плохи, при их системе регистрации иностранцам ее не привести; или же она проехала дальше, но и это мало вероятно, потому что Лондон — единственное место в Англии, где негодяям удалось бы скрывать человека так, чтобы никто ничего не заподозрил. Шестое чувство твердит мне, что она в Лондоне, но пока мы не знаем, где ее искаать. Поэтому выход один: набраться терпения. Сейчас давайте обедать, а попозже вечером я наведаюсь в Скотленд-Ярд и побеседую с нашим приятелем Лестрейдом.

Время шло, но ни полиция, ни собственная служба информации Холмса — небольшая, но очень действенная организация — не сумели даже приблизиться к тайне. Люди, которых мы искали, затерялись в многомиллионном Лондоне, как иголка в стоге сена. Мы помещали объявления в газетах, вели неусыпную слежку за всеми притонами, где мог появиться Питерс, держали в поле зрения людей, с которыми он был когда-то связан, но все было徒етно: все пути неназбежно заводили нас в тупик. И вот после недели бесплодных поисков и мучительной ненавистности вдруг забрезжил свет. В ломбард Бевингтона на Вестминстер-роуд принесли серебряную подвеску с брильянтами старинной испанской работы. Задолжал ее высокого роста человек без бороды и усов, по виду священник. И имя и адрес он дал явно подложные. Какое у него ухо, мистер Бевингтон не заметил, но, судя по портрету, это был явно Шлезингер.

Три раза наш бородатый друг из отеля «Лангхем» заходил к нам, в третий раз он появился через полчаса после того, как нам сообщили о проданной драгоценности. Горе состарило его на несколько лет, одежда висела на нем, как на вешалке. «Если бы я хоть чем-нибудь мог по-

мочь вам!» — в отчаянии твердил он все эти дни. Наконец-то у Холмса нашлось для него дело.

— Он начал продавать драгоценности. Теперь мы его поймаем!

— Но ведь это значит... это значит, что с леди Фрэнсис что-то случилось?

Лицо Холмса стало очень серьезно.

— Предположим, эти люди до сих пор держали ее под замком. Освободить ее сейчас — значит погубить себя. Мистер Грин, мы должны быть готовы к худшему.

— Что я должен делать?

— Эти люди вас не знают?

— Нет.

— Возможно, он в следующий раз пойдет к другому ювелиру. Тогда нужно начинать все сначала. С другой стороны, у Бевингтона ему дали хорошую цену и не задали ни одного вопроса, поэтому можно ожидать, что, когда ему опять понадобятся деньги, он снова туда пойдет. Я сейчас напишу Бевингтону записку, что вам нужно неотлучно находиться в его магазине. Если Питерс придет, вы будете следить за ним до его дома. Но никакой опрометчивости и, главное, никакого насилия. Дайте слово, что ничего не предпримете без моего ведома и согласия.

Два дня от достопочтенного Филиппа Грина (к слову сказать, он был сын прославленного адмирала Грина, который командовал нашим Азовским флотом во время Крымской кампании) не было никаких вестей. На третий день вечером он ворвался в гостиную на Бейкер-стрит бледный, дрожа, как в лихорадке.

— Попался! Попался! — закричал он.

Волнение не давало ему говорить. Холмс усадил его в кресло, стал успокаивать.

— Расскажите нам все по порядку, — попросил он его наконец.

— Она пришла всего час назад. На этот раз жена принесла подвеску в точности такую, как первая. Высокая бледная женщина, глаза, как у хорька...

— Это она, — подтвердил Холмс.

— Я пошел за ней. Она свернула на Кендингтон-роуд — я не отставал. Вдруг она вошла в какую-то лавку... Мистер Холмс, это оказалась лавка гробовщика!

Холмс вздрогнул.

— Дальше! — Голос его зазвенел, выдав волнение, охватившее пламенную душу, которую он скрывал под маской ледяного спокойствия.

— Я вошел за ией. Она разговаривала с женщиной за прилавком, и до меня долетели ее слова: «Как вы долго!» Та стала оправдываться: «Все будет немедленно доставлено по адресу. Ведь делать пришлось по особому заказу, вот мастера и задержались...» Тут они увидели меня и замолчали. Я что-то спросил и вышел на улицу.

— Правильно сделали! Что потом?

— Женщина тоже вышла, но я спрятался в соседнем подъезде. Наверно, она что-то заподозрила, потому что огляделась вокруг. Затем подозвала каб и уехала. К счастью, я сразу же поймал другой каб и поехал за ией. Она вышла в Бристоне¹, адрес: Полтни-сквер, дом 36. Я проехал дальше, отпустил кабинета и стал наблюдать за домом.

— Кого-нибудь удалось увидеть?

— Свет горел только в одном окне на первом этаже, но штора была опущена и ничего не было видно. Я стоял и раздумывал, что же теперь делать, как вдруг у крыльца остановился закрытый фургон. Двое мужчины спрыгнули на мостовую, вытащили что-то из фургона и понесли на крыльцо... Мистер Холмс, это был гроб.

— Вот оно что...

— Не знаю, как я устоял на месте. Дверь отворилась, чтобы впустить людей и то, что они принесли, и я увидел ту самую женщину. Но и она меня заметила и, по-моему, узнала. Вздрогнув, она поспешила захлопнуть дверь. Я вспомнил, какое обещание вы с меня взяли, и полетел к вам.

— Вы очень хорошо провели дело.— Холмс схватил со стола клочок бумаги и стал что-то писать.— Без ордера на арест мы не имеем права ничего предпринимать. Лучшее, что вы сейчас можете сделать, мистер Грин,— это отнести мою записку в полицию и получить ордер. Могут возникнуть затруднения, но, думаю, продажа драгоценностей— достаточный повод. Подробностями займется Лестрейд.

¹ Южный пригород Лондона.

— Да ведь ее тем временем убют! Что значит этот гроб, и для кого он, если не для нее?

— Мистер Грин, все возможное будет сделано. Мы не потеряем ни минуты. Положитесь на нас. Ну вот, Уотсон,— продолжал Холмс, когда наш гость выбежал из комнаты,— он сейчас заручится поддержкой закона, а нам тем временем придется действовать, как всегда, беззаконно. Боюсь, дела настолько плохи, что самые наши крайние меры будут оправданны. Скорей на Полтни-сквер!

Попробуем восстановить всю картину,— говорил Холмс в то время, как наш кэб катился мимо Парламента и по Вестминстерскому мосту.— Негодяи заманили несчастную женщину в Лондон, предварительно заставив ее расстаться с преданийской Мари. Если леди Фрэнсис и писала кому-нибудь в это время, ее письма перехватывали. Один из сообщников Питерса сиял для него в Лондоне дом. Переступив порог этого дома, леди Фрэнсис превратилась в пленницу, и драгоценности, за которыми эти люди и охотились с самого начала, стали их добычей. Они уже распродают их понемножку и не видят в этом никакой для себя опасности, уверенные, что судьба их жертвы никого не интересует. Когда ее отпустят, она их, разумеется, разоблачит. Поэтому они ее никогда не отпустят. Однако держать ее всю жизнь под замком тоже нельзя. Значит, единственный выход — убийство.

— Все предельно ясно.

— Теперь взглянем на дело с другой стороны. Когда два пути, по которым развивалась мысль, скрещиваются, точка пересечения дает максимальное приближение к истине. Возьмем теперь за исходную точку не леди Фрэнсис, а гроб и пойдем назад. Боюсь, этот гроб окончательно убеждает нас в том, что леди Фрэнсис умерла. Но, кроме того, он означает официальные похороны, свидетельство врача и разрешение полиции. Если бы леди Фрэнсис убили каким-нибудь примитивным способом, то труп зарыли бы во дворе. Но тут все открыто и гласно. Что это означает? А то, что ее умертили настолько необычным способом, что даже врач не заподозрил насильственной смерти,— может быть, отравили каким-то редким ядом. И все-таки странно, что они позволили врачу

освидетельствовать ее,— разве что подкупили врача... Но это очень маловероятно.

— А не могли они подделать свидетельство?

— Это опасно, Уотсон, очень опасно. Не думаю, чтобы они на это решились... Эй, стойте!.. Мы только что проехали ломбард, значит, следующий дом — лавка гробовщика. Уотсон, ваше лицо внушает доверие, зайдите к ним и спросите, на какое время назначены завтра похороны клиента с Полтн-сквер.

Женщина за прилавком доверчиво рассказала мне, что похороны состоятся завтра в восемь утра.

— Вот видите, Уотсон, никаких тайн и уловок. Им как-то удалось оформить все официально, и теперь они считают, что бояться нечего. Что ж, у нас один выход: идти напролом. Вы вооружены?

— Вот трость!

— Ну ничего, как-нибудь пробьемся: «Ведь трижды тот вооружен, кто прав»¹. Мы просто не можем дожидаться полиции, положение не таково, чтобы педантично блести буквой закона... Поезжайте, пожалуйста. Будем пытать счастья вместе, Уотсон. Нам ведь не впервой.

Он резко дернул за шнурок у двери большого темного дома. Дверь немедленно открыли, на пороге полутемного холла мы увидели высокую женскую фигуру.

— Что вам угодно? — сухо спросила женщина, пытаясь разглядеть нас в темноте.

— Мне нужен доктор Шлезингер, — ответил Холмс.

— Здесь нет никакого доктора Шлезингера!

Женщина хотела захлопнуть дверь, но Холмс придерживал ее ботником.

— В таком случае мне нужен человек, который живет в этом доме, как бы он себя ни называл! — настойчиво сказал Холмс.

Она помедлила, потом все-таки впустила нас.

— Что ж, входите, мой муж никого не боится.

Она заперла парадную дверь, ввела нас в гостиную, включила свет и вышла, попросив минутку подождать.

Но нам не пришлось ждать и полминуты: не успел мы окинуть взглядом комнату, в которой очутились —

¹ Шекспир, «Генрих VI», ч. II, акт III, 2.

пыльную, с изъеденной молью мебелью,— как дверь отворилась, и в гостиную неслышным шагом вошел высокий лысый человек. Его широкое багровое лицо с обвисшими щеками сияло преувеличенным добродушем, с которым никак не вязалось жесткое выражение беспощадного рта.

— Тут, несомненно, какая-то ошибка, господа! — неизменно обратился он к нам самым елейным тоном.— Вам, по-видимому, дал неправильный адрес. Если вы пройдете чуть дальше...

— Мы не пойдем никуда,— холодно сказал мой друг.— У нас нет времени, мистер Генри Питерс из Аделаиды, в прошлом — его преподобие доктор Шлезингер из Бадена и Южной Африки. Я в этом так же мало сомневаюсь, как и в том, что меня зовут Шерлоком Холмсом.

Питерс — я теперь буду его так называть — вздрогнул и впался взглядом в своего грозного противника.

— Ну что ж, мистер Холмс, ваше имя меня не испугало,— сказал он.— Когда совесть у человека чиста, ему нечего бояться. Что вам нужно в моем доме?

— Узнать, что вы сделали с леди Фрэнсис Карфэкс, которую привезли с собой из Бадена.

— Вы чрезвычайно меня обяжете, если сообщите, где она сейчас находится,— спокойно возразил Питерс.— Она задолжала мне около ста фунтов, а в уплату оставила пару безвкусных подвесок с поддельными камнями, в ломбарде на них и смотреть не стали. Леди Фрэнсис привязалась к нам с миссис Питерс в Бадене — я действительно жил там под другим именем — и не расставалась с нами до самого Лондона. Я уплатил по ее счету в гостинице и за ее билет. А в Лондоне она исчезла, оставив в счет долга, как я уже говорил вам, какие-то старомодные украшения. Если вы ее найдете, мистер Холмс, я буду вам очень обязан.

— Непременно,— сказал Холмс.— Буду до тех пор искать ее в этом доме, пока не найду.

— Где ваш ордер?

Холмс показал Питерсу пистолет и снова сунул его в карман.

— Придется вам пока удовольствоваться этим!

— Да вы просто бандит!

— Ничуть не возражаю против такого определения,— рассмеялся Холмс.— Мой спутник тоже весьма опасный головорез, рекомендую. Мы с ним начинаем обыск.

Питерс отворил дверь в прихожую.

— Эйин, беги за полицией!

По лестнице прошуршили юбки, парадная дверь отворилась и захлопнулась.

— Времени у нас в обрез, Уотсон,— сказал Холмс.— Идем! И не вздумайте нам мешать, Питерс, будет только хуже. Где гроб, который вам сегодня привезли?

— Зачем вам гроб? Он занят! В нем покойница.

— Я должен ее видеть.

— Никогда! Я не позволю!

— Обойдемся без вашего позволения.— Холмс молниеносно оттолкнул Питерса и вышел в холл. Прямо перед нами была полуоткрытая дверь. Мы вошли. В столовой под тускло горящими рожками газовой люстры стоял на столе гроб. Холмс прибавил света и поднял крышку. Жалкое, иссохшее существо лежало на дне глубокого гроба. Яркий свет упал на старое, сморщенное лицо. Ни болезнь, ни голод, ни самые зверские истязания не могли бы превратить все еще красивую, цветущую женщину, какой была леди Фрэнсис, в эту дряхлую развалину. Изумление на лице Холмса сменилось радостью.

— Слава богу! — воскликнул он.— Это не она!

— Да, на этот раз вы жестоко ошиблись, мистер Холмс,— раздался голос Питерса, вошедшего в столовую следом за нами.

— Кто эта женщина?

— Могу рассказать, если это вас так интересует. Эта женщина — стараяия моей жены, зовут ее Роза Спенсер, мы взяли ее из Брикстонской богадельни, привезли сюда, пригласили доктора Хорсома — он живет на Фирбэнк-Виллас, дом 13, не забудьте записать, мистер Холмс! — окружили ее заботой, как велел нам наш христианский долг. На третий день она скончалась. В свидетельстве написано «от старческого маразма», но ведь это всего лишь мнение врача,— вам, мистер Холмс, разумеется, истинная причина ее смерти известна лучше, чем кому бы то ни было! Мы обратились к фирме Стимсон и К^о на Кенингтон-роуд, похороны состоятся завтра

в восемь часов утра. Попробуйте придраться хоть к чему-нибудь! Признайтесь, мистер Холмс, вы остались в дураках. Много бы я дал, чтобы сфотографировать вашу физиономию, когда вы так воинственно ринулись к гробу и вместо леди Фрэнсис увидели в нем убогую девяностолетнюю старушку!

Холмс с обычным своим спокойствием стоял под градом насмешек, которые обрушил на него Питерс, только кулаки его гневно сжались.

— Я продолжаю обыск.

— Ну, это мы еще посмотрим! — закричал Питерс, и в это время в прихожей раздался женский голос и тяжелые шаги.— Сюда, господа! Эти люди силой ворвались в мой дом, и я никак не могу заставить их уйти. Пожалуйста, помогите мне!

Сержант и констебль встали на пороге столовой. Холмс вынул из бумажника визитную карточку.

— Вот мое имя и адрес. А это мой друг — доктор Уотсон.

— Да что вы, сэр, зачем нам ваша карточка, мы ли вас не знаем! — сказал сержант.— Но только без ордера вам здесь оставаться нельзя.

— Знаю, что нельзя.

— Арестуйте его! — крикнул Питерс.

— Мы знаем, где найти этого джентльмена, если он нам понадобится,— величественно ответствовал сержант.— Но все-таки вам придется уйти, мистер Холмс.

— Да, Уотсон, нам придется уйти.

Через минуту мы снова были на улице. Холмс казался спокоен, как всегда, я же весь пыпал от гнева и унижения. Сержант вышел с нами.

— Вы уж извините, мистер Холмс. Что поделаешь — закон.

— Все правильно, сержант, вы не могли поступить иначе.

— Конечно, вы туда не пришли бы зря, я понимаю. Если я могу вам чем помочь...

— Пропала женщина, сержант, и мы подозреваем, что ее скрывают в этом доме. Я с минуты на минуту жду ордера.

— Так я с них глаз не спущу, мистер Холмс, и если что, сейчас же дам вам знать.

Было всего девять часов, и мы с Холмсом, не теряя ни минуты, пустились в путь. Первым делом мы направились в Бринстонскую богадельню и узнали, что несколько дней назад туда действительно пришла супружеская пара, выразившая желание взять к себе впавшую в детство старуху, когда-то бывшую у них в услужении, как они заявили. Получив разрешение, они увезли ее домой. Когда мы сказали, что старуха умерла, никто в богадельне не удивился.

Следующий наш визит был к доктору Хорсому. Он рассказал, что накануне днем его вызвали к больной, которая, как он установил, умирала от старческой слабости. На его глазах она и испустила дух. Он составил свидетельство по всей форме и подписал.

— Уверяю вас, конец этой женщины был самый естественный, какие бы то ни было подозрения просто неоправданны,— заключила он.

Ничего необычного в доме он не заметил, только, пожалуй, немного странным показалось, что люди с таким достатком живут без прислуги. Вот все, что удалось нам узнать от доктора Хорсома.

Наконец мы направились в Скотленд-Ярд. Оказалось, что при оформлении ордера возникли какие-то трудности, дело затягивалось: подпись судьи можно будет получить не раньше утра. Если мистер Холмс зайдет завтра к девяти, он может поехать с инспектором Лестрейдом и присутствовать при аресте.

Больше никаких событий в тот день не произошло, не считая полночного визита нашего приятеля-сержанта, который пришел рассказать, что в темных окнах дома на Полтни-сквер несколько раз мелькал какой-то свет, но что никто не выходил и не входил. Нам оставалось только набраться терпения и ждать утра.

Шерлок Холмс был слишком расстроен, чтобы беседовать, и слишком взволнован, чтобы спать. Я ушел к себе, а он остался в гостиной. Сдвинув темные густые брови, он сидел в кресле, барабанил по его ручке длинными нервными пальцами, курил одну сигарету за другой и искал, искал ключ к разгадке. Несколько раз ночью я слышал его шаги. Утром, когда я уже умывался, он ворвался ко мне в комнату бледный, с ввалившимися щеками, ни на миг не сомкнувший глаз.

— Когда похороны? В восемь, да? Сейчас двадцать минут восьмого,— отрывисто заговорил он.— Куда девался разум, который господь бог вложил в мою голову? Скорей, Уотсон, скорей! Ведь сейчас решается: жизнь или смерть, и сто против одного за смерть! Если мы опоздаем, я никогда, никогда себе не прощу!

Не прошло и пяти минут, как мы мчались в кабине по Бейкер-стрит. Но когда мы подъезжали к Парламенту, Биг-Бен показывал без двадцати пяти восемь, а на углу Брикстоун-роуд стрелка подошла к восьми! Однако мы оказались не единственными опоздавшими. В восемь часов десять минут кабине осадил взмыленную лошадь возле крыльца, у которого все еще стоял катафалк, и из двери трое рабочих выносили гроб. Холмс кинулся вперед и преградил им путь.

— Стойте! — закричал он, упервшись рукой в грудь первого носильщика.— Немедленно несите гроб назад!

— Какого дьявола вам здесь нужно?! Где ваш ордер, покажите сейчас же! — разъяренно заревел из холла багровый Питерс.

— Ордер подписан. Гроб остаётся в доме, пока он не прибудет!

Властный голос Холмса произвел на людей впечатление. Питерс незаметно юркнул в какую-то дверь, а они понесли гроб обратно.

— Скорей, скорей, Уотсон! Вот отвертка! — прерывающимся голосом командовал Холмс.— Вы тоже берите отвертку. Если через минуту крышка будет сорвана, получите соверен, друзья. Никаких вопросов! Быстрей, быстрей! Так, хорошо! Еще один шуруп... последний. Приналяжем все вместе! Ага, идет, идет! Уф, наконец-то!

В пятнадцати мы сорвали крышку, и в тот же миг нас оглушил тяжелый вязкий запах хлороформа. Голова покойницы была обложена толстым слоем ваты, пропитанной наркотиком. Холмс сбросил ее, и мы увидели прекрасное тоиковое лицо женщины лет сорока. Холмс обхватил ее за плечи и посадил.

— Она жива, Уотсон? Неужели мы опоздали? Неужели все кончено?!

Полчаса мне казалось, что все действительно кончено. Я боялся, что недостаток воздуха и ядовитые пары хло-

роформа задушили последнюю искру жизни и все наши усилия напрасны. Мы впрыскивали ей эфир, делали искусственное дыхание и вообще все, что предписывает в таких случаях современная медицина, и наконец веки ее слабо дрогнули, поднесенное к губам зеркало затуманилось — жизнь возвращалась!

У крыльца остановился каб. Холмс поднял штору и выглянул из окна.

— Явился Лестрейд с ордером,— сказал он,— только птички его уже упорхнули... А вот,— продолжал он, прислушиваясь к быстрым шагам по коридору,— идет человек, который поможет леди Фрэнсис лучше, чем мы. Здравствуйте, мистер Грин! Чем скорее мы увезем отсюда леди Фрэнсис, тем лучше. А похороны: пусть идут своим чередом, только теперь эта бедная старушка, которая все еще лежит в гробу, совершил свой последний путь одна.

— Если вы захотите включить этот эпизод в свою хронику, милый Уотсон,— говорил мне в тот вечер Холмс,— приведите его как пример временного затмения, которое может поразить даже самый трезвый ум. Ни один смертный не застрахован от таких промахов, но уважение достоин тот, кто способен вовремя понять их и исправить. Мне кажется, я вправе причислить себя к таким людям. Всю ночь меня сегодня преследовала мысль, что была ведь, была какая-то деталь, которой я не придал должного значения, что-то не совсем обычное, какое-то слово, движение, взгляд... И когда уже рассвело, я вдруг вспомнил — ответ жены гробовщика! Она сказала: «Ведь делать пришлось по особому заказу, вот мастера и задержались». Они говорили о гробе. Гроб делали по особому заказу. Значит, делали по особым размерам. Но зачем? Зачем? И тогда я как будто снова увидел высокие стенки гроба и на самом его дне маленькую жалкую фигурку. Зачем для такого маленького трупа заказали такой большой гроб? Да чтобы осталось место еще для одного!.. Оба похоронят по одному свидетельству. Все было с самого начала ясно как день, только я-то как будто ослеп! В восемь часов леди Фрэнсис в гробу положат на катафалк. Единственная наша надежда — задержать гроб, пока его еще не вынесли из дома! Предположение,

что она еще жива, было равнозначно безумию, но безумие-то и спасло все. Насколько мне известно, эти люди никогда не совершали убийства. Я подозревал, что в конце концов они не решатся на него и сейчас. Они похоронят ее, не оставив никаких следов, по которым можно было бы установить причину смерти леди Фрэнсис, и даже если труп впоследствии вскрытии будут шанс выкрутиться. Я надеялся, что именно этими соображениями они и руководствовались. Что было дальше — вы помните, и тот страшный чердак, где негодян держали бедняжку, вы видели. Сегодня утром они ворвались к ней, усыпили ее хлороформом, отнесли вниз, положили пропитанную хлороформом вату в гроб, чтобы она не проснулась, и завинтили крышку. Геннальный плац! Ничего подобного в истории преступлений я еще не встречал. Если нашим приятелям — экс-миссиснеру и его супруге — удалось ускользнуть от Лестрейда, их дальнейшая карьера, надо ожидать, ознаменуется не менее блестящими деяниями.

ДЬЯВОЛОВА НОГА

Пополняя время от времени записи о моем старом друге, мистере Шерлоке Холмсе, новыми удивительными событиями и интересными воспоминаниями, я то и дело сталкивался с трудностями, вызванными его собственным отношением к гласности. Этому угрюому скептику претили шумные похвалы окружающих, и после блестящего раскрытия очередной тайны он от души развлекался, уступив свои лавры какому-нибудь служаке из Скотленд-Ярда, и с явительной усмешкой слушал громкий хор поздравлений не по адресу. Подобное поведение моего друга, а вовсе не отсутствие интересного материала и привело к тому, что за последние годы мне редко удавалось публиковать новые записи. Дело в том, что участие в некоторых его приключениях было честью, всегда требующей от меня благородства и сдержанности.

Представьте же мое изумление, когда в прошлый вторник я получил телеграмму от Холмса (он никогда не посыпал писем, если можно было обойтись телеграммой). Она гласила: «Почему не написать о Кориуэльском ужасе — самом необычном случае в моей практике». Я решительно не понимал, что воскресило в памяти Холмса это событие или какая причуда побудила его телеграфировать мне, однако, опасаясь, как бы он не передумал, я тут же разыскал записи с точными подробностями происшествия и спешу представить читателям мой рассказ.

Весной 1897 года железное здоровье Холмса несколько пошатнулось от тяжелой, напряженной работы, тем

более, что сам он совершенно не щадил себя. В марте месяце доктор Мур Этер с Харли-стрит, который познакомился с Холмсом при самых драматических обстоятельствах, о чем я расскажу как-нибудь в другой раз, категорически заявил, что знаменитому сыщику необходимо временно оставить всякую работу и как следует отдохнуть, если он не хочет окончательно подорвать свое здоровье. Холмс отнесся к этому равнодушно, ибо умственная его деятельность совершенно не зависела от физического состояния, но когда врач пригрозил, что Холмс вообще не сможет работать, это убедило его наконец сменить обстановку. И вот ранней весной того года мы с ним поселились в загородном домике близ бухты Полду на крайней оконечности Корнуэльского полуострова.

Этот своеобразный край как нельзя лучше соответствовал угрюмому настроению моего пациента. Из окон нашего беленого домика, высоко стоящего на зеленом мысе, открывалось все зловещее полукружие залива Маунтс-Бей, известного с незапамятных времен как смертельная ловушка для парусников: скольких моряков настигла смерть на его черных скалах и подводных рифах! При северном ветре залив выглядел безмятежным, укрытым от бурь и манил к себе гонимые штормом суда, обещая им покой и защиту. Но внезапно с юго-запада с ревом налетал ураган, судно срывалось с якоря, и у подветренного берега, в пене бурунов, начиналась борьба не на жизнь, а на смерть. Опытные моряки держались по дальше от этого проклятого места.

Суша в окрестностях нашего дома производила такое же безотрадное впечатление, как и море. Кругом расстилалась болотистая равнина, унылая, безлюдная, и лишь по однокним колокольям можно было угадать, где находятся старинные деревушки. Всюду виднелись следы какого-то древнего племени, которое давно вымерло и напоминало о себе только причудливым каменным памятниками, разбросанными там и сям могильными курганами и любопытными земляными укреплениями, воскрешающими в памяти донсторические битвы. Колдовские чары этого таинственного места, зловещие призраки забытых племен подействовали на воображение моего друга, и он подолгу гулял по торфяным болотам, предаваясь размышлениям. Холмс занинтересовался также

древним корнуэльским языком и, если мне не изменяет память, предполагал, что он сродни халдейскому и в значительной мере заимствован у финикийских купцов, приезжавших сюда за оловом. Он выписал кучу книг по филологии и засел было за развитие своей теории, как вдруг, к моему глубокому сожалению и его нескрываемому восторгу, мы оказались втянутыми в тайну — более сложную, более захватывающую и уж, конечно, в сто раз более загадочную, чем любая из тех, что заставили нас покинуть Лондон. Наша скромная жизнь, мирный, здоровый отдых были грубо нарушены, и нас закружило в водовороте событий, которые потрясли не только Корнуэлл, но и всю западную Англию. Многие читатели помнят, наверное, о «Корнуэльском ужасе», как это тогда называлось, хотя должен вам сказать, что лондонская пресса располагала весьма неполными данными. И вот теперь, через тринадцать лет, настало время сообщить вам все подлинные подробности этого непостижимого происшествия.

Я уже говорил, что редкие церковные колоколенки указывали на деревни, разбросанные в этой части Корнуэлла. Ближайшей к нам оказалась деревушка Тридэнник-Уоллес, где домики сотни — другой жителей лепились вокруг древней замшелой церкви. Священник этого прихода, мистер Раундхэй, увлекался археологией; на этой почве Холмс и познакомился с ним. Это был радушный толстяк средних лет, неплохо знавший здешние места. Как-то он пригласил нас к себе на чашку чая, и у него мы встретились с мистером Мортимером Тридженисом, состоятельным человеком, который увеличивал скучные доходы священника, снимая несколько комнат в его большом, бестолково построенном доме. Одинокий священник был доволен этим, хотя имел мало общего со своим жильцом, худощавым брюнетом в очках, до того сузальным, что с первого взгляда казался горбуном. Помню, что за время нашего недолгого визита священник произвел на нас впечатление неутомимого говэрона, зато жилец его был до странности необщителен, печален, задумчив; он сидел, уставившись в одну точку, занятый, видимо, собственными мыслями.

И вот во вторник, шестнадцатого марта, когда мы покуривали после завтрака, готовясь к обычной прогулке

на торфяные болота, в нашу маленькую гостинную ворвались два этих человека.

— Мистер Холмс,— задыхаясь, проговорил священник,— этой ночью произошла ужасная трагедия! Просто неслыханно! Наверное, само Провидение привело вас сюда как раз вовремя, потому что если кто-нибудь в Англии и может помочь, то это вы!

Я бросил не слишком дружелюбный взгляд на назойливого священника, но Холмс вынул изо рта трубку и насторожился, как старый гончий пес, услышавший зов охотника. Он знаком предложил им сесть, и наш взбудораженный посетитель со своим спутником уселись на диван. Мистер Мортимер Тридженес больше владел собой, но судорожное подергивание его худых рук и лихорадочный блеск темных глаз показывали, что он взъярен не меньше.

— Кто будет рассказывать, я или вы? — спросил он священника.

— Я не знаю, что у вас случилось,— сказал Холмс,— но раз уж, судя по всему, открытие сделали вы, то вы и рассказывайте: ведь священник узнал об этом уже от вас.

Я взглянул на одетого наспех священника и его аккуратного соседа и в душе позабавился тому изумлению, которое вызвал на их лицах простой логический вывод Холмса.

— Позвольте мне сказать несколько слов,— начал священник,— и тогда вы сами решите, выслушать ли вам подробности от мистера Тридженеса или лучше немедленно поспешить к месту этого загадочного происшествия. Случилось вот что: вчера вечером наш друг был в гостях у своих братьев Оуэна и Джорджа и сестры Брэнды в их доме в Тридэнник-Уорте, что неподалеку от древнего каменного креста на торфяных болотах. Он ушел от них в начале одиннадцатого, до этого они играли в карты в столовой, все были здоровы, в прекрасном настроении. Сегодня утром, еще до завтрака, наш друг — он всегда встает очень рано — пошел прогуляться в направлении дома своих родственников, и тут его нагнал шарабан доктора Ричардса: оказалось, что того срочно вызвали в Тридэнник-Уорт. Конечно, мистер Мортимер Тридженес поехал вместе с ним. Принеся, они обнару-

жили нечто невероятное. Сестра и братья сидели вокруг стола точно в тех же позах, как он их оставил, перед ними еще лежали карты, но свечи догорели до самых розеток. Сестра лежала в кресле мертвая, а с двух сторон от нее сидели братья: они кричали, пели, хохотали... разум покинул их. У всех троих — и у мертвой женщины и у помешавшихся мужчин — на лицах застыл невыразимый страх, гримаса ужаса, на которую жутко смотреть. Нет никаких признаков, что в доме были посторонние, если не считать миссис Портер, их старой кухарки и экономки, которая сообщила, что всю ночь крепко спала и ничего не слыхала. Ничего не украдено, все в полном порядке, и совершило исполнение, чего они испугались настолько, что женщина лишилась жизни, а мужчины — рассудка. Вот вкратце и все, мистер Холмс, и если вы поможете нам разобраться во всем этом, вы сделаете великое дело.

Я еще надеялся уговорить моего друга вернуться к отдыху, составлявшему цель нашей поездки, но стоило мне взглянуть на его сосредоточенное лицо и нахмуренные брови, как стало ясно, что надеяться не на что. Холмс молчал, поглощенный необычайной драмой, ворвавшейся в нашу тихую жизнь.

— Я займусь этим делом, — сказал он наконец. — Насколько я понимаю, случай исключительный. Сами вы там были, мистер Раудхэй?

— Нет, мистер Холмс. Как только я узнал от мистера Триджеяниса об этом несчастье, мы тут же поспешили к вам, чтобы посоветоваться.

— Далеко ли дом, где разыгралась эта ужасная трагедия?

— Около мили отсюда.

— Значит, отправимся вместе. Но сначала, мистер Мортимер Триджеянис, я хочу задать вам несколько вопросов.

За все это время тот не произнес ни звука, но я заметил, что внутренне он встревожен куда больше, чем суеверный и разговорчивый священик. Лицо его побледнело, исказилось, беспокойный взгляд не отрывался от Холмса, а худые руки сжимались и разжимались. Когда священик рассказывал об этом страшном происшествии, побелевшие губы Триджеяниса дрожали, и

казалось, что в его темных глазах отражается эта ужасная картина.

— Спрашивайте обо всем, что считете нужным, мистер Холмс,— с готовностью сказал он.— Тяжело говорить об этом, но я не скрою от вас ничего.

— Расскажите мне о вчерашнем вечере.

— Так вот, мистер Холмс, как уже говорил священник, мы вместе поужинали, а потом старший брат Джордж предложил сыграть в вист. Мы сели за карты около девятнадцати. В четверть одиннадцатого я собрался домой. Они сидели за столом, здоровые и веселые.

— Кто закрыл за вами дверь?

— Миссис Портер уже легла, и меня никто не провожал. Я сам захлопнул за собой входную дверь. Окно в комнате, у которого они сидели, было закрыто, но шторы не спущены. Сегодня утром и дверь и окно оказались в том же виде, что и вчера, и нет причины думать, что в дом забрался чужой. И все-таки страх помутнил рассудок моих братьев, страх убил Бранду... если бы видели, как она лежала, свесившись через ручку кресла... До самой смерти не забыть мне этой комнаты.

— То, что вы рассказываете, просто неслыханно,— сказал Холмс.— Но, насколько я понимаю, у вас нет никаких предположений о причине происшедшего?

— Это дьявольщина, мистер Холмс, дьявольщина! — воскликнул Мортимер Тридженес.— Это нечистая сила! В комнату проникает что-то ужасное, и люди лишаются рассудка. Разве человек способен на такое?

— Ну, если человеку такое не под силу, то, боюсь, и разгадка окажется мне не под силу,— заметил Холмс.— Однако, прежде чем принять вашу версию, мы должны испробовать все реальные причины. Что касается вас, мистер Тридженес, то вы, как я понял, в чем-то не ладили со своим родным,— ведь вы жили врозь, верно?

— Да, так оно и было, мистер Холмс, хотя это — дело прошлое. Видите ли, нашей семье принадлежали оловянные рудники в Редруте, но потом мы продали их Компании и, получив возможность жить безбедно, уехали оттуда. Не скрою, что придележе денег мы поссорились и разошлись на некоторое время, но что было, то прошло, и мы снова стали лучшими друзьями.

— Однако вернемся к событиям вчерашнего вечера. Не припомните ли вы что-нибудь, что могло бы хоть косвенно натолкнуть нас на разгадку этой трагедии? Помогите как следует, мистер Тридженинс, любой намек мне поможет.

— Нет, сэр, ничего не могу припомнить.

— Ваш родные были в обычном настроении?

— Да, в очень хорошем.

— Не были они нервными людьми? Не бывало ли у них предчувствия приближающейся опасности?

— Нет, никогда.

— Больше вы ничем не можете помочь мне?

Мортимер Тридженинс напряг память.

— Вот что я вспомнил,— сказал он иаконец.— Когда мы играли в карты, я сидел спиной к окну, а брат Джордж, мой партнер,— лицом. И вдруг я заметил, что он пристально смотрит через мое плечо, и я тоже обернулся и посмотрел. Окно было закрыто, но шторы еще не спущены, и я разглядел кусты на лужайке; мне показалось, что в них что-то шевелится. Я даже не понял, человек это или животное. Но подумал, что там кто-то есть. Когда я спросил брата, куда он смотрит, он ответил, что ему тоже что-то показалось. Вот, собственно, и все.

— И вы не понтересовались, что это?

— Нет, я тут же забыл об этом.

— Когда вы уходили, у вас не было дурного предчувствия?

— Ни малейшего.

— Мне не совсем ясно, как вы узнали новости в такой ранний час.

— Я обычно встаю рано и до завтрака гуляю. Только я вышел сегодня утром, как меня нагнал шарабан доктора. Он сказал, что старая миссис Портер прислала за ним мальчишку и спешно требует его туда. Я вскочил в шарабан, и мы поехали. Там мы сразу бросились в эту жуткую комнату. Свечи и камин погасли уже давно, и они до самого рассвета были в темноте. Доктор сказал, что Брэнда умерла по крайней мере шесть часов назад. Никаких следов насилия. Она лежала в кресле, перевесившись через ручку, и на лице ее застыло это самое выражение ужаса. Джордж и Оуэн на разные голоса

распевали песни и бормотали, как два каких-нибудь орангутанга. О, это было ужасно! Я еле выдержал, а доктор побелел как полотно. Ему стало дурно, и он упал в кресло,— хорошо еще, что нам не пришлось за ним ухаживать.

— Поразительно... просто поразительно,— сказал Холмс, вставая, и взялся за шляпу.— По-моему, лучше, не теряя времени, отправиться в Тридэнник-Уорта. Должен признаться, что редко мне встречалось дело, которое на первый взгляд казалось бы столь необычайным.

В то утро наши розыски продвинулись мало. Зато в самом же начале произошел случай, который оказал на меня самое гнетущее действие. Мы шли к месту происшествия по узкой, извилистой проселочной дороге. Увидев тарактящую навстречу карету, мы сошли на обочину, чтобы пропустить ее. Когда она поравнялась с нами, за поднятым стеклом метнулось оскаленное, перекошенное лицо с вытаращенными глазами. Этн остановившиеся глаза и скрежещущие зубы промелькнули мимо нас, как кошмарное видение.

— Братья! — весь побелев, воскликнул Мортимер Тридженнис.— Их увозят в Хелстон!

В ужасе мы смотрели вслед черной карете, громыхающей по дороге, потом снова направились к дому, где их постигла такая странная судьба.

Это был просторный, светлый дом, скорее вилла, чем коттедж, с большим садом, где благодаря мягкому корнуэльскому климату уже благоухали весенние цветы. В этот сад и выходило окно гостиной, куда, по утверждению Мортимера Тридженниса, проник злой дух и принес столько несчастий хозяевам дома. Прежде, чем подняться на крыльцо, Холмс медленно и задумчиво прошелся по дорожке и между клумбами. Я помню, он был так занят своими мыслями, что споткнулся о лейку, и она опрокинулась на садовую дорожку, облив нам ноги. В доме нас встретила пожилая экономка, миссис Портер, которая вела здесь хозяйство с помощью молоденькой служанки. Она с готовностью отвечала на все вопросы Холмса. Нет, она ничего не слышала ночью. Да, хозяева в последнее время были в прекрасном настроении: никогда она не

видела, чтоб они были такие веселые и довольные. Она упала в обморок от ужаса, когда зашла утром в комнату и увидела их за столом. Опомнившись, она распахнула окно, чтобы впустить утренний воздух, бросилась на дорогу, окликнула фермерского мальчишку и послала его за доктором. Если мы хотим посмотреть, то хозяйка лежит в своей спальне. Четверо здоровенных санитаров еле справились с братьями, усаживая их в карету. А она сама и до завтра не останется в этом доме, немедленно уедет в Сент-Айвс к своим родным.

Мы поднялись наверх и осмотрели тело Брайдис Тридженниес. Даже сейчас всякий сказал бы, что в молодости она была красавицей. И после смерти она была прекрасна, хотя тоике черты ее смуглого лица хранили печать ужаса — последнего ее ощущения при жизни. Из спальни мы спустились в гостиную, где произошла эта невероятная драма. В камине еще лежала зола. На столе стояли четыре оплавившие, дрогоревшие свечи и валялись карты. Стулья были отодвинуты к стенам, к остальным предметам никто не прикасался. Холмс легкими, быстрыми шагами обошел комнату; он садился на стулья, двигал их и расставлял так, как они стояли накануне. Он прикидывал, насколько виден сад с разных мест. Он осмотрел пол, потолок, камин; но ни разу я не заметил ни виезапного блеска в его глазах, ни сжатых губ, которые подсказали бы мне, что в мозгу его мелькала догадка.

— Зачем топили камин? — спросил он вдруг. — Нужели даже весной топят в такой небольшой комнате?

Мортимер Тридженниес пояснил, что вечером было холодно и сыро. Поэтому, когда он пришел, затопили камин.

— Что вы собираетесь делать дальше, мистер Холмс? — спросил он.

Улыбнувшись, мой друг положил руку мне на плечо.

— Знаете, Уотсон, пожалуй, мне снова придется взяться за трубку и снова вызвать ваши справедливые упреки, — сказал он. — С вашего разрешения, господа, мы вернемся домой, ибо я не рассчитываю найти здесь что-то новое. Я проанализирую все известные факты, мистер Тридженниес, и если мне что-нибудь придет в голову, немедленно извещу вас и священника. А пока позвольте пожелать вам всего доброго.

Вернувшись в Полду-коттедж, Холмс погрузился в сосредоточенное молчание. Он сидел с ногами в глубоком кресле, весь окутанный голубыми клубами табачного дыма; его черные брови сошлись к переносице, лоб перерезала морщина, глаза на изможденном лице аскета уставились в одну точку. После долгих раздумий он отбросил трубку и вскочил.

— Ничего не выходит, Уотсон! — рассмеялся он. — Пойдемте-ка лучше побродим и понщем кремневые стрелы. Скорее мы найдем их, чем ключ к этой загадке. Заставлять мозг работать, когда для этой работы нет достаточного материала, — все равно, что перегревать мотор. Он разлетится вдребезги. Морской воздух, солнце и терпение — вот что нам нужно, Уотсон, а остальное приложится.

— Теперь давайте спокойно обсудим наше положение, Уотсон, — продолжал он, когда мы шли по тропинке над обрывом. — Нужно твердо усвоить хотя бы то, что нам известно, для того чтобы поставить на место новые факты, когда они появятся. Уговоримся, во-первых, что дьявольские козни тут ни при чем. Выбросим это из головы. Отлично. Зато перед нами три несчастные жертвы некоего намеренного или невольного преступления, совершенного человеком. Будем исходить из этого. Идем дальше: когда это случилось? Если верить Мортимеру Тридженнису, то, очевидно, сразу же после его ухода. Это очень важно. Вероятно, все произошло в следующие несколько минут. Карты еще на столе. Хозяева в это время обычно ложатся спать. Но они продолжают сидеть, даже не отодвинув стулья. Итак, повторяю: это произошло немедленно после его ухода и никак не позже одиннадцати часов вечера.

Проследим теперь, насколько возможно, что делал Мортимер Тридженнис, выйдя из комнаты. Это совсем нетрудно, и он как будто вне подозрений. Вы хорошо знакомы с моими методами и, конечно, догадались, что довольно-таки неуклюжая уловка с лейкой понадобилась мне для того, чтобы получить ясный отпечаток его ноги. На сырьем песке она отпечаталась прекрасно. Вчера вечером, как вы помните, тоже было сырое, и я легко проследил его путь. Судя по всему, он быстро пошел к дому священника.

Раз Мортимер Тридженнис исчезает со сцены, значит, перед игроками в карты появляется кто-то другой; кто же это и как ему удалось вызвать такой ужас? Миссис Портер отпадает. Она явно ни при чем. Можно ли доказать, что некто прокрался из сада к окну и своим появлением добился такого трагического исхода? Единственное указание на это исходит опять-таки от Мортимера Тридженниса, который говорил, что его брат заметил какое-то движение в саду. Это странно, потому что вечер был темный, шел дождь, и если тот, кто собирался напугать этих людей, хотел, чтобы его заметили, он должен был прижаться лицом к оконному стеклу. А под окном широкая цветочная грядка — и ни одного отпечатка ног. Трудно вообразить, как мог незнакомец при этих обстоятельствах произвести столь жуткое впечатление; к тому же мы не находим подходящего мотива для такого необъяснимого поступка. Вы улавливаете наши трудности, Уотсон?

— Еще бы! — убежденно отвечал я.

— И все-таки, если у нас появятся новые данные, мы преодолеем эти трудности. По-моему, в ваших необъятных архивах, Уотсон, найдется много таких же неясных случаев. Тем не менее отложим дело, пока не получим более точных сведений, и закончим утро поисками неолитического человека.

Кажется, я уже говорил, что мой друг обладал исключительной способностью совершенно отключаться от какого-либо дела, но никогда я не поражался ей больше, чем в то весеннее утро в Корнуэлле, когда часа два кряду он толковал о кельтах, кремневых наконечниках и черепках так беззаботно, будто зловещей тайны не было и в помине. И только вернувшись домой, мы обнаружили, что нас ждет посетитель, сразу же вернувший нас к действительности. У него не было нужды представляться нам. Гигантская фигура, огрубевшее, иссеченное морщинами лицо, горящие глаза, орлиный нос, седеющая голова, почти достающая до потолка, золотистая борода с проседью, пожелтевшая у губ от неизменной сигары, — эти приметы были отлично известны и в Лондоне и в Африке и могли принадлежать лишь одному человеку — доктору Леону Стерндейлу, прославленному исследователю и охотнику на львов.

Мы слышали, что он живет где-то поблизости, и не раз замечали на торфяных болотах его могучую фигуру. Однако он не стремился к знакомству с нами, да и нам это не приходило в голову, потому что мы знали, что именно любовь к уединению побуждает его проводить большую часть времени между путешествиями в маленьком домике, скрытом в роще у Бичем-Эраэнс. Там он жил в полном одиночестве, окруженный книгами и картами, сам занимался своим несложным хозяйством и совершенно не интересовался делами соседей. Поэтому меня удивила горячность, с которой он расспрашивал Холмса, удалось ли ему разгадать хоть что-нибудь в этой непостижимой тайне.

— Полиция в тупике,— сказал он,— но, может быть, ваш богатый опыт подскажет какое-нибудь приемлемое объяснение? Я прошу вас довериться мне потому, что за время моих частых наездов сюда я близко познакомился с семьей Тридженнисов, они даже приходятся мне родственниками со стороны матери, здешней уроженки. Вы сами понимаете, что их ужасная судьба потрясла меня. Должен сказать вам, что я направлялся в Африку и уже был в Плимуте, когда сегодня утром узнал об этом событии, и тут же вернулся, чтобы помочь расследованию.

Холмс поднял брови.

— Из-за этого вы пропустили пароход?

— Поеду следующим.

— Бог мой, вот это дружба!

— Я же сказал, что мы родственники.

— Да, помню... по материнской линии. Багаж уже был на борту?

— Не весь, большая часть еще оставалась в гостинице.

— Понимаю. Но не могла ведь эта новость попасть в плимутские газеты сегодня утром?

— Нет, сэр. Я получил телеграмму.

— Позвольте узнать, от кого?

Искудалое лицо исследователя потемнело.

— Вы слишком любознательны, мистер Холмс.

— Такова моя профессия.

Доктор Стерндейл с трудом обрел прежнее спокойствие.

— Не вижу основания скрывать это от вас,— сказал он.— Телеграмму прислал мистер Раундхэй, священник.

— Благодарю вас,— отозвался Холмс.— Что касается вашего вопроса, то я могу ответить, что мне еще не вполне ясна суть дела, но я твердо рассчитываю добиться истины. Вот пока и все.

— Не могли бы вы сказать, подозреваете ли вы кого-нибудь?

— На это я вам не могу ответить.

— В таком случае я пришел напрасно, не стану задерживать вас более.

Знаменитый путешественник большими шагами вышел из нашего домика, изрядно раздосадованный; вслед за ним ушел и Холмс. Он пропадал до самого вечера, а когда вернулся, вид у него был усталый и недовольный, и я понял, что розыски не увенчались успехом. Его ждала телеграмма, он пробежал ее и бросил в камин.

— Это из Плимута, Уотсон, из гостиницы,— пояснил он.— Я узнал у священника, как она называется, и телеграфировал туда, чтобы проверить слова доктора Стерндейла. Он действительно ночевал там сегодня, и часть его багажа действительно ушла в Африку; сам же он вернулся, чтобы присутствовать при расследовании. Что скажете, Уотсон?

— Видимо, его очень интересует это дело.

— Да, очень. Вот нить, которую мы еще не схватили, а ведь она может вывести нас из лабиринта. Бодритесь, Уотсон, я уверен, что мы знаем далеко не все. Когда мы узнаем больше, все трудности останутся позади.

Я никак не предполагал ни того, что слова Холмса сбудутся так скоро, ни того, каким странным и жутким окажется наше новое открытие, повернувшее розыски в совершенно ином направлении. Утром, когда я брался, я услышал стук копыт и, выглянув из окна, увидел двуколку, которая во всю прыть неслась по дороге. У наших ворот лошадь стала, из двуколки выпрыгнул наш друг-священник и со всех ног помчался по садовой дорожке. Холмс был уже готов, и мы с ним поспешили навстречу.

От волнения наш гость не мог говорить, но в конце концов, тяжело дыша и захлебываясь, он выкрикнул:

— Мы под властью дьявола, мистер Холмс! Мой несчастный приход под властью дьявола! — задыхался он. — Там поселился сам Сатана! Мы в его руках! — Он приплясывал на месте от возбуждения, и это было бы смешно, если бы не его посеревшее лицо и безумные глаза. И тут он выпалил свои ужасные новости:

— Мистер Мортимер Тридженниес умер сегодня ночью точно так же, как его сестра!

Холмс мгновенно вскочил, полный энергии.

— Хватит места в вашей двуколке?

— Да!

— Уотсон, завтрак позже! Мистер Раундхэй, мы готовы! Скорей, скорей, пока там ничего не тронуто!

Мортимер Тридженниес занимал в доме священника две угловые комнаты, расположенные обособленно, одна над другой. Внизу была просторная гостиная, наверху — спальня. Под самыми окнами — крокетная площадка. Мы опередили доктора и полицию, так что никто еще сюда не входил. Позвольте мне точно описать сцену, которую мы увидели в это туманное мартовское утро. Она навеки врезалась в мою память.

В комнате был невероятно удушливый, спретый воздух. Если бы служанка не распахнула окно рано утром, дышать было бы совсем невозможно. Это отчасти объяснялось тем, что на столе еще чадила лампа. У стола, откинувшись на спинку кресла, сидел мертвец; его жидккая бородка стояла торчком, очки были сдвинуты на лоб, а на смуглом, худом лице, обращенном к окну, застыло выражение того же ужаса, которое мы видели на лице его покойной сестры. Судя по сведенным судорогой рукам и ногам и по переплетенным пальцам, он умер в пароксизме страха. Он был одет, хотя мы заметили, что одевался он второпях. И так как мы уже знали, что с вечера он лег в постель, надо было думать, что трагический конец настиг его рано утром.

Как только мы вошли в роковую комнату, Холмс преобразился: внешнее бесстрастие мгновенно сменилось бешеною энергией. Он подобрался, насторожился, глаза его засверкали, лицо застыло, он двигался с лихорадочной быстротой. Он выскочил на лужайку, влез обратно через окно, обежал комнату, промчался наверх — точь-в-точь гончая, почувствовавшая дичь. Он быстро оглядел

спальню и распахнул окно; тут, как видно, появилась новая причина для возбуждения, потому что он высунулся наружу с громкими восклицаниями интереса и радости. Потом он промчался винз, выбежал в сад, растянулся на траве, вскочил и снова кинулся в комнату — все это с пылом охотника, идущего по следу. Особенно он заинтересовался лампой, которая с виду была самой обычной, и измерил ее резервуар. Затем с помощью лупы тщательно осмотрел абажур, закрывавший верх лампового стекла, и, соскоблив немного копоти с его наружной поверхности, ссыпал ее в конверт, а конверт спрятал в бумажник. Наконец, после появления полиции и доктора, он сделал знак священику, и мы втроем вышли на лужайку.

— Рад сообщить вам, что мои розыски не остались бесплодными,— объяснил он.— Я не намерен обсуждать это дело с полицией, однако вас, мистер Раундхэй, я прошу засвидетельствовать мое почтение инспектору и обратить его внимание на окно в спальне и лампу в гостиной. И то и другое в отдельности наводят на размышления, а вместе приводят к определенным выводам. Если инспектору понадобятся дальнейшие сведения, буду рад видеть его у себя. А теперь, Уотсон, я думаю, нам лучше уйти.

Возможно, инспектора уязвило вмешательство частного сыщика, а может быть, он вообразил, что находится на верном пути, во всяком случае, в течение двух дней мы ничего о нем не слышали. Холмс в это время мало бывал дома, а если и бывал, то дремал или курил; свои продолжительные прогулки он совершал в одиночестве, ни словом не упоминая о том, где ходит. Однако один опыт Холмса помог мне понять направление его поисков. Он купил лампу — такую же, как та, что горела в комнате Мортимера Трнджеиниса в утро трагедии. Заправив ее керосином, каким пользовались и в доме священика, он тщательно высчитал, за какое время он выгорает. Другой его опыт оказался гораздо менее безобидным, и, боюсь, я не забуду о нем до самой смерти.

— Вы, вероятно, поминте, Уотсон,— начал он как-то,— что во всех показаниях, которые мы слышали, есть нечто общее. Я имею в виду то, как действовала атмосфера комнаты на тех, кто входил туда первым. Поминте,

Мортимер Тридженнис, описывая свой последний визит в дом братьев, упомянул, что доктор, войдя в комнату, чуть не лишился чувств? Неужто забыли? А я прекрасно помню. Дальше: поминте ли вы, что экономка, миссис Портер, говорила нам, что ей стало дурно, когда она вошла, и она открыла окно? А после смерти Мортимера Тридженниса не могли же вы забыть ужасную духоту в комнате, хотя служанка уже распахнула окно? Как я узнал потом, ей стало до того плохо, что она слегла. Согласитесь, Уотсон, это очень подозрительно. В обоих случаях одно и то же явление — отравленная атмосфера. В обоих случаях в комнатах что-то горело. В первом случае — камин, во втором — лампа. Огонь в камине был еще нужен, но лампу зажгли после того, как рассвело, — это видно по уровню керосина. Почему? Да потому, что есть какая-то связь между тремя факторами: горением, удушливой атмосферой и, наконец, сумасшествием или смертью этих несчастных. Надеюсь, вам ясно?

— Да, как будто ясно.

— Во всяком случае, мы можем принять это за рабочую гипотезу. Предположим затем, что в обоих случаях там горело некое вещество, отравившее атмосферу. Превосходно. В первом случае с семьей Тридженнисов это вещество былоброшено в камин. Окно было закрыто, но ядовитые пары, естественно, уходили в дымоход. Поэтому действие оказалось слабее, чем во втором случае, когда у них не было выхода. Это видно по результатам: в первом случае умерла только женщина, как более уязвимое существо, а у мужчины временно или безнадежно помрачился рассудок, что, очевидно, является первой стадией отравления. Во втором случае результат достигнут полностью. Таким образом, факты подтверждают теорию об отравлении при сгорании некоего вещества.

Исходя из этого, я, разумеется, рассчитывал найти в комнате Мортимера Тридженниса остатки этого вещества. По всей видимости, их надо было искать на ламповом абажуре. Как я и предполагал, там оказались хлопья сажи, а по краям — кайма коричневого порошка, который не успел сгореть. Если вы помните, половину этого порошка я соскоблил и положил в конверт.

— Почему только половину, Холмс?

— Становиться на пути полиции не в моих правилах, Уотсон. Я оставил им все улики. Найдут они что-нибудь на абажуре или нет — это уже вопрос их сообразительности. А теперь, Уотсон, зажжем нашу лампу; однако, чтобы не допустить преждевременной гибели двух достойных членов общества, откроем окно. Садитесь около него в это кресло... если, конечно, как здравомыслящий человек, вы не отказываетесь принять участие в опыте. О, я вижу, вы решили не отступать! Не зря я всегда верил в вас, дорогой Уотсон! Сам я сяду напротив, лицом к вам, и мы окажемся на равном расстоянии от лампы. Дверь оставим полуоткрытой. Теперь мы сможем наблюдать друг за другом, и, если симптомы окажутся угрожающими, опыт нужно немедленно прекратить. Ясно? Итак, я вынимаю из конверта порошок, или, вернее, то, что от него осталось, и кладу его на горячую лампу. Готово! Теперь, Уотсон, садитесь и ждите.

Ждать пришлось недолго. Едва я уселся, как почувствовал тяжелый, приторный, тошиотворный запах. После первого же вдоха разум мой помутился, и я потерял власть над собой. Перед глазами заклубилось густое черное облако, и я внезапно почувствовал, что в нем таится все самое ужасное, чудовищное, злое, что только есть на свете, и эта иезримая сила готова поразить меня насмерть. Кружась и колыхаясь в этом черном тумане, смутные призраки грозно возвещали неизбежное появление какого-то страшного существа, и от одной мысли о нем у меня разрывалось сердце. Я похолодел от ужаса. Волосы у меня поднялись дыбом, глаза выкатились, рот широко открылся, а язык стал как ватный. В голове так шумело, что казалось, мой мозг не выдержит и разлетится вдребезги. Я попытался крикнуть, но, услышав хриплое карканье откуда-то издалека, с трудом сообразил, что это мой собственный голос. В ту же секунду отчаянным усилием я прорвал зловещую пелену и увидел перед собой белую маску, искривленную гримасой ужаса... Это выражение я видел так недавно на лицах умерших... Теперь я видел его на лице Холмса. И тут наступило минутное просветление. Я вскочил с кресла, обхватил Холмса и, шатаясь, потащил его к выходу, потом мы лежали на траве, чувствуя, как яркие солнечные лучи рассеивают ужас, сковавший нас. Он медленно

исчезал из наших душ, подобно утреннему туману, пока к нам окончательно не вернулся рассудок, а с ним и душевный покой. Мы сидели на траве, отирая холодный пот, и с тревогой подмечали на лицах друг друга последние следы нашего опасного эксперимента.

— Честное слово, Уотсон, я в неоплатном долгу перед вами,— сказал наконец Холмс нетвердым голосом,— примите мои извинения. Непростительно было затевать такой опыт, и вдвойне непростительно вмешивать в него друга. Поверьте, я искренне жалею об этом.

— Вы же знаете,— отвечал я, тронутый небывалой сердечностью Холмса,— что помогать вам — величайшая радость и честь для меня.

Тут он снова заговорил своим обычным, полушутильным-полусkeptическим тонаом:

— Все-таки, дорогой Уотсон, налишне было подвергать себя такой опасности. Конечно, сторожий наблюдатель решил бы, что мы свихнулись еще до проведения этого безрассудного опыта. Признаться, я никак не ожидал, что действие окажется таким внезапным и сильным.— Бросившись в дом, он вынес в вытянутой руке горящую лампу и зашвырнул ее в заросли ежевики.— Пусть комната немного проветрится. Ну, Уотсон, теперь, надеюсь, у вас нет никаких сомнений в том, как произошли обе эти трагедии?

— Ни малейших!

— Однако причина так же непонятна, как и раньше. Пойдемте в беседку и там все обсудим. У меня до сих пор в горле першил от этой гадости. Итак, все факты указывают на то, что преступником в первом случае был Мортимер Тридженниес, хотя во втором он же оказался жертвой. Прежде всего нельзя забывать, что в семье произошла ссора, а потом примирение. Неизвестно, насколько серьезна была ссора и насколько искренне примирение. И все-таки этот Мортимер Тридженниес, с его лисьей мордочкой и хитрыми глазками, поблескивающими из-под очков, кажется мне человеком довольно-таки злопамятным. Помните ли вы, наконец, что именно он сообщил нам о чьем-то присутствии в саду — сведение, которое временно отвлекло наше внимание от истинной причины трагедии? Ему зачем-то нужно было навести нас на ложный след. И если не он бросил порошок

в камни, выходя из комиаты, то кто же еще? Ведь все произошло сразу после его ухода. Если бы появился новый гость, семья, конечно, поднялась бы ему на встречу. Но разве в мириом Кориуэлле гости приходят после десяти часов вечера? Итак, все факты свидетельствуют, что преступником был Мортимер Тридженис.

— Значит, он покончил с собой!

— Да, Уотсои, такой вывод как будто напрашивается. Человека с вией на душе, погубившего собственную семью, раскаяние могло бы привести к самоубийству. Однако имеются веские доказательства противного. К счастью, в Англии есть человек, который в курсе дела, и я позаботился о том, чтобы мы все узнали из его собственных уст, сегодня же. А! Вот и он! Сюда, сюда, по этой дорожке, мистер Стеридей! Мы проводили в доме химический опыт, и теперь наша комиата не годится для приема такого выдающегося гостя!

Я услышал стук садовой калитки, и на дорожке показалась величественная фигура знаменитого исследователя Африки. Он с некоторым удивлением направился к беседке, где мы сидели.

— Вы послыали за мной, мистер Холмс? Я получил вашу записку около часу назад и пришел, хотя мне совершили непонятно, почему я должен исполнять ваши требования.

— Я надеюсь, вам все станет ясно в ходе нашей беседы,— сказал Холмс.— А пока я очень признателен вам за то, что вы пришли. Простите нам этот прием в беседке, но мы с моим другом Уотсоем чуть было не добавили новую главу к «Кориуэльскому ужасу», как называют это событие в газетах, и потому предпочитаем теперь свежий воздух. Может быть, это даже лучше, потому что мы сможем разговаривать, не боясь чужих ушей, тем более что это дело имеет к вам самое прямое отношение.

Путешественник вынул изо рта сигару и сурово взирал на моего друга.

— Решительно не понимаю, сэр,— сказал он,— что вы подразумеваете, говоря, что это имеет самое прямое отношение ко мне.

— Убийство Мортимера Триджениса,— ответил Холмс.

В эту секунду я пожалел, что не вооружен. Лицо Стерндейла побагровело от ярости, глаза засверкали, вены на лбу вспухли, как веревки, и, стиснув кулаки, он рванулся к моему другу. Но тотчас остановился и сверхъестественным усилием снова обрел ледяное спокойствие, в котором, быть может, таилось больше опасности, чем в прежнем необузданном порыве.

— Я так долго жил среди дикарей, вне закона,— проговорил он,— что сам устанавливаю для себя законы. Не забывайте об этом, мистер Холмс, я не хотел искалечить вас.

— Да и я не хотел повредить вам, доктор Стерндейл. Простейшим доказательством может служить то, что я послал за вами, а не за полицией.

Стерндейл сел, тяжело дыша; возможно, впервые за всю богатую приключениями жизнь его сразил благоговейный страх. Невозможно было устоять перед несокрушимым спокойствием Холмса. Наш гость немого помедлил, скимая и разжимая огромные кулаки.

— Что вы имеете в виду? — спросил он наконец.— Если это шантаж, мистер Холмс, то вы не из того напали. Итак, ближе к делу. Что вы имеете в виду?

— Сейчас я скажу вам,— ответил Холмс,— и скажу потому, что надеюсь, на откровенность вы ответите откровенностью. Что будет дальше, зависит исключительно от того, как вы сами будете оправдываться.

— Я буду оправдываться?

— Да, сэр.

— В чем же?

— В убийстве Мортимера Тридженинса.

Стерндейл утер лоб платком.

— Час от часу не легче! — возмутился он.— Неужели вся ваша слава держится на таком искусном шантаже?

— Это вы занимаетесь шантажом, а не я, доктор Стерндейл,— ответил Холмс сурово.— Вот факты, из которых основаны мои выводы. Ваше возвращение на Плимута в то время, как ваши вещи отправились в Африку, в первую очередь натолкнуло меня на мысль, что на вас следует обратить особое внимание...

— Я вернулся, чтобы...

— Я слышал ваши объяснения и нахожу их неубедительными. Оставим это. Потом вы пришли узнать, кого я подозреваю. Я не ответил вам. Тогда вы пошли к дому священика, подождали там, не входя внутрь, а потом вернулись к себе.

— Откуда вы знаете?

— Я следил за вами.

— Я никого не видел.

— Я на это и рассчитывал. Ночью вы не спали, обдумывая плац, который решили выполнить ранним утром. Едва стало светать, вы вышли из дома, взяли несколько пригоршней красноватых камешков из кучи гравия у ваших ворот и положили в карман.

Стеридейл вздрогнул и с изумлением взглянул на Холмса.

— Потом вы быстро пошли к дому священика. Кстати, на вас были те же темные туфли с рифленой подошвой, что и сейчас. Там вы прошли через сад, перелезли через ограду и оказались прямо под окнами Тридженниса. Было уже совсем светло, но в доме еще спали. Вы вынули из кармана несколько камешков и бросили их в окно второго этажа.

Стеридейл вскочил.

— Да вы сам дьявол! — воскликнул он.

Холмс улыбнулся.

— Две-три пригорши — и Тридженнис подошел к окну. Вы знаком предложили ему спуститься. Он торопливо оделся и сошел в гостиную. Вы влезли туда через окно. Произошел короткий разговор, вы в это время ходили взад-вперед по комнате. Потом вылезли из окна и прикрыли его за собой, а сами стояли на лужайке, курили сигару и наблюдали за тем, что происходит в гостиной. Когда Мортимер Тридженнис умер, вы ушли тем же путем. Ну, доктор Стеридейл, чем вы объясните ваше поведение и какова причина ваших поступков? Не вздумайте увиливать от ответа или хитрить со мной, ибо, предупреждаю, этим делом тогда займутся другие.

Еще во время обвинительной речи Холмса лицо нашего гостя стало пепельно-серым. Теперь он закрыл лицо руками и погрузился в тяжкое раздумье. Потом внезапно вынул из внутреннего кармана фотографию и бросил ее на неструганый стол.

— Вот почему я это сделал,— сказал он.

Это был портрет очень красивой женщины. Холмс вгляделся в него.

— Брэнда Триджеинс,— сказал он.

— Да, Брэнда Тридженис,— отозвался наш гость.— Долгие годы я любил ее. Долгие годы она любила меня. Поэтому нечего удивляться тому, что мне иранилось жить затворником в Корнуэлле. Только здесь я был вблизи единственного дорогого мне существа. Я не мог женииться на ней, потому что я женат: жена оставила меня много лет назад, но нелепые английские законы не дают мне развестись с ней. Годы ждала Брэнда. Годы ждал я. И вот чего мы дождались! — Гигантское тело Стерндейла содрогнулось, и он судорожно схватился рукой за горло, чтобы унять рыдания. С трудом овладев собой, он продолжал: — Священник знал об этом. Мы доверили ему нашу тайну. Он может рассказать вам, каким она была ангелом. Вот почему он телеграфировал мне в Плимут, и я вернулся. Неужели я мог думать о багаже, об Африке, когда узнал, какая судьба постигла мою любимую! Вот и разгадка моего поведения, мистер Холмс.

— Продолжайте,— сказал мой друг.

Доктор Стерндейл вынул из кармана бумажный пакетик и положил его на стол. Мы прочли на нем: «*Radix pedis diaboli*», на красном ярлыке было написано: «Яд». Он подтолкнул пакетик ко мне.

— Я слышал, вы врач. Знаете вы такое вещество?

— Корень дьяволовой ноги? Первый раз слышу.

— Это искажает ваши профессиональные знания,— заметил он,— ибо это единственный образчик в Европе, не считая того, что хранится в лаборатории в Буде. Он пока неизвестен ни в фармакопее, ни в литературе по токсикологии. Формой корень напоминает ногу — не то человеческую, не то козлиную, вот почему миссионер-ботаник и дал ему такое причудливое название. В некоторых районах Западной Африки колдуны пользуются им для своих целей. Этот образец я добыл при самых необычайных обстоятельствах в Убанге.— С этими словами он развернул пакетик, и мы увидели кучку красно-бурового порошка, похожего на нюхательный табак.

— Дальше, сэр,— строго сказал Холмс.

— Я уже почти закончил, мистер Холмс, и сами вы знаете так много, что в моих же интересах сообщить вам все до конца. Я упоминал уже о своем родстве с семьей Тридженнисов. Ради сестры я поддерживал дружбу с братьями. После ссоры из-за денег этот Мортимер поселился отдельно от них, но потом все как будто уладилось, и я встречался с ним так же, как с остальным. Он был хитрым, лицемерным интриганом, и по различным причинам я не доверял ему, но у меня не было повода для ссоры.

Как-то, недели две назад, он зашел посмотреть мои африканские редкости. Когда дело дошло до этого порошка, я рассказал ему о его странных свойствах, о том, как он возбуждает нервные центры, контролирующие чувство страха, и как несчастные туземцы, которым жрец племени предназначает это испытание, либо умирают, либо сходят с ума. Я упомянул, что европейская наука бессильна обнаружить действие порошка. Не могу понять, когда он взял его, потому что я не выходил из комнаты, но надо думать, это произошло, пока я отpirал шкафы и рылся в ящиках. Хорошо помню, что он забросал меня вопросами о том, сколько нужно этого порошка и как скоро он действует, но мне и в голову не приходило, какую цель он преследует.

Я понял это только тогда, когда в Плимуте меня догнала телеграмма священника. Этот негодяй Тридженнис рассчитывал, что я уже буду в море, ничего не узнаю и проведу в дебрях Африки долгие годы. Но я немедленно вернулся. Как только я услышал подробности, я понял, что он воспользовался моим ядом. Тогда я пришел к вам узнать, нет ли другого объяснения. Но другого быть не могло. Я был убежден, что убийца — Мортимер Тридженнис: он знал, что если члены его семьи помешаются, он сможет полновластно распоряжаться их общей собственностью. Поэтому ради денег он воспользовался порошком из корня дьяволовой ноги, лишил рассудка братьев и убил Бранду — единственную, кого я любила, единственную, которая любила меня. Вот в чем было его преступление. Каким же должно было быть возмездие?

Обратиться в суд? Какие у меня доказательства? Конечно, факты неоспоримы, но поверят ли здешние присяжные такой фантастической истории? Либо да, либо нет. А я не мог рисковать. Душа моя жаждала мести. Я уже говорил вам, мистер Холмс, что провел почти всю жизнь вне закона и в конце концов сам стал устанавливать для себя законы. Сейчас был как раз такой случай. Я твердо решил, что Мортимер должен разделить судьбу своих родных. Если бы это не удалось, я расправился бы с ним собственоручно. Во всей Англии нет человека, который ценил бы свою жизнь меньше, чем я.

Теперь вы знаете все. Действительно, после бессонной ночи я вышел из дома. Предполагая, что разбудить Мортимера будет нелегко, я набрал камешков из кучи гравия, о которой вы упомнили, и бросил в его окно. Он сошел вниз и впустил меня в гостиную через окно. Я обвинил его в преступлении. Я сказал, что перед ним его судья и палач. Увидев револьвер, негодяй рухнул в кресло как подкошенный. Я зажег лампу, насыпал на абажур яда и, выйдя из комнаты, стал у окна. Я пристрелил бы его, если бы он попытался бежать. Через пять минут он умер. Господи, как он мучился! Но сердце мое окаменело, потому что он не пощадил мою невинную Брэнду! Вот и все, мистер Холмс. Если бы вы любили, может быть, вы сами поступили бы так же. Как бы то ни было, я в ваших руках. Делайте все, что сочтете нужным. Я уже сказал, что жизнь свою ни во что не ставлю.

Холмс помолчал.

— Что вы думали делать дальше? — спросил он после паузы.

— Я хотел навсегда остаться в Центральной Африке. Моя работа доведена только до половины.

— Поезжайте и закаивайтесь, — сказал Холмс. — Я, во всяком случае, не собираюсь мешать вам.

Доктор Стерндейл поднялся во весь свой огромный рост, торжественно поклонился нам и вышел из беседки. Холмс закурил трубку и протянул мне кинсет.

— Надеюсь, этот дым покажется вам более приятным, — сказал он. — Согласны ли вы, Уотсон, что нам не следует вмешиваться в это дело? Мы вели розыски

частным образом и дальше можем действовать точно так же. Вы ведь не обвиняете этого человека?

— Конечно, нет, — ответил я.

— Я никогда не любил, Уотсон, но если бы мою любимую постигла такая судьба, возможно, я поступил бы так же, как наш охотник на львов, презирающий законы. Кто знает... Ну, Уотсон, не хочу обижать вас и объяснять то, что и без того ясно. Отправным пунктом моего расследования, конечно, оказался гравий на подоконнике. В саду священника такого не было. Только заинтересовавшись доктором Стеридейлом и его домом, я обнаружил, откуда взяты камешки. Горящая средь бела дня лампа и остатки порошка на абажуре были звеньями совершенно ясной цепи. А теперь, дорогой Уотсон, давайте выбросим из головы это происшествие и с чистой совестью вернемся к изучению халдейских корней, которые, несомненно, можно проследить в корнуэльской ветви великого кельтского языка.

ЕГО ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОКЛОН

Было девять часов вечера второго августа — самого страшного августа во всей истории человечества. Казалось, на землю, погрязшую в скверне, уже обрушилось божье проклятие — царило пугающее затишье, и душный, неподвижный воздух был полон томительного ожидания. Солнце давно село, но далеко на западе, у самого горизонта, рдело, словно разверстая рана, кроваво-красное пятно. Вверху ярко сверкали звезды, внизу поблескивали в бухте корабельные огни. На садовой дорожке у камениной ограды беседовали два немца — личности примечательные; за их спиной стоял дом, длиний, приземистый, со множеством фронтонов во все стороны. Немцы смотрели на широкую гладь берега у подножия величественного мелового утеса, на который четыре года назад опустился, как перелетный орел, господин фон Борк, один из собеседников. Они говорили вполголоса, тесно сблизив головы. Горящие кончики их сигар синзу можно было принять за огненные глаза, выглядывающие из тьмы злого демона, исчадия ада.

Незаурядная особа этот фон Борк. Среди всех преданных кайзеру агентов второго такого не сыщешь. Именно благодаря его редким талантам ему доверили «английскую миссию», самую ответственную, и начиная с момента, когда он приступил к ее выполнению, таланты эти раскрывались все ярче, чему свидетелями было человек пять посвященных. Одним из этой пятерки был стоявший сейчас рядом с ним барон фон Херлинг, первый секретарь посольства; его громадный, в сто лоша-

динах сил, «бенц» загородил собой деревенский проулок в ожидании, когда надо будет умчать хозяина обратно в Лондон.

— Судя по тому, как разворачиваются события, к концу недели вы, вероятно, уже будете в Берлине,— сказал секретарь.— Прием, который вам там готовят, дорогой мой фон Борк, поразит вас. Мне известно, как высоко расценивают в высоких сферах вашу деятельность в этой стране.

Секретарь был солидный, серьезный мужчина, рослый, широкоплечий, говорил размеренно и веско, что и послужило ему главным козырем в его дипломатической карьере.

Фон Борк рассмеялся.

— Их не так уж трудно провести,— заметил он.— Невозможно вообразить людей более покладистых и простодушных.

— Не знаю, не знаю,— проговорил его собеседник задумчиво.— В них есть черта, за которую не переступишь, и это надо помнить. Именно внешнее простодушие и является ловушкой для иностранца. Первое впечатление всегда такое — на редкость мягкие люди, и вдруг натыкаешься на что-то очень твердое, решительное. И видишь, что это предел, дальше проникнуть невозможно. Нельзя не учитывать этот факт, к нему надо приспособливаться. Например, у них есть свои, только им присущие условности, с которыми просто необходимо считаться.

— Вы имеете в виду «хороший тон» и тому подобное?

Фон Борк вздохнул, как человек, много от того пострадавший.

— Я имею в виду типичные британские условия во всех их своеобразных формах. Для примера могу рассказать историю, происшедшую со мной, когда я совершил ужасный ляпсус. Я могу позволить себе говорить о своих промахах, вы достаточно хорошо осведомлены о моей работе и знаете, насколько она успешна. Случилось это в первый мой приезд сюда. Я был приглашен на «уикенд» в загородный дом члена кабинета министров. Разговоры велись крайне неосторожные.

Фон Борк кивнул.

— Я бывал там,— сказал он сухо.

— Разумеется. Так вот, я, естественно, послал резюме своих наблюдений в Берлин. К несчастью, наш министр канцлер не всегда достаточно тактичен в делах подобного рода. Он обронил замечание, показавшее, что ему известно, о чем именно шли разговоры. Проследить источник информации было, конечно, нетрудно. Вы даже представить себе не можете, как это мне навредило. Куда вдруг девалась мягкость наших английских хозяев! Ее как не бывало. Понадобилось два года, чтобы все улеглось. Вот вы, разыгрывая из себя спортсмена...

— Нет, нет, это совсем не так. Игра — значит что-то нарочитое, искусственное. А у меня все вполне естественно, я прирожденный спортсмен. Я обожаю спорт.

— Ну что ж, оттого ваша деятельность только эффективнее. Вместе с ними вы участвуете в парусных гонках, охотитесь, играете в поло — не отстаете ни в чем. Ваш выезд четверкой берет призы в Олимпии¹. Я слышал, что вы даже занимаетесь боксом вместе с молодыми англичанами офицерами. И в результате? В результате никто не принимает вас всерьез. Кто вы? «Славный малый», «для немца человек вполне приличный», выпивока, всегда датай ночных клубов — веселый, беспечный молодой бездельник. Кому придет в голову, что ваш тихий загородный дом — центр, откуда исходит половина всех бед английского королевства, и что помещик-спортсмен — опытный агент, самый ловкий и умелый во всей Европе? Вы гений, дорогой мой фон Борк, гений!

— Вы мне льстите, барон. Но я действительно могу сказать о себе, что провел четыре года в этой стране не зря. Я никогда не показывал вам мой маленький тайник? Быть может, зайдем на минутку в дом?

Кабинет выходил прямо на террасу. Фон Борк толкнул дверь и, пройдя вперед, щелкнул электрическим выключателем. Потом прикрыл дверь за двигающейся следом массивной фигурой фон Херлинга и тщательно задернул тяжелую оконную штору. Лишь приняв все меры предосторожности, он повернулся к гостю свое загорелое, с острыми чертами лицо.

¹ Огромный (площадью около 3 га) павильон в Лондоне, где устраиваются выставки, спортивные состязания и пр.

— Часть моих бумаг уже переправлена,— сказал он.— Наименее важные взяла с собой жена, вчера она вместе со всеми домочадцами отбыла в Флиссинген. Расчитываю, что охрану остального возьмет на себя посольство.

— Ваше имя уже включено в список личного состава. Все пройдет гладко, никаких затруднений ни в отношении вас, ни вашего багажа. Коисечно, как знать, быть может, нам и не понадобится уезжать, если Англия предоставит Францию ее собственной участии. Нам достоверно известно, что никакого взаимообязывающего договора между ними нет.

— Ну, а Бельгия?

— И в отношении Бельгии то же самое.

Фон Борк покачал головой.

— Едва ли. Ведь с ней договор, безусловно, существует. Нет, от такого позора Англия тогда вовек не оправится.

— По крайней мере у нее будет временная передышка.

— Но честь страны...

— Э, дорогой мой, мы живем в век утилитаризма. Честь — понятие средневековое. Кроме того, Англия не готова. Это просто уму не под силу, но даже наше специальное военное налогообложение в пятьдесят миллионов, цель которого уж кажется так ясна, как если бы мы поместили о том объявление на первой странице «Таймса», не пробудило этих людей от спячки. Время от времени кто-нибудь задает вопрос. На мне лежит обязанность отвечать на такие вопросы. Время от времени вспыхивает недовольство. Я должен успокаивать, разъяснять. Но что касается самого главного — запасов снаряжения, мер против нападения подводных лодок, производства взрывчатых веществ,— ничего нет, ничего не готово. Как же Англия сможет войти в игру, особенно теперь, когда мы заварили такую адскую кашу из гражданской войны в Ирландии, фурий, разбивающих окна¹, и еще бог знает чего, чтобы ее мысли были полностью заняты внутренними делами?

— Ей надлежит подумать о своем будущем.

¹ Имеется в виду движение суфражисток.

— А, это дело другое. Я полагаю, у нас есть наши собственные, очень определенные планы относительно будущего Англии — ваша информация будет нам тогда крайне необходима. Мистер Джои Буль может выбирать — либо сегодня, либо завтра. Желает, чтобы это было сегодня — мы к тому готовы. Предпочитает завтрашний день — тем более будем готовы. На мой взгляд, с их стороны благоразумнее сражаться с союзниками, чем в одиночку; но уж это их дело. Эта неделя должна решить судьбу Англии. Но вы говорили о вашем тайнике.

Барон уселся в кресло. Лучи света падали прямо на его широкую, лысую макушку. Он невозмутимо попыхивал сигарой.

В дальнем конце просторной комнаты, обшитой дубовой панелью и уставленной рядами книжных полок, висела занавесь. Фон Борк ее отдернул, и фон Херлинг увидел внушительных размеров сейф, окованный медью. Фон Борк снял с часовой цепочки небольшой ключ и после долгих манипуляций над замком распахнул тяжелую дверцу.

— Прошу,— сказал он, жестом приглашая гостя и сам отступая в сторону.

Свет был в открытый сейф, и секретарь посольства с живейшим любопытством разглядывал его многочисленные отделения. На каждом была табличка — водя по нем взглядом, фон Херлинг читал: «Броды», «Охрана портов», «Аэропланы», «Ирландия», «Египет», «Укрепления Портсмута», «Ламанш», «Розайт»¹ и десятки других. Все отделения были набиты документами, чертежами и планами.

— Грандиозно! — сказал секретарь. Отложив сигару, он негромко похлопал мясистыми ладонями.

— И всего за четыре года, барон. Не так уж плохо для помещика, выпивохи и охотника. Но бриллианта, который должен увеличить мою коллекцию, здесь еще нет — скоро он прибудет, и ему уже приготовлена оправа.

Фон Борк указал на отделение с надписью «Военно-морская сигнализация».

¹ Английская военно-морская база в Шотландии.

— Но ведь у вас тут уже достаточно солидное досье...

— Устарело, пустые бумажки. Адмиралтейство каким-то образом проводило, забыло тревогу, и все коды были изменены. Да, вот это был удар! Никогда еще не получал я такого афроита. Но с помощью моей чековой книжки и молодчины Олтемонта сегодня же вечером все будет уложено.

Барон глянул на свои часы — у него вырвалось горячее восклицание, выразившее досаду.

— Нет, право, больше ждать не могу. Вы представляете себе, как сейчас все кипит на Карлтон-Террас¹, — каждый из нас должен быть на своем посту. Я надеялся привезти новости о вашем последнем улове. Разве ваш Олтемонт не назначил точно часа, когда придет?

Фон Борк пододвниул ему телеграмму:

«Буду непременно. Вечером привезу новые запальные свечи.

Олтемонт».

— Запальные свечи?

— Видите ли, он выдает себя за механика, а у меня тут целый гараж. В нашем с ним коде все обозначено терминами автомобильных деталей. Пишет о радиаторе — имеется в виду линейный корабль, а насос для масла — это крейсер. Запальные свечи — значит военно-морская сигнализация.

— Отослаю из Портсмута в полдень, — сказал секретарь, взглянув на телеграмму. — Между прочим, сколько вы ему платите?

— Пятьсот фунтов вам только за это поручение. И еще, конечно, плачу регулярное жалованье.

— Недурно загребает. Они полезны, эти изменники родины, но как-то обидно столько платить за предательство.

— На Олтемонта мне денег не жалко. Отлично работает. Пусть я плачу ему много, зато он поставляет «настоящий товар», по его собственному выражению. Кроме того, он вовсе не изменник. Уверяю вас, что касается отишения к Англии, то наш самый прогерманский юн-

¹ Дом № 9 по Карлтон-Террас — здание немецкого посольства.

кер — нежный голубок по сравнению с озлобленным американским ирландцем.

— Вот как! Он американский ирландец?

— Послушали бы, как он говорит, у вас не осталось бы на этот счет сомнений. Поверите ли, иной раз я с трудом его понимаю. Он словно бы объявил войну не только Англии, но и английскому языку. Вы в самом деле больше не можете ждать? Он должен быть с минуты на минуту.

— Нет. Очень сожалею, но я и так задержался. Ждем вас завтра рано утром. Если вам удастся пронести папку с сигнальными кодами под самым иносом у герцога Йоркского¹, можете считать это блестательным финалом всей вашей английской эпопеи. Ого! Токайское!

Он кивнул на тщательно закупоренную, покрытую пылью бутылку, стоявшую на подносе вместе с двумя бокалами.

— Позвольте предложить вам бокал на дорогу?

— Нет, благодарю. А у вас, по-видимому, готовится кутеж?

— Олтемонт — тонкий знаток вин, мое токайское пришлось ему по вкусу. Он очень самолюбив, легко обижается, приходится его задабривать. Да, с ним не так-то просто, смею вас уверить.

Они снова вышли на террасу и направились в дальний ее конец, — и тотчас огромная машина барона, стоявшая в той стороне, задрожала и загудела от легкого прикосновения шофера.

— Вон то, вероятно, огни Хариджа, — сказал секретарь, натягивая дорожный плащ. — Как все выглядят спокойно, мирно. Через какую-нибудь неделю здесь загорятся другие огни, английский берег утратит свой идеальный вид. Да и небеса тоже, если наш славный Цеппелин сдержит свои обещания. А это кто там?

В доме свет горел только в одном окне — там за столом, на котором стояла лампа, сидела симпатичная румяная старушка в деревенском чепце. Она склонилась над вязанием и время от времени прерывала работу, что-

¹ Памятник герцогу Йоркскому (брату Георга IV) находится рядом со зданием немецкого посольства.

бы погладить большого черного кота, примостившегося на табурете возле нее.

— Марта, служанка. Только ее одну я и оставил при доме.

Секретарь издал смешок.

— Она кажется олицетворением Британии — погружена в себя и благодушно дремлет. Ну, фон Борк, ау говоир.

Махнув на прощание рукой, он вскочил в машину, и два золотых конуса от фар тут же рванулись вперед в темноту. Секретарь откинулся на подушки роскошного лимузина и настолько погрузился в мысли о назревающей европейской трагедии, что не заметил, как его машина, сворачивая на деревенскую улицу, чуть не сбила маденький «фордик», двинувшийся навстречу.

Когда последнее мерцание фар лимузина угасло вдали, фон Борк медленно направился обратно к себе в кабинет. Проходя по саду, он заметил, что служанка потушила лампу и пошла спать. Молчание и тьма, заполнившие просторный дом, были для фон Борка непривычными — семья его со всеми чадами и домочадцами была большая. Он с облегчением подумал, что все они в безопасности, и если не считать старухи служанки, оставленной хозяйничать на кухне, во всем доме он теперь один. Перед отъездом предстояло еще многое привести в порядок, кое-что ликвидировать. Он принял за дело и работал до тех пор, пока его красивое, энергичное лицо не раскраснелось от пламени горящих бумаг. Возле стола на полу стоял кожаный чемодан — фон Борк начал аккуратно, методически укладывать в него драгоценное содержимое сейфа. Но тут его тонкий слух уловил шум движущегося вдали автомобиля. Он издал довольно воскликание, затянул на чемодан ремни, закрыл сейф и поспешил вышел на террасу. Как раз в эту минуту у калитки, сверкнув фарами, остановился маденький автомобиль. Из него выскоцил высокий человек и быстро зашагал навстречу барону; шофер, плотный по жилой мужчине с седыми усами, уселился на своем сиденье поудобнее, как видно, готовясь к долгому ожиданию.

— Ну как? — спросил фон Борк с живостью, кидаясь бегом к приезжему.

Вместо ответа тот с торжествующим видом помахал у себя над головой небольшим свертком.

— Да, мистер, сегодня вы останетесь довольны! — крикнул приезжий.— Дело выгорело.

— Сигналы?

— Ну да, как я и писал в телеграмме. Все до единого — ручная сигнализация, сигналы лампой, марконы — само собой, копии, не оригиналы: было бы уж очень опасно. Но товар стоящий, можете положиться.

Он с грубой фамильярностью хлопнул немца по плечу. Тот нахмурился.

— Входите, я дома один,— сказал он.— Копии, безусловно, лучше, чем оригиналы. Если бы исчезли оригиналы, тотчас все коды заменили бы новыми. А как с этими копиями, полагаете, все в порядке?

Войдя в кабинет, американский ирландец уселся в кресло и вытянулся вперед длинные ноги. Ему можно было дать лет шестьдесят — очень высокий, сухопарый, черты лица острые, четкие; небольшая козлиная бородка придавала ему сходство с дядей Сэмом, каким его изображают на карикатурах. Из уголка рта у него свисала наполовину выкуренная, потухшая сигара; едва усевшись, он тотчас ее разжег.

— Собираетесь давать ходу? — заметил он, осматриваясь. Взгляд его упал на сейф, уже не прикрытый занавесью.— Послушайте-ка, мистер, неужто вы храните в нем все ваши бумаги?

— Почему бы нет?

— Шут возьми — в таком-то ящике? А еще считаетесь шпионом высшего класса. Да любой воришко-янки вскроет его консервным ножом. Знай я, что мон письма брошены в такой вот сундук, я бы не свалил дурака, не стал бы вам писать.

— Ни одному воришке с этим сейфом не справиться, — ответил фон Борк.— Металл, из которого он сделан, не разрежешь никаким инструментом.

— Ну, а замок-то?

— Замок особый, с двойной комбинацией, понимаете?

— Ни черта не понимаю.

— Чтобы открыть такой замок, требуется знать определенное слово и определенное число.— Фон Борк под-

нялся и показал на двойной диск вокруг замочной скважины.— Внешний круг для букв, внутренний — для цифр.

— Здорово, здорово!

— Не так-то просто, как вы думали. Я заказал его четыре года назад, и, знаете, какие я выбрал слово и число?

— Понятия не имею.

— Так вот, слушайте: слово — «август», а число — 1914, поняли?

Лицо американца выразило восхищение.

— Вот это ловко, ей-богу! То есть в самый раз угадали! — воскликнул он удивлению.

— Да, кое-кто из нас мог уже тогда предвидеть точную дату. Ну вот, теперь время пришло, и завтра утром я свертываю все дела.

— Послушайте, мистер, вы и меня должны отсюда вытащить. Я в этой растреклятой стране один не останусь. Видать, через неделю, а то и раньше Джон Буль встанет на задние лапы и начнет бушевать. Я предпочитаю поглядывать на него с бережка по ту сторону океана.

— Но ведь вы американский гражданин!

— Ну и что же? Джек Джеймс тоже американский гражданин, а вот теперь отсиживает свой срок в Портленде. Английский фараон не станет с вами целоваться, если заявить ему, что вы американец. «Здесь у нас свои законы, британские» — вот что он скажет. Да, мистер, кстати уж, раз мы помянули Джека Джеймса. Сдается мне, вы не очень бережете людей, которые на вас работают.

— Что вы хотите сказать? — спросил фон Борк резко.

— Ведь вы их как бы хозяин, верно? И вам полагается следить, чтобы они не влипли. А они то и дело влнипают, и хоть одного из них вы выручили? Взять того же Джеймса...

— Джеймс сам виноват, вы это отлично знаете. Он был слишком недисциплинирован для такого дела.

— Джеймс — тупая башка, согласен. Ну, а Холлс?

— Холлс вел себя как иенормальный.

— Да, под конец он малость спятила. Спятишь, когда

с утра до вечера разыгрываешь, как в театре, а вокруг сотни полицейских ищек — так и жди, что сцепают. Ну, а если говорить о Стейнере...

Фон Борк сильно вздрогнул, его румяное лицо чуть побледнело.

— Что такое со Стейнером?

— А как же? Ведь его тоже схватили. Вчера ночью сделали налет на его лавку, и он сам и все его бумаги теперь в Портсмутской тюрьме. Вы-то удерете, а ему, бедняге, придется расхлебывать кашу, и хорошо еще, если не вздернут. Вот потому-то я и хочу не мешкая перебраться за океан.

Фон Борк был человеком сильного характера, с достаточной выдержкой, но было нетрудно заметить, что эти новости его потрясли.

— Как они добрались до Стейнера? — бормотал он про себя. — Вот это действительно удар.

— Может случиться и еще кое-что похуже — того и гляди, они и меня схватят.

— Ну что вы!

— Да уж поверьте. К моей квартирной хозяйке явились какие-то типы, расспрашивали обо мне. Я, как о том услышал, пора, думаю, смыться. Но вот чего я не пойму, мистер, как эти полицейские ищеки проюхивают о таких вещах? С тех пор, как мы тут с вами договорились, Стейнер пятый по счету, кого сцепали, и я знаю, кто будет шестым, если я вовремя не дам деру. Как вы все это объясните? И не совестно вам предавать своих?

Фон Борк побагровел от гнева.

— Как вы смеете так со мной разговаривать?

— Не было бы у меня смелости, мистер, не пошел бы я к вам на такую работу. Но я вам выкладываю все начистоту. Я слыхал, что, как только агент сослужит свою службу, вы, немецкие политики, даже рады бываете, если его уберут.

Фон Борк вскочил с кресла.

— Вы имеете наглость заявлять мне, что я выдаю собственных агентов?

— Этого я не говорил, мистер, но где-то тут завелся доносчик или кто-то работает и нашим и вашим. И вам надлежало бы раскопать, кто же это такой. Я-то,

во всяком случае, больше шею подставлять не буду. Перекиньте меня в Голландию, и чем скорее, тем оно лучше.

Фон Борк подавил свой гнев.

— Мы слишком долго работали сообща, чтобы ссориться теперь, накануне победы,— сказал он.— Вы работали отлично, шли на большой риск, и я этого не забуду. Разумеется, поезжайте в Голландию. В Роттердаме сможете сесть на пароход до Нью-Йорка. Все другие пароходные линии через неделю будут небезопасны. Так, значит, я заберу ваш список и уложу его с остальными документами.

Американец продолжал держать пакет в руке и не выразил ни малейшего желания с ним расстаться.

— А как насчет монеты?

— Что такое?

— Насчет деньжат. Вознаграждение за труды. Мон пятьсот фунтов. Тот, кто все это мне сварганил, под конец было заартачился, пришлось его уламывать — дал ему еще сотню долларов. А то осталось бы мы ни с чем — и вы и я. «Не пойдет дело», — говорит он мне, и вижу, не шутит. Но вторая сотня свое сделала. Так что всего на эту штуковину я выложил две сотни и уж пока не получу своего, бумаг не отдаю.

Фон Борк улыбнулся не без горечи.

— Вы, кажется, не очень высокого мнения о моей порядочности, — сказал он.— Хотите, чтобы я отдал деньги до того, как получил бумаги.

— Что ж, мистер, мы люди деловые.

— Хорошо, пусть будет по-вашему.— Фон Борк сел за стол, заполнил чек, вырвал листок из чековой книжки, но отдавать его не спешил.— Раз уж мы, мистер Олтемонт, перешли на такие отношения, я не вижу резона, почему мне следует доверять вам больше, чем вам мне. Вы меня понимаете? — добавил он, глянув через плечо на американца.— Я положу чек на стол. Я вправе требовать, чтобы вы дали мне сперва взглянуть на содержимое пакета и уж потом взяли чек.

Не говоря ни слова, американец передал пакет. Фон Борк развязал бечевку, развернул два слоя оберточной бумаги. Несколько мгновений он не сводил изумленного взгляда с небольшой книжкой в синем переплете, на ко-

тором золотыми буквами было вытиснено: «Практическое руководство по разведению пчел». Но долго рассматривать эту неуместную надпись ему не пришлось: руки крепкие, словно железные тиски, охватили свади его шею и прижали к его лицу пропитанную хлороформом губку.

— Еще стакан, Уотсон? — сказал мистер Шерлок Холмс, протягивая бутылку с токайским.

Плотный, кореистый шофер, теперь уже сидевший за столом, с заметной готовностью пододвинул свой бокал.

— Неплохое вино, Холмс.

— Превосходное, Уотсон. Наш лежащий сейчас на диване друг уверял меня, что оно из личного погреба Фраица-Иосифа в Шенбруинском дворце. Могу я попросить вас открыть окно? Пары хлороформа не способствуют приятным вкусовым ощущениям.

Сейф стоял настежь, и Холмс вытаскивал оттуда досье за досье, каждое быстро просматривал и затем аккуратно укладывал в чемодан фон Борка. Немец спал на диване, хранил дыша; руки и ноги у него были стянуты ремнями.

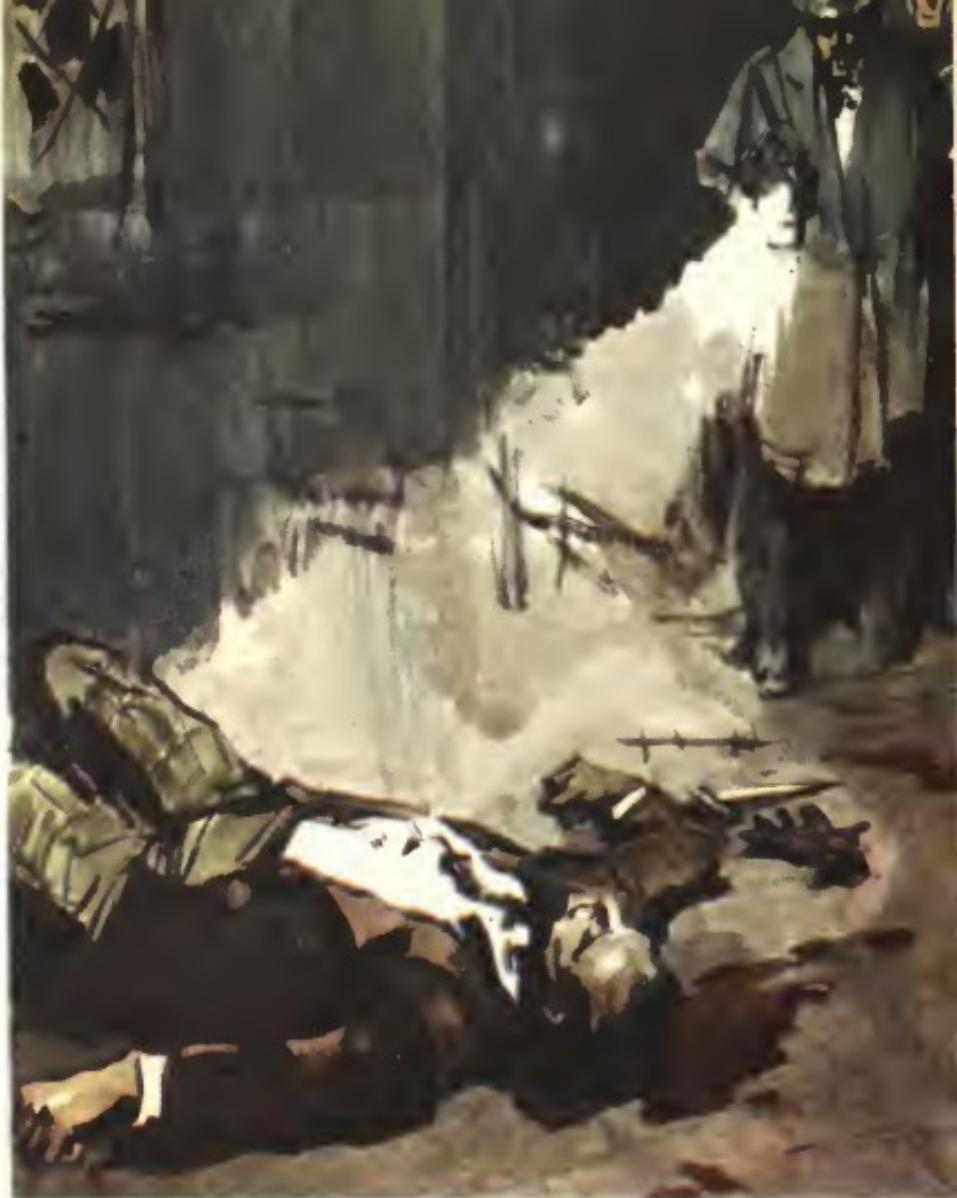
— Можно особенно не торопиться, Уотсон. Нам никто не помешает. Будьте добры, нажмите кнопку звонка. В доме никого нет, кроме старой Марты,— она свою роль сыграла восхитительно. Я пристроил ее здесь сразу же, как только взялся за расследование этого дела. А, Марта, вы! Вам будет приятно узнать, что все в порядке.

Почтеннная старушка стояла в дверях и, улыбаясь, приседала перед Холмсом, но глянула с некоторым испугом на фигуру, распростертую на диване.

— Не волнуйтесь, Марта. С ним решительно ничего не случилось.

— Очень рада, мистер Холмс. В своем роде он был неплохим хозяином. Даже хотел, чтобы я поехала с его женой в Германию, но это не сошлось бы с вашими планами, ведь правда, сэр?

— Ну, конечно, нет. Пока вы оставались здесь, я был спокоен. Но сегодня нам пришлось подождать вашего сигнала.

«Алое кольцо»

«Исчезновение леди Фрэнсис Карфэкс»

— Это из-за секретаря, сэр.

— Да, я знаю. Мы встретили его машину.

— Я уж думала, он никогда и не уедет. Я знала, сэр, что это не сошлось бы с вашими планами, застать его здесь.

— Разумеется, нет. Ну, подождали с полчаса, это значения не имеет. Как только я увидел, что вы потушили лампу, я понял, что путь свободен. Завтра, Марта, можете зайти ко мне в отель «Кларидж» в Лондоне.

— Слушаю, сэр.

— Я полагаю, у вас все готово к отъезду?

— Да, сэр. Он сегодня отправил семь писем. Я списала адреса, как обычно.

— Прекрасно, Марта. Завтра я их просмотрю. Спокойной ночи. Этн вот бумаги,— продолжал он, когда старушка ушла к себе,— особо большой ценности не имеют; уж, конечно, сведения, содержащиеся в них, давно переданы в Германию. Это все оригиналы, которые не так-то легко вывезти за границу.

— Значит, пользы от них никакой?

— Я бы не сказал, Уотсон. Во всяком случае, по ним мы можем проверить, что известно и что неизвестно немецкой разведке. Надо заметить, что многие из этих документов шли через мои руки и, разумеется, решительно ничего не стоят. Мне будет отрадно наблюдать на склоне лет, как немецкий крейсер войдет в пролив Солент, руководствуясь схемой заминирования, составленной мною. Ну-ка, Уотсон, дайте на себя взглянуть.— Холмс отложил работу и взял друга за плечи.— Я вас еще не видел при свете. Ну, как обошлось с вами протекшее время? По-моему, вы все такой же жизнерадостный юнец, каким были всегда.

— Сейчас я чувствую себя на двадцать лет моложе, Холмс. Вы не можете себе представить, до чего я обрадовался, когда получил вашу телеграмму с предложением приехать за вами на машине в Харидж. И вы, Холмс, изменились очень мало. Вот только эта ужасная бородка...

— Родина требует жертв, Уотсон,— сказал Холмс, дериув себя за жидкий клок волос под подбородком.— Завтра это станет лишь тяжким воспоминанием. Остригут бороду, произведу еще кое-какие перемены во внешности.

сти и завтра снова стану самим собой у себя в «Кларидже», каким был до этого американского номера; прошу прощения, Уотсон, я, кажется, совсем разучился говорить по-английски. Я хочу сказать, каким был до того, как мне пришлось выступать в роли американца.

— Но ведь вы удалились от дел, Холмс. До нас доходили слухи, что вы живете жизнью отшельника среди ваших пчел и кинг на маленькой ферме в Суссексе.

— Совершенно верно, Уотсон. И вот плоды моих досугов, *magnum opus*¹ этих последних лет.— Он взял со стола книжку и прочел вслух весь заголовок: «Практическое руководство по разведению пчел, а также некоторые наблюдения над отделением пчелиной матки».— Я это совершил один². Взираите на плодыочных раздумий и дией, наполненных трудами, когда я высматривал трудолюбивых пчелок точно так, как когда-то в Лондоне высматривал преступников.

— Но как случилось, что вы снова взялись за работу?

— Я и сам не знаю. Видите ли, министра иностранных дел я бы еще выдержал, но когда сам премьер-министр соблаговолил посетить мой смиренный кров... Дело в том, Уотсон, что этот джентльмен, лежащий на диване,— тот орешек, который оказался не по зубам нашей контрразведке. В своем роде это первоклассный специалист. У нас что-то все не ладилось, и никто не мог понять, в чем дело. Кое-кого подозревали, вылавливали агентов, но было ясно, что их тайно направляет какая-то сильная рука. Было совершено необходимо ее обнаружить. На меня оказали сильное давление, наставляли, чтобы я занялся этим делом. Я потратил на него два года, Уотсон, и не могу сказать, что они не принесли мне приятного волнения. Сперва я отправился в Чикаго, прошел школу в тайном ирландском обществе в Буффало, причинил немало беспокойства констеблям в Скиббернне³ и в конце концов обратил на себя внимание одного из самых мелких агентов фон Борка, и тот рекомендо-

¹ Главное произведение (лат.).

² Шекспир, «Корiolан», акт V, сцена 6.

³ Город на юге Ирландии.

вал меня своему шефу как подходящего человека. Как видите, работа проделана сложная. И вот я почтен доверием фон Борка, несмотря на то, что большинство его планов почему-то проваливалось и пятеро его лучших агентов угодили в тюрьму. Я следил за ними и снимал их, как только они дозревали... Ну, сэр, надеюсь, вы чувствуете себя не так уж плохо?

Последнее замечание было адресовано самому фон Борку, который сперва долго ловил воздух ртом, задыхался и часто мигал, но теперь лежал неподвижно и слушал то, что рассказывал Холмс.

Вдруг его лицо исказилось яростью, и тут полился целый поток немецких ругательств. Пока плеиник бралился, Холмс продолжал быстро и деловито просматривать документы.

— Немецкий язык, хотя и лишенный музыкальности, самый выразительный из всех языков,— заметил Холмс, когда фон Борк умолк, очевидно, выдохшись.— Эге, кажется, еще одна птичка попадает в клетку! — воскликнул он, внимательно взглянувшись в кальку какого-то чертежа.— Я давно держу этого казначея на примете, но все же не думал, что он до такой степени негодяй. Мистер фон Борк, вам придется ответить за очень многое.

Плеиник с трудом приподнялся и смотрел на своего врага со страшной смесью изумления и ненависти.

— Я с вами сквитаюсь, Олтемонт,— проговорил он медленно, отчеканивая слова.— Пусть на это уйдет вся моя жизнь, но я с вами сквитаюсь.

— Милая старая песенка,— сказал Холмс.— Сколько раз слышал я ее в былые годы! Любимый мотив блаженной памяти профессора Мориэрти. И полковник Себастьян Морен, как известно, тоже любил ее напевать. А я вот жив по сей день и развозжу пчел в Суссексе.

— Будь ты проклят, дважды изменник! — крикнул немец, делая усилия освободиться от ремней и испепеляя Холмса ненавидящим взглядом.

— Нет-нет, дело обстоит не так ужасно,— улыбнулся Холмс.— Как вам доказывает моя речь, мистер Олтемонт из Чикаго — это, по существу, миф. Я использовал его, и он исчез.

— Тогда кто же вы?

— В общем, это несущественно, но если вы уж так интересуетесь, мистер фон Борк, могу сказать, что я не впервые встречаюсь с членами вашей семьи. В прошлом я распутал немало дел в Германии, и мое имя, возможно, вам небезызвестно.

— Хотел бы я его узнать,— сказал пруссак угрюмо.

— Это я способствовал тому, чтобы распался союз между Ирэн Адлер и покойным королем Богемии, когда ваш кузен Генрих был посланником. Это я спас графа фон Графенштейна, старшего брата вашей матери, когда ему грозила смерть от руки ингилнста Копмана. Это я...

Фон Борк привстал, изумленный.

— Есть только один человек, который...

— Именно,— сказал Холмс.

Фон Борк застонал и снова упал на диван.

— И почти вся информация шла от вас! — воскликнул он.— Чего же она стоит? Что я наделал! Я уничтожен, моя карьера погибла без возврата!

— Материал у вас, конечно, не совсем надежный,— сказал Холмс.— Он требует проверки, но времени у вас на то мало. Ваш адмирал обнаружит, что новые пушки крупнее, а крейсеры ходят, пожалуй, несколько быстрее, чем он ожидал.

В отчаянии фон Борк вцепился в собственное горло.

— В свое время обнаружится, несомненно, и еще много неточностей,— продолжал Холмс.— Но у вас есть одно качество, редкое среди немцев: вы спортсмен. Вы не будете на меня в претензии, когда поймете, что, одурячив столько народу, вы оказались наконец одураченны сами. Вы старались на благо своей страны, а я — на благо своей. Что может быть естественнее? И кроме того,— добавил он отнюдь не злобно и положив руку на плечо фон Борка,— все же лучше погибнуть от руки благородного врага. Бумаги все просмотрены, Уотсон. Если вы поможете мне поднять пленника, я думаю, нам следует тотчас же отправиться в Лондон.

Сдвинуть фон Борка с места оказалось нелегкой задачей. Отчаяние удвоило его силы. Наконец, ухватив немца с обеих сторон за локти, два друга медленно повели его по садовой дорожке — той самой, по которой он всего несколько часов назад шагал с такой горделивой уверен-

ностью, выслушивая комплименты знаменитого дипломата. После непродолжительной борьбы фон Борка, все еще связанного по рукам и ногам, усадили на свободное сиденье маленького «форда». Его драгоценный чемодан втиснули рядом с ним.

— Надеюсь, вам удобно, насколько то позволяют обстоятельства? — сказал Холмс, когда все было готово.— Вы не сочтете за вольность, если я разожгу сигару и суну ее вам в рот?

Но все эти любезности были растрячены впустую на взбешенного немца.

— Я полагаю, вы отдаете себе отчет в том, мистер Холмс, что если ваше правительство одобрят ваши действия в отношении меня, это означает войну?

— А как насчет вашего правительства и его действий? — спросил Холмс, похлопывая по чемодану.

— Вы частное лицо. У вас нет ордера на мой арест. Все ваше поведение абсолютно противозаконно и возмутительно.

— Абсолютно,— согласился Холмс.

— Похищение германского подданного...

— И кража его личных бумаг.

— В общем, вам ясно, в каком вы положении, вы и ваш сообщник. Если я вздумаю позвать на помощь, когда мы будем проезжать деревню...

— Дорогой сэр, если вы вздумаете сделать подобную глупость, вы, несомненно, нарушите однообразне вывесок наших гостиниц и трактиров, прибавив к ним еще одну: «Пруссак на веревке». Англичанам — создание терпеливое, но сейчас он несколько ощерился, и лучше не вводить его в искушение. Нет, мистер фон Борк, вы тихо и спокойно проследуете вместе с нами в Скотленд-Ярд, и оттуда, если желаете, посыльте за вашим другом бароном фон Херлингом: как знать, быть может, еще сохранено чинящеся за вами место в личном составе посольства. Что касается вас, Уотсон, вы, насколько я понял, возвращаетесь на военную службу, так что Лондон будет вам по пути. Давайте постороним вон там на террасе — может, это последняя спокойная беседа, которой нам с вами суждено насладиться.

Несколько минут друзья беседовали, вспомнивая минувшие дни, а их пленник тщетно старался высвободить-

ся из держащих его пут. Когда они подошли к автомобилю, Холмс указал на залитое лунным светом море и задумчиво покачал головой.

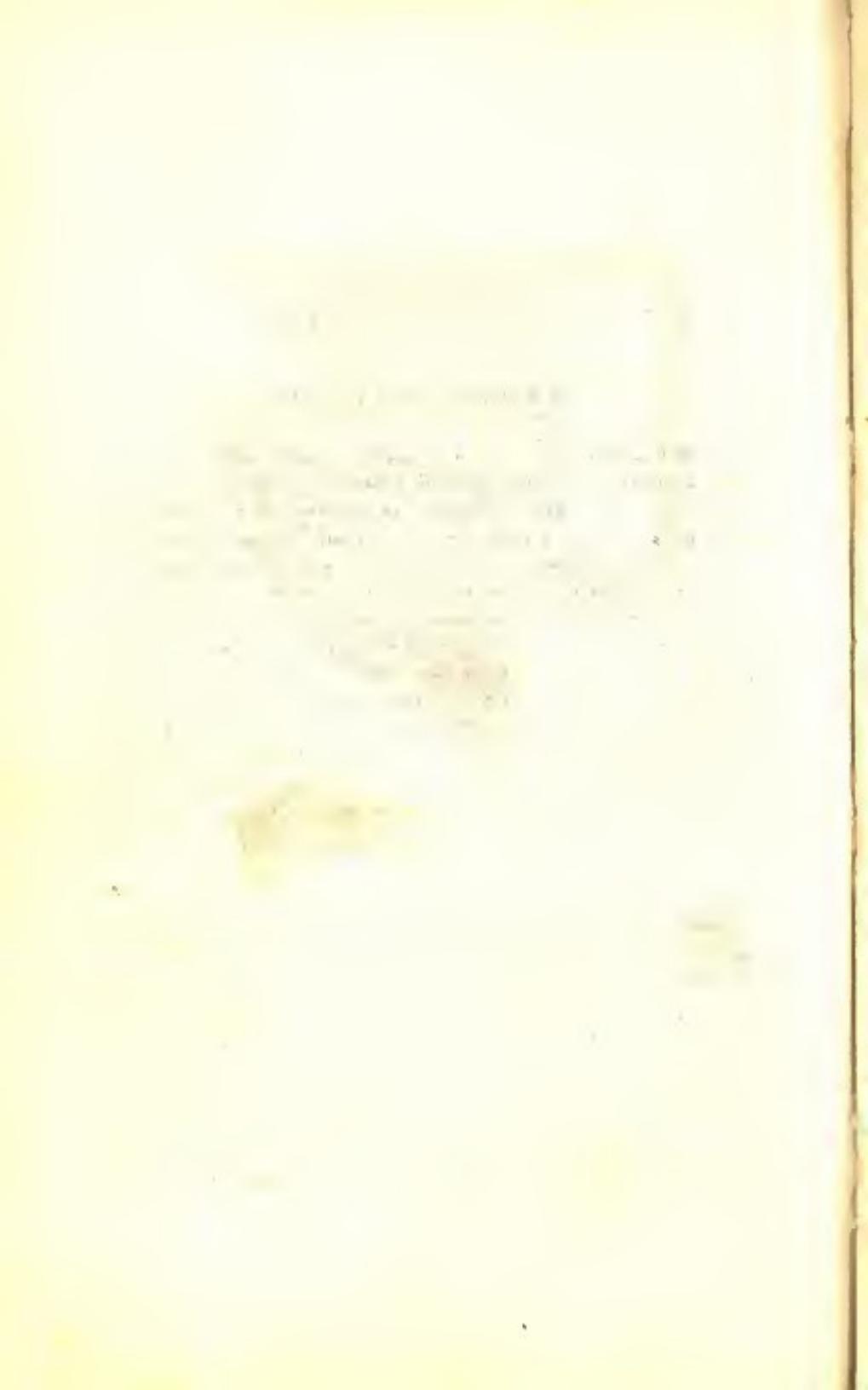
— Скоро подует восточный ветер, Уотсон.

— Не думаю, Холмс. Очень тепло.

— Эх, старина Уотсон! В этом переменчивом веке вы одни не меняетесь. Да, скоро поднимется такой восточный ветер, какой никогда еще не дул на Англию. Холодный, колючий ветер, Уотсон, и, может, многие из нас погибнут от его ледяного дыхания. Но все же он будет ниспослан богом, и когда буря утихнет, страна под солнечным небом станет чище, лучше, сильнее. Пускайте машину, Уотсон, пора ехать. У меня тут чек на пятьсот фунтов, нужно завтра предъявить его как можно раньше, а то еще, чего доброго, тот, кто мне его выдал, пристановит платеж.

Архив
Ерлока
Холмса

КАМЕНЬ МАЗАРИНИ

Доктору Уотсону было приятно снова очутиться на Бейкер-стрит, в неприбранной комнате на втором этаже, этой исходной точке стольких замечательных приключений. Он взглянул на таблицы и схемы, развешанные по стенам, на прожженную кислотой полку с химикаллями, скриньку в футляре, прислоненную к стени в углу, ведро для угля, в котором когда-то лежали трубы и табак, и, наконец, глаза его остановились на свежем улыбающемся лице Билли, юного, но очень толкового и сообразительного слуги, которому как будто удалось перекинуть мостик через пропасть отчуждения и одиночества, окружавшую таинственную фигуру великого сыщика.

— У вас тут все по-старому. И вы сами никаколько не изменились. Надеюсь, то же можно сказать и о нем?

Билли с некоторым беспокойством посмотрел на закрытую дверь спальни.

— Он, кажется, спит,— сказал он.

Стояла ясная летняя погода, и было только семь часов вечера, однако предположение Билли не удивило доктора Уотсона: он давно привык к необычному образу жизни своего старого друга.

— Это означает, если не ошибаюсь, что ему поручено дело, не так ли?

— Совершенно верно, сэр. Он сейчас весь поглощен им. Я даже опасаюсь за его здоровье. Он бледнеет и худеет с каждым днем и ничего не ест. Миссис Хадсон его спросила: «Когда вы изволите пообедать, мистер

Холмс?» — а он ответил: «В половине восьмого послезавтра». Вы ведь знаете, какой он бывает, когда увлечен делом.

— Да, Билли, знаю.

— Он кого-то выслеживает. Вчера он изображал рабочего, подыскивающего место. А сегодня нарядился старухой. И так похоже, что я совершию не узнал его, а уж я бы, кажется, должен знать его приемы.

Усмехнувшись, Билли указал на необыкновенно потрепанный зонтик, прислоненный к дивану.

— Это одна из приадлестией костюма старухи.

— Но какое у него на этот раз дело, Билли?

Билли понизил голос, словно речь шла о великой государственной тайне.

— Вам я, конечно, скажу, сэр. Но, кроме вас, этого никто не должен знать. Это то самое дело о бриллиантах короны.

— Вы говорите о похищении камня в сто тысяч фунтов?

— Да, сэр. Они должны разыскать его во что бы то ни стало. И премьер-министр и министр внутренних дел были у нас и сидели вот на этом самом диване. Мистер Холмс был очень любезен с ними. Он совсем не вожничал и пообещал сделать все, что только можно. И потом еще лорд Кантлмир...

— Вот как?

— Да, сэр, вы понимаете, что это значит. Он, если только можно так выразиться, ужасно заносчивый. Я могу иметь дело с премьер-министром и ничего не имею против министра внутренних дел — он производит впечатление воспитанного и любезного человека, — но этого лорда я совершию не выношу. И мистер Холмс тоже. Дело в том, что он не верит в мистера Холмса и возражал против того, чтобы ему поручили дело. Мне кажется, он был бы даже рад, если бы мистер Холмс с ним не справился.

— И мистер Холмс это знает?

— Не было еще такого случая, чтобы мистер Холмс чего-нибудь не знал.

— Ну, я очень надеюсь, что он справится и лорд Кантлмир будет посыпан. Послушайте, Билли, зачем эта занавеска на окне?

— Минстер Холмс повесил ее три дня тому назад. У нас там есть кое-что любопытное.— Билли подошел и отдернул занавес, отделявшую комнату от оконной ниши.

Доктор Уотсон невольно вскрикнул от удивления. Перед ним в глубоком кресле сидела точная копия его старого друга, и халат и все остальное были в точности как у Холмса, лицо, на три четверти обращенное к окну, было слегка наклонено винз, словно над невидимой книгой. Билли снял голову с туловища и подержал ее в руках.

— Мы придаем ей различные положения, чтобы было больше похоже на живого человека. Если бы штора не была спущена, я бы, конечно, не решился ее трогать. Когда штора не задернута, ее видно с той стороны улицы.

— Однажды у нас уже было что-то в этом роде.

— Меня тогда еще здесь не было,— сказал Билли. Он раздвинул шторы и выглянул на улицу.— За нами из того дома ведут наблюдение. Вон в окне человек, хотите посмотреть?

Уотсон сделал шаг вперед, но в это время дверь спальни отворилась, и оттуда появилась худая и длинная фигура Холмса; лицо его осунулось и побледнело, но держался он, как всегда, бодро. Одним прыжком он очутился у окна и поправил штору.

— Довольно, Билли,— сказал он,— вы рисковали жизнью, а как раз сейчас вы мне очень нужны. Рад вас видеть, Уотсон, в вашей старой квартире. Вы явились в критическую минуту.

— Я это чувствую.

— Можете идти, Билли. Не знаю, как быть с этим мальчиком. Насколько я вправе подвергать его опасности.

— Какой опасности, Холмс?

— Опасности внезапной смерти. Я не удивлюсь, если сегодня вечером что-нибудь произойдет.

— Но что именно?

— Например, меня убьют.

— Не может быть, Холмс, вы шутите!

— Даже при моем отсутствии юмора я мог бы придумать лучшую шутку. Но пока что мы можем наслаждаться жизнью, верно? Спиртные напитки вам не противово-

показаны? Сифон и сигары на прежнем месте. Надеюсь, вы еще не презираете мой жалкий табак и трубку? В эти дни они должны заменить мне еду.

— Но почему вы отказываетесь от еды?

— Потому что голод обостряет умственные способности. Мой дорогой Уотсон, вы, как врач, должны согласиться, что при пищеварении мозг теряет ровно столько крови, сколько ее требуется для работы желудка. Я сейчас один сплошной мозг. Все остальное — не более чем приданок. Поэтому я прежде всего должен считаться с мозгом.

— Но вы говорили о какой-то опасности, Холмс?

— Ах да, на всякий случай вам, пожалуй, не мешает обременить свою память адресом и именем убийцы. Вы сможете передать эти сведения в Скотленд-Ярд в виде прощального привета от преданиого Холмса. Его зовут Сильвиус, граф Негретто Сильвиус. Запишите: Мурсайд-Гарденс, 136, Норд-Вест. Готово?

Честное лицо Уотсона нервно подергивалось. Ему было слишком хорошо известно, что Холмс никогда не оставлялся ни перед какой опасностью и скорее склонен был недооценивать ее, чем преувеличивать. Уотсон не привык тратить время даром и решительно поднялся.

— Можете располагать мной, Холмс, в ближайшие дни я совершенно свободен.

— В моральном отношении вы нисколько не изменились к лучшему, Уотсон. Ко всем вашим старым порокам добавился еще один — вы научились лгать. Весь ваш вид говорит о том, что вы загруженный работой врач, которого осаждают больные.

— Среди них ни одного сколько-нибудь серьезного. Но разве вы не можете арестовать этого человека?

— Конечно, могу, Уотсон, поэтому-то он так и беспокоится.

— Так в чем же дело?

— Дело в том, что я не знаю, где бриллиант.

— Ах да, Билли рассказывал — бриллиант короны.

— Вот именно, огромный желтый камень Мазарини. Я расставил сети, и рыбка уже попалась, но я еще не получил камня. Какой мне толк забирать грабителей? Разумеется, мир станет лучше, если всех их посадить за решетку. Но у меня другая цель — мне нужен камень.

— Так, значит, граф Сильвнус — одна из попавшихся рыбок?

— Да, и при этом акула, которая кусается. Другой — Сэм Мертон, боксер. Сэм — неплохой парень, но граф использует его для своих целей. Он не акула, а всего только глупый большеголовый пескарь. Но все равно он тоже бьется в моих сетях.

— А где этот граф Сильвнус?

— Я сегодня все утро провел у него под самым носом. Вы ведь видели меня в роли старухи. Но так удачно, как в этот раз, у меня еще никогда не получалось. Граф даже поднял мой зонтик со словами «Позвольте мне, сударыня», он ведь наполовину итальянец и, как истинный южанин, умеет быть чрезвычайно любезным, если только он в духе, но если не в духе, — это сущий дьявол. Как видите, Уотсон, в жизни случаются прелюбопытные вещи.

— Но это могло кончиться трагически.

— Не спорю. Я шел за ним до мастерской старого Штраубензе на Майнорис. Ему там изготовили духовое ружье — великолепная штука, и, если не ошибаюсь, сейчас она находится в окне напротив. Вы видели макет? Ах да, Билли вам показывал. В любой момент в эту прекрасную голову может угодить пуля. В чем дело, Билли?

Билли вошел с карточкой на подносе. Холмс взглянул на карточку; брови его поднялись, и на губах появилась усмешка.

— Он решил пожаловать сюда собственной персоной. Этого я не ожидал. Надо хватать быка за рога, Уотсон. Этот человек способен на все. Вы ведь, наверное, слышали, что граф — знаменитый охотник на крупного зверя. Если ему удастся заполучить в свой ягдташ и меня, это будет достойным и блестящим завершением его спортивной карьеры. Ои, конечно, чувствует, что я вот-вот его настигну.

— Пополните за полночной.

— Вероятно, я так и сделаю, но не сейчас. Поглядите хорошенько, Уотсон, нет ли кого на улице.

Уотсон осторожно выглянулся из-за шторы.

— Какой-то верзила стоит около двери.

— Ну так это Сэм Мертон, преданный, но не слишком далекий Сэм. Где же этот джентльмен, Билли?

- В приемной, сэр.
- Когда я позвоню, впустите его.
- Слушаюсь, сэр.
- Если меня не будет в комнате, все равно впустите его.
- Слушаюсь, сэр.

Уотсон подождал, когда закроется дверь, и затем с горячностью обратился к своему собеседнику:

— Послушайте, Холмс, это просто невозможно. Это же отчаянный человек, он ни перед чем не остановится. Может быть, он пришел сюда, чтобы убить вас.

- Что же, я несколько не удивлюсь.
- В таком случае, я останусь с вами.
- Ваше присутствие может очень помешать.
- Ему?
- Нет, мой дорогой, мне.
- И все-таки я не могу оставить вас одного.
- Нет, Уотсон, вы можете и должны это сделать, вы еще никогда не выходили из игры. Я уверен, что и на этот раз вы доведете ее до конца. Этот человек явился сюда ради своих целей, но, возможно, он останется здесь ради монхов.— Холмс вытащил записную книжку и написал несколько строк.— Поезжайте в Скотленд-Ярд и передайте эту записку Югелу из отдела уголовного розыска. Возвращайтесь обратно с полицейской, и тогда графа можно будет арестовать.

— Я охотно помогу вам в этом.

— Надеюсь, до вашего возвращения у меня как раз хватит времени, чтобы выяснить, где камень.

Холмс позвонил.

— Пожалуй, нам лучше выйти через спальню. Чрезвычайно удобно иметь второй выход. Я предпочитаю поглядеть на свою акулу так, чтобы она меня не видела, и, вы ведь знаете, для таких случаев у меня кое-что придумано.

Таким образом, когда через минуту Билли впустил Сильвиуса, в комнате никого не было. Знаменитый стрелок, спортсмен и франт был крупный смуглый мужчина, его огромные черные усы прикрывали тонкий жестокий рот, над которым нависал даниный крючковатый нос, напоминавший орлиный клюв. Он был хорошо одет, но его яркий галстук, сверкающая булавка и блестящие кольца

слишком резко бросались в глаза. Когда дверь за ним затворилась, он свирепо и вместе с тем испуганно огляделся, словно ожидая на каждом шагу ловушки. Вдруг он резко вздрогнул, заметив у окна безмятежно склоненную голову и воротник халата, видневшийся из-за спинки кресла. Сначала на его лице выражалось полнейшее изумление. Затем черные глаза убийцы радостно сверкнули. Он еще раз осмотрелся кругом, чтобы убедиться, что его никто не видит, и затем, приподняв свою тяжелую палку, подкрался на цыпочках к молчаливой фигуре. Он уже присел, чтобы сделать последний прыжок и нанести удар, как вдруг из открывшейся двери спальни его остановил спокойный и насмешливый голос Холмса:

— Смотрите, не разбейте ее, граф!

Убийца отступил назад, его перекошенное лицо выражало изумление. Он снова приподнял опущенную было трость, словно желая перенести свою ярость с изображения на оригинал, но в твердом взгляде серых глаз и насмешливой улыбке Холмса было что-то, заставившее его руку снова опуститься.

— Прелестная вещица! Работа французского мастера Тавернье. Он так же ловко делает восковые фигуры, как ваш приятель Штраубензе — духовые ружья.

— Духовые ружья? Не понимаю, сэр, что вы хотите этим сказать.

— Положите шляпу и трость на столик. Вот так, благодарю вас. И, пожалуйста, присядьте. Быть может, вы заодно вытащите и свой пистолет? Впрочем, если вы предпочтете сидеть на нем, я не возражаю. Вы пришли очень кстати, мне необходимо с вами поговорить.

Граф угрожающе нахмурил свои густые брови.

— Я тоже хотел сказать вам пару слов, Холмс. Поэтому я и пришел. Не стану отрицать — я только что собирался размозжить вам голову.

Холмс присел на краешек стола.

— Я так и понял, что вам взбрело на ум нечто подобное. Но почему я заслужил такое внимание с вашей стороны?

— А потому, что вы слишком много себе позволяете, мне это начинает действовать на нервы. Потому что вы рассыпаете своих приспешников следить за мной.

— Я никого не посыпал, даю вам честное слово.

— Не говорите глупостей. Я видел, что за мной следят. Но мы еще посмотрим, кто кого, Холмс.

— Разумеется, это мелочь, граф Сильвиус, но я попросил бы вас обращаться ко мне, соблюдая правила вежливости. Вы понимаете, что по роду своей деятельности мне пришлось бы быть на ты с доброй половиной преступников, и согласитесь, что я не могу делать ни для кого исключения, дабы не вводить в соблазн других.

— Ладно, пусть будет мистер Холмс.

— Прекрасно! Однако, уверяю вас, вы ошибаетесь, утверждая, будто бы я пользуюсь агентами.

Граф Сильвиус презрительно рассмеялся.

— Не думайте, что я глупее вас и ничего не замечаю. Вчера это был какой-то спортсмен. Сегодня — старуха. Они ни на минуту не выпускали меня из виду.

— Вы мне льстите, сэр. Старый барон Даусон за день до того, как его повесили, сказал, что театр потерял в моем лице ровно столько же, сколько выиграло правосудие. А сегодня вы расхваливаете меня за мои маленькие перевоплощения.

— Так это... Так это были вы?

Холмс пожал плечами.

— Вон в углу стоит зонтик, который вы, еще ничего не подозревая, так вежливо вручили мне.

— Если бы я знал, вы бы никогда...

— Я бы никогда не увидел этого скромного жилища, хотите вы сказать? Я это хорошо понимал. Всем нам свойственны промахи, о которых мы потом сожалеем. Но так или иначе вы меня не узнали, и вот я сижу перед вами.

Накмуренные брови графа, из-под которых угрожающие блестели глаза, сдвинулись еще плотнее.

— Что ж, тем хуже. Значит, это не ваши агенты, а вы сами скоморошишьтесь и суете нос не в свое дело. Вы сами сознаетесь, что следили за мной. Зачем?

— Полноте, граф, вы ведь когда-то охотились на львов в Алжире.

— Ну так что?

— Позвольте вас спросить: зачем?

— Зачем? Ради спорта, ради сильных ощущений, ради риска.

— И, кроме того, вы хотели очистить страну от хищников?

— Совершенно верно.

— Теперь вам понятна моя цель?

Граф вскочил, и его рука невольно потянулась к заднему карману.

— Сядьте, сядьте, граф. У меня, кроме этого, есть еще и другая, более конкретная цель. Мне нужен желтый бриллиант!

Зловеще улыбаясь, граф Сильвиус снова опустился на стул.

— Вот как,— произнес он.

— Вы отлично знали, что ради этого я следил за вами, и вы только затем и явились сюда сегодня, чтобы выяснить, много ли мне известно и насколько необходимо меня устранить. Можете мне поверить, что с вашей точки зрения это абсолютно необходимо, так как я знаю все, за исключением одного факта, но я рассчитываю узнати о нем от вас.

— Неужели? Интересно, что же это за факт, которого вы не знаете.

— Где находятся бриллиант сейчас?

Граф хитро взглянул на собеседника.

— И только-то? Но, черт возьми, как я могу вам это сказать?

— Можете, и вы это сделаете.

— Вы думаете?

— Граф Сильвиус, вам не удастся меня запугать.

Глаза Холмса, устремленные на Сильвиуса, сузились и угрожающе сверкнули, как стальные остряя.

— Я вижу вас насеквоздь, как будто вы стеклянный.

— В таком случае, вы видите, где бриллиант.

Холмс радостно хлопнул в ладоши и затем выразительно поднял палец.

— Итак, вы знаете, где он, вы это сами признали.

— Ничего я не признавал.

— Послушайте, граф, если вы будете благоразумны, мы сможем заключить сделку, а иначе вам не поздоровится.

Граф Сильвиус вперил взор в потолок.

— Кто же кого запугивает — вы меня или я вас?

Холмс посмотрел на него в раздумье, словно гросс-

майстер, собирающийся сделать решающий ход. Затем он выдвинул ящик стола и достал оттуда толстый блокнот.

— Знаете, что у меня в этой книжечке?

— Понятия не имею, сэр.

— Вы.

— Я?

— Да, сэр, вы! Вы тут весь — каждый шаг вашей гнусной и преступной жизни.

— Подите вы к черту, Холмс! — вскочил граф, сверкнув глазами. — Не выводите меня из терпения.

— Тут все записано, граф. Все, что касается смерти старой миссис Гарольд, оставившей вам свое владение в Блимере, которое вы так поспешно проиграли.

— Что за чушь!

— И вся история мисс Минни Уоррендер.

— Бросьте! Вы ничего из этого не выжмете.

— И много еще чего, граф. Ограбление в экспрессе по пути на Ривьеру 13 февраля 1892 года. И подделка чека Лноиского банка в том же году.

— Ну уж тут вы ошиблись.

— Значит, я не ошибся во всем остальном. Послушайте, граф, вы ведь играете в карты. Какой смысл продолжать игру, если вы знаете, что у противника все козыри?

— Какое отношение имеет вся эта болтовня к драгоценному камню?

— Терпение, граф. Умерьте свою любознательность! Позвольте уж мне изложить дело со свойственной мне дотошностью. Все это улики против вас. Но, помимо этого, у меня есть еще неоспоримые улики по делу о бриллианте и против вас и против вашего телохранителя.

— Какие же это улики?

— Во-первых, показания кэбмена, с которым вы ехали на Уайтхолл, и кэбмена, который вез вас обратно. Во-вторых, показания швейцара, видевшего вас около витрины. И, наконец, у меня есть показания Айки Сандерса, который отказался распилить вам камень. Айки донес на вас, так что игра сыграна.

Вены вздулись на лбу у графа. Стараясь подавить волнение, он судорожно сжимал смуглые волосатые руки. Он попробовал заговорить, но язык не слушался его.

— Вот мои карты. Я все их выложил перед вами. Но одной карты не хватает. Не хватает короля бриллиантов. Я не знаю, где камень.

— И никогда не узнаете.

— Вы так думаете? Ну будьте же благородны, граф. Взвесьте все обстоятельства. Вас посадят на двадцать лет. Так же, как и Сэма Мертона. Какой вам прок от камня? Ровно никакого. Но если вы его вернете, я вам обещаю, что дело не дойдет до суда. Ни вы, ни Сэм нам не нужны. Нам нужен камень. Отдайте его, и, если вы будете хорошо себя вести, я гарантирую вам свободу. Но если вы опять попадетесь, то это будет уже конец. А пока что мне поручено раздобыть камень, а не вас.

— А если я не согласен?

— Ну что ж, тогда придется взять вас, а не камень. Холмс позвонил, и вошел Билли.

— Я полагаю, граф, что неплохо было бы пригласить на это совещание и вашего приятеля Сэма. Он как-нибудь тоже заинтересованная сторона. Билли, на улице, у подъезда, вы увидите огромного безобразного джентльмена. Попросите его подняться сюда.

— А если он откажется, сэр?

— Никакого насилия, Билли. Не обращайтесь с ним грубо. Если вы скажете, что его зовет граф Сильвиус, он непременно придет.

— Что вы собираетесь делать? — спросил граф, как только Билли вышел.

— Я только что говорил своему другу Уотсону, что мою сеть попались акула и пескарь. Сейчас я тяну сеть, и обе рыбы показались из воды!*

Граф поднялся со стула, держа руку за спиной. Холмс опустил руку в карман халата.

— Вам не суждено умереть в своей постели, Холмс.

— Да, я уже не однажды об этом думал. Но разве это так уж важно? Похоже, что и вы, граф, примете смерть не в горизонтальном, а в вертикальном положении. Впрочем, все эти мрачные прогнозы только портят настроение. Не лучше ли беспечно наслаждаться сегодняшним днем?

Темные враждебные глаза короля преступного мира виляли вспыхнули, как у настоящего хищника. Вся

фигура Холмса выражала напряжение и готовность в любой момент отразить удар; казалось, что от этого он сделался еще выше.

— Не стонт нашупывать револьвер, мой друг,— спокойно произнес он.— Вы очень хорошо знаете, что не осмелитесь пустить его в ход, даже если бы я дал вам время его вытащить. С этими револьверами не оберешься хлопот. От них так много шума, граф. Лучше уж пользоваться духовыми ружьями. А, я, кажется, слышу легкую поступь вашего достойного компаньона. Добрый день, мистер Мертон! Скучновато дожидаться на улице, не правда ли?

Премированный боксер, грузный молодой человек с глупым, упрямым и грубо обтесанным лицом неловко остановился в дверях, растирая озираясь по сторонам. Любезный тон Холмса озадачил его, и, хотя Сэм смутно почувствовал в нем враждебность, он не знал, как себя вести. Он повернулся к своему более проницательному товарищу.

— Что тут происходит, граф? Чего ему надо? В чем дело? — Голос его звучал глухо и хрипло.

Граф пожал плечами. Вместо него Сэму ответил Холмс:

— Если говорить кратко, мистер Мертон, ваше дело проиграно.

Боксер продолжал обращаться к своему сообщнику:

— Шутит он, что ли? Так мне сейчас не до шуток.

— Это вполне понятно,— сказал Холмс.— И уверяю вас, что через час-другой вы будете настроены еще менее шутливо. Вот что, граф Сильвнус. Я человек занятой и не могу попусту тратить время. Сейчас я пройду в спальню. Прошу вас не стесняться в мое отсутствие. Без меня вам будет удобнее объяснить своему другу, как обстоит дело. Тем временем я сыграю на скрипке баркаролу из «Сказок Гофмана». Через пять минут я вернусь за окончательным ответом. Надеюсь, вы достаточно ясно уразумели, что вам приходится выбирать одно из двух: или мы заберем вас или камень.

Холмс удалился, прихватив с собой стоявшую в углу скрипку. Минуту спустя из-за закрытой двери спальни послышались протяжные, жалобные звуки этой самой запомнившейся из мелодий.

— Так в чем дело? — спросил Мертои, когда его приятель повернулся к нему. — Он что, знает про камень?

— Будь он проклят, он знает слишком много, а может быть, и все.

— Черт! — Желтоватое лицо боксера слегка побледнело.

— Нас выдал Айки Сандерс.

— Айки? Ну, погоди, я ему свериу шею, хоть бы меня за это повесили.

— Нам от этого легче не станет. Надо решить, что делать.

— Обожди, — сказал боксер, подозрительно глядя на дверь спальни. — С этой хитрой лисицей надо держать ухо востро. Он не подслушивает?

— Как он может подслушивать, когда он играет?

— Это верно. А нет ли кого за занавеской? Слишком уж много тут занавесок.

Боксер стал осматриваться и вдруг в первый раз заметил у окна манекен; в немом удивлении он уставился на него, не в силах произнести ни слова.

— Это восковая кукла, и больше ничего, — объяснил граф.

— Подделка, да? А здорово, мадам Тюссо, небось, такое и не силюсь. Прямо как живой, и халат и все остальное. Но черт бы побрал эти занавески, граф!

— Шут с ними, с занавесками, мы только зря тратим время, а у нас его не так уж много. Он может арестовать нас из-за этого камня.

— Черта с два!

— Но если мы скажем, где камень, он нас отпустит.

— Еще чего! Отказаться от камня в сто тысяч фунтов?

— Другого выхода нет.

Мертои почесал коротко остриженную голову.

— Послушай, он ведь тут один. Пристукнуть его, и все. Если мы его прикочим, нам иечего будет бояться. Граф покачал головой.

— У него есть оружие, и он начеку. Если мы его застрелим, нам вряд ли удастся отсюда выбраться. К тому же он наверняка успел сообщить свои сведения полиции. Постой-ка! Что это?

Они услышали слабый звук, который, казалось, доносился со стороны окна. Оба вскочили, но все было тихо. Если не считать странной фигуры в кресле, в комнате, кроме них, никого не было.

— Это на улице,— сказал Мертон.— Ну так слушай, шеф, у тебя есть голова на плечах. Надо что-то придумать. Раз нельзя пустить в ход кулаки, тогда твое дело решать, как быть.

— Я еще и не таких обманывал,— отвечал граф.— Камень-то у меня с собой. В потайном кармане. Я бы ни за что не решился оставить его где-нибудь. Сегодня ночью его можно будет переправить в Амстердам, а там до воскресенья его успеют распилить на четыре части. Он ничего не знает о Ван Седдаре.

— Я думал, Ван Седдар поедет на той неделе.

— Он должен был ехать на той неделе, но теперь ему придется отправиться со следующим же пароходом. Кому-нибудь из нас надо проскользнуть с камнем на Лайм-стрит и предупредить его.

— Второе дно еще не готово.

— Ничего не поделаешь. Придется рискнуть и везти прямо так. Нельзя терять ни минуты.

И снова, как охотник, привыкший быть настороже, он замолчал и пристально посмотрел на окно. Да, этот слабый звук, несомненно, доносился с улицы.

— А Холмса ничего не стоит провести. Этот идиот, чтоб ему было неладно, сказал, что он нас не тронет, если получит камень. Ну, так мы пообещаем ему камень. Наведем его на ложный след, а пока он догадается, в чем дело, камень будет уже в Голландии, а мы сами — за границей.

— Вот это здорово! — довольно ухмыльнулся Сэм Мертон.

— Ты пойдешь к голландцу и скажешь, чтобы он повторялвался. А я возьму на себя этого простака и постараюсь заговорить ему зубы. Я скажу ему, что камень в Ливерпуле. Черт бы побрал эту музыку, она мне действует на нервы! Пока Холмс выяснит, что в Ливерпуле его нет, камушек будет поделен на четыре части, а мы будем в открытом море. Поди сюда, а то тебя видно через замочную скважину. Вот он, камушек-то.

— Как ты не боишься носить его с собой?

— Это — самое надежное. Если уж мы ухитрились стащить его с Уайтхолла, из моей квартиры его всякий унесет.

— Дай-ка поглядеть.

Граф Сильвнус, не обращая внимания на протянутую грязную руку, бросил не слишком одобрительный взгляд на своего сообщника.

— Уж не думаешь ли ты, что я собираюсь тебя охмурить? Так вот, имейте в виду, граф, мие начидают иадоредать ваши штучки.

— Ну ладно, ладно, Сэм, не обижайся. Нам нельзя сейчас ссориться. Если хочешь как следует разглядеть эту красоту, подойди сюда, к окиу. На, держи поближе к свету.

— Благодарю вас.

В мгновение ока Холмс спрыгнул с кресла, на котором раньше сидел манекен, и схватил бриллиант. В одной руке он зажал камень, а другой держал пистолет и целился в голову графа. В полном замешательстве оба мошенника отступили назад. Прежде чем они успели опомниться, Холмс нажал киопку электрического звонка.

— Не вздумайте сопротивляться! Джентльмены, умоляю вас, поберегите мебель! Вам должно быть ясно, что ваше положение безнадежно. Полиция ждет винзу.

Граф был так ошеломлен, что злоба и страх отступили в эту минуту на второй план.

— Но, черт возьми, каким образом? — прохрипел он.

— Ваше удивление вполне естественно. Вы не знаете, что за этой занавеской есть вторая дверь, ведущая в спальню. Если не ошибаюсь, вы должны были слышать, как я снимал манекен с кресла. Но мие повезло, и я подслушал ваш милый разговор, который мог бы оказаться куда менее откровенным, здай вы о моем присутствии.

Граф стоял с видом человека, сложившего оружие.

— Ваша взяла, Холмс. По-моему, вы сущий дьявол.

— Очень может быть,— ответил Холмс, вежливо улыбаясь.

Того соображающий Сэм Мертоу сразу понял, что произошло. И, только когда на лестнице раздались тяжелые шаги, к нему наконец вернулся дар речи.

— Не иначе как фараон. Но я вот чего не пойму: ведь эта проклятая скрипка все еще пликает.

— Вы совершенно правы,— ответил Холмс,— пусть ее играет. Эти современные граммофоны — замечательное изобретение.

В комнату ворвалась полиция, щелкнули наручники, и преступников препроводили в ожидающий их каб. Уотсон остался, чтобы поздравить Холмса еще с одним новым листком, украсившим его лавровый венок. Их разговор снова был прерван появлением невозмутимого Билли с подносом в руках.

— Лорд Кантлмир, сэр.

— Проводите его сюда, Билли. Это знаменитый пэр, представляющий интересы августейших особ,— сказал Холмс.— Человек верноподданный и в своем роде замечательный, но, если так можно выразиться, несколько старорежимный. Заставим его быть повежливее? Позволим себе небольшую вольность, а? Он, разумеется, еще ничего не знает о случившемся.

Дверь открылась, и на пороге появилась тонкая прямая фигура с продолговатым лицом; черные, как смоль, бакенбарды в средневековом стиле не вязались с покатыми плечами и неуверенной, старческой походкой. Холмс с самым любезным видом подошел к вошедшему и пожал его безответную руку.

— Добрый день, лорд Кантлмир. Сегодня довольно прохладно для летнего времени. Но в комнатах очень тепло. Позвольте, я помогу вам снять пальто.

— Благодарю, я не намерен раздеваться.

— Позвольте, я помогу вам! — настойчиво продолжал Холмс, кладя руку на рукав лорда.— Мой друг, доктор Уотсон, подтвердит, что резкие колебания температуры чрезвычайно вредны.

Его светлость раздраженно отдернул руку.

— Мне вполне удобно, и я не собираюсь задерживаться. Я заглянул сюда только для того, чтобы узнать, как продвигается дело, которое вы сами на себя возложили.

— Трудно... очень трудно.

— Я так и знал, что вы это скажете.

В словах и тоне старого лорда явно чувствовалась насмешка.

— Каждый рано или поздно осознает, что его возможности ограничены, мистер Холмс. Но по крайней

мере это излечивает нас от самоуверенности — столь свойственного людям порока.

— Признаюсь, сэр, я совершенно сбит с толку.

— Это вполне естественно.

— В особенности меня смущает одно обстоятельство.

Не могу ли я рассчитывать на вашу помощь?

— Вы слишком поздно обратились ко мне за советом. Мне казалось, что вы привыкли полагаться на свой ум во всех случаях жизни. Тем не менее я готов вам помочь.

— Видите ли, лорд Кантлмир, мы, конечно, можем составить обвинение против истинных похитителей камня.

— Когда вы их поймете.

— Разумеется. Но какие меры воздействия нам следует применить по отношению к укрывателю?

— Не преждевременно ли задаваться подобным вопросом?

— Тем не менее все должно быть продумано заранее. На основании каких улик и кого, по-вашему, следует считать виновным?

— Того, у кого будет обнаружен камень.

— И вы сочли бы это достаточным основанием для ареста?

— Разумеется.

Холмс редко смеялся, но, по словам Уотсона, в эту минуту он был более чем когда-либо близок к смеху.

— В таком случае, дорогой сэр, как это ни прискорбно, я буду вынужден требовать вашего ареста.

— Вы слишком много себе позволяете, мистер Холмс,— не на шутку рассердился лорд Кантлмир, и его желтоватые щеки зарделись давно угасшим пламенем.— За пятьдесят лет моей общественной деятельности мне не приходилось слышать ничего подобного. Я деловой человек, на меня возложены серьезные обязанности, и мне никогда не выслушивать глупые шутки. Скажу вам откровенно, сэр, я никогда не верил в ваши таланты, и, помоему, было бы гораздо лучше, если бы дело поручили официальной полиции. Ваше поведение подтверждает, что я был прав. Имею честь пожелать вам спокойной ночи.

Но Холмс преградил пэру дорогу, встав между ним и дверью.

— Постойте, сэр. Оказаться времененным обладателем камня Мазарини — еще куда ни шло. Но если вы выйдете отсюда с камнем, это может повлечь за собой более серьезные обвинения.

— Сэр, это становится невыносимым. Дайте мне пройти.

— Сначала опустите руку в правый карман вашего пальто.

— Что это значит, сэр?

— Не спорьте, сэр, а повинуйтесь.

В следующую секунду пораженный пэр, мигая и бормоча что-то невнятное, стоял перед Холмсом, держа в трясущейся руке огромный желтый бриллиант.

— Но как же... как же так, мистер Холмс?

— Ужасно! Ужасно, лорд Кантлмир! — вскричал Холмс.— Мой старый друг доктор Уотсон скажет вам, что я обожаю подобные мистификации. И, кроме того, я питал слабость к драматическим ситуациям. Я положил камень — разумеется, это была большая вольность с моей стороны — к вам в карман в начале нашего разговора.

Старый пэр перевел взгляд с камня на улыбающееся лицо Холмса.

— Я, право, в замешательстве, сэр. Но это... это в самом деле камень Мазарини. Мы чрезвычайно обязаны вам, мистер Холмс. Быть может, у вас, как вы это сами заметили, несколько своеобразная манера шутить, и вы довольно неудачно выбираете время для шуток. Но я полностью беру назад замечания, которые я позволил себе относительно ваших поразительных способностей сыщика. Но каким образом?

— Дело закончено еще только наполовину. Да и подробности не так уж существенны. Я не сомневаюсь, лорд Кантлмир, что удовольствие, которое вам доставит возможность сообщить о счастливом завершении дела в высших кругах, куда вы направляетесь, будет некоторым искуплением моей неуместной шутки. Билли, проводите его светлость и скажите миссис Хадсон, что я буду рад, если она подаст нам обед на двоих и как можно скорее.

ВАМПИР В СУССЕКСЕ

Холмс внимательно прочел небольшую, в несколько строк записку, доставленную вечерней почтой, и с коротким, сухим смешком, означавшим у него веселый смех, перекинул ее мне.

— Право, трудно себе представить более нелепую мешанину из современности и средневековья, трезвойшей прозы и дикой фантазии. Что вы на это скажете, Уотсон?

В записке стояло:

«Олд-Джори, 46
19 ноября.

Касательно вампиров.

Сэр!

Наш клиент мистер Роберт Фергюсон, компаньон торгового дома «Фергюсон и Мюирхед, поставщики чая» на Минсинг-лейн, запросил нас касательно вампиров. Поскольку наша фирма занимается исключительно оценкой и налогообложением машинного оборудования, вопрос этот едва ли относится к нашей компетенции, и мы рекомендовали мистеру Фергюсону обратиться к Вам. У нас свежо в памяти Ваше успешное расследование дела Матильды Бригс.

С почтением, сэр,

Моррисон, Моррисон и Додд».

— Матильда Бригс, друг мой Уотсон, отнюдь не имя молоденькой девушки,— проговорил Холмс задумчиво.—

Так назывался корабль. В истории с ним немалую роль сыграла гигантская крыса, обитающая на Суматре. Но еще не пришло время поведать миру те события... Так что же нам известно о вампирах? Или и к нашей компетенции это не относится? Конечно, все лучше скучи и безделья, но, право, нас, кажется, приглашают в сказку Гrimма. Протяните-ка руку, Уотсон, посмотрим, что мы найдем под буквой «В».

Откинувшись назад, я достал с полки за спиной толстый справочник. Кое-как приладив его у себя на колене, Холмс любовно, смакуя каждое слово, проглядывал собственные записи своих подвигов и сведений, накопленных им за долгую жизнь.

— «Глория Скотт»... — читал он. — Скверная была история с этим кораблем. Мне припоминается, что вы, Уотсон, запечатлели ее на бумаге, хотя результат ваших трудов не дал мне основания поздравить вас с успехом... «Гила, или Ядовитая ящерница»... Поразительно интересное дело. «Гадюки»... «Виктория, цирковая прима»... «Виктор Линч, подделыватель подписей»... «Вигор, Хаммерсмитское чудо»... «Вандербильт и медвежатник»... Ага! Как раз то, что нам требуется. Спасибо старику — не подвел. Другого такого справочника не сыщешь. Слушайте, Уотсон: «Вампиры в Венгрии». А вот еще: «Вампиры в Трансильвании».

С выражением живейшего интереса он листал страницу за страницей, читая с большим вниманием, но вскоре отшвырнул книгу и сказал разочарованно:

— Чепуха, Уотсон, сущая чепуха. Какое нам дело до разгуливающих по земле мертвцов, которых можно загнать обратно в могилу, только вбив им кол в сердце? Абсолютная ерунда.

— Но, позвольте, вампир не обязательно мертвец, — запротестовал я. — Такими делами занимаются и живые люди. Я, например, читал о стариках, сосавших кровь младенцев в надежде вернуть себе молодость.

— Совершенно правильно. Здесь эти сказки тоже упоминаются. Но можно ли относиться к подобным вещам серьезно? Наше агентство частного сыска обеими ногами стоит на земле и будет стоять так и впредь. Реальная действительность — достаточно широкое поле для нашей деятельности, с привидениями к нам пусть не ад-

ресурсятся. Полагаю, что мистера Роберта Фергюсона не следует принимать всерьез. Не исключено, что вот это письмо писано им самим, быть может, оно прольет свет на обстоятельства, явившиеся причиной его беспокойства.

Холмс взял конверт, пришедший с той же почтой и пролежавший на столе незамеченным, пока шло чтение первого письма. Он принял за второе послание с веселой, иронической усмешкой, но постепенно она уступила место выражению глубочайшего интереса и сосредоточенности. Дочитав до конца, он некоторое время сидел молча, погруженный в свои мысли; исписанный листок свободно повис у него в пальцах. Наконец, вздрогнув, Холмс разом очнулся от задумчивости.

— Чизмен, Лемберли. Где находится Лемберли?

— В Суссексе, к югу от Хоршема.

— Не так уж далеко, а? Ну, а что такое Чизмен?

— Я знаю Лемберли — провинциальный уголок.

Сплошь старые, многовековой давности дома, носящие имена первых хозяев — Чизмен, Одли, Харви, Каррington, — сами люди давно забыты, но имена их живут в построенных ими домах.

— Совершенно верно, — ответил Холмс сухо. Одной из странностей этой гордой, независимой натуры была способность с необычайной быстротой запечатлевать в своем мозгу всякое новое сведение, но редко признавать заслугу того, кто его этим сведением обогатил. — К концу расследования мы, вероятно, узнаем очень многое об этом Чизмене в Лемберли. Письмо, как я и предполагал, от Роберта Фергюсона. Кстати, он уверяет, что знаком с вами.

— Со мной?

— Прочтите сами.

Он протянул мне письмо через стол. Адрес отправителя гласил: «Чизмен, Лемберли».

Я стал читать:

«Уважаемый мистер Холмс!

Мне посоветовали обратиться к Вам, но дело мое столь деликатного свойства, что я затрудняюсь изложить его на бумаге. Я выступаю от имени моего друга. Лет пять тому назад он женился на молодой девушке, уро-

женке Перу, дочери перуанского коммерсанта, с которым познакомился в ходе переговоров относительно импорта нитратов. Молодая перуанка очень хороша собой, но ее иноземное происхождение и чуждая религия привели к расхождению интересов и чувств между мужем и женой, и любовь моего друга к жене стала несколько остывать. Он даже готов был считать их союз ошибкой. Он видел, что некоторые черты ее характера навсегда останутся для него непостижимыми. Все это было особенно мучительно потому, что эта женщина, по-видимому, необычайно любящая и преданная ему супруга.

Перехожу к событиям, которые надеюсь изложить точнее при встрече. Цель этого письма лишь дать общее о них представление и выяснить, согласны ли Вы заняться этим делом. Последнее время жена моего друга стала вести себя очень странно, поступки ее шли совершенно вразрез с ее обычно мягким и кротким нравом. Друг мой женат вторично, и от первого брака у него есть пятиадцатилетний сын — очаровательный мальчик, с нежным, любящим сердцем, несмотря на то, что несчастный случай еще в детстве сделал его калекой. Терпешняя жена моего друга дважды и без малейшего повода набрасывалась на бедного ребенка с побоями. Одни раз ударила его палкой по руке с такой силой, что от удара остался большой рубец.

Но все это не столь существенно по сравнению с ее отношением к собственному ребенку, прелестному мальчику, которому не исполнилось и года. Как-то кормилица на несколько минут оставила его в детской одного. Громкий, отчаянный крик младенца заставил ее бегом вернуться назад. И тут она увидела, что молодая мать, прильнув к шейке сына, впилась в нее зубами: на шейке виднелась раика, из нее текла струйка крови. Кормилица пришла в неописуемый ужас и хотела тотчас позвать хозяина, но женщина умолила ее никому ничего не говорить и даже заплатила пять фунтов за ее молчание. Никаких объяснений засим не последовало, и дело так и оставили.

Но случай этот произвел страшное впечатление на кормилицу. Она стала пристально наблюдать за хозяйкой и не спускала глаз со своего питомца, к которому испытывала искреннюю привязанность. При этом ей ка-

залось, что и хозяйка, в свою очередь, непрерывно за ней следит — стоило кормилице отойти от ребенка, как мать немедленно к нему кидалась. День и ночь кормилица стерегла дитя, день и ночь его мать сидела в засаде, как волк, подстерегающий ягненка. Конечно, мои слова кажутся Вам совершенно невероятными, но, прошу Вас, отнеситесь к ним серьезно, быть может, от того зависят и жизнь ребенка и рассудок его отца.

Наконец наступил тот ужасный день, когда стало невозможно что-либо скрывать от хозяина. Нервы кормилицы сдали, она чувствовала, что не в силах выдержать напряжение, и во всем ему призналась. Отцу ребенка ее рассказ показался таким же бредом, каким он, вероятно, кажется и Вам. Мой друг никогда не сомневался, что жена искренне и нежно его любит и что, если не считать этих двух нападений на пасынка, она такая же нежная, любящая мать. Разве могла она нанести рану своему собственному любимому дитяти? Мой друг заявил кормилице, что все это ей померещилось, что ее подозрения — плод больного воображения и что он не потерпит столь злостных поклевов на свою жену. Во время их разговора раздался произительный детский крик. Кормилица вместе с хозяином кинулась в детскую. Представьте себе чувства мужа и отца, когда он увидел, что жена, отпрянув от кроватки, поднимается с колен, а на шее ребенка и на простынке — кровь. С криком ужаса он повернулся лицо жены к свету — губы ее были окровавлены. Сомнений не оставалось: она пила кровь младенца.

Таково положение дел. Сейчас несчастная сидит, запершись в своей комнате. Объяснения между супругами не произошло. Муж едва ли не потерял рассудок. Он, как и я, плохо осведомлен о вампирах, собственно, кроме самого слова, нам ровно ничего не известно. Мы полагали, что это всего-навсего нелепое, дикое суеверие, не имеющее места в нашей стране. И вдруг в самом сердце Англии, в Суссексе... Все эти происшествия мы могли бы обсудить завтра утром. Согласны ли Вы меня принять? Согласны ли употребить свои необычайные способности в помощь человеку, на которого свалилась такая беда? Если согласны, то, прошу Вас, пошлите телеграмму на

нимя Фергюсона (Чизмен, Лемберли), и к десяти часам я буду у Вас.

С уважением

Роберт Фергюсон.

Р. С. Если не ошибаюсь, Ваш друг Уотсон и я однажды встретились в матче регби: он играл в команде Блэкхита, я — в команде Ричмонда. Это единственная рекомендация, которой я располагаю».

— Отлично помню,— сказал я, откладывая письмо в сторону.— Верзила Боб Фергюсон, лучший трехчетвертной, каким могла похвастать команда Ричмонда. Славный, добродушный малый. Как это похоже на него — так близко принять к сердцу непрятности друга.

Холмс посмотрел на меня пристально и покачал головой.

— Никогда не знаешь, чего от вас ожидать, Уотсон,— сказал он.— В вас заложены еще не исследованные возможностей. Будьте добры, запишите текст телеграммы: «Охотно беремся расследование вашего дела».

— «Вашего» дела?

— Пусть не воображает, что наше агентство — принадлежит слабоумных. Разумеется, речь идет о нем самом. Попишите ему телеграмму, и до завтрашнего дня оставим все эти дела в покое.

На следующее утро, ровно в десять часов, Фергюсон вошел к нам в комнату. Я помнил его высоким, поджарым, руки и ноги как на шарнирах, и поразительное преворство, не раз помогавшее ему обставлять коллег из команды противника. Да, грустно встретить жалкое подобие того, кто когда-то был великолепным спортсменом, которого ты знал в расцвете сил. Могучее, крепко сбитое тело как будто усохло, льняные волосы поредели, плечи ссутулились. Боюсь, я своим видом вызвал в нем те же чувства.

— Рад вас видеть, Уотсон,— сказал он. Голос у него остался прежний — густой и добродушный.— Вы не совсем похожи на того молодца, которого я перебросил за канат прямо в публику в «Старом Оленьем Парке»¹. Ду-

¹ Спортивный клуб в Ричмонде, около Лондона.

Его прощальный поклон

«Три Гарридеба»

маю, и я порядком изменился. Но меня состарили последние несколько дней. Из телеграммы я понял, мистер Холмс, что мне нечего прикидываться, будто я выступаю от имени другого лица.

— Всегда лучше действовать напрямик,— заметил Холмс.

— Согласен. Но поймите, каково это — говорить такие вещи о своей жене, о женщине, которой долг твой велит оказывать помощь и покровительство! Что мне предпринять? Неужели отправиться в полицию и все им выложить? Ведь и дети нуждаются в защите! Что же это с ней такое, мистер Холмс? Безумие? Или это у нее в крови? Сталкивались ли вы с подобными случаями? Ради всего святого, подайте совет. Я просто голову потерял.

— Вполне вас понимаю, мистер Фергюсон. А теперь сядьте, возьмите себя в руки и ясно отвечайте на мои вопросы. Могу вас заверить, что я далек от того, чтобы терять голову, и очень надеюсь, что мы найдем способ разрешить ваши трудности. Прежде всего скажите, какие меры вы приняли? Ваша жена все еще имеет доступ к детям?

— Между нами произошла ужасная сцена. Поймите, жена мой человек добрый, сердечный — на свете не сыщешь более любящей, преданной жены. Для нее было тяжким ударом, когда я раскрыл ее страшную, невероятную тайну. Она даже ничего не пожелала сказать. Ни слова не ответила мне на мои упреки — только глядит, и в глазах дикое отчаяние. Потом бросилась к себе в комнату и заперлась. И с тех пор отказывается меня видеть. У нее есть горничная по имени Дорорес, служила у нее еще до нашего брака, скорее подруга, чем служанка. Она иносит жене еду.

— Значит, ребенку не грозит опасность?

— Миссис Мэйсон, кормилица, поклялась, что не оставит его без надзора ни днем, ни ночью. Я ей полностью доверяю. Я больше тревожусь за Джека, я вам писал, что на него дважды было совершено настоящее нападение.

— Однако никакихувечий не нанесено?

— Нет. Но ударила она его очень сильно. Поступок вдвойне жестокий, ведь мальчик — жалкий, несчаст-

ный калека.— Обострившиеся черты лица Фергюсона как будто стали мягче, едва он заговорил о старшем сыне.— Казалось бы, несчастье этого ребенка должно смягчить сердце любого: Джек в детстве упал и повредил себе позвоночник. Но сердце у мальчика просто золотое.

Холмс взял письмо Фергюсона и стал его перечитывать.

— Кроме тех, кого вы назвали, кто еще живет с вами в доме?

— Две служанки, они у нас недавно. В доме еще ночует коюх Майкл. Остальные — это жена, я, старший мой сын Джек, потом малыш, горничная Долорес и кормилица миссис Мэйсон. Больше никого.

— Насколько я понял, вы мало знали вашу жену до свадьбы?

— Мы были знакомы всего несколько недель.

— А Долорес давно у нее служит?

— Несколько лет.

— Значит, характер вашей жены лучше известен горничной, чем вам?

— Да, пожалуй.

Холмс что-то записал в свою книжку.

— Полагаю, в Лемберли я смогу оказаться более полезным, чем здесь. Дело это, безусловно, требует расследования на месте. Если жена ваша не покидает своей комнаты, наше присутствие в доме не причинит ей никакого беспокойства и неудобств. Разумеется, мы останемся в гостинице.

Фергюсон издал вздох облегчения.

— Именно на это я и надеялся, мистер Холмс. С вокзала Виктория в два часа отходит очень удобный поезд — если это вас устраивает.

— Вполне. Сейчас в делах у нас затишье. Я могу целиком посвятить себя вашей проблеме. Уотсон, конечно, поедет тоже. Но прежде всего я хотел бы уточнить некоторые факты. Итак, несчастная ваша супруга нападала на обоих мальчиков — и на своего собственного ребенка и на вашего старшего сынишку?

— Да.

— Но по-разному. Вашего сына она только избила.

— Да, одни раз палкой, другой раз била прямо руками.

— Она вам объяснила свое поведение в отношении пасынка?

— Нет. Сказала только, что ненавидит его. Все повторяла: «Ненавижу, ненавижу...»

— Ну, с мачехами это случается. Ревность задним числом, если можно так выразиться. А как она по натуре — ревнивая?

— Очень. Она южанка, ревность у нее такая же яростная, как и любовь.

— Но мальчик — ведь ему, вы сказали, пятиадцать лет, и если физически он неполноценен, тем более, вероятно, высоко его умственное развитие,— разве он не дал вам никаких объяснений?

— Нет. Сказал, что это без всякой причины.

— А какие отношения у них были прежде?

— Они всегда друг друга недолюбливали.

— Вы говорили, что мальчик ласковый, любящий.

— Да, трудно найти более преданного сына. Он буквально живет моей жизнью, целиком поглощен тем, чем я занят, ловит каждое мое слово.

Холмс снова что-то записал себе в книжку. Некоторое время он сосредоточенно молчал.

— Вероятно, вы были очень близки с сыном до вашей второй женитьбы — постоянно вместе, все делили?

— Мы почти не разлучались.

— Ребенок с такой чувствительной душой, конечно, свято хранит память матери?

— Да, он ее не забыл.

— Должно быть, очень интересный, занятный мальчуган. Еще один вопрос касательно побоев. Нападение на младенца и на старшего мальчика произошло в один и тот же день?

— В первый раз да. Ее словно охватило безумие, и она обратила свою ярость на обоих. Второй раз пострадал только Джек, со стороны миссис Мэйсон никаких жалоб относительно малыша не поступало.

— Это несколько осложняет дело.

— Не совсем вас понимаю, мистер Холмс.

— Возможно. Видите ли, обычно сочиняешь себе временнюю гипотезу и выжидаешь, пока полное знание полож-

жения вещей не разобьет ее вдребезги. Дурная привычка, мистер Фергюсон, что и говорить, но слабости принесли человеку. Боюсь, ваш старый приятель Уотсон внушил вам преувеличенное представление о моих научных методах. Пока я могу вам только сказать, что ваша проблема не кажется мне неразрешимой и что к двум часам мы будем на вокзале Виктория.

Был тусклый, туманный ноябрьский вечер, когда, оставив наши чемоданы в гостинице «Шахматная Доска» в Лемберли, мы пробирались через суссекский глиозем по длинной, извилистой дороге, приведшей нас в конце концов к старинной ферме, владению Фергюсона,— широкому, расползшемуся во все стороны дому, с очень древней средней частью и новехонькими боковыми пристройками. На остроконечной крыше, сложенной из хоршемского горбыля и покрытой пятнами лишайника, поднимались старые, тюдоровские трубы. Ступени крыльца покривились, на старинных плитках, которыми оно было вымощено, красовалось изображение человека и сыра — «герб» первого строителя дома¹. Внутри под потолкам тянулись тяжелые дубовые балки, пол во многих местах осел, образуя глубокие кривые впадины. Всю эту старую развалину пронизывали запахи сырости и гнили.

Фергюсон провел нас в большую, просторную комнату, помещавшуюся в центре дома. Здесь в огромном старомодном камне с железной решеткой, на которой стояла дата «1670», полыхали толстые поленья.

Осмотревшись, я увидел, что в комнате царит смесь различных эпох и мест. Стены, до половины обшитые дубовой панелью, относились, вероятно, к временам Фермера-Йомена, построившего этот дом в семнадцатом веке. Но по верхнему краю панели висело собрание со вкусом подобранных современных акварелей, а выше, там, где желтая штукатурка вытеснила дуб, расположилась отличная коллекция южноамериканской утвари и оружия — ее, несомненно, привезла с собой перуанка, что сидела сейчас запершись наверху, в своей спальне. Холмс быст-

¹ Чизмен (cheeseman) — сыровар.

ро встал и с живейшим любопытством, присущим его необыкновенно острому уму, внимательно рассмотрел всю коллекцию. Когда он снова вернулся к нам, выражение лица у него было серьезное.

— Это, а это что такое? — воскликнул он вдруг. В углу в корзине лежал спаниель. Теперь собака с трудом поднялась и медленно подошла к хозяину. Задние ее ноги двигались как-то судорожно, хвост волочился по полу. Она лизнула хозяину руку.

— В чем дело, мистер Холмс?

— Что с собакой?

— Ветеринар ничего не мог понять. Что-то похожее на паралич. Предполагает менингит. Но пес поправляется, скоро будет совсем здоров, правда, Карло?

Опущенный хвост спаниеля дрогнул в знак согласия. Печальные собачьи глаза глядели то на хозяина, то на нас. Карло понимал, что разговор идет о нем.

— Это произошло вчера?

— В одну ночь.

— И давно?

— Месяца четыре назад.

— Чрезвычайно интересно. Наталкивает на определенные выводы.

— Что вы тут усмотрели, мистер Холмс?

— Подтверждение моим догадкам.

— Ради бога, мистер Холмс, скажите, что у вас на уме? Для вас наши дела, быть может, всего лишь заинтригованная головоломка, но для меня это вопрос жизни и смерти. Жена в роли убийцы, ребенок в опасности... Не играйте со мной в прятки, мистер Холмс. Для меня это слишком важно.

Высоченный регбист дрожал всем телом. Холмс мягко положил ему на плечо руку.

— Боюсь, мистер Фергюсон, при любом исходе дела вас ждут впереди новые страдания,— сказал он.— Я постараюсь щадить вас, насколько то в моих силах. Пока больше ничего не могу добавить. Но надеюсь, прежде чем покинуть этот дом, сообщить вам что-то определенное.

— Дай-то бог! Извините меня, джентльмены, я поднимусь наверх, узнаю, нет ли каких перемен.

Он отсутствовал несколько минут, и за это время Холмс возобновил свое изучение коллекции на стене. Когда наш хозяин вернулся, по выражению его лица было ясно видно, что все осталось в прежнем положении. Он привел с собой высокую, тоненькую, смуглую девушку.

— Чай готов, Долорес,— сказал Фергюсон.— Пожалуйста, чтобы твоя хозяйка получила все, что пожелает.

— Хозяйка больная, сильно больная! — выкрикнула девушка; негодящие сверкая глазами на своего господина.— Еда не ест, сильно больная. Надо доктор. Долорес боится быть одна с хозяйкой, без доктор.

Фергюсон посмотрел на меня вопросительно.

— Очень рад быть полезным.

— Узнай, пожелает ли твоя хозяйка принять доктора Уотсона.

— Долорес поведет доктор. Не спрашивает можно. Хозяйка надо доктор.

— В таком случае я готов идти немедленно.

Я последовал за дрожащей от волнения девушкой по лестнице и дальше, в конец ветхого коридора. Там находилась массивная, окованная железом дверь. Мне пришло в голову, что если бы Фергюсон вздумал с силой проникнуть к жене, это было бы ему не так легко. Долорес вынула из кармана ключ, и тяжелые дубовые створки скрипнули на старых петлях. Я вошел в комнату, девушка быстро последовала за мной и тотчас повернула ключ в замочной скважине.

На кровати лежала женщина, несомненно, в сильном жару. Она была в забытьи, но при моем появлении вскинула на меня свои прекрасные глаза и смотрела, не отрываясь, со страхом. Увидев, что это посторонний, она как будто успокоилась и со вздохом снова опустила голову на подушку. Я подошел ближе, сказал несколько успокаивающих слов; она лежала не шевелясь, пока я провел пульс и температуру. Пульс оказался частым, температура высокой, однако у меня сложилось впечатление, что состояние женщины вызвано не какой-либо болезнью, а нервным потрясением.

— Хозяйка лежит так один день, два дня. Долорес боится, хозяйка умрет,— сказала девушка.

Женщина повернула ко мне красивое пылающее лицо.

— Где мой муж?

— Он внизу и хотел бы вас видеть.

— Не хочу его видеть, не хочу... — Тут она как будто начала бредить: — Дьявол! Дьявол!.. О, что мне делать с этим исчадием ада!..

— Чем я могу помочь вам?

— Ничем. Никто не может помочь мне. Все кончено. Все погибло... И я не в силах ничего сделать, все, все погибло!..

Она явно находилась в каком-то непонятном заблуждении; я никак не мог себе представить милягу Боба Фергюсона в роли дьявола и исчадия ада.

— Сударыня, ваш супруг горячо вас любит, — сказал я. — Он глубоко скорбит о случившемся.

Она снова обратила на меня свои чудесные глаза.

— Да, он любит меня. А я, разве я его не люблю? Разве не люблю я его так сильно, что готова пожертвовать собой, лишь бы не разбить ему сердца?.. Вот как я его люблю... И он мог подумать обо мне такое... мог так говорить со мной...

— Он преисподней горя, но он не понимает.

— Да, он не в состоянии понять. Но он должен верить!

— Быть может, вы все же повидаетесь с ним?

— Нет, нет! Я не могу забыть те жестокие слова, тот взгляд... Я не желаю его видеть. Уходите. Вы ничем не можете мне помочь. Скажите ему только одно: я хочу, чтобы мне привезли ребенка. Он мой, у меня есть на него права. Только это и передайте мужу.

Она повернулась лицом к стене и больше не произнесла ни слова.

Я спустился вниз. Фергюсон и Холмс молча сидели у огня. Фергюсон угрюмо выслушал мой рассказ о визите к больной.

— Ну, разве могу я доверить ей ребенка? — сказал он. — Разве можно поручиться, что ее вдруг не охватит опять то ужасное, неудержимое желание... Разве могу я забыть, как она тогда поднялась с колен и вокруг ее губ — кровь?

Он вздрогнул, вспомнив страшную сцену.

— Ребенок с миссис Мэйсон, там он в безопасности, там он и останется.

Элегантная горничная, самое современное явление, какое мы доселе наблюдали в этом доме, внесла чай. Потом она хлопотала у стола, дверь распахнулась, и в комнату вошел подросток весьма примечательной внешности — бледнолицый, белокурый, со светло-голубыми беспокойными глазами, которые так и вспыхнули от волнения и радости, едва он увидел отца. Мальчик кинулся к нему, с девичьей нежностью обвили его шею руками.

— Папочка, дорогой! — воскликнул он. — Я и не знал, что ты уже приехал! Я бы вышел тебя встретить. Как я рад, что ты вернулся!

Фергюсон мягко высвободился из объятий сына; он был несколько смущен.

— Здравствуй, мой дружок, — сказал он ласково, гладя льняные волосы мальчика. — Я приехал раньше потому, что мои друзья, мистер Холмс и мистер Уотсон, согласились поехать со мной и провести у нас вечер.

— Мистер Холмс? Сыщик?

— Да.

Мальчик поглядел на нас испытующе и, как мне показалось, не очень дружелюбно.

— А где второй ваш сын, мистер Фергюсон? — спросил Холмс. — Нельзя ли нам познакомиться и с младшим?

— Попроси миссис Мэйсон принести сюда малыша, — обратился Фергюсон к сыну. Тот пошел к двери странной, ковыляющей походкой, и мой взгляд хирурга тотчас определил повреждение позвоночника. Вскоре мальчик вернулся, за ним следом шла высокая, сухопарая женщина, неся на руках очаровательного младенца, черноглазого, золотоволосого — чудесное скрещение рас, саксонской и латинской. Фергюсон, как видно, обожал и этого сынишку, он взял его на руки и нежно приласкал.

— Только представить себе, что у кого-то может хватить злобы обидеть такое существо, — пробормотал он, глядя на небольшой, ярко-красный бугорок на шейке этого амура.

И тут я случайно взглянул на моего друга и подивился напряженному выражению его лица — оно словно ока-

менело, словно было вырезано из слоновой кости. Взгляд Холмса, на мгновение задержавшийся на отце с младенцем, был прикован к чему-то, находящемуся в другом конце комнаты. Проследив за направлением этого пристального взгляда, я увидел только, что он обращен на окно, за которым стоял печальный, поинкшнй под дождем сад. Наружная ставня была наполовину прикрыта и почти заслонила собой вид, и тем не менее глаза Холмса неотрывно глядела именно в сторону окиа. И тут он улыбнулся и снова посмотрел на младенца. Он молча наклонился над ним и внимательно исследовал взглядом красный бугорок на мягкой детской шейке. Затем схватил и потряс махавший перед его лицом пухлый, в ямочках кулачок.

— До свидания, молодой человек. Вы изчали свою жизнь несколько бурио. Миссис Мэйсон, я хотел бы поговорить с вами с глазу на глаз.

Они встали поодаль и несколько минут о чем-то серьезно беседовали. До меня долетели только последние слова: «Надеюсь, всем вашим тревогам скоро придет конец». Кормилица, особа, как видно, не слишком приветливая и разговорчивая, ушла, унеся ребенка.

— Что представляет собой миссис Мэйсон? — спросил Холмс.

— Внешне она, как видите, не очень привлекательна, но сердце золотое, и так привязана к ребенку.

— А тебе, Джек, она нравится?

И Холмс круто к нему повернулся.

Выразительное лицо подростка как будто потемнело. Он затряс отрицательно головой.

— У Джека очень сильны и симпатии и антипатии, — сказал Фергюсон, обнимая сына за плечи. — По счастью, я отношусь к первой категории.

Мальчик что-то нежно заворковал, прильнув головой к отцовской груди. Фергюсон мягко его отстранил.

— Ну, беги, Джекки, — сказал он и проводил сына любящим взглядом, пока тот не скрылся за дверью. — Мистер Холмс, — обратился он к моему другу, — я, кажется, заставил вас проехаться попусту. В самом деле, и что вы можете тут поделать, кроме как выразить сочувствие? Вы, конечно, считаете всю ситуацию слишком сложной и деликатной.

— Деликатией? Безусловно,— ответил мой друг, чуть улыбнувшись.— Но не могу сказать, что поражен ее сложностью. Я решил эту проблему методом дедукции. Когда первоначальные результаты дедукции стали пунктом за пунктом подтверждаться целым рядом ие связанных между собой фактов, тогда субъективное ощущение стало объективной истиной. И теперь можно с уверенностью заявить, что цель достигнута. По правде говоря, я решил задачу еще до того, как мы покинули Бейкер-стрит,— здесь, на месте, оставалось только наблюдать и получать подтверждение.

Фергюсон провел рукой по нахмуреному лбу.

— Ради бога, Холмс,— сказал он хрипло,— если вы в чем-то разобрались, не томите меня. Как обстоит дело? Как следует поступить? Мне безразлично, каким путем вы добились истины, мне важны сами результаты.

— Конечно, мне надлежит дать вам объяснение, и вы его получите. Но позвольте мне вести дело, согласно собственным моим методам. Скажите, Уотсон, в состоянии ли миссис Фергюсон выдержать наше посещение?

— Она больна, но в полном сознании.

— Прекрасно. Окончательно все выяснить мы сможем только в ее присутствии. Поднимемся наверх.

— Но ведь она не хочет меня видеть! — воскликнул Фергюсон.

— Не беспокойтесь, захочет,— сказал Холмс. Он напечатал несколько слов на листке бумаги.— Во всяком случае, у вас, Уотсон, есть официальное право на визит к больной. Будьте так любезны, передайте мадам эту записку.

Я вновь поднялся по лестнице и вручил записку Долорес, осторожно открывшей дверь на мой голос. Через минуту я услышал за дверью возгласы, одновременно радостные и удивленные. Долорес выглянула из-за двери и сообщила:

— Она хочет видеть. Она будет слушать.

По моему знаку Фергюсон и Холмс поднялись наверх. Все трое мы вошли в спальню. Фергюсон шагнул было к жене, приподнявшейся в постели, но она вытянула руку вперед, словно отталкивая его. Он опустился в кресло. Холмс сел рядом с ним, предварительно отвесив поклон

женщине, глядевшей на него широко раскрытыми, изумленными глазами.

— Долорес, я думаю, мы можем отпустить... — начал было Холмс. — О, сударыня, конечно, если желаете, она останется, возражений нет. Ну-с, мистер Фергюсон, должен сказать, что человек я занятой, а посему предпопчтую зря время не тратить. Чем быстрее хирург делает разрез, тем меньше боли. Прежде всего хочу вас успоконить. Ваша жена прекрасная, любящая вас женщина, несправедливо обиженная.

С радостным криком Фергюсон вскочил с кресла.

— Докажите мне это, мистер Холмс, докажите, и я ваш должник по гроб жизни!

— Докажу, но при этом буду вынужден причинить вам новые страдания.

— Все остальное безразлично, лишь бы была оправдана моя жена. По сравнению с этим ничто не имеет значения.

— В таком случае разрешите мне изложить вам ход моих умозаключений еще там, на Бейкер-стрит. Мысль о вампирах я почел абсурдией. В практике английской криминалистики подобные случаи места не имели. И в то же время, Фергюсон, вы действительно видели, как ваша жена отпрянула от кроватки сына, видели кровь на ее губах.

— Да, да.

— А вам не пришло в голову, что из ранки высасывают кровь не только для того, чтобы ее пить? Вам не вспоминается некая английская королева, которая высасывала кровь из раны для того, чтобы извлечь из нее яд?

— Яд?

— В доме, где хозяйство ведется на южноамериканский лад, должна быть коллекция оружия — нистник подсказал мне это прежде, чем я увидел ее собственными глазами. Мог быть использован, конечно, и какой-либо другой яд, но это первое, что пришло мне на ум. Когда я заметил пустой колчан возле небольшого охотничье-го лука, я увидел именно то, что ожидал увидеть. Если младенец был ранен одиой из его стрел, смоченных со-ком куаре или каким-либо другим дьявольским зельем, ему грозила неминуемая смерть, если не высосать яд из ранки.

И потом собака. Тот, кто задумал пустить в ход такой яд, сперва непременно испытал бы его, чтобы проверить, не утратил ли он свою силу. Случая с собакой я не предвидел, но смысл его разгадал, и этот факт занял свое место в моем логическом построении.

Ну, теперь-то вы поняли? Ваша жена страшилась за младенца. Нападение произошло при ней, и она спасла своему ребенку жизнь. Но она не захотела открыть вам правду, зная, как сильно вы любите мальчика, зная, что это разобьет вам сердце.

— Джекки!..

— Я наблюдал за ним, когда вы ласкали младшего. Его лицо ясно отражалось в оконном стекле там, где закрытая ставня создавала темный фон. Я прочел на этом лице выражение такой ревности, такой жгучей ненависти, какую мне редко доводилось видеть.

— Мой Джекки!

— Отнеситесь к этому мужественно, Фергюсон. Особенно печально, что причиня, толкнувшая мальчика на такой поступок, кроется в чрезмерной, нездоровой, маниакальной любви к вам и, возможно, к покойной матери. Душу его пожирает ненависть к этому великолепному ребенку, чье здоровье и красота — прямой контраст с его собственной немощностью.

— Боже правый! Просто невозможно поверить!

— Я сказал правду, сударыня?

Женщина рыдала, зарывшись лицом в подушки. Но вот она повернулась к мужу.

— Как могла я рассказать тебе это, Боб? Нанести тебе такой удар! Я предпочла ждать, пока чин-инбудь другое уста, не моя, откроют тебе истину. Когда этот джентльмен — он настоящий маг и волшебник, — написал, что все знает, я так обрадовалась!

— Мой рецепт юному Джекки — год путешествия по морю, — сказал Холмс, поднимаясь со стула. — Одно мне не совсем ясно, сударыня. Ваш гнев, обрушившийся на Джекки, вполне понятен. И материнскому терпению есть предел. Но как вы решились оставить младенца на эти два дня без своего надзора?

— Я надеялась на миссис Мэйсон. Она знает правду, я ей все сказала.

— Так я и предполагал.

Фергюсон стоял возле кровати, дыханье у него прерывалось, протянутые к жене руки дрожали.

— Теперь, Уотсон, я полагаю, нам пора удалиться со сцены,— шепнул мне Холмс.— Если вы возьмете не в меру преданную Долорес за один локоток, я возьму ее за другой. Ну-с,— продолжал он, когда дверь за нами закрылась,— я думаю, мы можем предоставить им самим улаживать свои отношения.

Мне осталось лишь познакомить читателя с еще одной запиской — Холмс отправил ее в ответ на то послание, с которого этот рассказ начался. Вот она:

«Бейкер-стрит
21 ноября.

Касательно вампиров

Сэр!

В ответ на Ваше письмо от 19 ноября сообщаю, что я взял на себя ведение дела мистера Роберта Фергюсона из торгового дома «Фергюсон и Мюнхед, поставщики чая» на Минсинг-лейн, и расследование оного дела дало удовлетворительные результаты.

С благодарностью за рекомендацию
остаюсь, сэр,
Ваш покорный слуга
Шерлок Холмс».

ТРИ ГАРРИДЕБА

Историю эту можно в равной мере назвать как трагедией, так и комедией. В результате ее один человек лишился рассудка, второму — вашему покорному слуге — досталось небольшое «кровопускание», третий угодил за решетку. И все же у нее есть и комическая сторона. Впрочем, судите сами.

Я могу указать точную дату случившегося, ибо все это произошло в тот месяц, когда Холмс отказался от дворянского звания, пожалованного ему за услуги, которые, быть может, еще будут описаны. Пока я об этом упоминаю лишь вскользь: положение партнера и доверенного лица вынуждает меня остерегаться малейшей нескромности. Но, повторяю, именно этот факт позволяет мне установить дату: самый конец июня тысяча девятьсот второго года, вскоре после окончания Бурской войны. Холмс несколько дней не вставал с постели,— с ним это часто бывало. Однако в то утро он вышел из спальни, держа в руке большой исписанный лист бумаги строгих серых глазах Холмса плясали веселые

ставляется возможность недур-
щими вы такую фами-

— А, это длинная история, к тому же весьма любопытная. Мы с вами ломали головы над множеством сложных, путанных задач, но такой оригинальной нам, кажется, еще не попадалось. С минуты на минуту должен явиться тот, кого нам с вами предстоит подвергнуть допросу. До его прихода не стану ничего рассказывать. Пока займемся самим именем.

Телефонная книга лежала на столе у меня под рукой. Я полистал страницы, не слишком надеясь на успех, и, к своему удивлению, тут же нашел в соответствующем месте эту странную фамилию.

— Есть! — воскликнул я торжествующе.— Вот, пожалуйста, получайте!

Холмс взял книгу у меня из рук.

— «Н. Гарридеб, Вест-Энд, Литл-Райдер-стрит, 136», — прочел он вслух.— Должен вас разочаровать, Уотсон, но это уже известный мне Гарридеб. Видите, вот его адрес на письме. Нам нужен второй Гарридеб, под пару первому, понимаете?

Вошла миссис Хадсон, неся на подносике визитную карточку. Я заглянул в нее.

— Смотрите-ка, вот и второй! — воскликнул я в изумлении.— Все данные другие: «Джон Гарридеб, адвокат, США, Канзас, Мурвилл».

Пробежав глазами карточку, Холмс улыбнулся.

— Боюсь, Уотсон, вам придется сделать еще одну попытку. Этот джентльмен уже участвует в игре, хотя, признаться, я не рассчитывал увидеть его так скоро. Надеюсь, нам удастся кое-что от него выведать.

В следующую минуту мистер Джон Гарридеб, адвокат, стоял у нас в комнате — коренастый, мощного сложения мужчина с гладко выбритым круглым свежим лицом, какие часто встречаешь у американских дельцов. Особенно примечательна была необыкновенная, почти детская пухлость этого лица, с которого не склоняла широкая улыбка,— создавалось впечатление, что это еще совсем молодой человек. Но глаза у него были поразительные. Редко случалось мне видеть пару человеческих глаз, столь явно свидетельствующих о необычайно напряженной внутренней жизни их обладателя,— так они были ярки, так насторожены, так мгновенно отражали малейшее движение мысли. Выговор у мистера

Джона Гарридеба был американский, но речь правильная, без развязных американцев.

— Мистер Холмс? — проговорил он, поочередно обводя нас взглядом.— А, иу да, конечно. Вас нетрудно узнать по фотографиям, сэр, если разрешите заметить. Вы, надо полагать, уже получили письмо от моего тезки, мистера Натана Гарридеба?

— Садитесь, прошу вас,— сказал Шерлок Холмс.— Нам предстоит кое-что обсудить.— Он взял со стола испытанный лист.— Вы, разумеется, мистер Джон Гарридеб, упоминаемый в письме,— мистер Джон Гарридеб из Америки. Но, позвольте, вы ведь уже давно живете в Англии?

— С чего вы взяли?

Мне показалось, что в выразительных глазах американца я прочел подозрение.

— Все, что на вас надето,— английского производства.

Мистер Гарридеб приужденно рассмеялся.

— Я читал про ваши фокусы, мистер Холмс, но никак не думал, что вы станете проделывать их на мне. Как это вы сообразили?

— Покрой плеч вашего пиджака, носки ботинок,— разве тут можно ошибиться?

— Вот уж не знал, что выгляджу таким заправским англичанином. Да, верно. Не так давно дела вынудили меня перебраться сюда, потому-то почти все, что на мне, куплено в Лондоне, как вы подметили. Но время ваше, надо полагать, дорого стоит, и мы собрались здесь не для того, чтобы обсуждать фасон моей обуви. Как насчет того, чтобы перейти к бумаге, что у вас в руках?

Холмс чем-то вызвал раздражение у нашего посетителя, и пухлое его лицо в значительной степени утратило свою приветливость.

— Терпение, терпение, мистер Гарридеб,— проговорил мой друг успокаивающим тоном.— Доктор Уотсон может вас заверить, что мон небольшие отклонения от главного в конце концов часто оказываются в прямой связи. Но почему мистер Натан Гарридеб не пришел вместе с вами?

— И какого дьявола втянул он вас в наши дела? — неожиданно вскликнул американский адвокат.— Какое, черт

взьми, имеете вы к ним касательство? Два джентльмена обсуждают личные свои отношения, и, нате вам, одному из них вдруг зачем-то понадобилось приглашать сыщика! Сегодня утром захожу к старику и узнаю, какую дурацкую шутку он со мной сыграл. По этой причине я и явился сюда. В общем, его затея мне очень не по нутру.

— Она не бросает никакой тени на вас, мистер Гарридеб. Мистер Натаан Гарридеб всего лишь проявил усердие для достижения цели, одинаково важной для вас обоих, насколько я понял. Зная, что я располагаю средствами добывать нужные сведения, он, естественно, обратился именно ко мне.

Рассерженное лицо нашего посетителя постепенно прояснилось.

— Тогда дело другое,— сказал он.— Я, как только узнал, что старый чудак вздумал просить подмоги у сыщика, сразу взял у него адрес и прямо к вам. Не желаю, чтобы полиция совала нос в наши частные дела. Но если вы действительно беретесь разыскать необходимого нам человека,— что ж, я не возражаю.

— Все именно так и обстоит,— сказал Холмс.— А теперь, сэр, раз уж вы здесь, мы бы хотели услышать из ваших собственных уст перечень основных фактов. Моему другу совершенно неизвестны подробности.

Мистер Гарридеб окнуул меня не слишком дружелюбным взглядом.

— А зачем ему знать? — спросил он.

— Обычно мы работаем вместе.

— Ну что ж, у меня нет причины держать мои дела в секрете. Выложу вам все и как можно короче. Будь вы родом из Канзаса, мне было бы незачем объяснять, кто такой Александр Гамильтон Гарридеб. Он сколотил себе состояние на недвижимом имуществе и еще спекулировал пшеницей на чикагской бирже. А деньги тратил на одно: скупал землю по берегам Арканзас-ривер, к западу от Форт-Доджа. Столько их накупил, что хватило бы на любое ваше графство,— паства, строевой лес, пашни, рудники — все, что способно приносить доллары их владельцу.

Ни родин, ни близких у Александра Гарридеба не было, я, во всяком случае, ни об одном не слышал.

Но старика прямо-таки распирала гордость оттого, что у него такая диковинная фамилия. Это-то нас и свело. Я тогда адвокатствовал в Топеке, и как-то раз старик являлся ко мне. До чего же он обрадовался, что встретил однофамильца! У него это стало настоящим пунктиком, и он решил во что бы то ни стало разузнать, существуют ли еще где-нибудь другие Гарридебы. «Сыщите мне хоть одного!» — упрашивал он меня. Я сказал, что я человек занятой, некогда мне рыскать по белу свету, охотиться за Гарридебами. «Ничего, ничего,— сказал он,— именно этим вы и займитесь, если выгорит у меня то, что я затеял». Я, конечно, подумал, что старик просто дурачится, но оказалось, в словах его скрывался очень и очень большой смысл, в чем я скоро убедился.

Года не прошло, как он, видите ли, умер и оставил завещание такое чудное, каких в Канзасе регистрировать еще не приходилось. Все свое состоянне старик разделил на три части и одну завещал мне на том условии, что я раздобуду еще пару Гарридебов,— они тоже получат наследство, каждый свою долю. Это выходят ровнохонько по пяти миллионов на брата! Но ни один из нас не увидит ни гроша, пока не соберется вся наша тройка вместе.

Это было так заманчиво, что я забросил свою адвокатуру и принялся за поиски Гарридебов. В Соединенных Штатах их нет. Я прочесал страну, сэр, можно сказать, самым частым гребнем, но не нашел ни одного. Тогда я двинулся в Англию. И что же? В лондонской телефонной книге стоит это имя, Натан Гарридеб! Два дня тому назад я зашел к нему, рассказал, как обстоит дело. Старик одиннадцати лет, вроде меня, то есть родня у него где-то есть, но все только женщины, ни одного мужчины. А по завещанию требуется трое мужчин. Так что, как видите, одно место еще свободно, и если вы поможете нам его заполнить, мы готовы оплатить ваши услуги.

— Ну как, Уотсон,— обратился ко мне Холмс, улыбаясь,— не говорил ли я, что это прелюбопытная история? Я полагаю, сэр, вам первым долгом следует поместить в газетах объявление о розысках.

— Уже проделано, мистер Холмс. Все попусту.

— Нет, в самом деле, история весьма курьезная. Пожалуй, займусь ею на досуге. Кстати, это интересно, что

вы из Топеки. Я когда-то вел переписку с одним из тамошних жителей — его звали доктор Лизандер Старр. В 1890 году он был мэром.

— Славный был старик, доктор Старр. Его имя и сейчас у нас в почете. Так вот, мистер Холмс, сдается мне, нам нужно держать с вами связь. Что ж, будем сообщать, как подвигаются наши поиски. Думаю, через день-два дадим о себе знать.

Заверив нас в этом, наш американский знакомец поклонился и вышел.

Холмс раскурил трубку и некоторое время сидел молча. На лице его блуждала странная улыбка.

— Ну? — спросил я иаконец.

— Любопытно, Уотсон, чрезвычайно любопытно.

— Что именно?

Холмс вынул трубку изо рта.

— А вот что: с какой целью этот джентльмен напал нам столько небылиц? Я чуть не спросил его об этом прямо: иной раз грубая атака — наилучшая тактика, — но потом решил оставить его в приятном заблуждении, пусть думает, что одурачил нас. Человек в пиджаке английского покроя да еще с протертными локтями и в брюках, которые от годовалой носки лежат на коленях мешком, оказывается, если верить письму и собственному его заявлению, американским провинциалом, только что прибывшим в Англию. Никаких объявлений о розысках в газетах не появлялось. Вы знаете, я никогда их не пропускаю, они служат мне прикрытием, когда требуется поднять дичь. Неужели я прозевал бы подобного фазана? И никакого доктора Лизандера Старра из Топеки я не знаю. В общем, куда ин поверии, все сплошиая фальшивь. Вероятно, он действительно американец, но почти утратил акцент, прожив несколько лет в Лондоне. Что за всем этим скрывается, каковы подлинные мотивы нелепых розысков людей с фамилией Гарридеб? Да, этим субъектом следует заняться. Если он мошенник, то я буду действовать по закону, а не по обычаям.

— Автор
Лаэнци, ч.

— Да-да, говорит Натан Гарридеб. Нет ли поблизости мистера Холмса? Я бы очень хотел с ним поговорить.

Холмс взял трубку, и я услышал обычные обрывки разговора:

— Да, он закодил к нам. Кажется, вы не слишком хорошо его знаете? Знакомы недавно? Всего два дня?.. Да-да, конечно, перспективы заманчивые... Вы сегодня вечером дома? А ваш однофамилец не обещал зайти?.. Нет? Отлично, мы приедем, я как раз хотел поболтать с вами не в его присутствии... Со мной будет доктор Уотсон... Из вашего письма я понял, что вы редко отлучаетесь из дома... Так, значит, мы будем у вас около шести. Американского адвоката оповещать о том не стоит. Всего хорошего, до скорой встречи.

Спускались чудесные весенние сумерки, и даже Литл-Райдер-стрит, крохотная улочка, отходящая от Эджуэрроуд и подалеку от недоброй памяти Тайбери-Три¹, дышала прелестью и казалась совсем золотой от косых лучей заходящего солнца. Мы нашли нужный нам дом — приземистое, старомодное здание времени первых Георгов; ровный кирпичный фасад его украшали лишь два окона-фонаря на первом этаже, выступавшие глубоко вперед. Именно на этом этаже и жил наш клиент, оба эти окна, как выяснилось, принадлежали огромной комнате, где он проводил свои дни. Мы подошли к двери, и Холмс обратил мое внимание на небольшую медную досечку, на которой стояло знакомое нам странное имя: Гарридеб.

— Находится здесь уже несколько лет, — заметил Холмс, указывая на потускневшую медаль. — Во всяком случае, этот не самозванец. Следует учесть.

Лестница в доме была одна, общая, и на стенах холла мы увидели немалое количество писанины краской названий контор и фамилий жильцов. Квартир для семейных в доме не имелось, он скорее служил кровом для холостяков богемного образа жизни. Наш клиент сам открыл дверь, в чем и принес извинения, объяснив, что прислуга уходит детьми.

Гарридеб

сым джентльменом лет шестидесяти. Кожа на его измождении лице была тусклая, будто неживая, как это часто встречается у людей, ведущих сидячий, неподвижный образ жизни. Большие круглые очки, узкая козлиная бородка, согбенные плечи — все это, вместе взятое, сразу наводило на мысль, что перед вами человек крайне пытливый и любознательный.

Впрочем, общее впечатление создавалось приятное: чудак, конечно, но чудак симпатичный.

Комната выглядела такой же оригинальной, как ее владелец. Она походила на миниатюрный музей. Большая, квадратная, а по стенам полки, шкафы и шкафчики, уставленные всевозможными предметами, имеющими отношение к геологии и анатомии. По бокам двери внесли ящики с коллекциями мотыльков и бабочек. Посреди комнаты на широком столе лежала груда образцов различных горных пород, и из нее торчала высокая медная трубка мощного микроскопа. Я оглядел все вокруг и подивился разносторонности интересов старика: здесь ящик со старинными монетами, там собрание древних кремневых орудий. У стены, по другую сторону стола, помещался большой шкаф, где хранились какие-то окаменелости, а на верху его выстроились в ряд гипсовые черепа с подписями: «неандертальец», «гейдельбергский человека», «кроманьонец» и тому подобное. Как видно, мистер Натан Гарридеб посвятил себя не одной, а нескольким отраслям науки. Стоя перед нами, он противорвал куском замши какую-то монету.

— Сиракузская, лучшего периода,— пояснил он, указывая на монету.— Позже они очень деградировали. Лучшие их образцы я считаю непревзойденными, хотя некоторые специалисты отдают предпочтение Александрийской школе. Мистер Холмс, для вас найдется стул. Разрешите мне снять с него эти кости... А вы, сэр... ах да, доктор Уотсон. Будьте так любезны, доктор Уотсон, отодвигните японскую вазу подальше. Здесь, в этой комнате, сосредоточены все мои жизненные интересы. Доктор бранит меня за то, что я не бываю на воздухе, но зачем уходить от того, что так к себе тянет? Смею вас уверить, подробная классификация содержимого любого из этих шкафов потребует от меня не меньше трех месяцев.

Холмс с любопытством осмотрелся.

— Правильно ли я вас понял, сэр, что вы действительно никогда не выходите из дома?

— Время от времени я совершаю поездку к Сатеби или Кристи¹. А вообще-то я очень редко покидаю свою комнату. Здоровье у меня не из крепких. Научные исследования поглощают все мои силы. Можете себе представить, мистер Холмс, каким потрясением — радостным, и все же потрясением — явилось для меня известие о столь невероятно счастливом повороте судьбы! Чтобы довести дело до конца, необходим еще один Гарридеб. Уж, конечно, мы его разыщем. У меня был брат, он умер, а женская родня в счет не идет. Но, безусловно, на свете есть и другие Гарридебы. Я слышал, что вы брались за очень сложные, трудные проблемы, и решил прибегнуть к вашей помощи. Мой американский тезка, конечно, совершенно прав, мне следовало сперва посоветоваться с ним, но я действовал из лучших побуждений.

— Вы поступили весьма осмотрительно,— сказал Холмс.— А вам и в самом деле не терпится стать американским землевладельцем?

— Разумеется, нет, сэр. Ничто не заставит меня расстаться с моими коллекциями. Но этот американский адвокат обещал выкупить мою долю, как только мы утверждимся в правах наследства. Сумма, предназначенная каждому из нас,— пять миллионов долларов. Как раз в настоящее время имеется возможность сделать несколько ценных приобретений. Как это восполнило бы пробелы в моих коллекциях! Сейчас я ничего не могу приобрести, у меня нет необходимых для этого нескольких сотен фунтов. Подумайте, сколько я накуплю на пять миллионов! Мое собрание ляжет в основу нового национального музея, я стану Гансом Слоуном² нашего века!

Глаза его за стеклами очков блестели. Было ясно, что мистер Натан Гарридеб не пожалеет усилий, чтобы раздобыть недостающего однофамильца.

— Я зашел только, чтобы познакомиться, ни в коем случае не хочу мешать вашим занятиям,— сказал

¹ Сатеби, Кристи — лондонские аукционные залы.

² Слоун, Ганс (1660—1753) — английский врач, натуралист и коллекционер. Собранные им рукописи, картины, книги и пр. легли в основу Британского музея.

Холмс.— Когда я вступаю с человеком в деловые отношения, я всегда предпочитаю личное с ним знакомство. Мне почти не о чем вас спрашивать, мистер Гарридеб,— в кармане у меня ваше письмо с очень толковым изложением основных фактов, и кое-что я еще уточнил во время визита американского джентльмена. Насколько я понял, до этой недели вы и не подозревали о его существовании?

— Абсолютно. Он явился ко мне в прошлый вторник.

— Он вам уже рассказал о нашей встрече?

— Да. Он пришел сюда прямо от вас. Как он тогда на меня рассердился, когда узнал о моем письме!

— За что ему, собственно, было сердиться?

— Он почему-то воспринял это как личное оскорбление. Но от вас он вернулся повеселевшим.

— Он предлагал какой-нибудь план действий?

— Нет, сэр.

— Получал он от вас деньги или, может, просил их?

— Нет, сэр, ни разу!

— Вы не заметили, не преследует ли он каких-либо особых целей?

—Никаких,— ничего, кроме той, о которой он мне сообщил.

— Вы сказали ему, что мы с вами договорились по телефону о встрече?

— Да, сэр, я поставил его в известность.

Холмс глубоко задумался. Я видел, что он недоумевает, что-то ускользает от его понимания.

— Нет ли в ваших коллекциях каких-либо особо ценных предметов?

— Нет, сэр, я человек небогатый. Коллекции мои хороши, но большой материальной ценности собой не представляют.

— И грабителей вы не опасаетесь?

— Нисколько!

— Давно вы занимаете эту квартиру?

— Почти пять лет.

Разговор был прерван повелительным стуком в дверь. Наш хозяин едва успел отодвинуть задвижку, как в комнату буквально влетел американский адвокат.

— Вот, смотрите! — воскликнул он, размахивая над

головой сложеній газетой.— Я так и думал, что застану вас здесь. Мистер Натан Гарридеб, примите моя поздравления. Вы богаты, сэр. Наши хлопоты счастливо завершились, все уложено. А вы, мистер Холмс.. Нам остается лишь выразить сожаление, что вас потревожили попусту.

Он передал газету нашему клиенту. Не отрывая изумленного взгляда, старик читал отмеченнное в ней объявление. Мы с Холмсом наклонились вперед и, заглядывая через плечо мистера Натана Гарридеба, прочли:

«Говард Гарридеб.

Конструктор сельскохозяйственных машин.
Сноповязалки, жнецы, ручные и паровые
плуги, сеялки, бороны, фургоны, дровяные
коzлы и пр.

Расчеты по артезианским колодцам.

Бирмингем. Астон.
Гроувнер-билдинг».

— Великолепно! — воскликнул наш хозяин, задыхаясь от волнения.— Найден третий!

— Я наводил справки в Бирмингеме,— сказал американец,— и мой тамошний агент прислал это объявление— вырезал его из местной газеты. Надо, не мешкая, доводить дело до конца. Я написал этому конструктору, что завтра в четыре часа вы будете у него в конторе.

— Я? Вы хотите, чтобы поехал именно я?

— А вы как считаете, мистер Холмс? Вам не кажется, что так оно разумнее? Представьте себе, являюсь я, никому не известный американец, и рассказываю волшебные сказки. С чего это вдруг станет он мне верить? А вы, мистер Натан Гарридеб, вы англичанин, человек солидный, вас ои, уж конечно, выслушает. Если желаете, я могу вас сопровождать, но, признаться, завтра у меня куча дел. Знаете что, если возникнут какие-нибудь осложнения, я мигом примчусь туда следом за вами.

— Понимаете, я уже многие годы не совершал таких длительных поездок...

— А, пустяки, мистер Гарридеб. Я все для вас выяснил. Вы едете двенадцатичасовым поездом, в начале третьего будете на месте. К вечеру успеете вернуться обратно. И все, что от вас требуется, это повидать нашего однофамильца, изложить ему суть дела и получить

письменное подтверждение того, что он действительно существует. Боже ты мой,— добавил он с горячностью,— если вспомнить, что я ехал в такую даль, добирался сюда из самого сердца Америки, то, право, с вас спрашивают не так уж много — проехать сотню миль, чтобы все наконец счастливо устроилось.

— Безусловно,— сказал Холмс.— Я считаю, что этот джентльмен рассуждает резонно.

Мистер Натан Гарридеб уныло пожал плечами.

— Ну, раз вы настаиваете, хорошо, я поеду,— сказал он.— Конечно, мне трудно отказать вам в чем бы то ни было — вам, принесшему в мою жизнь радость надежды.

— Значит, решено,— сказал Холмс.— И при первой возможности известите меня о ходе дела.

— Я об этом позабочусь,— сказал американец.— Ну, мне пора,— добавил он, глянув на свои часы.— Завтра, мистер Натан, я зайду за вами и посажу вас на поезд до Бирмингема. Нам не по пути, мистер Холмс? Нет? В таком случае позвольте распрощаться. Завтра к вечеру вы, вероятно, уже получите от нас добрые вести.

Я заметил, что едва американец вышел из комнаты, как лицо моего друга просветлело, недоуменное выражение на нем исчезло.

— Мне бы очень хотелось взглянуть на ваши коллекции, мистер Гарридеб,— сказал Холмс.— При моей профессии мне могут пригодиться самые неожиданные сведения, а ваша комната — неистощимый их кладезь.

Наш клиент просиял от удовольствия, глаза его за стеклами больших очков заблестели.

— Я много наслышан, сэр, о вашей высокой интеллектуальности,— сказал он.— Могу хоть сейчас показать все что угодно.

— К сожалению, сейчас я не располагаю временем. Но все экспонаты снабжены ярлыками и отлично классифицированы, едва ли требуются еще и личные ваши пояснения. Что если я загляну к вам завтра? Вы ничего не имеете против, если я в ваше отсутствие полюбуюсь на эти сокровища?

— Разумеется, прошу вас. Квартира будет, конечно, заперта, но я оставлю ключ у миссис Сандерс. До четырех часов она не уйдет, вы разыщете ее внизу. Она вам отопрет.

— Завтра днем я как раз свободен. Будет очень хорошо, если вы поговорите с миссис Сандерс относительно ключа. Кстати, где помещается контора ваших квартирных агентов?

Неожиданный вопрос явно удивил нашего клиента.

— На Эджуэр-роуд. А в чем дело?

— Видите ли, по части архитектуры я сам немного специалист,— сказал Холмс, смеясь.— И вот никак не могу решить, к какому периоду относится ваш дом: царствование королевы Аниы? Или уже более позднее время, Георг I?

— Георг, безусловно.

— Вы так думаете? А я бы отнес его к несколько более раннему времени. Впрочем, это легко уточнить. Итак, мистер Гарридеб, до свидания. Позвольте пожелать вам удачной поездки.

Контора жилищного агентства была рядом, но оказалась уже закрытой, и мы с Холмсом отправились к себе на Бейкер-стрит. Только после обеда Холмс вернулся к нашей теме.

— Эта маленькая история движется к развязке,— сказал он.— Вы, конечно, уже мысленно начертали себе ход ее развития.

— Не вижу в ней ни конца, ни начала.

— Ну, начало ее уже достаточно хорошо обрисовано, а конец увидим завтра. Вы не заметили ничего странного в этом газетном объявлении?

— Заметил. В слово «артезианский» вкрадась орфографическая ошибка.

— Ага, значит, заметил? Поздравляю, Уотсон, вы делаете успехи. Но это не типографская ошибка, слово напечатали так, как оно было написано тем, кто давал объявление. И, кстати, артезианские колодцы более характерны для Америки, чем для Англии. И фургоны тоже. В общем, типичное американское объявление, но якобы исходящее от английской фирмы. Ваше мнение по этому поводу, Уотсон?

— Мне кажется, американский адвокат составил и поместил его сам. Но с какой целью, решительно не догадываюсь.

— Возможны различные мотивы. Но ясно одно, ему надо было спровадить в Бирмингем нашего симпатично-

го старичка. Это вне сомнений. Я мог бы сказать бедяге, что его гонят искать ветра в поле, но рассудил, что лучше очистить место действия. Пусть едет. Завтра — завтра, Уотсон, само за себя скажет.

Холмс встал рано и куда-то ушел. К завтраку он вернулся, и я увидел, что лицо у него хмурое и сосредоточенное.

— Дело серьезнее, чем я предполагал, — сказал он. — Я должен предупредить вас об этом, Уотсон, хотя наперед знаю, это только подстрекнет ваше стремление лезть туда, где есть шанс сломать себе шею. Мне ли не знать моего друга Уотсона? Но опасность действительно есть, предупреждаю.

— Она будет не первой, которую мы с вами разделяем, и, надеюсь, не последней. В чем же она заключается на сей раз?

— Дело очень не простое, рискованное. Я установил личность адвоката из Америки. Он не кто иной, как «Убийца Эванс» — опаснейший преступник.

— Боюсь, я по-прежнему плохо понимаю, что к чему.

— Ну да, людям вашей профессии не свойственно держать в памяти «Ньюгетский календарь»¹. Я заходил в Скотленд-Ярд к нашему приятелю Лестрейду. У них там иной раз, быть может, недостает воображения и интуиции, но что касается тщательности и методичности — им нет равных. Мне пришло в голову порыться в их «Галерее мошенников» — вдруг набреду на след нашего американского молодчика? И что же, я и в самом деле наткнулся на его пухлую, улыбающуюся финансомию. Под фотографней я прочел: «Джеймс Уинтер, он же Маркрофт, он же «Убийца Эванс». — Холмс вынул из кармана конверт: — Я кое-что выписал из его досье. «Возраст 46 лет, уроженец Чикаго. Известно, что совершил три убийства в Соединенных Штатах. Бежал из тюрьмы с помощью влиятельных лиц. В 1893 году появился в Лондоне. В январе 1895 года в игорном доме на Ватерлоороду стрелял в своего партнера. Тот скончался, но сви-

¹ Издававшийся с XVIII века справочник о заключенных Ньюгетской тюрьмы (Лондон) с биографическими данными о них и описанием совершенных ими преступлений.

детели показали, что именно убитый был заслуженным ссыпкой. Труп был опознан, оказалось, что это Роджер Прескотт, знаменитый чикагский фальшивомонетчик. В 1901 году «Убийца Эванс» вышел из тюрьмы. Состоит под надзором полиции и, искажая это известие, ведет честный образ жизни. Очень опасный преступник, обычно имеет при себе оружие и, не задумываясь, пускает его в ход». Вот какова наша птичка, Уотсон, довольно бедовая, надо признать.

— Но что он затевает?

— План его постепенно становится ясен. Я заходил в контору жилищного агентства. Там мне подтвердили, что наш клиент живет в данной квартире пять лет. До него она год стояла пустая. Предыдущий жильец был некий джентльмен по имени Уолдрои. Внезапно он исчез, и больше о нем не было ни слуху, ни духу. Внешность Уолдрона в конторе хорошо запомнили: высокий, бородатый, смуглый мужчина. Так вот, Уотсон, согласно описанию Скотленд-Ярда, человек, застреленный «Убийцей Эвансом», был высокий, смуглый и с бородой. В качестве рабочей гипотезы предположим, что именно Прескотт, американский преступник, проживал в той комнате, которую мистер Натаан Гарридеб, искренняя душа, отвел под свой музей. Таким образом, мы, как видите, первое звено уже имеем.

— А следующее?

— Отправимся на его поиски.

Холмс вытащил из ящика стола револьвер и протянул его мне.

— Берите. Мой всегдаший спутник при мне. Если наш приятель с Дикого Запада попытается оправдать свою кличку, нам надо быть наготове. Сосните часок, Уотсон, а затем, я думаю, пора нам будет отправиться на Райдер-стрит,— посмотрим, что нас там ждет.

Было ровно четыре часа, когда мы снова очутились в любопытной квартире Натаана Гарридеба. Миссис Сандерс, поденная уборщица, собиралась уже уходить, но впустила нас, не колеблясь: замок в двери защелкнулся автоматически, и Холмс обещал, что перед уходом проверит дверь и все будет в порядке. Вскоре затем мы услышали, как хлопнула входная дверь, за окном проплыла шляпка миссис Сандерс,— теперь на первом этаже

никого, кроме нас, не оставалось. Холмс быстро осмотрел помещение. В темном углу, несколько отступя от стены, стоял шкаф — за ним мы и спрятались. Холмс шепотом изложил мне план действий.

— Совершенно ясно, что ему было необходимо вы проводить нашего уважаемого клиента, но так как старик никогда не выходит из дома, «американскому адвокату» пришлось сочинить повод. Вся эта сказка про трех Гарридебов, очевидно, только эту цель и преследует. Должен сказать, Уотсон, в ней чувствуется прямо-таки дьявольская изобретательность, пусть даже необычайная фамилия жильца дала ему в руки неожиданный козырь. План свой он разработал чрезвычайно хитроумно.

— Но зачем все это ему нужно?

— Для того мы и сидим здесь, чтобы это узнать. Насколько я разобрался в ситуации, к нашему клиенту это не имеет никакого отношения. Тут что-то связано с человеком, которого Эванс застрелил — возможно, они были сообщниками. Эта комиата хранит какую-то преступную тайну. Сперва я заподозрил, что у нашего почтенного друга имеется в коллекции что-нибудь очень значительное, чему он сам не знает цены, — нечто достойное внимания мошенника. Но тот факт, что недобкой памяти Роджер Прескотт занимал когда-то это самое помещение, указывает на иные, более глубокие причины. А сейчас, Уотсон, наберемся терпения, подождем, пока пробьет решительный час.

Ждать пришлось недолго. Мы замерли, услышав, как открылась и тут же захлопнулась входная дверь. Целкиул ключ в двери, ведущей в комнату, и появился наш американец. Тихо притворив за собой дверь, он острым взглядом окинул все вокруг и, убедившись, что опасности нет, сбросил пальто и пошел прямо к столу, стоявшему посреди комнаты, — шел он уверенно, как человек, точно знающий, что и как ему надо делать. Отодвинув стол и сдернув лежавший под ним ковер, он вытащил из кармана ломик, опустился на колени и стал энергично действовать этим ломиком на полу. Вскоре мы услышали, как стукнули доски, и тут же в полу образовалась квадратная дыра. «Убийца Эванс» чиркиул спичкой, зажег огарок свечи и скрылся из виду.

Теперь пришло время действовать нам. Холмс подал знак, слегка коснувшись моей руки, и мы подкрались к открытому подполу. Как ни осторожно мы двигались, старые доски, очевидно, все же издали скрип у нас под ногами — из черной дыры неожиданно показалась голова американца. Он повернулся в нашу сторону — и лицо его исказилось бессильной яростью. Но постепенно оно смягчилось, на нем даже появилось подобие сконфуженной улыбки, когда он увидел два револьверных дула, нацеленных ему в голову.

— Ну ладио-ладио, — сказал он с полным хладнокровием и стал вылезать наверх. — Видно, с вами, мистер Холмс, мне не тягаться. Сразу разгадали всю мою манипуляцию и оставили меня в дураках. Ну, признаю, сэр, ваша взяла, а раз так...

В мгновение ока он выхватил из-за пазухи револьвер и дважды выстрелил. Я почувствовал, как мне обожгло бедро, словно к нему приложили раскаленный утюг. Послышался глухой удар — это Холмс обрушил свой револьвер на череп бандита. Я смутно видел, что Эваис лежит, распростершись на полу, и с лица у него стекает кровь, а Холмс опускает его в поисках оружия. Затем я почувствовал, как крепкие, словно стальные, руки моего друга подхватили меня — он оттащил меня к стулу.

— Вы не ранены, Уотсон? Скажите, ради бога, вы не ранены?

Да, стоило получить рану, и даже не одну, чтобы узнать глубину заботливости и любви, скрывавшейся за холодной маской моего друга. Ясный, жесткий взгляд его на мгновение затуманился, твердые губы задрожали. На один-единственный миг я ощутил, что это не только великий мозг, но и великое сердце... Этот момент душевного раскрытия вознаградил меня за долгие годы смиренного и преданного служения.

— Пустяки, Холмс. Простая царапина.

Перочинным ножом он разрезал на мне брюки сверху донизу.

— Да, правда, слава богу! — воскликнул он с глубоким вздохом облегчения. — Только кожу задело. — Потом лицо его ожесточилось. Он бросил гневный взгляд на нашего плениника, который приподнялся и с изумлением смотрел перед собой. — Счастье твое, негодяй, не то, кля-

нусь... Если бы ты убил Уотсона, ты бы живым отсюда не вышел. Ну, сэр, что вы можете сказать в свое оправдание?

Но тому нечего было сказать в свое оправдание. Он лежал и хмурил физиономию. Я оперся о плечо Холмса, и вместе с ним мы заглянули в подпол, скрывавшийся за подъемной крышкой. В подполе еще горела свеча, которую прихватил с собой Эванс. Взгляд наш упал на какую-то проржавевшую машину, толстые рулоны бумаги, целую кучу бутылок. А на небольшом столе мы увидели несколько аккуратно разложенных маленьких пачек.

— Печатный станок... Весь арсенал фальшивомонетчика,— сказал Холмс.

— Да, сэр,— проговорил наш плеиник. Медленно, пошатываясь, он поднялся на ноги и тут же опустился на стул.— Здесь работал величайший артист, какого только знал Лондон. Вои то — его станок, а пачки на столе — две тысячи ассигнаций работы Прескотта. Каждая стоимостью в сотню и пригодна к обращению в любом месте. Ну что ж, забирайте, джентльмены, все ваше. А меня отпустите...

Холмс рассмеялся.

— Мы такими делами не занимаемся. Нет, мистер Эванс, в Англии вам укрыться негде. Убийство Прескотта чьих рук дело?

— Да, сэр, это я его прихлопнул, верио. Ну что ж, я за то отсидел пять лет, а свару-то затеял он сам. Пять лет! А меня следовало бы наградить медалью размером с тарелку! Ни одна живая душа не могла отличить ассигнацию работы Прескотта от тех, что выпускает Английский банк, и, не прикончи я парня, он наводнил бы своими бумажками весь Лондон. Кроме меня, никто на свете не знал, где он их фабрикует. И что ж удивительного, что меня тянуло добраться до этого месечка? А когда я проведал, что этот выживший из ума собиратель козявок, можно сказать, сидит на самом тайнике и никогда носа из комнаты не высовывает, что ж удивительного, что я стал из кожи вон лезть, придумывать, как бы выпихнуть его из дома? Может, оно было бы поумнее прихлопнуть старика — и все, и труда бы никакого. Но такой уж я человек, сердце у меня мягкое, не могу стрелять в безоружного. А скажите-ка, мистер

Холмс, на каком основаны думаете вы отдать меня под суд? Что я совершил преступного? Денег не брал, старика на пальцем не троил. Прицепиться не к чему!

— Не к чему? Конечно! Всего-навсего вооруженное покушение на жизнь,— сказал Холмс.— Но мы вас, Эванс, судить не собираемся, это — дело не наше, этим займутся другие. Пока нам требуется только сама ваша очаровательная особа. Утсой, позвоните-ка в Скотленд-Ярд. Наш звонок, я полагаю, не будет для них сюрпризом.

Таковы факты, связанные с делом «Убийцы Эванса» и его замечательной выдумкой о трех Гарридебах. Позже мы узнали, что бедный старичок ученый не вынес удачи: мечты его оказались развеяны, воздушный замок рухнул, и он пал под его обломками. Последние вести о бедяге были из психиатрической лечебницы в Бринстоне. А в Скотленд-Ярде был радостный день, когда извлекли наконец всю аппаратуру Прескотта. Хотя полиции было известно, что она где-то существует, однако после смерти фальшивомонетчика, сколько ее ни искали, найти не могли. Эванс в самом деле оказал немалую услугу, и многим почтенным osobам из уголовного розыска дал возможность спать спокойнее. Ведь фальшивомонетчик — это совсем особая опасность для общества. В Скотленд-Ярде все охотно сложились бы на медаль размером с тарелку, о которой говорил «американский адвокат», но неблагодарные судьи придерживались менее желательной для него точки зрения, и «Убийца Эванс» вновь ушел в мир теней, откуда только что было выныриул.

ЧЕЛОВЕК НА ЧЕТВЕРЕНЬКАХ

Мистер Шерлок Холмс всегда придерживался того мнения, что мне следует опубликовать поразительные факты, связанные с делом профессора Пресбери, для того хотя бы, чтобы раз и навсегда положить конец темным слухам, которые лет двадцать назад всколыхнули университет и до сих пор повторялись на все лады в лондонских научных кругах. По тем или иным причинам, однако, я был долго лишен такой возможности, и подлинная история этого любопытного происшествия так и оставалась погребенной на дне сейфа вместе с многими и многими записями о приключениях моего друга. И вот мы, наконец, получили разрешение предать гласности обстоятельства этого дела, одиого из самых последних, которые расследовал Холмс перед тем, как оставить практику. Но и теперь еще, делая их достоянием широкой публики, приходится соблюдать известную сдержанность и осмотрительность.

Как-то воскресным вечером, в начале сентября 1903 года, я получил от Холмса характерное для него лаконическое послание: «Сейчас же приходите, если можете. Если не можете, приходите все равно. Ш. Х.».

У нас с ним в ту пору установились довольно своеобразные отношения. Он был человек привычек, привычек прочных и глубоко укоренившихся, и одной из них стал я. Я был где-то в одном ряду с его скрипкой, креп-

ким табаком, его дочерна обкуренной трубкой, справочниками и другими, быть может, более предосудительными привычками. Там, где речь шла об активных действиях и ему нужен был товарищ, на выдержку которого можно более или менее спокойно положиться, моя роль была очевидна. Но для меня находилось и другое применение: на мне он оттачивал свой ум, я как бы подстегивал его мысль. Он любил думать вслух в моем присутствии. Едва ли можно сказать, что его рассуждения были адресованы мне — многие из них могли бы с не меньшим успехом быть обращены к его кровати,— и тем не менее, сделав меня своей привычкой, он стал ощущать известную потребность в том, чтобы я слушал его и вставлял свои замечания. Вероятно, его раздражали неторопливость и обстоятельность моего мышления, но оттого лишь ярче и стремительней вспыхивали догадки и заключения в его собственном мозгу. Такова была моя скромная роль в нашем дружеском союзе.

Прибыв на Бейкер-стрит, я застал его в глубоком раздумье: он сидел в своем кресле, нахохлившись, высоко подняв колени, и хмурился, посасывая трубку. Ясно было, что он поглощен какой-то сложной проблемой. Он знаком пригласил меня сесть в мое старое кресло и в течение получаса ничем более не обнаруживал, что замечает мое присутствие. Затем он вдруг встремился, словно сбрасывая с себя задумчивость, и с обычной своей иронической улыбкой сказал, что рад вновь приветствовать меня в доме, который когда-то был и моим.

— Надеюсь, вы извините мне некоторую рассеянность, милый Уотсон,— продолжал он.— За последние сутки мне сообщили довольно любопытные факты, которые, в свою очередь, дают пищу для размышлений более общего характера. Я серьезно подумываю написать небольшую монографию о пользе собак в сыскной работе.

— Но позвольте, Холмс, что же тут нового? — возразил я.— Ищёйки, например...

— Нет-нет, Уотсон, эта сторона вопроса, разумеется, очевидна. Но есть и другая, куда более тонкая. Вы помните, быть может, как в том случае, который вы в вашей сенсационной манере связали с Медным буками,

я смог, наблюдая за душевным складом ребенка, вывести заключение о преступных наклонностях его в высшей степени солидного и положительного родителя?

— Да, превосходно помню.

— Подобным же образом строится и ход моих рассуждений о собаках. В собаке как бы отражается дух, который царит в семье. Видели вы когда-нибудь игривого пса в мрачном семействе или понурого в счастливом? У злобных людей злые собаки, опасен хозяин — опасен и пес. Даже смена их настроений может отражать смену настроений у людей.

Я покачал головой.

— Полноте, Холмс, это уж чуточку притянуто за волосы.

Он набил трубку и снова уселся в кресло, пропустив мои слова мимо ушей.

— Практическое применение того, о чем я сейчас говорил, самым тесным образом связано с проблемой, которую я исследую в настоящее время. Это, понимаете ли, запутанный клубок, и я ищу свободный конец, чтобы ухватиться и распутать всю веревочку. Одна из возможностей найти его лежит в ответе на вопрос: отчего овчарка профессора Пресбери, верный пес по кличке Рой, норовит искусить хозяина?

Я разочарованно откинулся на спинку кресла: и по такому пустяку меня оторвали от работы? Холмс метнул на меня быстрый взгляд.

— Все тот же старый Уотсон! — произнес он. — Как вы не научитесь понимать, что в основе серьезнейших выводов порой лежат сущие мелочи! Вот посудите сами: не странно ли, когда степенного, пожилого мудреца... вы ведь слыхали, конечно, про знаменитого Пресбери, физиолога из Кэмфорда? Так вот, не странно ли, когда такого человека дважды пытается искусить его собственная овчарка, которая всегда была ему самым верным другом? Как вы это объясните?

— Собака больна, и только.

— Что ж, резонное соображение. Но она больше ни на кого не кидается, да и хозяина, судя по всему, не трогает, кроме как в совершении особых случаях. Любопытно, Уотсон, весьма любопытно. Но вот и звонок — видно, молодой Беннет явился раньше времени. Я рас-

считывал потолковать с вами подольше, до того как он придет.

На лестнице послышались быстрые шаги, в дверь отрывисто постучали, и секунду спустя новый клиент Холмса уже стоял перед нами.

Это был высокий, красивый молодой человек лет тридцати, со вкусом одетый, элегантный, впрочем, что-то в его манере держаться выдавало скорей застенчивость ученого, чем самоуверенность светского человека. Он обменился рукопожатием с Холмсом и затем чуть растерянно взглянул на меня.

— Дело это очень щепетильное, мистер Холмс,— сказал он.— Не забудьте, какими отношениями я связан с профессором Пресбери — как в личной жизни, так и по службе. Я решительно не считаю себя вправе вести разговор в присутствии третьего лица.

— Не бойтесь, мистер Беннет. Доктор Уотсон — сама деликатность, а кроме того, смею вас уверить, что в таком деле мне, вероятнее всего, потребуется помощник.

— Как вам будет угодно, мистер Холмс. Вы, несомненно, поймете, отчего я несколько сдержан в этом вопросе.

— Поймете и вы, Уотсон, когда я скажу, что этот джентльмен, мистер Джон Беннет, работает у профессора ассистентом, живет с ним под одной крышей и помолвлен с его единственной дочерью. Нельзя не согласиться, что знаменитый ученый имеет все основания расчитывать на его преданность. Но, пожалуй, лучший способ ее доказать — принять все меры к тому, чтобы раскрыть эту удивительную тайну.

— И я так полагаю, мистер Холмс. Я только этого и добиваюсь. Известно ли доктору Уотсону положение вещей?

— Я не успел познакомить его с обстановкой.

— Тогда, быть может, мне стоит еще раз изложить основные факты, прежде чем говорить о том, что произошло нового?

— Я лучше сам,— сказал Холмс.— Кстати, проверим, правильно ли я запомнил последовательность событий. Итак, Уотсон. Профессор — человек с европейским именем. В его жизни главное место всегда занимала

ла наука. Репутация его безупречна. Он вдовец, у него есть дочь по имени Эдит. Характер у него, насколько я мог заключить, решительный и властный, пожалуй, можно даже сказать, воинственный. Так обстояли дела до последнего времени.

Но вот каких-нибудь несколько месяцев назад привычное течение его жизни было нарушено. Несмотря на свой возраст — а профессору шестьдесят один год, — он сделал предложение дочери профессора Морфи, своего коллеги по кафедре сравнительной анатомии, причем все это, как я понимаю, больше напоминало не рассудочное ухаживание пожилого человека, а пламенную страсть юноши. Никто не мог бы выказать себя более пылким влюбленным. Элис Морфи, молодая особа, о которой идет речь, — девица весьма достойная, умна и хороша собой, так что увлечение профессора вполне понятно. Тем не менее в его собственности семье к этому отнеслись не слишком одобрительно.

— Нам показалось, что все это немножко слишком, — вставил наш клиент.

— Вот именно. Немножко слишком бурно и не совсем естественно. А между тем профессор Пресбери — человек состоятельный, и со стороны отца его наречений возражений не возникло. У дочери, правда, были другие виды: на ее руку уже имелись претенденты, быть может, не столь завидные с житейской точки зрения, зато более подходящие ей по возрасту. Профессор, несмотря на свою эксцентричность, судя по всему, нравился ей. Мешало только одно: возраст.

Примерно в это время в наложении жизни профессора произошло не совсем понятное событие. Он совершил нечто такое, чего никогда не делал прежде: уехал из дома и никому не сказал куда. Пробыв в отсутствии две недели, он вернулся утомленный, словно после долгой дороги. О том, где он побывал он не обмолвился ни словом, хотя обычно это был предельно откровенный человек.

Случилось так, однако, что наш с вами клиент, мистер Бениет, получил письмо из Праги от одного своего коллеги; тот писал, что имел удовольствие видеть профессора Пресбери, хотя поговорить им не довелось. Только так домашние узнали, где он был.

Теперь я подхожу к главному. Начиная с этого времени с профессором произошла удивительная перемена. Окружающих не оставляло чувство, что перед ними не тот, кого они знали прежде: на него словно нашло какое-то затмение, подавившее в нем все высокие начала. Интеллект его, впрочем, не пострадал. Его лекции были блестательны, как всегда. Но в нем самом постоянно чувствовалось что-то новое, что-то недобroе и неожиданное. Его дочь, которая душа в нем не чает, всячески пыталась наладить с ним прежние отношения, заглянуть под маску, которую он надел на себя. Вы, сэр, как я понимаю, со своей стороны, делали то же самое, но тщетно. А теперь, мистер Беннет, расскажите нам сами про эпизод с письмами.

— Надо вам сказать, доктор Уотсон, что у профессора не было от меня секретов. Будь я ему сын или младший брат, я и тогда не мог бы пользоваться большим доверием. Ко мне, как его секретарю, попадали все поступавшие на его имя бумаги; я вскрывал и разбирал его письма. Вскоре по его возвращении все это изменилось. Он сказал, что, возможно, будет получать письма из Лондона, помеченные крестиком под маркой. Этн письма мне надлежало откладывать, а читать их будет только он сам. И действительно, несколько таких писем прошло через мои руки; на каждом был лондонский штемпель, и надписаны они были почерком малограммного человека. Быть может, профессор и отвечал на них, но ни ко мне, ни в корзинку, куда складывается вся наша корреспонденция, они не попадали.

— И еще шкатулка,— напомнил Холмс.

— Ах да, шкатулка. Из своей поездки профессор привез маленькую деревянную шкатулочку. Это единственный предмет, по которому можно предположить, что он побывал на континенте: одна из этих оригинальных резных вещиц, которые сразу наводят на мысль о Германии. Поставил он ее в шкаф с инструментами. Однажды, разыскивая пробирку, я взял шкатулку в руки. К моему удивлению, он очень рассердился и в самых несдержанных выражениях отчитал меня за излишнее любопытство. Такого раньше никогда не случалось; я был глубоко задет. Я попытался объяснить, что взял шкатулку по чистой случайности, но весь вечер чувствова-

вал на себе его косые взгляды и знал, что этот эпизод не выходит у него из головы.— Мистер Биннет вынул из кармана записную книжечку.— Это случилось второго июля,— добавил он.

— Вы просто образцовый свидетель,— заметил Холмс.— Кое-какие даты, которые вы у себя пометили, могут мне пригодиться.

— Методичности, как и всему прочему, я научился у профессора. С того момента, как я заметил отклонения от нормы в его поведении, я понял, что мой долг разобраться, что с ним происходит. Итак, у меня тут значится, что в тот же самый день, второго июля, когда профессор выходил из кабинета в холл, на него бросился Рой. Такая же сцена повторилась одиннадцатого июля и затем, как у меня отмечено, еще раз — двадцатого. После этого собаку пришлось изгнать в конюшню. Милейший был пес, ласковый... Впрочем, боюсь, я утомил вас.

Это было сказано укоризненным тоном, так как Холмс явно его не слушал. Он сидел с застывшим лицом, устремив иевидящий взгляд в потолок. При последних словах он с усилием вернулся к действительности.

— Интересио! Крайне интересио,— пробормотал он.— Эти подробности я слышу впервые, мистер Биннет. Ну-с, первоначальную картину мы восстановили достаточно полно, не так ли? Но вы упомянули о каких-то новых событиях.

На симпатичное, открытое лицо нашего гостя набежала тень мрачного воспоминания.

— То, о чем я говорил, случилось позавчера ночью,— сказал он.— Я лежал в постели, но заснуть не мог. Часа в два ночи из коридора донеслись какие-то приглушенные, неясные звуки. Я открыл дверь иглянулся наружу. Надо сказать, что спальня профессора находится в конце коридора...

— Число, простите? — спросил Холмс.

Рассказчик был явно задет, что его перебили таким маловажным вопросом.

— Я уже сказал, сэр, что это случилось позапрошлой ночью, стало быть, четвертого сентября.

Холмс кивнул и улыбнулся.

— Продолжайте, пожалуйста,— сказал он.

— Спальня профессора в конце коридора, и, чтобы попасть на лестницу, ему надо пройти мимо моей двери. Поверьте, мистер Холмс, это была жуткая сцена. Нервы у меня, кажется, не хуже, чем у других, но то, что я увидел, ужаснуло меня. В коридоре было темно, и только против одного окна на полпути лежало пятно света. Видно было, как по направлению ко мне что-то движется, что-то черное и сгорбленное. Но вот оно внезапно вошло в полосу света, и я увидел, что это профессор. Он продвигался ползком, мистер Холмс, да-да, ползком! Точнее, даже на четвереньках, потому что он опирался не на колени, а на полную ступню, инзко свесив голову между руками. При этом двигался он, казалось, с легкостью. Я так оцепенел от этого зрелища, что, лишь когда он поравнялся с моей дверью, нашел в себе силы шагнуть вперед и спросить, не нужна ли ему моя помощь. Реакция была неописуема. Он разом выпрямился, прорычал мне в лицо чудовищное ругательство, метнулся мимо меня и ринулся вниз по лестнице. Я прождал не меньше часа, но он все не шел. Видимо, он вернулся к себе в комнату уже на рассвете.

— Ну, Уотсон, что вы на это скажете? — спросил Холмс с видом патолога, описавшего редкий в его практике случай.

— Люмбаго, скорей всего. Я знал больного, который во время жестокого приступа был вынужден передвигаться точно так же, причем нетрудно представить себе, как это должно действовать на нервы.

— Превосходно, Уотсон! С вами всегда стонешь обенми ногами на земле. И все-таки едва ли можно допустить, что это люмбаго: ведь он тут же смог расправиться.

— Со здоровьем у него как нельзя лучше, — сказал Беннет. — Не помню, чтобы за эти годы он когда-нибудь лучше себя чувствовал. Вот, мистер Холмс, таковы факты. Это не тот случай, чтобы можно было обратиться в полицию, а между тем мы буквально ума не приложим, как нам быть; мы чувствуем, что на нас надвигается какая-то неведомая беда. Эдит — я хочу сказать, мисс Пресберри — считает, как и я, что сидеть сложа руки и ждать больше невозможно.

— Случай, безусловно, прелюбопытный и заслуживающий внимания. Ваше мнение, Уотсон?

— Как врач могу сказать, что это, судя по всему, случай для психиатра,— отозвался я.— Бурное увлечение повлияло на мозговую деятельность старого профессора. Поездку за границу он совершил в надежде исцелиться от своей страсти. Письма же и шкатулка, возможно, имеют отношение к личным делам совершино иного характера—скажем, получению долговой расписки или покупке акций, которые и хранятся в шкатулке.

— А овчарка, разумеется, выражает свое неодобрение по поводу этой Финансовой сделки? Ну нет, Уотсон, здесь дело обстоит сложнее. И единственное, что я мог бы тут предложить...

Что имению собирался предложить Шерлок Холмс, навсегда осталось загадкой, ибо в этот самый миг дверь распахнулась, и нам доложили о приходе какой-то молодой дамы. Едва она показалась на пороге, как мистер Беннет, вскрикнув, вскочил и бросился к ней с протянутыми руками. Она тоже протянула руки ему навстречу.

— Эдит, милая! Надеюсь, ничего не случилось?

— Я не могла не поехать за вами. Ах, Джек, как мне было страшно! Какой ужас быть там одной!

— Мистер Холмс, это и есть та молодая особа, о которой я вам говорил. Моя невеста.

— Мы уже начали об этом догадываться, правда, Уотсон? — с улыбкой отозвался Холмс.— Насколько я понимаю, мисс Пресбери, произошло что-то новое и вы решили поставить нас об этом в известность?

Наша гостья, живая, миловидная девушка чисто английского типа, ответила Холмсу улыбкой, усаживаясь возле мистера Беннета.

— Когда оказалось, что мистера Бениета нет в гостинице, я сразу подумала, что, наверное, застану его у вас. Он, конечно, говорил мне, что хочет к вам обратиться. Скажите, мистер Холмс, умоляю вас, можно как-нибудь помочь моему бедному отцу?

— Надеюсь, да, мисс Пресбери, хотя в деле еще многое непонятного. Быть может, что-то прояснится после того, как мы выслушаем вас.

— Это произошло вчера ночью, мистер Холмс. Весь день отец был какой-то странный. Я уверена, что временами он просто сам не помнит, что делает. Живет, как во сне. Вчера как раз выдался такой день. Человек, с кото-

рым я находилась под одною крышей, был не мой отец, а кто-то другой. Внешняя оболочка оставалась та же, но на самом деле это был не он.

— Расскажите мне, что случилось.

— Ночью меня разбудил ненестовый лай собаки. Бедный Рой, его теперь держат на цепи у конюшни! Надо вам сказать, что на ночь я запираю свою комнату, потому что мы все — вот и Джек... то есть мистер Беннет может подтвердить,— живем с таким чувством, что над нами нависла опасность. Моя комната на третьем этаже. Случилось так, что жалюзи на моем окне остались подняты, а ночь была лунная. Я лежала с открытыми глазами, глядя на освещенный квадрат окна и слушая, как заливается лаем собака, и вдруг, к ужасу своему, увидела прямо перед собой лицо отца. Знаете, мистер Холмс, я чуть не умерла от изумления и страха. Да, это было его лицо, прижавшееся к оконному стеклу: он глядел на меня, подняв руку, словно пытаясь открыть окно. Если бы ему это удалось, я, наверное, сошла бы с ума. Не подумайте, будто мне это померещилось, мистер Холмс. Не обманывайте себя. Пожалуй, добрых полминуты я пролежала не в силах шевельнуться, глядя на это лицо. Затем оно исчезло, и все-таки я никак, ну никак не могла заставить себя встать с кровати и посмотреть, куда оно делось. Так я пролежала до утра, дрожа от озноба. За завтраком отец был резок и раздражен, но о ночном эпизоде даже не занкнулся. Я — тоже. Я только выдумала предлог, чтобы отлучиться в город, и вот я здесь.

Рассказ мисс Пресберн, судя по всему, глубоко удивил Холмса.

— Вы говорите, милая барышня, что ваша комната на третьем этаже. Есть в саду большая лестница?

— Нет, мистер Холмс, то-то и странно. До окна никак не добраться, и тем не менее он все-таки забрался туда.

— И было это пятого сентября, — сказал Холмс. — Это, бесспорно, усложняет дело.

Теперь настала очередь мисс Пресберн сделать удивленное лицо.

— Вы уже второй раз заговариваете о датах, мистер Холмс, — заметил Беннет. — Неужели это существенно в данном случае?

— Возмохно, и даже очень. Впрочем, пока что я не располагаю достаточно полным материалом.

— Уж не связываете ли вы приступы помрачения рассудка с фазами луны?

— Нет, уверяю вас. Моя мысль работает в совершенном направлении. Вы не могли бы оставить мне вашу записную книжку? Я бы сверил числа. Ну, Уотсон, по-моему, наш с вами план действия предельно ясен. Эта юная дама сообщила нам — а на ее чутче я полагаюсь безусловно, — что ее отец почти непомнит того, что происходит с ним в определенные дни. Вот мы и нанесем ему визит под тем предлогом, что якобы в один из таких дней условились с ним о встрече. Он припишет это своей забывчивости. Ну, а мы, открывая нашу кампанию, сможем для начала хорошенько рассмотреть его на короткой дистанции.

— Превосходная мысль! — сказал мистер Беннет. — Только должен предупредить вас, что профессор бывает по временам вспыльчив и буен.

Холмс улыбнулся.

— И все же есть причины — притом, если мои предположения верны, причины очень веские, — чтобы мы поехали к нему тотчас же. Завтра, мистер Беннет, мы, безусловно, будем в Кэмфорде. В гостинице «Шахматная Доска», если мне память не изменяет, очень недурен портвейн, а постельное белье выше всяких похвал. Право же, Уотсон, наша судьба на ближайшие несколько дней складывается куда как завидно.

В понедельник утром мы уже сидели в поезде, направляясь в знаменитый университетский городок Холмса, вольной птице, ничего не стояло сняться с места, мне же потребовалось лихорадочно менять свои планы, так как моя практика в то время была весьма порядочна. О деле Холмс заговорил лишь после того, как мы остались с чемоданами в той самой старинной гостинице, которую он похвалил накануне.

— Я думаю, Уотсон, мы застаем профессора дома. В однинадцать у него лекция, а в перерыве он, конечно, завтракает.

— Но как мы объясним наш визит?

Холмс заглянул в свою записную книжечку.

— Один из приступов беспокойного состояния прихо-

днтся на 26 августа. Будем исходить из того, что в такие дни он не вполне ясно представляет себе, что делает. Если мы твердо скажем, что договорились о приезде заранее, думаю, он едва ли отважится это отрицать. Хватит ли только у вас духу на такое нахальство?

— Риск — благородное дело.

— Браво, Уотсон! Не то стишок для самых маленьких, не то поэма Лонгфелло. Девиз фирмы: «Риск — благородное дело». Какой-нибудь дружественный туземец наверняка покажет нам дорогу.

И действительно, вскоре один из них, восседая на козлах щегольского кэба, уже мчал нас мимо старинных университетских зданий и, иакоиц, свернув в аллею, остановился у подъезда прелестного особняка, окруженного газонами и увитого пурпурной глицинией. Все говорило о том, что профессор Пресберн живет в полном комфорте и, даже более того, в роскоши. В тот самый миг, как мы подъехали к дому, в одном окне появилась чья-то седая голова и глаза в больших роговых очках устремили на нас произительный взгляд из-под косматых бровей. Еще минута, и мы очутились в святая святых — в кабинете, а перед нами собственной персоной стоял таинственный ученый, чьи странные выходки привели нас сюда из Лондона. Впрочем, ии его виешннй вид, ии манера держаться не выдавали и тени эксцентричности: это был представительный мужчина в сюртуке, высокий, важный, с крупными чертами лица и полной достоинства осанкой, отличающей опытного лектора. Замечательнее всего были его глаза: зоркие, острые и умные, дьявольски умные.

Он взглянул на наши визитные карточки.

— Садитесь, пожалуйста, джентльмены. Чем могу служить?

Холмс подкупающе улыбнулся.

— Именно этот вопрос я собирался задать вам, профессор.

— Мне, сэр?

— Возможно, произошла какая-то ошибка, но мне передали через третье лицо, что профессор Пресберн из Кэмфорда нуждается в моих услугах.

— Ах, вот как! — Мне почудилось, что в серых внимательных глазах профессора вспыхнул злобный огонь.

нек.—Передали, стало быть? А позвольте спросить, кто именно?

— Простите, профессор, но разговор был конфиденциальный. Если я и ошибся, беда невелика. Мне останется лишь принести свои извинения.

— Ну нет. Я не намерен так оставлять это дело. Вы возбудили мой интерес. Можете вы привести какое-нибудь письменное доказательство в подтверждение ваших слов — письмо, телеграмму, записку, наконец?

— Нет.

— Не возьмете же вы на себя смелость утверждать, будто я сам вас вызвал?

— Я предпочел бы не отвечать ни на какие вопросы.

— Еще бы! — насмешливо отозвался профессор.— Ничего, на этот-то вопрос легко получить ответ и без вашей помощи.

Он повернулся и подошел к звонку. На зов явился наш лондонский знакомец — мистер Беннет.

— Входите, мистер Беннет. Вот эти два джентльмена приехали из Лондона в уверенности, что их сюда вызвали. Вы ведаете всей моей корреспонденцией. Значится у вас где-нибудь адресат по имени Холмс?

— Нет, сэр,— вспыхнув, ответил Беннет.

— Это решает вопрос,— отрезал профессор, свирепо взорвавшись на моего спутника.— Ну-с, сэр,— он подался вперед всем телом, опершись руками на стол,— положение у вас, на мой взгляд, довольно-таки двусмысленное.

Холмс пожал плечами.

— Я могу только еще раз извиниться за наше напрасное вторжение.

— Маловато, мистер Холмс! — пронзительно взвизгнул старик, и его лицо исказилось неописуемой злобой. Он преградил нам путь к двери, ненестово потрясая кулаками.— Сомневаюсь, чтобы вам удалось так легко выкрутиться!

С перекошенным лицом, он в дикой ярости гримасничал, выкрякивая бессвязные угрозы. Я убежден, что нам пришлось бы пробиваться к двери силой, если бы не вмешательство мистера Беннета.

— Дорогой профессор, вспомните о вашем положении! — вскричал он.— Подумайте, что будут говорить в

университет! Мистер Холмс — человек известный. Нельзя допустить такую неучтивость по отношению к нему.

Наш не слишком гостепримный хозяин хмуро отступил от двери. Как приятно было вырваться из его дома и снова очутиться в тиши тенистой аллеи! Холмса это происшествие, казалось, немало позабавило.

— У нашего ученого друга пошаливают нервы,— пронзнес он.— Быть может, мы и впрямь вторглись к нему чуточку слишком бесцеремонно, зато получили возможность вступить с ним в непосредственный контакт, что мне и требовалось. Но погодите, Уотсон! Так и есть, он мчится в погоню! Злодей еще не отступил от нас.

Слышно было, как кто-то бежит вслед за нами, и, к моему облегчению, вместо грозного профессора из-за поворота аллеи показался его ассистент. Переводя дыхание, он остановился возле нас.

— Мне так непрятно, мистер Холмс! Я хотел извиниться перед вами.

— Зачем, дорогой мой? Для человека моей профессии все это в порядке вещей.

— Я никогда не видел его в таком взвинченном состоянии. С ним становится просто страшно. Вы понимаете теперь, отчего мы с его дочерью в такой тревоге? А между тем ум его совершенно ясен.

— Слишком ясен! — отозвался Холмс.— В этом-то и заключался мой просчет. Очевидно, его память работает куда более точно, чем я полагал. Кстати, нельзя ли нам, пока мы здесь, посмотреть на окно мисс Пресбери?

Мистер Беннет, раздвигая кусты, вывел нас на такое место, откуда особняк был виден сбоку.

— Вот оно. Второе слева.

— Ого, до него как будто и не добраться. Впрочем, обратите внимание: внизу вьется плющ, а выше торчит водосточная труба. Как-никак, точка опоры.

— Мне бы, честно говоря, не влезть,— заметил мистер Беннет.

— Вполне допускаю. Для любого нормального человека это, несомненно, была бы опасная затея.

— Я вам еще кое-что хотел сказать, мистер Холмс. Я достал адрес того человека, которому профессор шлет письма в Лондон. Одно он, по-видимому, отправил сегодня

ия утром, и я списал адрес с бювара. Недостойный прием для личного секретаря, но что поделаешь!

Холмс пробежал глазами бумажку с адресом и спрятал в карман.

— Дорак — занятное имя! Славянское, как я понимаю. Что ж, это — важное звено. Мы возвращаемся в Лондон сегодня же, мистер Бениет. Не вижу смысла оставаться. Арестовать профессора мы не можем: он не совершил никакого преступления; поместить его под наблюдение тоже нельзя, потому что нельзя доказать, что он сумасшедший. Действовать пока рано.

— Да, но как же быть?

— Немножко терпения, мистер Бениет. События начнут назревать в самом скором времени. Либо я ничего не понимаю, либо во вторник можно ждать кризиса. В этот день мы, естественно, будем в Кэмфорде. При всем том нельзя отрицать, что обстановка в доме не из приятных, и если мисс Пресбери имеет возможность продолжить свое отсутствие...

— Это нетрудно.

— Тогда пусть побудет в Лондоне, пока мы не сможем заверить ее, что всякая опасность миновала. Ну, а пока пусть профессор делает что хочет, не перечьте ему. Лишь бы он был в добром расположении духа, и все обойдется.

— Смотрите, вои он! — испуганно шепнул Бениет, и мы увидели из-за ветвей, как в дверях дома показалась высокая, осанистая фигура. Профессор стоял, чуть подавшись вперед, покачивая руками прямо перед собой, и озирался по сторонам, поворачивая голову то вправо, то влево. Его секретарь, помахав нам на прощание рукой, исчез за деревьями, и вскоре мы увидели, как он подошел к своему шефу и оба направились в дом, горячо, можно сказать, даже ожесточенно, обсуждая что-то.

— Видимо, почтенный джентльмен смекнул что к чему, — говорил Холмс по дороге в гостиницу. — От этой короткой встречи у меня осталось впечатление, что он человек на редкость ясного и логического ума. Вспыльчив, как порох, не спорю, а впрочем, его можно понять: поиеволе вспылишь, если к тебе приставили сыщиков, причем, как ты подозреваешь, не кто иной, как твои соб-

стыеинные домочадцы. Боюсь, нашему Беннетту сейчас приходится несладко.

По пути Холмс завернул на почту, чтобы отправить кому-то телеграмму. Ответ пришел вечером, и Холмс протянул его мне.

«Был на Коммершл-роуд, видел Дорака. Пожилой чех, очень учитив. Владелец большого универсального магазина.

Мерсер».

— Мерсера при вас еще не было,— объяснил Холмс.— Я ему поручаю всякую черновую работу. Важно было разузнать кое-что про человека, с которым у нашего профессора такая секретная переписка. Он чех — тут есть связь с поездкой в Прагу.

— Слава богу, наконец у чего-то с чем-то обнаружилась связь,— сказал я.— Пока что, кажется, перед нами целый набор необъяснимых событий, не имеющих ни малейшего отношения друг к другу. Каким образом, например, можно связать злобный нрав овчарки с поездкой в Чехию или то и другое — с человеком, который ночами разгуливает по коридору на четвереньках? А самое необъяснимое — эти ваши даты.

Холмс усмехнулся и потер руки. Замечу, кстати, что этот разговор происходил в старинном холле гостиницы «Шахматная Доска» за бутылкой знаменитого портвейна, о котором давеча вспоминал мой друг.

— Ну что ж, тогда давайте и поговорим прежде всего об этих датах,— пронзес он, сомкнув кончики пальцев с видом учителя, который обращается к классу.— Из дневника этого милого молодого человека явствует, что нелады с профессором начались второго июля и с тех пор — насколько я помню, с одним-единственным исключением — повторяются через каждые девять дней. Вот и последний приступ, тот, что случился в пятницу, падает на третье сентября, а предпоследний — на двадцать шестое августа. Ясно, что о простом совпадении речи быть не может.

Я был вынужден согласиться.

— А потому условимся исходить из того, что каждый девятый день профессор принимает какое-то средст-

во, оказывающее кратковременное, но очень сильное действие. Под его влиянием природная несдержанность профессора усугубляется. Рекомендовали ему это снадобье, когда он был в Праге, теперь же снабжают им через посредника-чеха из Лондона. Все сходится, Уотсон!

— Ну, а собака, а лицо в окне, а человек на четвереньках?

— Ничего-ничего, лиха беда — начало. Не думаю, чтобы до вторника произошло что-нибудь новое. А пока что нам остается не терять связь с нашим другом Беннетом и вкушать тихие радости этого прелестного города.

Утром к нам заглянул мистер Беннет, чтобы сообщить последние новости. Как и предполагал Холмс, ему пришлось довольно туго. Профессор, хоть и не обвиняя его прямо в том, что это он подстроил наш визит, разговаривал с ним крайне грубо, неприязненно и явно был глубоко уязвлен. Наутро, впрочем, он держался как ни в чем не бывало и, по обыкновению, блестательно прочел лекцию в переполненной аудитории.

— Если б не эти странные припадки,— закончил Беннет,— я бы сказал, что он никогда еще не был так энергичен и бодр, а ум его так светел. И все же это не он, это все время не тот человек, которого мы знали.

— Я думаю, по крайней мере неделю вам опасаться нечего,— сказал Холмс.— Я человек занятой, а доктора Уотсона ждут пациенты. Условимся так: во вторник в это же время мы с вами встречаемся здесь, и я более чем уверен, что, прежде чем снова расстаться, мы будем в состоянии обнаружить и, быть может, устраниć причину ваших невзгод. Ну, а пока пишите и держите нас в курсе событий.

Вслед за тем я несколько дней не виделся с моим другом, но в понедельник вечером получил от него коротенькую записку, в которой он просил меня встретиться с ним завтра на вокзале. По дороге в Кэмфорд он рассказал, что там пока все тихо, ничто не нарушало покой в профессорском доме и сам хозяин вел себя вполне нормально. Это подтвердил и мистер Беннет, навестивший нас вечером все в том же номере «Шахматной Доски».

— Сегодня он получил от того человека из Лондона письмо и небольшой пакет. Оба помечены крестиком, и я их не вскрывал. Больше ничего не было.

— Может статься, что и этого более чем достаточного,— угрюмо заметил Холмс.— Итак, мистер Беннет, думаю, нынешней ночью мы добьемся какой-то ясности. Если ход моих рассуждений верен, у нас будет возможность ускорить развязку, но для этого необходимо держать профессора под наблюдением. А потому я рекомендовал бы вам не спать и быть начеку. Случись вам услышать, что он крадется мимо вашей двери, не останавливайте его и следите за ним, только как можно осторожнее. Мы с доктором Уотсоном будем неподалеку. Кстати, где хранится ключ от той шкатулочки, о которой вы рассказывали?

— Профессор носит его на цепочке от часов.

— Мне сдается, что разгадку нам следует искать именно в этом направлении. В крайнем случае замок, вероятно, не так уж трудно взломать. Есть там у вас еще какой-нибудь крепкий мужчина?

— Есть еще Макфейл, наш кучер.

— Где он ночует?

— В комнате над конюшней.

— Возможно, он нам понадобится. Ну-с, делать пока больше нечего, посмотрим, как будут развиваться события. До свидания. Впрочем, думаю, мы с вами еще увидимся до утра.

Незадолго до полуночи мы заняли позицию в кустах прямо напротив парадной двери профессорского особняка. Ночь была ясная, но холодная, и мы порадовались, что надели теплые пальто. Налетел ветерок; по небу, то и дело закрывая серп луны, заскользили тучи. Наше бдение оказалось бы весьма унылым, если бы не лихорадочное нетерпение, которым мы были охвачены, и не уверенность моего спутника в том, что вереница загадочных событий, овладевших нашими умами, вероятно, скоро кончится.

— Если девятидневный цикл не будет нарушен, профессор должен сегодня предстать перед нами во всей красе,— сказал Холмс.— Все факты указывают единое направление: и то, что профессор начал вести себя странно после поездки в Прагу, и то, что у него секретная пе-

репнска с торговцем-чехом, который живет в Лондоне, но, по-видимому, действует по поручению кого-то из Праги, и, наконец, то, что как раз сегодня профессор получил от него посылку. Чем именно он принимает и зачем, пока еще выше нашего понимания, но что все это каким-то образом исходит из Праги, не вызывает сомнений. Снаряжение он принимает в соответствии с четкими указаниями — каждый девятый день. Это обстоятельство как раз и бросилось мне в глаза прежде всего. Но вот симптомы, которые оно вызывает, — это нечто поразительное. Вы обратили внимание, какие у него суставы на пальцах?

Я вынужден был сознаться, что нет.

— Утолщенные, мозолистые — ничего подобного в моей практике не встречалось. Всегда первым долгом смотрите на руки, Уотсон. Затем на манжеты, коленны брюк и ботинки. Да, прелюбопытные суставы. Такие можно нажить, лишь передвигаясь на... — Холмс осекся и вдруг хлопнул себя ладонью по лбу. — Ах ты, господи, Уотсон, что же я был за осел! Трудно поверить, но разгадка именно такова! Все сразу встает на свои места. Как это я мог не уловить логику событий? И суставы — суставы как ухитрился проглядеть? Ну да, и собака! И плющ! Нет, мне положительно настало время удалиться на маленькую ферму, о которой я давно мечтаю... Но тихо, Уотсон! Вот и он! Сейчас сами убедимся.

Дверь дома медленно отворилась, и мы увидели в освещенном проеме высокую фигуру профессора Пресберн. Профессор был в халате. Он стоял на пороге, чуть наклоняясь вперед и свесив перед собою руки, как и в прошлый раз.

Но вот он сошел с крыльца, и с ним произошла ревизионная перемена. Он опустился на четвереньки и двинулся вперед, то и дело подскакивая на ходу, словно от забытка сил и энергии, прошел таким образом вдоль Фасада и повернулся за угол. Едва он скрылся, как из двери выскользнул Беннет и, крадучись, последовал за ним.

— Идем, Уотсон, скорее! — шепнул Холмс, и мы, стараясь не шуметь, устремились сквозь кусты к тому месту, откуда видна была боковая стена особняка, увитая плю-

шом и залитая светом молодой луны. Мы ясно разглядели скрюченную фигуру профессора и вдруг увидели, как он начал с непостижимым проворством карабкаться вверх по стене. Он перелетал с ветки на ветку, уверенно переставляя ноги, цепко хватаясь руками, без всякой видимой цели, просто радуясь переполнявшей его силе. Полы его халата развевались в воздухе, и он был похож на гигантскую летучую мышь, темным квадратом распластавшуюся по освещенной луной стене его собственного дома. Вскоре эта забава наскунила ему, он спустился вниз, перескакивая с ветки на ветку, опять встал на четвереньки и все тем же странным способом направился к конюшне.

Овчарка уже выскочила на улицу, захлебываясь бешеным лаем, а завидев хозяина, и вовсе осатанела. Она рвала сцепи, дрожа от злобы и возбуждения. Профессор приблизился к ней и, присев на корточки, совсем близко, но с таким расчетом, чтобы она не могла его достать, принялся дразнить ее на все лады. Он собирая камешки и полными горстями бросал их псу в морду, тыкал его палкой, поднятой с земли, размахивал руками прямо у разинутой собачьей пасти — короче говоря, всячески старался подстегнуть и без того неудержимую ярость животного. За все наши похождения я не припомню более никого зреинца, чем эта бесстрастная и еще не утратившая остатков достоинства фигура, по-лягушечин припавшая к земле перед беснующейся, разъяренной овчаркой и обдуманно, с изощренной жестокостью старающейся довести ее до еще большего исступления.

И тут в мгновение ока — свершилось! Нет, не цепь лопнула: соскочил ошейник, рассчитанный на мощную шею ньюфаундленда. Мы услышали лязг упавшего металла, и в тот же миг собака и человек, сплетенные в тесный клубок, покатились по земле, первая — с яростным рыком, второй — с пронзительным, неожиданно взглинявшим воплем ужаса. Профессор был буквально на волосок от гибели. Рассвирепевшее животное вцепилось ему в горло, глубоко вонзив в него клыки, и профессор потерял сознание еще до того, как мы успели подбежать и разнять их. Это могло бы оказаться опасной процедурой, но присутствия Беннета и одного его окрика оказалось довольно, чтобы мгновенно унять огромного пса. На

шум из комнаты над конюшней выскоцил заспанный, перепуганный кучер.

— Ничего удивительного,— сказал он, качая головой.— Я и раньше видел, что он тут вытворяет. Я так и знал, что рано или поздно собака до него доберется.

Роя снова посадили на цепь, а профессора мы вчетвером отнесли к нему в комнату, и Беннет, медик по образованию, помог мне наложить повязку на его истерзанное горло. Рана оказалась тяжелой: острые клыки едва не задели сонную артерию, и профессор потерял много крови. Через полчаса непосредственная опасность была устранена, я ввел пострадавшему морфин, и он погрузился в глубокий сон.

Теперь, и только теперь, мы смогли взглянуть друг на друга и обсудить обстановку.

— Я считаю, что его нужно показать первоклассному хирургу,— сказал я.

— Боже избави! — воскликнул Беннет.— Пока об этой скандальной истории знают только домашние, никто о ней не проговорится. Стоит слухам просочиться за пределы этого дома, и пересудам не будет конца. Нельзя забывать о положении, которое профессор занимает в университете, о том, что он ученый с европейским именем, о чувствах его дочери.

— Совершенно справедливо,— сказал Холмс.— И я думаю, теперь, когда у нас не связаны руки, мы вполне можем найти способ избежать огласки и в то же время предотвратить возможность повторения чего-либо подобного. Снимите ключ с цепочки, мистер Беннет. Макфэйл посмотрит за больным и даст нам знать, если что-нибудь случится. Поглядим, что же спрятано в таинственной шкатулке профессора.

Оказалось, немногое, но и этого было достаточно: два флакона, один пустой, другой едва початый, шприц да несколько писем, нацарапанных неразборчивым почерком иностранца. По крестикам на конвертах мы поняли, что это те самые, которые запрещалось вскрывать секретарю; все были посланы с Коммершил-роуд и подписаны «А. Дорак». В одних конвертах были только сообщения о том, что профессору Пресбери отправлен очередной флакон с препаратом, в других — расписки в получении денег. Был здесь и еще один конверт — с австрий-

ской маркой, проштемпелеванный в Праге и надписанный более грамотной рукой.

— Вот то, что нам надо! — вскричал Холмс, выхвачивая из него письмо.

«Уважаемый коллега! — прочли мы. — После Вашего визита я много думал о Вашем случае, и хотя в таких обстоятельствах, как Ваши, имеются особо веские причины прибегнуть к моему средству, я все же настоятельно рекомендовал бы Вам проявлять осмотрительность, так как пришел к выводу, что оно не безвредно.

Возможно, нам лучше было бы воспользоваться сывороткой антропоида. Черноголовый хульман, как я уже объяснял Вам, был избран мною лишь потому, что была возможность достать животное, но ведь хульман передвигается на четырех конечностях и живет на деревьях, между тем как антропоиды принадлежат к двуногим и во всех отношениях стоят ближе к человеку.

Умоляю Вас соблюдать все меры предосторожности, дабы избежать преждевременной гласности. У меня есть еще один пациент в Англии; наш посредник — тот же Дорак.

Вы весьма обяжете меня, присылая Ваши отчеты еженедельно.

С совершенным почтением, Ваш Г. Ловенштейн».

Ловенштейн! При этом имени мне вспомнилось коротенькое газетное сообщение о каком-то безвестном ученым, который ставит загадочные опыты с целью постичь тайну омолаживания и изготовить эликсир жизни. Ловенштейн, ученый из Праги! Ловенштейн, который открыл чудо-сыворотку, дарующую людям силу, и которому другие ученые объявили бойкот за отказ поделиться с ними секретом своего открытия!

В нескольких словах я рассказал, что запомнил. Бениет достал с полки зоологический справочник.

— «Хульман,— прочел он.— Большая черноголовая обезьяна, обитает на склонах Гималаев, самая крупная и близкая к человеку из лазающих обезьян». Далее следуют многочисленные подробности. Итак, мистер Холмс, сомнений нет: благодаря вам мы все-таки обнаружили корень зла.

— Истинный корень зла,—сказал Холмс,—это, разумеется, запоздалая страсть на склоне лет, виущившая нашею пылкому профессору мысль, что он сможет добиться исполнения своих желаний, лишь став моложе. Тому, кто пробует поставить себя выше матери-Природы, нетрудно скатиться вниз. Самый совершенный представитель рода человеческого может пасть до уровня животного, если свернет с прямой дороги, предначертанной всему существу.— Он помолчал, задумчиво разглядывая наполненный прозрачной жидкостью флакон, который держал в руке.— Я напишу этому человеку, что он совершает уголовное преступление, распространяя свое зелье, и нам больше не о чем будет тревожиться. Но рецидивы не исключены. Найдутся другие, они будут действовать искуснее. Здесь кроется опасность для человечества, и очень грозная опасность. Вы только вдумайтесь, Уотсон: стяжатель, сластолюбец, фат—каждый из них захочет продолжить свой никчемный век. И только человек одухотворенный устремится к высшей цели. Это будет противоестественный отбор! И какой же зловонной клоакой станет тогда наш бедный мир! — Внезапно мечтатель исчез, вернулся человек действия. Холмс вскочил со стула.— Ну, инстер Беннет, я думаю, мы обо всем поговорили, и разрозненные, казалось бы, факты легко теперь связать воедино. Собака, естественно, почуяла перемену гораздо раньше вас: на то у нее и тонкий нюх. Не на профессора бросился Рой — на обезьяну, и не профессор, а обезьяна дразнила его. Ну, а лазать для обезьяны — сущее блаженство, и к окну вашей невесты ее, как я понимаю, привела чистая случайность. Скоро отходит лондонский поезд, Уотсон, но я думаю, мы еще успеем до отъезда выпить чашку чая в гостинице.

ЛЬВИНАЯ ГРИВА

Удивительно, что одна из самых сложных и необычайных задач, с которыми я когда-либо встречался в течение моей долгой жизни сыщика, встала передо мной, когда я уже удалился от дел; все разыгралось чуть ли не из моих глазах. Случилось это после того, как я поселился в своей маленькой Суссекской вилле и целиком погрузился в мир и тишину природы, о которых так мечтал в течение долгих лет, проведенных в туманном, мрачном Лондоне. В описываемый период добряк Уотсон почти совершил исчез с моего горизонта. Он лишь изредка нащупывал меня по воскресеньям, так что на этот раз мне приходится быть собственным историографом. Не то как бы он расписал столь редкостное происшествие и все трудности, из которых я вышел победителем! Увы, мне придется попросту и без затей, своими словами рассказать о каждом моем шаге на сложном пути раскрытия тайны Львиной Грибы.

Моя вилла расположена на южном склоне возвышенности Дауиз, с которой открывается широкий вид на Ламаиш. В этом месте берег представляет собой стену из меловых утесов; спуститься к воде можно по единственной длинной извилистой тропке, крутой и скользкой. Внизу тропка обрывается у пляжа шириной примерно в сто ярдов, покрытого галькой и голышом и не заливающегося водой даже в часы прилива. Однако в нескольких местах имеются заливчики и выемки, представляющие великолепные бассейны для плавания и с каждым приливом заполняющиеся свежей водой. Этот чудесный

берег тянется на несколько миль в обе стороны и прерывается только в одном месте небольшой бухтой, по берегу которой расположена деревня Фулворт.

Дом мой стоит на отшибе, и в моем маленьком владении храню только я с моей экономкой да пчелы. В полумиле отсюда находится знаменитая школа Гарольда Стэхерста, занимающая довольно обширный дом, в котором размещены человек двадцать учеников, готовящихся к различным специальностям, и небольшой штат педагогов. Сам Стэхерст, в свое время знаменитый чемпион по гребле,—широко эрудированный ученый. С того времени, как я поселился на побережье, нас с ним связывали самые дружеские отношения, настолько близкие, что мы по вечерам заходили друг к другу, не изъясняясь в особом приглашении.

В конце июля 1907 года был сильный шторм, ветер дул с юго-запада, и прибой докатывался до самого подножия меловых утесов, а когда начинался отлив, на берегу оставались большие лагуны. В то утро, с которого я начну свой рассказ, ветер стих, и все в природе дышало чистотой и свежестью. Работать в такой чудесный день не было никаких сил, и я вышел перед завтраком побродить и подышать изумительным воздухом. Я шел по дорожке, ведущей к крутыму спуску на пляж. Вдруг меня кто-то окликнул, и, обернувшись, я увидел Гарольда Стэхерста, весело машущего мне рукой.

— Что за утро, мистер Холмс! Так я и знал, что встречу вас.

— Я вижу, вы собирались купаться.

— Опять взялись за старые фокусы,—засмеялся он, похлопывая по своему набитому карману.—Макферсон уже вышел спозаранку, я, наверное, встречу его здесь.

Фицрой Макферсон — видный, рослый молодой человек — преподавал в школе естественные науки. Он страдал пороком сердца вследствие перенесенного ревматизма; но, будучи природным атлетом, отличался в любой спортивной игре, если только она не требовала от него чрезмерных физических усилий. Купался он и зимой и летом, а так как я и сам завзятый купальщик, то мы часто встречались с ним на берегу.

В описываемую минуту мы увидели самого Макферсона. Его голова показалась из-за края обрыва, у кото-

рого кончалась тропка. Через мгновение он появился во весь рост, пошатываясь, как пьяный. Затем вскинул руки и со страшным воплем упал ничком на землю. Мы со Стэkkerстом бросились к нему — он был от нас ядрах в пятнадцати — и перевернули его на спину. Наш друг был по всем признакам при последнем издохании. Ничего иного не могли означать остекленевшие, ввалившиеся глаза и посиневшее лицо. На одну секунду в его глазах мелькнуло сознание, он исступлению снялся предостеречь нас. Он что-то невнятно, судорожно прокричал, но я рассыпал в его вопле всего два слова: «львиная грива». Эти слова ничего мне не говорили, но ослышаться я не мог. В то же мгновение Макферсон приподнялся, вскинул руки и упал на бок. Он был мертв.

Мой спутник остолбенел от неожиданного страшного зрелища; у меня же, разумеется, все чувства мгновенно обострились, и не зря: я сразу понял, что мы оказались свидетелями какого-то совершенно необычайного происшествия. Макферсон был в одних брюках и в накинутом на голое тело макинтоше, а на ногах у него были незашнурованные парусиновые туфли. Когда он упал, пальто соскользнуло, обнажив торс. Мы онемели от удивления. Его спина была располована темно-багровыми рубцами, словно его исхлестали плетью из тонкой проволоки. Макферсон был, видимо, замучен и убит каким-то необычайно гибким инструментом, потому что длинные, резкие рубцы закруглялись со спины и захватывали плечи и ребра. По подбородку текла кровь из прикушенной от невыносимой боли нижней губы.

Я опустился на колени, а Стэkkerст, стоя, склонился над трупом, когда на нас упала чья-то тень, и, оглянувшись, мы увидели, что к нам подошел Ян Мэрдок. Мэрдок преподавал в школе математику; это был высокий, худощавый брюнет, настолько нелюдимый и замкнутый, что не было человека, который мог бы назвать себя его другом. Казалось, он витал в отвлеченных сферах иррациональных чисел и конических сечений, мало чем интересуясь в повседневной жизни. Он слыл среди учеников чудаком и мог бы легко оказаться посмешищем, не будь в его жилах примеси какой-то чужеземной крови, проявлявшейся не только в черных, как уголь, глазах и смуглой коже, но и во вспышках ярости, которые нельзя было

назвать иначе, как дикими. Однажды на него набросилась собачонка Макферсона; Мэрдок схватил ее и вышибнул в окно, разбив зеркальное стекло; за такое поведение Стэхерст, конечно, не преминул бы его уволить, не дорожи он им как отличным преподавателем. Такова характеристика странного, сложного человека, подошедшего к нам в эту минуту. Казалось, он был вполне искренне потрясен видом мертвого тела, хотя случай с собачонкой вряд ли мог свидетельствовать о большой симпатии между ним и покойником.

— Бедняга! Бедняга! Не могу ли я что-нибудь сделать? Чем мне помочь вам?

— Вы были с ним? Не расскажете ли вы, что здесь произошло?

— Нет, нет, я поздно встал сегодня. И еще не купался. Я только иду из школы. Чем я могу быть вам полезен?

— Бегите скорее в Фулворт и немедленно известите полицию.

Не сказав ни слова, Мэрдок поспешил направиться в Фулворт, а я тотчас же принялся изучать место происшествия, в то время как потрясенный Стэхерст остался у тела. Первым моим делом было, конечно, убедиться, нет ли еще кого-нибудь на пляже. С обрыва, откуда спускалась тропка, берег, видимый на всем протяжении, казался совершенно безлюдным, если не считать двух-трех темных фигур, шагавших вдалеке по направлению к Фулворту. Закончив осмотр берега, я начал медленно спускаться по тропке. Почва здесь была с примесью глины и мягкого мергеля, и то тут, то там мне попадались следы одного и того же человека, идущие и под гору и в гору. Никто больше по тропке в это утро не спускался. В одном месте я заметил отпечаток ладони с расположенными вверх по тропе пальцами. Это могло значить только, что несчастный Макферсон упал, поднимаясь в гору. Я заметил также круглые впадины, позволявшие предположить, что он несколько раз падал на колени. Винзу, где тропка обрывалась, была довольно большая лагуна, образованная отступившим приливом. На берегу этой лагуны Макферсон разделился: тут же, на камне, лежало его полотенце. Оно было аккуратно сложено и оказалось сухим, так что, судя по всему, Макферсон не успел окунуть-

ся. Кружка во всех направлениях по твердой гальке, я обнаружил на пляже несколько песчаных проплеши со следами парусиновых туфель и голых ступней Макферсона. Последнее наблюдение показывало, что он должен был вот-вот броситься в воду, а сухое полотенце говорило, что он этого сделать не успел.

Тут-то и коренилась загадка всего происшествия — самого необычайного из всех, с которыми я когда-либо сталкивался. Человек пробыл на пляже самое большое четверть часа. В этом не могло быть сомнения, потому что Стэkkerст шел вслед за ним от самой школы. Человек собрался купаться и уже разделся, о чем свидетельствовали следы голых ступней. Затем внезапно он снова натянул на себя макинтош, не успев окунуться или, во всяком случае, не вытеревшись. Он не смог выполнить свое намерение и выкупаться потому, что был каким-то необъяснимым и нечеловеческим способом исхлестан и истерзан так, что до крови прикусил от невыносимой боли губу и у него еле достало сил, чтобы отползти от воды и умереть. Кто был виновником этого зверского убийства? Правда, у подножия утесов были небольшие гроты и пещеры, но они были хорошо освещены низко стоявшим утренним солнцем и не могли служить убежищем. Кроме того, как я уже сказал, вдалеке на берегу виднелось несколько темных фигур. Они были слишком далеко, чтобы их можно было заподозрить в прискорбности к преступлению, и к тому же их отделяла от Макферсона широкая, подходившая к самому подножию обрыва лагуна, в которой он собирался купаться. Недалеко в море виделись две-три рыбачьи лодки. Я мог хорошо разглядеть сидевших в них людей. Итак, мне открывалось несколько путей расследования дела, но ни один из них не сулил успеха.

Когда я в конце концов вернулся к трупу, я увидел, что вокруг него собралась группа случайных прохожих. Тут же находился, конечно, и Стэkkerст и только что подоспевший Ян Мэрдок в сопровождении сельского констебля Андерсона — толстяка с рыжими усами, низкорослой сусsekской породы, наделенной под неповоротливой, угрюмой внешностью незаурядным здравым смыслом. Он выслушал нас, записал наши показания, потом отозвал меня в сторону.

— Я был бы признателен вам за совет, мистер Холмс. Одному мне с этим сложным делом не справиться, а если я что напутаю, мне влетит от Льюиса.

Я посоветовал ему, во-первых, послать за своим непосредственным начальником, во-вторых, до прибытия начальства не переносить ни тела, ни вещей и, по возможности, не топтаться зря у трупа, чтобы не путать следов. Сам я тем временем обыскал карманы покойного. Я нашел в них носовой платок, большой перочинный нож и маленький бумажник. Из бумажника выскользнул листок бумаги, который я развернул и вручил констеблю. На листке небрежным женским почерком было написано: «Не беспокойся, жди меня. Моди». Судя по всему, это была любовная записка, но в ней не указывалось ни время, ни место свидания. Констебль вложил записку обратно в бумажник и вместе с прочими вещами водворил в карман макинтоша. Затем, поскольку никаких новых улик не обнаруживалось, я пошел домой завтракать, предварительно распорядившись о тщательном обследовании подножия утесов.

Часа через два ко мне зашел Стэkkerст и сказал, что тело перенесено в школу, где будет производиться дознание. Он сообщил мне несколько весьма важных и знаменательных фактов. Как я и ожидал, в пещерах под обрывом ничего не нашли, но Стэkkerст просмотрел бумаги в столе Макферсона и среди них обнаружил несколько писем, свидетельствующих о взаимной склонности между покойным и некой мисс Мод Беллами из Фулворта. Таким образом стало известно, кто писал записку, найденную в кармане Макферсона.

— Письма у полиции,— пояснил Стэkkerст,— я не смог принести их. Они, несомненно, свидетельствуют о серьезном романе. Но я не вижу оснований связывать эти отношения со страшным происшествием, если не считать того, что дама назначила ему свидание.

— Вряд ли, однако, свидание было назначено на бегу, где все вы обычно купаетесь,— заметил я.

— Да, это чистая случайность, что Макферсона не сопровождали несколько учеников.

— Такая ли уж случайность?

— Их задержал Ян Мэрдок,— сказал Стэkkerст.— Он настоял на проведении перед завтраком занятый по алгебре. Бедный малый, он страшно подавлен случившимся!

— Хотя, сколько мне известно, они не были особенно дружны.

— Да, первое время, но вот уже год или больше того, как Мэрдок сошелся с Макферсоном, насколько он вообще только способен с кем-нибудь сойтись. Он не очень-то общителен по природе.

— Так я и думал. Я припоминаю ваш рассказ о том, как он расправился с собачонкой покойного.

— Ну, это — дело прошлое.

— Но такой поступок мог, пожалуй, вызвать мстительные чувства.

— Нет, нет, я уверен в их искренней дружбе.

— Ну что ж, тогда перейдем к сердечным делам. Знакомы ли вы с дамой?

— Ее знают все. Она славится своей красотой по всей нашей округе, она писаная красавица, Холмс, кого ни спроси. Я знал, что она нравится Макферсону, но не предполагал, что дело зашло так далеко, как это явствует из писем.

— Кто же она?

— Дочь старого Тома Беллами, владельца всех прогулочных лодок и купален в Фулворте. Начал он с простого рыбака, а теперь он человек с положением. В деле ему помогает его сын Уильям.

— Не сходить ли нам в Фулворт повидать их?

— Под каким предлогом?

— О, предлог легко найти. Не мог же в конце концов наш несчастный друг покончить с собой, прибегнув к такому страшному способу самоубийства! Ведь плеть, которой он исстеган, должна была находиться в чьей-то руке, если допустить, что убийство совершено с помощью плети. Круг знакомых Макферсона в этом малолюдном месте, конечно, невелик. Давайте займемся всеми его знакомыми, и, досконально изучив их, мы, наверное, нашуем мотив преступления, а это, в свою очередь, поможет нам найти преступника.

Что могло бы быть для нас приятнее прогулки по холмам, заросшим душистым чебрецом, не будь мы так

потрясены страшной трагедией, разыгравшейся на наших глазах! Деревня Фулворт расположена в небольшой впадине, полукругом опоясывающей бухту. За рядом старых домишек, вверх по склону, построено несколько современных домов. К одному из таких домов и повел меня Стэkkerст.

— Вот и «Гаваин», как называет свой участок Беллами. Вон тот дом, с угловой башенкой и с черепичной крышей. Неплохо для человека, начавшего с ничего... Посмотрите-ка! Это еще что такое?

Садовая калитка «Гавани» открылась, и из нее вышел человек. Трудно было не признать в его высокой, угловатой фигуре математика Яна Мэрдока. Через минуту мы столкнулись с ним на дороге.

— Хэлло! — окликнул его Стэkkerст.

Мэрдок кивнул, искоса глянул на нас проницательными темными глазами и хотел было пройти мимо, но директор школы задержал его.

— Что вы здесь делали? — спросил он.

Мэрдок вспыхнул.

— Сэр, я подчинен вам в вашей школе. Но мне кажется, я не обязан давать вам отчет в своих личных делах.

После всего пережитого нервы Стэkkerста были настянуты, как струна. При других обстоятельствах он бы сдержался. Теперь же он вышел из себя.

— Ваш ответ, мистер Мэрдок, в настоящих условиях — чистейшая дерзость.

— Не меньшей дерзостью кажется мне ваш вопрос.

— Мне уже не в первый раз приходится терпеть ваши грубости. Сегодняшняя ваша выходка будет последней. Я попрошу вас подыскать себе другое место, и как можно скорее.

— Это вполне соответствует моим желаниям. Сегодня я потерял единственного человека, который как-то скрашивал мне существование у вас в школе.

И Мэрдок решительно зашагал по дороге, а Стэkkerст яростно глядел ему вслед.

— Какой трудный, какой невыносимый человек! — воскликнул он.

Меня больше всего поразило, что мистер Ян Мэрдок воспользовался первым же подвернувшимся предлогом,

чтобы сбежать с места преступления. Зародившиеся во мне догадки, до сих пор смутные и неопределенные, становились отчетливее. «Может быть, знакомство с семейством Беллами прольет свет на это дело?» — подумал я. Стэkkerст успокоился, и мы направились к дому.

Мистер Белламн оказался мужчиной средних лет, с огненно-рыжей бородой. Вид у него был очень взволнованный, лицо пылало не меньше бороды.

— Увольте, сэр, я не желаю знать никаких подробностей. И мой сын,— он указал на богатырского сложения молодого человека, с тяжелым, угрюмым лицом,— совершенно согласен со мной, что поведение мистера Макферсона компрометировало Мод. Да, сэр, он ни разу не произнес слова «брак», хотя была переписка, были свидания и много всякого другого, чего никто из нас не одобрял. У Мод нет матери, и мы ее единственныe защитники. Мы решили...

Это словоизвержение было внезапно прервано появлением самой девушки. Никто не стал бы отрицать, что она могла послужить украшением любого общества. И кто бы подумал, что столь редкостной красоты цветок вырастет на такой почве и в подобной атмосфере! Я мало увлекался женщинами, ибо сердце мое всегда было в подчинении у головы, но, глядя на прекрасные тонкие черты, на нежный, свежий цвет лица, типичный для этих краев, я понимал, что ни один молодой человек, увидев ее, не мог бы остаться равнодушным. Такова была девушка, которая теперь стояла перед Гарольдом Стэkkerстом, открыто и решительно глядя ему в глаза.

— Я уже знаю, что Фицрой скончался,— сказала она.— Не бойтесь, я в состоянии выслушать любые подробности.

— Тот ваш джентльмен уже все рассказал нам,— пояснил отец.

— У вас нет никаких оснований замешивать в эту историю мою сестру,— пробурчал молодой человек.

— Это — мое дело, Уильям,— сказала сестра, метнув на него горячий, уничтожающий взгляд.— Будь добр, позволь мне вести себя, как я сочту нужным. Ясно, что совершено страшное преступление. Если я смогу помочь раскрыть убийцу, я хотя бы исполню этим свой долг перед умершим.

Прошла неделя. Дознание не привело ни к чему и было приостановлено впредь до нахождения новых улик. Стэхерст навел негласные справки о своем подчиненном, в комнате Мэрдока был произведен поверхностный обыск, не давший никакого результата. Я лично еще раз шаг за шагом — на деле и в уме — проследил все этапы трагического события, но ни к какому выводу не пришел. Во всей моей практике читатель не запомнит случая, когда я так остро ощущал бы свое бессилие. Даже воображение не могло подсказать мне разгадку тайны. Но тут вскоре произошел случай с собакой.

Первая услышала об этом моя старая экономка благодаря своеобразному беспроволочному телеграфу, с помощью которого эти люди получают информацию о всех происшествиях в округе.

— Что за грустная история, сэр, с этой собакой мистера Макферсона! — сказала как-то вечером моя экономка.

Я не люблю поощрять подобную болтовню, но на этот раз ее слова пробудили мой интерес.

— Что же такое случилось с собакой мистера Макферсона?

— Подохла, сэр. Подохла с тоски по хозяину.

— Откуда вы это знаете?

— Как же не знать, когда все только об этом и говорят. Собака страшила тосковала, целую неделю ничего в рот не брала. А сегодня два молодых джентльмена из школы нашли ее мертвой внизу, на берегу, на том самом месте, где случилось несчастье с ее хозяином.

«На том самом месте»! Эти слова словно врезались в мой мозг. Во мне родилось какое-то смутное предчувствие, что гибель собаки поможет распутать дело. То, что собака подохла, следовало, конечно, объяснить преданностью и верностью всей собачьей породы. Но «на том самом месте»? Почему этот пустынный берег играет такую зловещую роль? Возможно ли, чтобы и собака пала жертвой какой-то кровной мести? Возможно ли?.. Догадка была смутной, но она начинала принимать все более определенные формы. Через несколько минут я шел по дороге к школе. Я застал Стэхерста в его кабинете. По моей просьбе он послал за Сэдбери и Блаунтом — двумя учениками, нашедшими собаку.

— Да, она лежала на самом краю лагуны,— подтвердил один из них.— Она, по-видимому, пошла по следам своего умершего хозяина.

Я осмотрел труп маленького преданного создания из породы эрдель-терьеров, лежавший на подстилке в холле. Он одеревенел, застыл, глаза были выпучены, конечности скрючены. Все его очертания выдавали страшную муку.

Из школы я прошел вниз к лагуне. Солнце зашло, и на воде, тускло мерцавшей, как свинцовый лист, лежала черная тень большого утеса. Место было безлюдно; кругом не было ни признака жизни, если не считать двух чаек, с резкими криками кружившихся надо мной. В меркнущем свете дня я смутно различал маленькие следы собачьих лап на песке вокруг того самого камня, на котором лежало тогда полотенце ее хозяина. Я долго стоял в глубокой задумчивости, в то время как вокруг становилось все темнее и темнее. В голове моей вихрем проносились мысли. Так бывает в кошмарном сне, когда вы ищете какую-то страшно нужную вещь и вы знаете, что она где-то здесь рядом, а она все-таки остается неуловимой и недоступной. Именно такое чувство охватило меня, когда я в тот вечер стоял в одиночестве на роковом берегу. Потом я наконец повернулся и медленно пошел домой.

Я как раз успел подняться по тропке на самый верх обрыва, когда меня вдруг, как молния, пронзило воспоминание о том, что я так страстно и тщетно искал. Если только Уотсон писал не понапрасну, вам должно быть известно, читатель, что я располагаю большим запасом современных научных познаний, приобретенных вполне бессистемно и вместе с тем служащих мне большим подспорьем в работе. Память моя похожа на кладовку, битком набитую таким количеством всяческих свертков и вещей, что я и сам с трудом представляю себе ее содержимое. Я чувствовал, что там должно быть что-то, касающееся этого дела. Сначала это чувство было смутно, но в конце концов я начал догадываться, чем оно подсказано. Это было невероятно, чудовищно, и все-таки это открывало какие-то перспективы. И я должен был окончательно проверить свои догадки.

В моем домике есть огромный чердак, заваленный

книгами. В этой-то завали я и барахтался и плавал целый час, пока не вынырнул с небольшим томиком шоколадного цвета с серебряным обрезом. Я быстро разыскал главу, содержание которой мне смутно запомнилось. Да, что говорить, моя догадка была неправдоподобной, фантастичной, но я уже не мог успокоиться, пока не выясню, насколько она основательна. Было уже поздно, когда я лег спать, с нетерпением предвкушая завтрашнюю работу.

Но работа эта наткнулась на досадное препятствие. Только я проглотил утреннюю чашку чая и хотел отправиться на берег, как ко мне пожаловал инспектор Бардл из Суссексского полицейского управления — коренастый мужчина с задумчивыми, как у вола, глазами, которые сейчас смотрели на меня с самым недоуменным выражением.

— Мне известен ваш огромный опыт, сэр,— начал он.— Я, конечно, пришел совершенно неофициально, и о моем визите никто знать не обязан. Но я что-то запутался в деле с Макферсоном. Просто не знаю, арестовать мне его или нет.

— Вы имеете в виду мистера Яна Мэрдока?

— Да, сэр. Ведь больше и подумать не на кого. Эдешнее безлюдье — огромное преимущество. Мы имеем возможность ограничить наши поиски. Если это сделал не он, то кто же еще?

— Что вы имеете против него?

Бардл, как выяснилось, шел по моим стопам. Тут был и характер Мэрдока и тайна, которая, казалось, окружала этого человека. И его несдержанность, проявившаяся в случае с собачонкой. И ссоры его с Макферсоном в прошлом, и вполне основательные догадки об их соперничестве в отношении к мисс Беллами. Он перебрал все мои аргументы, но ничего нового не сказал, кроме того, что Мэрдок как будто готовится к отъезду.

— Каково будет мое положение, если я дам ему улизнуть при наличии всех этих улик? — Флегматичный толстяк был глубоко встревожен.

— Подумайте-ка, инспектор, в чем основной промах ваших рассуждений,— сказал ему я.— Он, конечно, сможет без труда доказать свое алиби в утре убийства. Он был со своими учениками вплоть до последней мину-

ты и подошел к нам почти тотчас после появления Макферсона. Потом имейте в виду, что он один, своими руками, не мог бы так расправиться с человеком, не менее сильным, чем он сам. И, наконец, вопрос упирается в орудие, которым было совершено убийство.

— Что же это могло быть, как не плеть или какой-то гибкий кнут?

— Вы видели раны?

— Да, видел. И доктор тоже.

— А я рассматривал их очень тщательно в лупу. И обнаружил некоторые особенности.

— Какие же, мистер Холмс?

Я подошел к своему письменному столу и достал увеличенный снимок.

— Вот мой метод в таких случаях,— пояснил я.

— Что говорить, мистер Холмс, вы вникаете в каждую мелочь.

— Я не был бы Холмсом, если бы работал иначе. А теперь давайте посмотрим вот этот рубец, который опоясывает правое плечо. Вам ничего не бросается в глаза?

— Да нет.

— А вместе с тем совершение очевидно, что рубец неровный. Вот тут — более глубокое кровоизлияние, здесь вот — вторая такая же точка. Такие же места видны и на втором рубце, ниже. Что это значит?

— Понятия не имею. А вы догадываетесь?

— Может быть, догадываюсь. А может быть, и нет. Скоро я смогу подробнее высказаться по этому поводу. Разгадка причины этих кровоизлияний должна кратчайшим путем подвести нас к раскрытию виновника убийства.

— Моя слова, конечно, могут показаться и беспыльными,— сказал полицейский,— но если бы на спину Макферсона была брошена докрасна раскаленная проволочная сетка, то эти более глубоко пораженные точки появились бы в местах пересечения проволок.

— Сравнение необычайно меткое. Можно также предположить применение жесткой плетки-девятихвостки с небольшими узлами на каждом ремне.

— Честное слово, мистер Холмс, мне кажется, вы близки к истине.

— А может быть, мистер Бардл, раны были и несены еще каким-нибудь способом. Как бы то ни было, всех ваших догадок недостаточно для ареста. Кроме того, мы должны помнить о последних словах покойника — «львиная грива».

— Я подумал, не хотел ли он назвать имя...

— Я думал о том же. Если бы второе слово звучало хоть сколько-нибудь похоже на «Мэрдок» — но нет. Я уверяю, что он выкрикнул слово «грива».

— Нет ли у вас других предположений, мистер Холмс?

— Может, и есть. Но я не хочу их обсуждать, пока у меня не будет более веских доказательств.

— А когда они у вас будут?

— Через час, возможно, и раньше.

Испектор почесал подбородок, недоверчиво поглядев на меня.

— Хотел бы я разгадать ваши мысли, мистер Холмс. Может быть, ваши догадки связаны с теми рыбачьими лодками?

— О нет, они были слишком далеко.

— Ну, тогда это, может быть, Беллами и его дядя-сын? Они здорово недолюбливали Макферсона. Не могли они убить его?

— Да нет же; вы ничего у меня не выпытаете, пока я не готов, — сказал я, улыбаясь. — А теперь, инспектор, нам обоим пора вернуться к нашим обязанностям. Не могли бы вы зайти ко мне часов в двенадцать?..

Но тут нас прервали, и это было началом конца дела об убийстве Макферсона.

Наружная дверь распахнулась, в передней послышались спотыкающиеся шаги, и в комнату ввалился Ян Мэрдок. Он был бледен, растрепан, костюм его был в страшнейшем беспорядке; он цеплялся костлявыми пальцами за стулья, чтобы только удержаться на ногах!

— Виски! Виски! — прохрипел он и со стоном рухнул на диван.

Он был не один. Вслед за ним вбежал Стэkkerст, без шляпы, тяжело дыша, почти в таком же состоянии невменяемости, как и его спутник.

— Скорее, скорее, виски! — кричал он.— Мэрдок чуть жив. Я еле дотащил его сюда: По пути он дважды терял сознание.

Полкружки спиртного оказали поразительное действие. Мэрдок приподнялся на локте и сбросил с плеч пиджак.

— Ради бога,— прокричал он,— масла, опиума, морфия! Чего угодно, лишь бы прекратить эту адскую боль!

Мы с инспектором невольно вскрикнули от изумления. Плечо Мэрдока было расположено такими же красными, воспаленными, перекрещающимися рубцами, как и тело Фидрая Макферсона.

Невыносимые боли пронизывали, по-видимому, всю грудную клетку несчастного; дыхание его то и дело прерывалось, лицо чернело, и он судорожно хватался рукой за сердце, а со лба скатывались крупные капли пота. Он мог в любую минуту умереть. Но мы вливали ему в рот виски, и с каждым глотком он оживал. Тамpons из ваты, смоченной в прованском масле, казалось, смягчали боль от страшных ран. В конце концов его голова тяжело упала на подушку. Измученное тело припало к последнему источнику жизненных сил. Был ли то сон или беспамятство, но, во всяком случае, он избавился от боли.

Расспрашивать его было немыслимо, но как только мы убедились в том, что жизнь его вне опасности, Стэхерст повернулся ко мне.

— Господи боже мой, Холмс,— воскликнул он,— что же это такое? Что это такое?

— Где вы его подобрали?

— Внизу, на берегу. В точности в том же самом месте, где пострадал несчастный Макферсон. Будь у Мэрдока такое же слабое сердце, ему бы тоже не выжить. Пока я вел его к вам, мне несколько раз казалось, что он отходит. До школы было слишком далеко, поэтому я и приволок его сюда.

— Вы видели его на берегу?

— Я шел по краю обрыва, когда услышал его крик. Он стоял у самой воды, шатаясь, как пьяный. Я сбежал вниз, набросил на него какую-то одежду и втащил наверх. Холмс, умоляю вас, сделайте все, что в ва-

ших силах, не пощадите трудов, чтобы избавить от проклятия наши места, иначе жить здесь будет невозможно. Неужели вы, со всей вашей мировой славой, не можете нам помочь?

— Кажется, могу, Стэkkerст. Пойдемте-ка со мной! И вы, инспектор, тоже! Посмотрим, не удастся ли нам предать убийцу в руки правосудия.

Предоставив погруженного в беспамятство Мэрдо-ка заботам моей экономки, мы втроем направились к речковой лагуне. На гравии лежал ворох одежды, брошенной пострадавшим. Я медленно шел у самой воды, а мои спутники следовали гуськом за мной. Лагуна была совсем мелкая, и только под обрывом, где залыв сильнее врезался в сушу, глубина воды достигала четырех-пяти футов. Именно сюда, к этому великолепному, прозрачному и чистому, как кристалл, зеленому водоему, конечно, и собирались пловцы. У самого подножия обрыва вдоль лагуны тянулся ряд камней; я пробирался по этим камням, внимательно всматриваясь в воду. Когда я подошел к самому глубокому месту, мне удалось наконец обнаружить то, что я искал.

— Цианея! — вскричал я с торжеством.— Цианея! Вот она, львиная грива!

Странное существо, на которое я указывал, и в самом деле напоминало спутанный клубок, выданный из грибы льва. На каменном выступе под водой на глубине каких-нибудь трех футов лежало странное волосатое чудовище, колышущееся и трепещущее; в его желтых косах блестели серебряные пряди. Все оно пульсировало, медленно и тяжело растягиваясь и сокращаясь.

— Достаточно она натворила бед! — вскричал я.— Настал ее последний час. Стэkkerст, помогите мне! Пора прикончить убийцу!

Над выступом, где пронтаилось чудовище, лежал огромный валун: мы со Стэkkerстом навалились на него и столкнули в воду, подняв целый фонтан брызг. Когда волнение на воде улеглось, мы увидели, что валун лег куда следовало. Выглядывавшая из-под него и судорожно трепещущая желтая перепонка свидетельствовала о том, что мы попали в цель. Густая маслянистая пена сочилась из-под камня, мутя воду и медленно поднимаясь на поверхность.

— Потрясающе! — воскликнул инспектор.— Но что же это было, мистер Холмс? Я родился и вырос в этих краях и никогда не видывал ничего подобного. Такого в Суссексе не водится.

— К счастью для Суссекса,— заметил я.— Ее, по-видимому, занесло сюда юго-западным шквалом. Приглашаю вас обоих ко мне, и я покажу вам, как описал встречу с этим чудовищем человек, однажды столкнувшись с ним в открытом море и надолго запомнивший этот случай.

Когда мы вернулись в мой кабинет, мы нашли Мэрдока настолько оправившимся, что он был в состоянии сесть. Он все еще не мог прийти в себя от пережитого потрясения и то и дело содрогался от приступов боли. В искаженных словах он рассказал нам, что понятия не имеет о том, что с ним произошло, что он помнит только, как почувствовал нестерпимую боль и как у него еле хватило сил выплыть на берег.

— Вот книжка,— сказал я, показывая шоколадного цвета томик, заронивший во мне догадку о виновнике происшествия, которое иначе могло бы остаться для нас окутанным вечной тайной. Заглавие книжки — «Встречи на суше и на море», ее автор — исследователь Дж. Дж. Вуд. Он сам чуть не погиб от соприкосновения с этой морской тварью, так что ему можно верить. Полное латинское название ее *Cyanea capillata*. Она столь же смертоносна, как кобра, а раны, нанесенные ею, болезненнее укусов этой змеи. Разрешите мне вкратце прочесть вам ее описание:

«Если купальщик заметит рыхлую круглую массу из рыжих перепонок и волокон, напоминающих львиную гриву с пропущенными полосками серебряной бумаги, мы рекомендуем ему быть начеку, ибо перед ним одно из самых опасных морских чудовищ — *Cyanea capillata*. Можно ли точнее описать нашу роковую находку?

— Дальше автор рассказывает о собственной встрече с одним из этих чудищ, когда он купался у Кентского побережья. Он установил, что эта тварь распускает тонкие, почти невидимые нити на расстояние в пятьдесят футов, и всякий, кто попадает в пределы дося-

гаемости этих ядовитых интей, подвергается смертельной опасности. Даже на таком расстоянии встреча с этим животным чуть не стоила Вуду жизни. «Ее бесчисленные тончайшие щупальца оставляют на коже огненно-багровые полосы, которые при ближайшем рассмотрении состоят из мельчайших точек или крапинок, словно от укола раскаленной иглой, проникающей до самого нерва». Как пишет автор, местные болевые ощущения далеко не исчерпывают этой страшной пытки. «Я свалился с ног от боли в груди, пронизавшей меня, словно пуля. У меня почти исчез пульс, а вместе с тем я ощутила шесть-семь сердечных спазмов, как будто вся кровь моя стремилась пробиться вон из груди».

Вуд был поражен почти насмерть, хотя он столкнулся с чудовищем в морских волнах, а не в узенькой спокойной лагуне. Он пишет, что еле узнал сам себя, настолько лицо его было бескровно, искажено и изборождено морщинами. Он выпил залпом целую бутылку виски, и только это, по-видимому, его и спасло. Вручаю эту книжку вам, инспектор, и можете не сомневаться в том, что здесь дано точное описание всей трагедии, пережитой несчастным Макферсоном.

— И чуть было не обесчестившей меня,— заметил Мэрдок с кривой усмешкой.— Я не обвиняю вас, инспектор, ни вас, мистер Холмс,— ваши подозрения были естественны. Я чувствовал, что меня вот-вот должны арестовать, и своим оправданием я обязан только тому, что разделал судьбу моего бедного друга.

— Нет, нет, мистер Мэрдок. Я уже догадывался, в чем дело, и если бы меня не задержали сегодня утром дома, мне, возможно, удалось бы избавить вас от страшного переживания.

— Но как же вы могли догадаться, мистер Холмс?

— Я всеядный читатель и обладаю необычайной памятью на всякие мелочи. Слова «левиная грива» не давали мне покоя. Я знал, что где-то уже встречал их в совершении неожиданном для меня контексте. Вы могли убедиться, что они в точности характеризуют внешний вид этой твари. Я не сомневаюсь, что она всплыла на поверхность, и Макферсон ее ясно увидел, потому что никакими другими словами он не мог предостеречь нас от животного, оказавшегося виновником его гибели.

— Итак, я, во всяком случае, обелен,— сказал Мэрдок, с трудом вставая с дивана.— Я тоже должен в нескольких словах объяснить вам кое-что, ибо мне известно, какие справки вы наводили. Я действительно любил Мод Беллами, но с той минуты, как она избрала Макферсона, моим единственным желанием стало содействовать их счастью. Я сошел с их пути и удовлетворялся ролью посредника. Они часто доверяли мне передачу писем; и я же поторопился сообщить Мод о смерти нашего друга именно потому, что любил ее и мне не хотелось, чтобы она была извещена человеком чужим и бездушным. Она не хотела говорить вам, сэр, о наших отношениях, боясь, что вы их истолкуете неправильно и не в мою пользу. А теперь я прошу вас отпустить меня в школу, мне хочется скорее добратся до постели.

Стэkkerst протянул ему руку.

— У всех нас первы расшатаны,— сказал он.— Простите, Мэрдок. Впредь мы будем относиться друг к другу с большим доверием и пониманием.

Они ушли под руку, как добрые друзья. Инспектор остался и молча вперил в меня свои водовы глаза.

— Здорово сработано! — вскричал он.— Что говорить, я читал про вас, но никогда не верил. Это же чудо!

Я покачал головой. Принять такие дифирамбы значило бы унизить собственное достоинство.

— Вначале я проявил медлительность, непростительную медлительность,— сказал я.— Будь тело обнаружено в воде, я догадался бы скорее. Меня подвело полотенце. Бедному малому не пришлось вытереться, а я из-за этого решил, что он не успел и окунуться. Поэтому мне, конечно, не пришло в голову, что он подвергся нападению в воде. В этом пункте я и дал маху. Ну что ж, инспектор, мне часто приходилось подтрунивать над вашим братом — полицейей, зато теперь *Cupaea capillata* отомстила мне за Скотленд-Ярд.

МОСКАТЕЛЬЩИК НА ПОКОЕ

В то утро Шерлок Холмс был настроен на философско-меланхолический лад. Его живой, деятельной натуре свойственны были такие резкие переходы.

— Видели вы его? — спросил он.

— Кого? Старичка, который только что вышел от вас?

— Его самого.

— Да, мы с ним столкнулись в дверях.

— И что вы о нем скажете?

— Жалкое, никчемное, сломленное существо.

— Именно, Уотсон. Жалкое и никчемное. Но не такова ли и сама наша жизнь? Разве его судьба — не судьба всего человечества в миниатюре? Мы тянемся к чему-то. Мы что-то хватаем. А что остается у нас в руках под конец? Тень. Или того хуже: страдание.

— Это один из ваших клиентов?

— Пожалуй, что так. Его направили ко мне из Скотленд-Ярда. Знаете, как врачи ниой раз посылают неизлечимых больных к знахарю. Они рассуждают так: сами мы ничего больше сделать не можем, а больному все равно хуже не будет.

— Что же у него стряслось?

Холмс взял со стола не слишком чистую визитную карточку.

— Джозия Эмберли. В прошлом, по его словам,— младший компаньон фирмы «Бринкфорд и Эмберли», изго-

товарищей товары для художников. Вы могли видеть эти имена на коробках с красками. Эмберли сколотил небольшое состояние, и, когда ему исполнился шестьдесят один год, вышел из дела, купил дом в Люншеме и поселился там, чтобы насладиться отдыхом после долгих лет неустанного труда. Всякий сказал бы, что этого человека ждет обеспеченная и мирная старость.

— Да, верно.

Холмс взял конверт, на котором были сделаны его рукой какие-то пометки, и пробежал их глазами.

— Ушел на покой в 1896 году, Уотсон. В начале 1897-го женился. Жена на двадцать лет моложе его, притом недурна собой, если не лжет фотография. Достаток, жена, досуг — казалось бы, живи да радуйся. Но не проходит двух лет, и он, как вы сами видели, становится самым несчастным и убитым созданием, какое только копошится под солнцем.

— Но что случилось?

— Старая история, Уотсон. Вероломный друг и ветреная жена. У этого Эмберли, насколько можно судить, есть одна-единственная страсть в жизни: шахматы. В Люншеме, неподалеку от него, живет некий молодой врач, тоже завязанный шахматист. Я вот записал его имя: доктор Рэй Эрнест. Эрнест был частый гость в его доме, и если у него завязались близкие отношения с миссис Эмберли, это только естественно — вы согласитесь, что наш незадачливый клиент не может похвастаться внешней привлекательностью, каковы бы ни были его скрытые добродетели. На прошлой неделе парочка скрылась в неизвестном направлении. Мало того, в качестве ручного багажа неверная супруга прихватила шкатулку старика, в которой хранилась львиная доля всех его сбережений. Можно ли сыскать беглянку? Можно ли вернуть деньги? Поглядеть, так банальная проблема, но для Джозин Эмберли — проблема жизненной важности.

— Как же вы будете действовать?

— Видите ли, мой милый Уотсон, при создавшемся положении вещей надо прежде всего решить, как будете действовать вы, если, конечно, вы согласны заменить меня. Вы знаете, что я сейчас всецело занят

делом двух коптских старейшин и сегодня как раз жду его развязки. Мне, право же, не выкроить времени на поездку в Люишем, а ведь улики, собранные по свежим следам, имеют особую ценность. Старик всячески уговаривал меня приехать, но я объяснил ему, в чем трудность. Он готов принять вас вместо меня.

— Я весь к вашим услугам,— ответил я.— Честно говоря, не думаю, чтобы от меня была особая польза, но я рад буду сделать все, что в моих силах.

Вот так и случилось, что в один прекрасный летний день я отправился в Люишем, совсем не подозревая, что не пройдет и недели, как событие, которое я ехал расследовать, будет с жаром обсуждать вся Англия.

Лишь поздно вечером я вернулся на Бейкер-стрит с отчетом о своей поездке. Худая фигура Холмса поклонилась в глубоком кресле, над его трубкой медленно свидалась кольцами струя едкого табачного дыма, глаза были лениво полузакрыты — можно было подумать, что он дремлет, но стоило мне запищаться или допустить неточность в рассказе, как опущенные веки приподнимались и серые глаза, сверкающие и острые, как рапиры, пронизывали меня пытливым взглядом.

— Усадьба мистера Джозии Эмберли зовется «Уютное»,— начал я.— Я думаю, Холмс, она возбудила бы ваш интерес. Дом похож на обедневшего аристократа, который вынужден ютиться среди простолюдинов. Вам ведь такие места знакомы: однообразные кирпичные дома, унылые провинциальные улицы — и вдруг прямо в гуще всего этого — такая старинная усадьба, крохотный островок древней культуры и уюта за высокой, растрескавшейся от солица стеной, испещренной лишайниками и покрытой мохом, стеной, которая...

— Без поэтических отступлений, Уотсон,— строго перебил меня Холмс.— Все ясно: высокая кирпичная стена.

— Совершенно верно. Мне бы не догадаться, что это и есть «Уютное», да благо я спросил какого-то зеваку, который прохаживался по улице и курил. Высокий такой брюнет с большими усами и военной выпрямкой. В

ответ он кивком указал нужный мне дом и почему-то окинул меня пристальным, испытующим взглядом. Это припомнилось мне немного спустя.

Едва ступив за ворота, я увидел, что ко мне спешит по аллее мистер Эмберли. Еще утром я заметил в нем что-то необычное, хотя видел его лишь мельком, теперь же, при свете дня, его внешность показалась мне еще более странной.

— Я, разумеется, и сам постарался изучить ее,— вставил Холмс.— Но все-таки интересно узнать, каковы ваши впечатления.

— Он выглядит так, будто забота в буквальном смысле слова пригнула его к земле. Спина его сгорблена, словно под бременем тяжкой ноши. Однако он вовсе не так немощен, как кажется на первый взгляд: плечи и грудь у него богатырские, хотя поддерживают этот мощный торс сухие, тоикые ноги.

— Левый ботинок морщится, правый — девственне гладок.

— Этого я не заметил.

— Вы, разумеется, нет. Зато от меня не укрылось, что у него искусственная нога. Однако продолжайте.

— Меня поразили эти пряди сивых волос, которые змеились из-под его ветхой соломениной шляпы, это иступленное, неистовое выражение изрезанного глубокими морщинами лица.

— Очень хорошо, Уотсон. Что он говорил?

— Он принялся взахлеб рассказывать мне историю своих злоключений. Мы шли вдвоем по аллее, и я, разумеется, во все глаза смотрел по сторонам. Сад совершенно не ухожен, весь заглох, все растет, как придется, повинуясь велению природы, а не искусству садовника. Как только приличная женщина могла терпеть такое положение вещей — ума не приложу. Дом тоже запущен до последней степени. Бедняга, видно, и сам это чувствует и пытается как-то поправить дело. Во всяком случае, у него в левой руке была толстая кисть, а посреди холла стояла большая банка с зеленой краской. До моего прихода он занимался тем, что красил двери и оконные рамы.

Он повел меня в свой обшарпанный кабинет, и мы долго беседовали. Конечно, он был огорчен, что вы

не приехали сами. Он сказал: «Да я и не слишком надеялся, в особенности после того, как понес столь тяжелый материальный урон, что моя скромная осoba сможет серьезно привлечь к себе внимание такого знаменитого человека, как мнстер Шерлок Холмс».

Я стал уверять его, что финансовая сторона вопроса тут вовсе ни при чем.

«Да, конечно,— отозвался он,— он этим занимается из любви к искусству, но, возможно, в моем деле для него как раз нашлось бы кое-что интересное. Хотя бы в смысле изучения человеческой природы, доктор Уотсон, ведь какая черная неблагодарность! Разве я хоть раз отказал ей в чем-нибудь? Разве есть еще женщина, которую бы так баловал? А этот молодой человек — я бы и к собственному сыну так не относился. Он был здесь, как у себя дома. И посмотрите, как они со мной обошлись! Ах, доктор Уотсон, какой это ужасный, страшный мир!»

В таком духе он изливался мне час, а то и больше. Он, оказывается, ничего не подозревал об интрижке. Жили они с женой одноко, только служанка приходила каждое утро и оставалась до шести часов. В тот памятный день старик Эмберли, желая доставить удовольствие жене, взял два билета в театр Хеймаркет, на балкон. В последний момент миссис Эмберли пожаловалась на головную боль и отказалась ехать. Он поехал один. Сомневаться в том, что это правда, по-видимому, нет оснований: он показывал мне неиспользованный билет, который предназначался жене.

— Любопытно, весьма любопытно,— заметил Холмс, слушавший, казалось, с возрастающим интересом.— Продолжайте, Уотсон, прошу вас. Я нахожу ваш рассказ крайне интересным. Вы видели этот билет собственными глазами? Номер места случайно не запомнили?

— Представьте себе, запомнил,— не без гордости ответил я.— Номер оказался тот же, что был у меня когда-то в школьной раздевалке: тринадцать первый. Вот он и застрял у меня в голове.

— Великолепно, Уотсон! У него самого, стало быть, место было либо тринадцатое, либо тринадцать второе?

— Ну, конечно,— чуть озадачено подтвердил я.— В ряду «Б».

— Просто прекрасно. Что еще он вам говорил?

— Он показал мне свою, как он выразился, кладовую. Кладовая самая настоящая, как в банке. Железная дверь, железная штора на окне, никакому взломщику не забраться, как он утверждает. Но у жены оказался второй ключ, и она вместе со своим возлюбленным унесла оттуда не много и мало — тысяч семь фунтов в асигнациях и ценных бумагах.

— Ценных бумагах? Как же они смогут обратить их в деньги?

— Эмберли сказал, что оставил в полиции описание этих бумаг и надеется, что продать их не удастся. В тот день он вернулся из театра около двенадцати ночи и увидел, что кладовая ограблена, дверь и окно открыты, а беглецов и след простыл. Никакого письма, никакой записки — и ни слуху ни духу с тех пор. Он сразу же дал знать в полицию.

Холмс на несколько минут погрузился в раздумье.

— Вы говорите, он что-то красил в доме. Что именно?

— При мне он красил коридор. А дверь и деревянные части комнаты, о которой я говорил, уже закончил.

— Вам не кажется, что для человека в подобной ситуации это несколько необычное занятие?

— «Надо же чем-то занять себя, чтобы сердце не так саднило» — это его собственное объяснение. Разумеется, это странный способ отвлечься, так ведь на то он и вообще человек со странностями. При мне разорвал фотографию своей жены — разорвал яростно, в совершенном беспамятстве, с воплем: «Чтобы глаза мои больше не видели ее мерзкое лицо».

— И это все, Уотсон?

— Нет, есть еще одна вещь, и она поразила меня больше всего. Обратно я уезжал со станции Блэкхит. Сел в поезд, и только он тронулся, как я увидел, что в соседний вагон вскочил какой-то мужчина. Вы знаете, Холмс, какая у меня память на лица. Так вот, это определенно был тот высокий брюнет, к которому я обратился на улице. На Лондонском мосту я заметил его снова,

а потом он затерялся в толпе. Но я уверен, что он меня выслеживал.

— Да-да! — сказал Холмс. — Конечно! Так вы говорите, высокий брюнет с большими усами и в очках с дымчатыми стеклами?

— Холмс, вы чародей. Он действительно был в дымчатых очках, но ведь я об этом не говорил!

— А в галстуке — масонская булавка?

— Холмс!

— Это так просто, милый Уотсон. Впрочем, перейдем к тому, что имеет непосредственное отношение к делу. Должен вам признаться: эта история, на первый взгляд до того простая, что мне вряд ли стоило ею заниматься, с каждой минутой приобретает совсем иной характер. Правда, во время вашей поездки все самое важное осталось вами не замеченным, но даже то, что само бросилось вам в глаза, наводит на серьезные размышления.

— Что осталось незамеченным?

— Не обижайтесь, дружище. Вы знаете, я совершенно беспристрастен. Вы справились со своей задачей как нельзя лучше. Многие и этого бы не сумели. Но какие существенные частности вы явно упустили. Что думают об этом Эмберли и его жена соседи? Разве это не важно? Какой славой пользуется доктор Эрнест? Что он, и впрямь такой отчаянный ловелас? При вашем врожденном обаянии, Уотсон, каждая женщина вам сообщница и друг. Почему я не слышу, что думает барышня на почте и супруга зеленщика? Как естественно вообразить себе такую картину: вы нашептываете комплименты молодой кельнерше из «Синего якоря», а взамен получаете сухие факты. И все это пропало втуне.

— Это еще не поздно сделать.

— Это уже сделано. С помощью телефона и Скотленд-Ярда я обычно имею возможность узнавать самое необходимое, не выходя из этой комнаты. Кстати сказать, полученные мною сведения подтверждают рассказ старика. В городишке он слывет скрягой, с женой был требователен и строг. Что он держал в этой своей кладовой крупную сумму денег — святая правда. Правда и то, что доктор Эрнест, молодой холостяк, играл с Эмберли в шахматы, а с его женой, вероятно, играл в лю-

бовь. Кажется, все яснее ясного, и больше говорить не о чем, н все-таки... все-таки!..

— В чем же тут загвоздка?

— В моем воображении, быть может. Что ж, пусть она там и останется, Уотсон. А мы с вами спасемся от серой повседневности этого мира сквозь боковую дверцу — музыку. В Альберт-Холле сегодня поет Карина. Мы как раз успеем переодеться, пообедать и предадимся наслаждению.

Наутро я встал рано, но крошки от гренков и скорлупа от пары яиц на столе свидетельствовали о том, что мой друг поднялся еще раньше. Здесь же, на столе, я обнаружил второпях нацарапанную записку:

«Милый Уотсон! Мне хотелось бы навестить еще кое-какие справки относительно мистера Джозии Эмберли. Когда я их получу, мы со спокойной душой будем считать это дело законченным, а быть может, и нет. Я только просил бы Вас быть поблизости часа в три, так как не исключено, что Вы мне можете понадобиться.

Ш. Х.».

Полдня я не видел Холмса, но в назначенный час он вернулся, серьезный, озабоченный, занятый своим мышлением. В такие минуты лучше было к нему не подступаться.

— Эмберли еще не приходил?

— Нет.

— Значит, придет. Я его жду.

Ждать пришлось недолго: старик не замедлил явиться; на хмуром лице его явственно обозначились тревога и недоумение.

— Я тут получил телеграмму, мистер Холмс, и что-то никак не могу в ней разобраться.

Он протянул Холмсу телеграмму, и тот прочел ее вслух:

«Немедленно приезжайте. Располагаю сведениями вашей недавней пропаже.

Элман. Дом священника».

— Отправлена в два десять из Малого Пэрлингтона,— сказал Холмс.— Малый Пэрлингтон находится, если не ошибаюсь, в Эссексе, недалеко от Фриитона. Что ж, надо ехать, не откладывая. Пишет явно лицо ответственное, как-никак приходский священик. Минуточку — где мой Крокфорд¹? Ага, вот он: «Дж. К. Элман, магистр искусства, объединенный приход Моссмур—Малый Пэрлингтон». Посмотрите расписание поездов, Уотсон.

— Ближайший — в пять двадцать с Ливерпульстрит.

— Превосходно. Вам бы тоже лучше съездить с ним, Уотсон. Ему может понадобиться помочь или совет. Ясно, что близится решающий момент в этой истории.

Наш клиент, однако, не выказывал ни малейшей охоты отправиться в путь.

— Но это же совершенная иелепость, мистер Холмс,— сказал он.— Что может знать о случившемся этот человек? Напрасная трата времени и денег.

— Если б ему не было что-то известно, он не стал бы посыпать вам телеграмму. Немедленно сообщите ему, что выезжаете.

— Я, вероятно, все-таки не поеду.

Холмс принял самый суровый вид, на какой был способен.

— И у полиции и у меня, мистер Эмберли, создастся самое неблагоприятное впечатление, если вы откажетесь воспользоваться возможностью, которая сама идет к вам в руки. Нам может показаться, что вы не слишком заинтересованы в успешном исходе расследования.

Это предположение, видимо, привело нашего клиента в ужас.

— Господи, если вы так на это смотрите, я непременно поеду! — воскликнул он.— Просто на первый взгляд глупо рассчитывать, что этот пастор что-нибудь может знать. Но раз вы так считаете...

— Да, считаю,— многозначительно сказал Холмс, и вопрос был решен. Прежде чем мы вышли из комнаты, Холмс отвел меня в сторону и дал краткое наставле-

¹ Выдержавший много изданий справочник по английскому духовенству и церквам.

ние, из которого видно было, что он придает серьезное значение этой поездке.

— Во что бы то ии стало,— сказал он,— проследите за тем, чтобы он действительно поехал. Если он, паче чаяния, улизнет или вернется с дороги, бегите на ближайший телефон и передайте мне одно-единственное слово: «Удрал». Я распоряжусь, чтобы мие сообщили, где бы я ни находился.

До местечка Малый Пэрлингтон не так-то просто добраться: оно расположено на боковой ветке. От дороги у меня остались не слишком приятные воспоминания: погода стояла жаркая, поезд полз медленно, мой попутчик был угрем и молчалив и если раскрывал рот, то лишь затем, чтобы отпустить язвительное замечание насчет того, в какую пустую затею мы ввязались. Когда мы, наконец, сошли с поезда, пришлось ехать еще две мили до пасторского дома, где нас принял в своем кабинете представительный, важный, слегка напыщенный священник. Перед ним лежала наша телеграмма.

— Итак, джентльмены, чем могу быть полезен? — спросил он.

— Мы приехали в ответ на вашу телеграмму,— объяснил я.

— Телеграмму? Я никакой телеграммы не посыпал.

— Я говорю о телеграмме, которую вы прислали мистеру Джозин Эмберли, насчет его жены и денег.

— Если это шутка, сэр, то в весьма дурном вкусе,— сердито сказал пастор.— Я никогда не слышал про джентльмена, чье имя вы назвали, и никому не посыпал телеграммы.

Мы с Эмберли обменялись удивленными взглядами.

— Быть может, произошла ошибка,— настаивал я.— У вас случайно не два прихода? Вот телеграмма, подпись — «Элман», адрес — «Дом священника».

— Здесь только один приход, сэр, и только один пастор. Что же до вашей телеграммы, то это возмутительная фальшивка, происхождением которой непременно займется полиция. А пока не вижу причин затягивать далее нашу беседу.

Так мы с мистером Эмберли очутились на обочине дороги в деревушке Малый Пэрлингтон, захолустнее которой, наверное, не сыскать во всей Англии. Мы направились на телеграф, но там было уже закрыто. К счастью, в маленькой привокзальной гостинице оказался телефон, и я связался с Холмсом, который был удивлен не меньше нас, узнав об исходе нашей поездки.

— Поразительно! — сказал далекий голос в трубке. — В высшей степени странно! Я очень боюсь, милый Уотсон, что сегодня обратного поезда уже нет. Сам того не желая, я обрек вас на муки захолустной гостиницы. Но ничего, Уотсон, зато вы побудете на лоне природы. Природа и Джозия Эмберли — вы сможете вполне насладиться общением с ними. — Я услышал его суховатый смешок, прежде чем нас разъединили.

Я очень быстро убедился, что мой попутчик недаром слышит скрягой. Сначала он сетовал на дорожные расходы, настоял, чтобы мы ехали третьим классом, а теперь шумно возмущался тем, что придется платить еще и за гостиницу. Когда на другое утро мы наконец прибыли в Лондон, трудно сказать, кто из нас был в худшем расположении духа.

— Советую вам зайти по дороге на Бейкер-стрит, — сказал я. — Мистер Холмс, возможно, захочет дать какие-то новые указания.

— Если в них столько же проку, сколько в старых, они не много стоят, — злобно огрызнулся Эмберли. Тем не менее он последовал за мной. Я заблаговременно уведомил Холмса телеграммой о времени нашего приезда, но он оставил нам записку, что уехал в Лондон и будет дожидаться нас там. Это была неожиданность, а еще большая ждала нас в гостиной нашего клиента: Холмс оказался не один. Рядом с ним сидел строгий мужчина с иепроинциаемым лицом — брюнет в дымчатых очках и с большой масонской булавкой в галстуке.

— Это мой друг мистер Баркер, — представил его Холмс. — Он тоже занимался вашим делом, мистер Джозия Эмберли, хотя и независимо от меня. Но оба мы хотим задать вам один и тот же вопрос.

Мистер Эмберли тяжело опустился на стул. Он почуял недобroе. Я понял это по тому, как у него забегали глаза и судорожно задергалось лицо.

— Какой вопрос, мистер Холмс?

— Только один: куда вы дели трупы?

Эмберли с хриплым воплем вскочил на ноги, судорожно хватая воздух костлявыми руками. Рот у него открылся; он был похож сейчас на какую-то жуткую хищную птицу. В мгновение ока Джозия Эмберли предстал перед нами в своем истинном обличье: злобным чудовищем с душой, такой же уродливой, как тело. Он рухнул обратно на стул и прикрыл рот ладонью, как бы подавляя кашель. Холмс, словно тигр, прыгнул на него и вцепился ему в глотку, силой пригнув его голову вниз. Из разомкнувшихся в удушье губ выпала белая таблетка.

— Не пытайтесь сократить себе путь, Джозия Эмберли. Дела надо делать пристойно и в установленном порядке. Что скажете, Баркер?

— Я оставил кэб у ворот,— отозвался наш немногословный знакомец.

— До участка всего несколько сот ярдов. Отправимся вдвоем. Вы можете остаться здесь, Уотсон. Я вернусь через полчаса.

В мощном теле старого москательщика таилась львиная сила, но в руках таких опытных конвоиров он был беспомощен. Как он ни извивался, стараясь вырваться, его втащили в кэб, и я остался нести одинокую вахту в этом зловещем доме. Но и получаса не прошло, как вернулся Холмс в сопровождении молодого, щеголеватого инспектора полиции.

— Я оставил Баркера завершить все формальности,— сказал Холмс.— Вы ведь в первый раз видите Баркера, Уотсон. Это мой ненавистный соперник и конкурент с того берега Темзы. Когда вы упомянули про высокого брюнета, мне уже нетрудно было довершить картину. У него на счету не одно удачное дело, верно, инспектор?

— Да, он не раз встречался на нашем пути,— сдержанно отозвался инспектор.

— Не отрицаю, он использует недозволенные методы, как и я сам. Недозволенное, знаете, порой очень выручает. Вам, например, с вашим непременным предупреждением: «Все, что бы вы ни сказали, может быть использовано против вас», — ни за что не удалось бы фактически вырвать у этого прохвоста признание.

— Быть может, и так, мистер Холмс. Но мы все равно добиваемся своего. Неужели вы думаете, что мы не составили собственного мнения об этом деле и не настигли бы преступника? Вы уж извините, но как нам не чувствовать себя задетыми, когда вы с вашими запретными для нас методами вырываетесь вперед и пожинаете все лавры!

— Ничего подобного не произойдет, Маккинион. Обещаю вам, что с этой минуты я буду держаться в тени, а что касается Баркера, он делал лишь то, что я ему указывал.

Испектор заметно повеселел.

— Это очень благородно с вашей стороны, мистер Холмс. Для вас осуждение и похвала значат очень мало, а ведь мы совсем в другом положении, особенно когда нам начинают задавать вопросы газетчики.

— Совершенно справедливо. Но так как задавать вам вопросы они наверняка будут в любом случае, то не мешает иметь наготове ответы. Что вы скажете, например, если какой-нибудь смешленый и расторопный репортер спросит, какие именно улики пробудили в вас подозрение и в конце концов дали возможность установить подлинные факты?

Испектор замялся.

— Подлинными фактами мы пока что не располагаем, мистер Холмс. Вы говорите, что арестованный в присутствии трех свидетелей покушался на самоубийство и тем самым фактически признал себя виновным в убийстве своей жены и ее возлюбленного. Вам известны еще какие-нибудь факты?

— Вы отдали приказ произвести обыск?

— Сейчас прибудут три полисмена.

— Тогда скоро в вашем распоряжении будет самый бесспорный из всех фактов. Трупы, несомненно, где-то поблизости. Осмотрите погреба и сад. На то, чтобы проверить наиболее подозрительные места, вам потребуется

не так уж много времени. Дом старый, водопроводные трубы новые. Где-то должен быть заброшенный колодец. Попытайтесь счастья там.

— Но как вы обо всем узнали? И как он это сделал?

— Сначала я расскажу, как он это сделал, а уж потом дам объяснение, на которое вправе рассчитывать и вы и в еще большей степени мой долготерпеливый друг, оказавший мне неоценимую помощь. Но прежде всего мне хотелось бы дать вам представление о том, каков склад ума этого человека. Он очень необычен — настолько, что преступника, по всей вероятности, ждет не виселица, а Бродмур¹. Эмберли в избытке наделен такими чертами натуры, которые в нашем представлении гораздо более свойственны средневековому итальянцу, нежели англичанину наших дней. Это был жалкий скучепец, он так замучил жену своим крохоборством, что она стала легкой добычей для любого искателя приключений, каковой и не замедлила явиться в образе этого меднокуса-шахматиста Эрнеста. Эмберли играл в шахматы превосходно — характерная примета человека, способного замышлять хитроумные планы, Уотсон. Как все скучпы, он был ревнив, и ревность переросла у него в манию. Были на то основания, нет ли, но он заподозрил измену. Он задался целью отомстить и принял с дьявольской изобретательностью строить план местьи. Подойдите-ка сюда!

Уверенно, словно это был его собственный дом, Холмс повел нас по коридору и остановился у открытой двери кладовой.

— Фу! Как ужасно пахнет краской! — воскликнула инспектор.

— Это обстоятельство и послужило нам первой улиной, — сказал Холмс. — Можете поблагодарить доктора Уотсона, который его заметил, не сумев, правда, сделать должные выводы. Оно-то и навело меня на верный след. Зачем было этому человеку в такое неподходящее время разводить в доме вонь? Очевидно, для того, чтобы заглушить какой-то другой запах, который мог выдать вину, возбудить подозрение. Затем явилась мысль о комнате, вот этой самой, с железной дверью и желез-

¹ Психиатрическая больница для преступников (в графстве Беркшир).

ной шторой — комнате, которую можно закрыть герметически. Сопоставьте эти два факта — куда они ведут? Это я мог установить, только осмотрев дом самолично. В том, что здесь кроется что-то серьезное, я уже не сомневался, потому что успел навести справки в театре Хеймаркет и — опять-таки благодаря наблюдательности доктора Уотсона — выяснить, что в тот вечер ни тридцатое, ни тридцать второе кресло в ряду «Б» на балконе не было занято. Следовательно, Эмберли в театре не был и его алиби рухнуло. Он допустил грубый промах, позволив моему дальновидному другу заметить номер места, на котором должна была сидеть его жена. Теперь возник вопрос, как осмотреть дом. Я послал своего агента в самую глухую деревушку, какая была мне известна, и вызвал туда Эмберли в такой час, чтобы он заведомо не успел вернуться. На случай, если что-то пойдет не так, я дал ему в попутчики доктора Уотсона. Имя достойного пастора было, разумеется, взято из моего Крокфорда. Я говорю достаточно ясно?

— Это неподражаемо, — благоговейным голосом произнес инспектор.

— Теперь можно было не бояться, что мне помешают, и спокойно лезть в чужой дом. Профессия взломщика всегда меня соблазняла, и, вздумай я ее избрать, не сомневаюсь, что мне удалось бы выдвинуться на этом по-прище. Что же я обнаружил? Видите — вдоль плинтуса тянется газовая труба. Прекрасно. Она поднимается вдоль стены, а воин там, в углу, имеется кран. Труба, как вы видите, проведена в кладовую и доходит до воин той лепной розы в центре потолка, где ее не видно под лепниной. Конец ее оставлен открытый. В любой момент, открыв наружный кран, комнату можно наполнить газом. Стоит повернуть рычаг до предела, и любой, кто окажется в этой тесной комнатке при закрытой двери и спущенной шторе, не продержится в сознании даже двух минут. Какой дьявольской хитростью он заманил их сюда, я не знаю, но, едва переступив порог, они оказались в его власти.

Инспектор с интересом рассматривал газовую трубу.

— Кто-то из наших людей говорил, что в доме пахнет газом, — сказал он. — Но окно и дверь были, конечно, открыты, да и краской уже попахивало. Он-то утвер-

ждал, будто начал красить накануне происшествия. Но что же дальше, мистер Холмс?

— Дальше произошел инцидент, несколько неожиданный для меня самого. Раю на рассвете я уже спускался в сад из окна буфетной, как вдруг чья-то рука схватила меня за шиворот и чей-то голос пронзнес: «А иу, мошенник, чем ты здесь занимаешься?» Когда мне удалось повернуть голову, передо мною блеснули дымчатые очки моего друга и соперника мистера Баркера. Это была забавная встреча, и мы оба не могли сдержать улыбки. Выяснилось, что по просьбе родственников доктора Эрнеста он тоже предпринял расследование и тоже пришел к выводу, что дело нечисто. Он уже несколько дней наблюдал за домом и взял на заметку доктора Уотсона как явно подозрительное лицо, посетившее усадьбу. Арестовать Уотсона он не мог, но когда у него на глазах какой-то субъект вылез в сад из окна буфетной, он не выдержал. Я, разумеется, рассказал ему, как обстоят дела, и мы продолжали вести дело сообща.

— Почему с ним? Почему не с нами?

— Потому что я предполагал подвергнуть Эмберли небольшому испытанию, которое и удалось так блестяще. Боюсь, что вы не согласились бы зайдти так далеко.

Испектор улыбнулся.

— Что ж, быть может, и нет. Итак, мистер Холмс, если я верно вас понял, вы совершенно устраиваетесь от участия в этом деле и передаете нам весь ваш материал.

— Разумеется. Это — мое обычное правило.

— Тогда я пришу вам благодарность от имени полиции. Случай, как вы его толкуете, ясный. Группы мы, вероятно, обнаружим без труда.

— Я покажу вам небольшое, но страшное вещественное доказательство, — продолжал Холмс. — Я уверен, что Эмберли его не заметил. Чтобы добиться успеха, инспектор, надо всегда стараться поставить себя на место другого и вообразить, как поступили бы вы сами. Тут требуется известная доля фантазии, но это окупается. Допустим, например, что вы заперты в этой комнатке, что жить вам осталось не более двух минут, но вы хотите расквитаться с извергом, который, возможно, еще

издевается над вами там, за дверью. Что бы вы в этом случае сделали?

— Оставил бы письмо.

— Правильно. Вы захотели бы рассказать людям о том, как вы погибли. Писать на бумаге бессмысленно. Убийца найдет записку. Но если написать на стене, это может прочесть кто-то другой. Так глядите же! Над самым плинтусом красным химическим карандашом выведено: «Нас у...» — и все.

— О чём же это говорят?

— Видите — от пола до надписи не более фута. Бедняга писал это, лежа на полу, умирая. И, не успев дописать, лишился сознания.

— Он хотел написать: «Нас убили».

— Именно так я и истолковал эту надпись. Так что если вы найдете у убитого химический карандаш...

— Понимаю, можете не сомневаться. Ну, а как насчет ценных бумаг? Ведь ясно, что никакой кражи не было. А между тем эти акции у него действительно имелись. Мы проверили.

— Он их надежно прятал, будьте покойны. Когда вся история с бегством стала бы забываться, он бы внезапно обнаружил их и объявил, что виновники раскалились и прислали украденное обратно, а не то так обронили где-то по дороге.

— Да, у вас на любой трудный вопрос готов ответ, — сказал инспектор. — Одного я не могу понять: ну, к нам он так или иначе вынужден был обратиться, но зачем ему было идти к вам?

— Из чистого бахвальства! — ответил Холмс. — Он мнил себя таким умником, был так уверен в себе, что вообразил, будто его никому не побить. А потом он смог бы сказать недоверчивому соседу: «Посмотрите — чего я только не предпринимал! Я обратился не только в полицию, но даже к Шерлоку Холмсу».

Инспектор рассмеялся.

— Придется простить вам это «даже», мистер Холмс, — сказал он. — Такой искусной работы я не припомню.

Несколько дней спустя мой друг бросил мне на колени номер выходящей два раза в месяц «Норс Суррей

Обсервер». В ней под множеством леденящих кровь заголовков — от «Упырь из «Уютного» до «Блестящий успех полицейского сыска» — шел целый столбец, в котором впервые давалось последовательное изложение этого дела. По заключительному абзацу можно судить о стиле, в котором оно было написано:

«Редкостная проницательность, которую выказал инспектор Маккиннон, заключив, что запах краски, возможно, призван заглушить какой-то иной запах, например, запах газа; дерзкое предположение, что кладовая могла оказаться камерой смерти, а также последующее расследование, увенчавшееся находкой трупов в заброшенном колодце, искусно замаскированным собачьей конурой, будут жить в истории сыска как убедительный пример высокого мастерства нашей полиции».

— Ну, ничего, Маккиннон — славный малый, — со снисходительной усмешкой промолвил Холмс. — Советую присовокупить это к нашим архивам, Уотсон. Когда-нибудь можно будет рассказать правду об этой истории.

СОДЕРЖАНИЕ

СОБАКА БАСКЕРВИЛЕЙ. *Перевод Н. Волжиной* 5

ЕГО ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОКЛОН

В Сиреневой Сторожке. <i>Перевод Н. Вольпин</i>	167
Картонная коробка. <i>Перевод В. Ашкенази</i>	200
Алое кольцо. <i>Перевод Э. Бер</i>	223
Чертежи Брюса-Паркингтона. <i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	243
Шерлок Холмс при смерти. <i>Перевод В. Штенгель</i>	276
Исчезновение леди Фрэнсис Карфакс. <i>Перевод Ю. Жуковой</i>	293
Дьяволова нога. <i>Перевод А. Ильф</i>	315
Его прощальный поклон. <i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	340

АРХИВ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Камень Маварини. <i>Перевод А. Поливановой</i>	361
Вампир в Суссексе. <i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	379
Три Гарридеба. <i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	398
Человек на четвереньках. <i>Перевод М. Кан</i>	417
Львиная грива. <i>Перевод М. Баранович</i>	440
Москательщик на покое. <i>Перевод М. Кан</i>	461

Артур Конан Дойль.
Собрание сочинений в 8 томах.
Том III.

Редактор тома
М. Лорне.

Иллюстрации художника
И. Ушанова.

Оформление художника
С. Пожарского.

Технический редактор
А. Шагарина.

Подп. и печ. 4/X 1966 г. Тираж 626 000 экз.
Изд. № 1780. Зак. 2047. Форм. бум. 84×108^{1/2}.
Физ. печ. л. 15,0 + 4 вкл. иллюстраций.
Условных печ. л 25,62. Уч.-изд. л. 26,15.
Цена 90 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. Москва, А-47, улица
«Правды», 24.

Индекс 70667

५८

